СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ЗАСЕДАНИЙ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА
КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

2010 год

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

Под общей редакцией

А.А. Аслаханова, В.М. Соловьева

СОДЕРЖАНИЕ

Экспертный совет в 2010 году 5

Состав Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 7

Заседания Экспертного совета

1. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА 11

1.1. Роль и значение российской элиты в укреплении страны 11

1.2. О проекте плана работы Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 37

2. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 МАРТА 2010 ГОДА 42

2.1. Наукограды России как стратегический ресурс развития страны, повышения ее авторитета и роли на международной арене 42

2.2. Актуальные вопросы внешней политики. Акцент на послевыборные отношения России и Украины 65

3. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 2010 ГОДА 88

3.1. Исламский мир — структура внутренних взаимоотношений, особенности противоречий. Его роль как игрока на международной арене . . . 88

4. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 21 МАЯ 2010 ГОДА 136

4.1. Проблемы европейской безопасности. Политика России 136

4.2. Развитие отношений по линии Россия — НАТО. Перспективы построения новой системы евробезопасности 150
4.3. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество России и НАТО 163

5. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 28 МАЯ 2010 ГОДА 193
5.1. Настоящее и перспективы СНВ 193
5.2. Российско-американские отношения: состояние и перспективы развития 211
5.3. Международное влияние: новые центры силы . . 225

6. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 25 ИЮНЯ 2010 ГОДА 235
6.1. Российско-израильские отношения, их влияние на ход событий на Ближнем Востоке 235
6.2. Загадки Африканского Рога, или Пираты XXI века 253

7. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 29 ОКТЯБРЯ 2010 ГОДА 275
7.1. 65-летие образования ООН: региональный и универсальный подходы к обеспечению безопасности. Перспективы взаимодействия . . . 275

8. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 НОЯБРЯ 2010 ГОДА 301
8.1. Приоритеты внешней политики Швейцарии . . . 301
8.2. Альтернативная глобализация — потенциальный локомотив российского развития 311

9. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА 333
9.1. Становление национальной идентичности: какая Россия нужна миру? 333
9.2. Внешнеполитические итоги 2010 года 350

Список участников заседаний Экспертного совета 356

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ В 2010 ГОДУ

Тематическая насыщенность дискуссий, прошедших в рамках Экспертного совета в 2010 году, была традиционно высокой.

Непрекращающийся поиск того единственно возможного в условиях современной России "приводного механизма", который не только не нарушил бы нынешнее хрупкое состояние национального единства, а стал бы мобилизующей идеей для общества, подтолкнул руководителей совета начать год с обсуждения темы российской элиты.

Подтверждением тезиса о неразрывности внутренней и внешней политики страны стало обсуждение актуального вопроса о наукоградах России как стратегически важном потенциале повышения авторитета и влияния России на международной арене.

Экспертный совет по традиции уделял большое внимание животрепещущим внешнеполитическим проблемам, стоящим перед российской дипломатией: это сложная ситуация внутри исламского мира, его растущая роль в международных делах, политика России в отношении НАТО в военно-политической и военно-технической областях по вопросам европейской безопасности.

От внимания экспертов не ушли вопросы российско-американских отношений, влияние переговоров по СНВ на состояние национальной безопасности страны, перспективы ратификации новых российско-американских договоренностей парламентами и т.п.

Российско-израильские отношения, такие вопросы, как формирование субъектов, влияющих на ход дел в мире, набеги на морские суда пиратов XXI века в районе Африканского Рога, обсуждались на специальных заседаниях совета.

Экспертный совет не оставил без внимания такую страну, как Швейцария, которая своей политикой нейтралитета в значительной степени облегчила диалог между длительное время противостоявшими лагерями по обе стороны Берлинской стены, бывшей некогда символом раздела Европы. Посол Швейцарской Конфе-

дерации в России Вальтер Гигер представил экспертам доклад о принципах формирования внешней политики страны.

В 2010 году ушел из жизни Сергей Вадимович Кортунов, один из бессменных заместителей председателя Экспертного совета со дня его основания. Заключительное, декабрьское, заседание Экспертного совета было посвящено его памяти, обсуждению неоднократно поднимавшейся им темы о становлении национальной идентичности России. Выступавшие на заседании эксперты единодушно говорили о патриотически ориентированной деятельности С.В. Кортунова на всех постах, которые он занимал за многие годы государственной службы — в МИД СССР и МИД России, в Администрации Президента Российской Федерации, а также на посту руководителя кафедры мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики.

По традиции в 2010 году был выпущен сборник материалов заседаний Экспертного совета за предыдущий год.

Издание было направлено в ведущие российские государственные структуры, крупнейшие библиотеки страны.

Публикуемые материалы представляют интерес как для специалистов в сфере международных отношений, так и для широкого круга людей, интересующихся развитием российских подходов к наиболее острым сюжетам современности.

СОСТАВ
Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам

Аслаханов А.А.	—	председатель Экспертного совета, член Комитета Совета Федерации по международным делам, доктор юридических наук, профессор
Кортунов С.В.	—	заместитель председателя Экспертного совета, доктор политологических наук
Соловьев В.М.	—	первый заместитель председателя Экспертного совета, советник президента Всероссийского банка развития регионов по международным проектам, кандидат исторических наук
Еланцева С.Ю.	—	ответственный секретарь Экспертного совета, консультант аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам

* * *

Аверчев В.П.	—	директор по исследованиям представительства компании "BP" в Москве
Акопов П.С.	—	председатель Совета Ассоциации российских дипломатов, вице-президент Внешнеполитической ассоциации Российской Федерации
Алдонясов В.И.	—	академик РАЕН и Академии по изучению проблем национальной безопасности
Ашин Г.К.	—	профессор кафедры философии МГИМО МИД России, доктор исторических наук
Багдасарьян Н.Г.	—	профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук
Барабанов О.Н.	—	заведующий кафедрой политики ЕС МГИМО МИД России, доктор исторических наук
Безбах В.В.	—	заведующий кафедрой гражданского права Российского университета дружбы народов, профессор
Белов П.Г.	—	профессор Академии геополитических проблем, доктор технических наук

Братерский М.В.	—	профессор кафедры мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики
Булаков О.Н.	—	заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор
Воробьев С.А.	—	директор Российско-Арабского университета, профессор
Гусев Ю.А.	—	профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Дворкин В.З.	—	профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, генерал-майор в отставке, доктор технических наук
Демурин М.В.	—	чрезвычайный и полномочный посланник 2 класса, советник Фонда содействия актуальным историческим исследованиям "Историческая память"
Денисов М.Г.	—	главный специалист Росзарубежцентра при МИД России
Закаурцева Т.А.	—	профессор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук
Золотарев П.С.	—	заместитель директора Института США и Канады РАН, генерал-майор в отставке, кандидат исторических наук
Калашник А.В.	—	заместитель председателя Российской части Российско-Китайского делового совета, доктор технических наук
Калинина Н.И.	—	главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
Коваленко А.Г.	—	руководитель Рабочей группы по альтернативным (исламским) финансовым институтам и продуктам Ассоциации региональных банков России (Ассоциация "Россия"), кандидат исторических наук
Комаров К.А.	—	президент Международной академии экономики, финансов и права
Кондрашев В.П.	—	академик Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского
Круговых И.Э.	—	профессор факультета политологии МГИМО МИД России, кандидат исторических наук

Кузнецов М.Н.	—	заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук
Ладыгин Ф.И.	—	Внешнеполитическая ассоциация, Лига военных дипломатов, генерал-полковник в отставке
Лебедева М.М.	—	заведующая кафедрой мировых политических процессов, профессор МГИМО МИД России
Лепский В.Е.	—	главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор, доктор философских наук
Лисовой М.И.	—	советник 1 класса в отставке, кандидат юридических наук
Максимычев И.Ф.	—	главный научный сотрудник Института Европы РАН, посланник в отставке, доктор политических наук
Маркедонов С.М.	—	доцент кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук
Никифоров К.В.	—	директор Института славяноведения РАН, доктор исторических наук
Ознобишев С.К.	—	директор Института стратегических оценок, профессор, кандидат исторических наук
Пархалина Т.Г.	—	заместитель директора ИНИОН РАН, руководитель Центра по изучению проблем европейской безопасности, доктор исторических наук
Подцероб А.Б.	—	ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, посол в отставке
Покровский Д.С.	—	исполнительный директор OPW
Рогинко С.А.	—	Институт Европы РАН, кандидат экономических наук
Рубанов В.А.	—	вице-президент Лиги содействия оборонным предприятиям
Савранский В.А.	—	академик РАЕН, Международная академия экономической безопасности, доктор экономических наук

Сильвестров С.Н.	—	заместитель директора Института экономики РАН, доктор экономических наук
Суздальцев А.И.	—	заместитель декана факультета мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики, кандидат исторических наук
Сычев В.Ф.	—	советник по международным вопросам ректора Российского государственного социального университета, кандидат исторических наук
Фетищев Д.В.	—	заместитель проректора Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор
Фомин М.В.	—	сотрудник ИМЭМО РАН
Ходов Л.Г.	—	профессор Российско-германской высшей школы управления Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, действительный член Академии экономических наук и предпринимательской деятельности Российской Федерации, доктор экономических наук
Чкуасели В.О.	—	директор Института прокризисных исследований, академик РАЕН
Шаумян Т.Л.	—	руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук
Шубин В.Г.	—	заместитель директора Института Африки РАН, профессор, доктор исторических наук
Шуленин В.В.	—	советник председателя Московской городской избирательной комиссии
Яценко И.С.	—	президент-координатор Международного общественного трибунала народов Европы по обсуждению преступлений против мира и человечества (человечности), профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ЗАСЕДАНИЯ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

1. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА

1.1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В УКРЕПЛЕНИИ СТРАНЫ

(Из стенограммы заседания от 26 февраля 2010 года)

В.М. Соловьев. Доброе утро, коллеги! Разрешите открыть наше заседание.

Хотел бы сообщить вам, что у нас произошли некоторые организационные изменения. По решению Комитета Совета Федерации по международным делам от 25 января 2010 года председателем нашего Экспертного совета утвержден Асламбек Ахмедович Аслаханов. Его первым заместителем назначен ваш покорный слуга, заместителем — Сергей Вадимович Кортунов.

Наши дискуссии могли бы быть эффективнее, если бы мы по их итогам вырабатывали краткие рекомендации. Это, конечно, будет зафиксировано в нашем ежегодном издании. Тем самым наши обсуждения получили бы логическое завершение, были бы более полезны для тех, кто знакомится с нашими публикациями.

Юрий Анатольевич Гусев подготовил основательное выступление на тему "Роль и значение российской элиты", оно было распространено предварительно в письменном виде, так как он заболел.

Выступает другой докладчик по этой теме — Геннадий Константинович Ашин.

Г.К. Ашин. Думается, Экспертный совет правильно поступил, включив эту тему в план нашей работы, тем более что частью ее является вопрос о формировании внешнеполитической элиты России.

Большинство современных социологов и политологов отмечает возрастание роли элит в жизненно важных сферах социальной жизни — политике, экономике, культуре. Собственно, это вряд ли является ново-

стью для нас. Та харизма, которая обычно сопровождала элиту (во всяком случае, в моменты ее возникновения и подъема), ныне многократно усилилась за счет современных массмедиа как средства манипулирования сознанием масс.

Поставим вопрос: очевидное возрастание роли элит — это благо для общества или, напротив, фактор роста социальной несправедливости? Возрастание роли элит в социальном и политическом процессе чаще всего происходит за счет уменьшения роли народных масс в современном обществе. Ведь именно политические элиты принимают решения, которые порой коренным образом влияют на жизнь и судьбы широких народных масс, на население целых стран, регионов мира, порой на сотни миллионов людей.

А как добиться того, чтобы элиты выражали интересы народных масс, а не привилегированных меньшинств? Или поставим вопрос еще острее: как миллионам людей обезопасить себя от эгоистических действий правящих групп? С одной стороны, стратификация общества, в том числе выделение лидеров, элиты, необходима для упорядочения общественной жизни, ее регулирования, для уменьшения энтропии в социуме. Однако общество (точнее, его большую часть) подстерегает опасность превратиться в объект манипулирования для элит, утратить свою субъектность. Для решения этой проблемы требуется создание гражданского общества, которое постоянно контролировало бы деятельность элит, чтобы в соответствии с конституционными нормами демократических государств народ стал подлинным субъектом социально-политического процесса.

Слишком часто элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающие этого названия. Подлинная элита — это люди чести и совести, приоритет деятельности которых — служение народу. Это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию. К сожалению, такой элиты Россия не имела ни до революции (были лишь отдельные периоды, когда в правящих кругах находились люди талантливые и бескорыстные, причем это было скорее исключением, чем правилом), ни после нее. Правление Путина — Медведева не смогло пресечь разгул коррумпированной "элиты" и должным образом стимулировать развитие гражданского общества. Для решения вопроса о радикальном улучшении качества элиты обратимся к научной дисциплине, которую по праву можно назвать наукой XX и XXI веков — элитологии.

Элитология — сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. *Это наука об элитах и*

элитном, о высшем слое в системе социально-политической стратификации. Особая роль элиты обусловливается важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает это правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты и если да, то какими путями и методами — вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Предметом *политической элитологии* является исследование процесса социально-политического управления, и прежде всего высшей страты политических факторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержания этой власти, легитимизации ее как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

Термин "элитология" — российская новация. Он введен в научный оборот в 1980-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках начиная со второй половины 1990-х годов. Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин "elitology" режет слух людям, для которых английский язык является родным. Неслучайно они предпочитают термин "political science" термину "политология" и "cultural studies" — термину "культурология". Впрочем, мы отнюдь не цепляемся за термины. Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

За последние годы автор этой работы посетил более 20 университетов США, Великобритании, ФРГ, во многих их них выступал с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и

конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: "Социология элиты" — на социологических факультетах и "Политические элиты" — на политологических. Приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит — лишь часть элитологии, пусть весьма важная. В самом деле, разве курсы "Политические элиты", "Социология элиты", "Теории элиты", читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно, скорее, рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования — элиту — как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного настаивает элитология, в частности российская школа элитологии. Что касается самого термина "элитология", его значение не следует преувеличивать, он, как и всякое научное понятие, всего лишь момент, пусть даже узловой момент, определенной концепции. Элитология — наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо от того, является ли он апологетом, певцом элиты или же критиком общества, нуждающегося в элите для управления этим обществом и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине. Характерны и небезынтересны возражения западных коллег против самого термина "элитология" и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: "Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней — латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности". Я отвечал, что с этим аргументом можно согласиться, что я с большим удовольствием ввел бы термин "аристология", где оба корня греческие, что "аристос" (греч.) представляется мне предпочтительнее, чем "элита" (лат.). Но все дело в том, что термин "элита", введенный в научный оборот В. Парето, является устоявшимся, прочно утвердив-

шимся в науке, а термин "аристология" внес бы еще большую путаницу в эту и без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал, что плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин, и призвал опереться на тезис знаменитого средневекового схоласта У. Оккама: "не следует умножать сущности". Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью, поскольку философ говорил: "Не следует умножать сущности без особой на то надобности". А тут именно тот случай, когда существует особая надобность. Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от неквалифицированных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющим своим предметом элиту, тот или иной аспект элитологии. Курс "Теории элит" обычно носит лишь историко-политологический характер. Учебный курс "элитизм", читаемый известными политологами Л. Филдом и Дж. Хигли[1], анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может претендовать на целостный анализ элитологии). Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс "Политическая элита". Подавляющее большинство современных исследователей признает плюрализм элит (политическая, экономическая, религиозная, культурная и другие элиты). Но если в каком-либо контексте понятие "элита" используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите. Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты, по умолчанию предполагая примат политической элиты. Нам же представляется, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Платону, Христу, Канту, Ганди, Толстому, Достоевскому, Эйнштейну.

---

[1] Во всяком случае, хотелось бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж. Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. он использовал термин "elitology".

Российская школа элитологии сложилась в последние два десятилетия XX века. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной идеологией элита — атрибут антагонистического общества и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты — привилегированного слоя в виде прежде всего верхушки партийно-советской бюрократии — было секретом Полишинеля). Исторически элитологическая проблематика вошла в советскую науку с черного хода — через разрешенный жанр "критики буржуазной социологии" (разумеется, сам этот термин — такая же бессмыслица, как "буржуазная физика" или "буржуазная биология").

И не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия "выстрадала" элитологию. Уж слишком натерпелась она от правления неквалифицированной, авторитарной (тем более тоталитарной), часто коррумпированной политической элиты. А это вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая сформулировала бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленные такими выдающими деятелями науки и культуры, как Н.А. Бердяев, М.Я. Острогорский, П.А. Сорокин, И.А. Ильин, которые внесли неоценимый вклад в развитие элитологии.

Российская школа элитологии бурно развивается в последние два десятилетия, ее представители опубликовали более ста монографий, тысячи статей по важнейшим аспектам элитологии[1]. Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании

[1] Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, О.В. Гаман, О.В. Крыштановская, Е.В. Охотский А.Е. Чирикова, Н.В. Лапина и др., ростовские элитологи А.В. Понеделков, А.М. Старостин, петербуржцы А.В. Дука, В.Я. Гельман, астраханец П.Л. Карабущенко, пермяк В.П. Мохов, а также М.Х. Фарукшин (Казань), А.К. Магомедов (Ульяновск), элитологи Екатеринбурга, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России впервые в мире стали выходить элитологические журналы — "Элитологические исследования" (теоретический журнал, ныне выходяший в электронном виде), "Российская элита" (иллюстрированное популярное издание), "Элитное образование".

российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и в исследованиях по истории элитологии, элитологической регионалистике (где мы вышли на одно из первых мест в мире, если не на первое), по ряду общетеоретических проблем элитологии.

Определение элиты — предмет острых дискуссий как в мировой, так и в российской элитологии. Приведем одно из последних обобщенных определений элиты, которое дает группа английских социологов: "Элиты по определению — люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита — люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж"[1]. Эти авторы считают, что обычно их число составляет около одного процента от численности населения (другие элитологи дают и иные цифры — от 2 до 5%).

Теперь обратимся к проблеме российской элиты, к взглядам наших элитологов. Некоторые из них решительно возражают против того, чтобы нынешних правителей России называли элитой. И в аргументах, подкрепляющих эту позицию, нет недостатка. Как можно называть элитой в ее истинном значении людей, чье правление привело к драматическому ухудшению жизни населения (прежде всего в 1990-х годах), к сокращению его численности? Тогда, может быть, это образцы морали? Увы, это одна из наиболее коррумпированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа. В этом — главная причина отчуждения, существующего между народом и элитой. Свое "вхождение во власть" эти люди достаточно трезво рассматривают как временное и, соответственно, действуют как временщики, озабоченные удовлетворением своего честолюбия и быстрым личным обогащением. Побыв во власти и "вылетев" из нее, они оказываются обычно весьма богатыми людьми, крупными акционерами банков и корпораций, владельцами солидной недвижимости, в том числе зарубежной. Значительная часть их — бывшие партийные и комсомольские номенклатурщики, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать конъюнктуру, с легкостью поменявшие свои убеждения, часто это бывшие "теневики", затем легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым. Причем этим

[1] Current Sociology. L., 2009. P. 46.

людям очень нравится, когда их называют элитой. Это щекочет их самолюбие. Так правомерен ли по отношению к ним термин "элита"? Может быть, правильнее называть их правящей группой или кланом? Впрочем, тот же подход следует применить и к политической элите других стран, также не отличающейся высокой нравственностью. Не будет ли тогда этот спор спором о словах, спором терминологическим? Если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, высокоморальных представителей общества, то в ее состав вряд ли вообще попадут политические лидеры, во всяком случае подавляющее большинство их. Попадут сюда А. Эйнштейн, А.Д. Сахаров, А. Швейцер, мать Тереза, А.И. Солженицын.

Подлинная элита — та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации. Компетентность, профессионализм — непременное, но недостаточное и даже не главное качество подлинной элиты, главное же — ее моральные качества, готовность ставить интересы общества выше своих личных и групповых интересов, руководствоваться ими, жить ими. Это люди, глубоко уважаемые народом, патриоты своей страны, готовые к самопожертвованию во имя ее интересов, они обладают стратегическим мышлением, могут предвидеть ход событий, сформулировать программу действий и обеспечить ее реализацию. Призвание элиты — служение народу в самом высоком смысле этого слова. Поэтому часть общества, профессионально выполняющая функции управления обществом, не всегда подлинная элита, это может быть и квазиэлита[1]. Значительная часть высшего чиновничества превратилась в клептократию.

Мы можем с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнять роль интегратора его интересов. Они не являются образцом высокой морали; эту "элиту" правильнее назвать и.о. элиты, то есть она выполняет функции элиты, не будучи действительно элитой. Не случайно многие российские социологи и политологи считают, что подлинные элиты у нас не сложились, их заменяют кланы, клики.

---

[1] Хотелось бы сказать об оценке нашей элиты не элитологом, а журналистом, замечательной, героической женщиной, которая постоянно боролась с квазиэлитой, — Анной Политковской, убитой в 2006 г. киллером в подъезде собственного дома. Знакомясь с российской литературой по элитологии, она сделала вывод: "У нас нет элиты. Есть начальники..."

Реальность не совпадает с нормативом. Порой именно для этой страты общества характерны коррупция, злоупотребление властью, использование своего высокого социально-политического статуса для собственной выгоды, вопреки интересам народа. Вспомним известные слова лорда Актона: "Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно". Увы, это полностью относится и к российской "элите", для которой характерно своекорыстие, коррумпированность, барский образ жизни при нищенском существовании большой части населения.

Вопиющее неравенство между социальными верхами и малообеспеченным большинством особенно опасно для России, пережившей столько социальных взрывов. В странах Скандинавии коэффициент дифференциации доходов (отношение 10% самых богатых и 10% самых бедных) не превышает 4—4,5. У нас этот разрыв в 2009 году зашкаливал за 16—17. Законодательные и исполнительные органы не нашли или не захотели найти устойчивых каналов защиты интересов трудящихся. Среди "высшей" страты мы видим бизнес-элиту и высокопоставленное чиновничество — тех самых людей, которые и обязаны заботиться о благосостоянии народа. Но именно эти социальные группы демонстрируют свой эгоизм, заботясь прежде всего о своем благосостоянии. Эта так называемая элита — одна из самых коррумпированных страт общества. Она не стесняется демонстрировать свое высокомерное отношение к простому народу, она ухитряется быть "более равной", чем другие, даже там, где по определению должно быть равенство — например, в соблюдении правил дорожного движения: "простые" автомашины должны уступать дорогу машинам с "мигалками". В час пик по Можайскому шоссе, Кутузовскому проспекту, Новому Арбату, пока обычные граждане стоят в многочасовых пробках, крупные чиновники, многие депутаты Государственной Думы Федерального Собрания пролетают по разделительной полосе. Когда эта "элита" возвращается с работы домой по Рублевскому шоссе, надолго перекрывается движение по этой магистрали, ущемляя интересы тысяч простых людей, унижая их достоинство. А народ пока терпит эту "элиту". Этот, в сущности, частный вопрос обнажает подлинное отношение элиты к народу. Люди, избранные народом для того, чтобы принимать законы, должны быть примером для других граждан. Но они не считают нужным жить согласно нормам нашего законодательства. Право обгона "простых" машин элитными создает опасность для жизни людей. Собственно, подобное было и при советской власти, когда "слуги народа" в своих "членовозах" проезжали мимо автобусных остановок, на которых толпились "хозяева страны" в

ожидании переполненных автобусов и троллейбусов[1]. Но нынешняя элита говорит о создании гражданского общества, выставляет себя его горячим поборником. Однако трудно отделаться от подозрения, что этой элите не нужно гражданское общество, которое отменит привилегии этой самой элиты, будет ее жестко контролировать, ей нужно "карманное" гражданское общество, квазигражданское, как и его квазиэлита.

В условиях современного мирового кризиса, больно ударившего по населению нашей страны, ее политико-административная элита должна была бы чувствовать особую ответственность перед народом, разделять с ним тяготы, причиненные этим кризисом. Увы, в России этого не случилось. Вот несколько примеров, показывающих, как далека эта "элита" от народа, каков ее моральный уровень. 9 января 2009 года вместо того, чтобы упорно работать по преодолению последствий кризиса, группа высокопоставленных чиновников, в числе которых был представитель Президента в Государственной Думе, устроила себе "интенсивный" отдых: взяв вертолет, они полетели на Алтай охотиться на животных, занесенных в Красную книгу. Известно, что охота на таких животных — преступление. Но, оказывается, она запрещена для обычных людей, а для "элиты" должны быть сделаны исключения. Люди, считающие себе представителями "элиты", надеялись на то, что никто ничего не узнает. Но вертолет потерпел крушение, были жертвы. Скандал стал достоянием широкой публики. Впрочем, правоохранительные органы долго сохраняли молчание, не принимали адекватных мер, стараясь замять "неприятный инцидент". Еще один пример. В самом начале кризисного 2009 года группа депутатов Законодательного Собрания Приморского края решила обсудить пути выхода России из кризиса. А местом заседания был выбран ... дорогостоящий горнолыжный курорт в Японии. Они сочли это лучшим способом экономии валюты в кризис. Что ж, с такой "элитой" Приморский край, несомненно, быстро преодолеет кризис...

Еще более характерна история, происшедшая с майором милиции А. Дымовским и возмутившая сотни тысяч россиян. Этот майор, работавший в Новороссийске, разместил в Интернете обращение к В.В. Путину, в котором содержится материал о коррупции в милиции на Кубани. Собственно, высокий уровень коррупции в милиции — секрет По-

[1] Наша пресса неоднократно обращалась к этой проблеме. Высшее начальство России не раз выносило решения о сокращении числа привилегированных машин с "мигалками". По этому вопросу был издан и специальный указ Президента, но каждый раз эффект был весьма куцым, число машин с "мигалками" временно уменьшалось, но затем все возвращалось на круги своя (см. статью в газете "Аргументы и факты" с характерным заголовком: "Мигать они на нас хотели!" (АиФ, № 50, 2008).

лишинеля. Но какова была реакция руководства МВД? Через несколько дней майор был уволен из органов МВД — "за клевету". Причем в лучших традициях 1937—1949 годов ему намекали на то, что его действия инспирированы силами извне. Так ведется "борьба с коррупцией" в МВД.

Огромную опасность для России, в которой народная ментальность выше всего ставит не богатство, а социальную справедливость, представляет резкое разделение общества на кучку богатых (причем это богатство слишком часто добыто нечестным путем), привилегированных и подавляющее большинство низкооплачиваемого населения. Особенно это обнажилось в условиях мирового кризиса. Народ видит эгоизм элиты, которая смотрит на него сверху вниз, видит демонстративную расточительность "новых русских" и не хочет и не может терпеть это. Социологи не без оснований пишут о феномене элитократии, когда элитные группы не только монополизируют власть в той или иной стране, но все более отдаляются от народа. Их образ жизни разительно отличается от образа жизни народа. Увы, этот феномен можно проиллюстрировать на примере постсоветской России. На фоне обнищания миллионов людей в условиях мирового кризиса элита живет в условиях вызывающей роскоши, причем цинично демонстрирует ее с телеэкранов. Олигархическая и политико-административная элита живет отдельно от "толпы", не смешиваясь с ней, отгороженная от народа высокими заборами вокруг своих загородных коттеджей. Эта элита самовоспроизводится, их дети учатся в элитных частных школах, знакомятся с "равными себе" по статусу, они поступают в элитные вузы, затем с помощью родительских связей получают высокие должности в госслужбе, в политических, законодательных, судебных структурах, они откровенно (или завуалированно) презирают "неудачников", не имеющих таких же привилегий. Они редко общаются с "простым населением", как правило, не пользуются метро, а строящиеся платные автомагистрали еще более ослабят и так тонкую связь элиты и масс. Иначе говоря, элита превращается в закрытую, самовоспроизводящуюся и потому, как показали еще Моска и Парето, в перспективе неизбежно разлагающуюся, деградирующую группу (эта судьба угрожает детям и внукам членов элиты). Отсюда — опасность повторения ими судьбы боярского, дворянского и иных привилегированных сословий. В условиях мирового финансового кризиса эти тенденции лишь усилились. Похоже, "элита" напрочь забыла опыт трех русских революций прошлого века.

Из зала. Что делать с элитой?

Г.К. Ашин. Хороший вопрос. Прежде всего снять с них вот этот флер элиты, это никакая не элита. Это то, что, знаете, плавает сверху.

Из зала. Они знают Ваше отношение к ним?

Г.К. Ашин. Нет, они такого не читают, их помощники дают им информацию, которая сладостно для них звучит. И не надо им знать, пусть это будет для них неприятным сюрпризом, когда народ даст им под зад коленкой.

Из зала. Может быть, тогда логичнее так поставить вопрос: может ли подлинная элита управлять государством? В чем ее роль, как она может это делать, достаточно ли у нее профессиональных управленцев, других сил, чтобы это делать? Те же Ростропович, Сахаров, Собчак — могли ли они это делать?

Г.К. Ашин. Действительно, возьмем нашу экономическую элиту, которая только формально является элитой, потому что это, как правило, люди, которые сделали состояние, подкупая чиновников. И вот эти кланы получают миллиардные состояния. Они только в России могут быть миллиардерами, в другой стране они не выдержат конкуренции с западными бизнесменами. Там не воруют, простите.

Из зала. С Вашей точки зрения, есть хоть два-три человека в управлении..?

Г.К. Ашин. Есть, один из них сидит в тюрьме (я говорю об экономической элите).

В.М. Соловьев. Геннадий Константинович, спасибо большое за Ваш интеллектуальный вклад в обсуждение этого очень сложного вопроса. И здесь есть что сказать. В первую очередь хотелось бы отметить, что сама по себе тема сформулирована как бы на будущее. По-настоящему понимание термина "элита" отсутствует не только в академическом мире, но и в обществе. Элиты, признанной в масштабах страны, в России на сегодняшний день не сложилось!

На мой взгляд, это связано не столько с тем, что она сама по себе не способна вносить конструктивный вклад в развитие общества, а с тем, что сегодня мы имеем такую модель развития, которая навязана обществу. Она создала и воспроизводит псевдоэлиту, или лжеэлиту, которая не способна выразить национальные чаяния, внести конструктивный вклад в реформирование общества. Поэтому и формулировка повестки дня во многом смотрится как желаемое, как в принципе должно быть.

То, что мы сегодня обсуждаем этот вопрос, говорит о нашей обеспокоенности сложившейся ситуацией. Мы понимаем, что все взаимосвязано в жизни, и проблемы формирования именно этой прослойки об-

щества, распространяются на международную, внешнеполитическую политику России.

Одно из подтверждений этого — наши "успехи" в Ванкувере. Ведь спорт всегда был одной из составляющих внешнеполитической пропаганды, внешней политики, показателем международного авторитета страны.

Во времена холодной войны великолепные достижения спортсменов ГДР позволили многим узнать о самом существовании Германской Демократической Республики и способствовали международному признанию ГДР, в том числе теми странами, которые изначально всячески препятствовали появлению на немецкой земле государства, которое не соответствовало их представлениям о послевоенном устройстве Германии.

Думаю, основным нашим вкладом в развитие общества могло бы стать изложение способов изменения существующей ситуации в стране, с тем чтобы способствовать появлению патриотически ориентированной элиты. На мой взгляд, стране необходимо проведение культурной революции, которая опять же не может проводиться сама по себе. Она должна инициироваться сверху, проводиться людьми, подготовленными, ориентированными, знающими, чего они хотят от перемен.

Хотелось бы напомнить тот факт, что подавляющая часть советской элиты формировалась из элиты, воспитанной в царское время. Неверно представление о том, что вся элита Советского Союза — это люди, вышедшие из пролетарских и крестьянских масс.

Так, от половины до двух третей командного состава Красной Армии во времена Гражданской войны составляли русские офицеры, которые, с одной стороны, изменили присяге царю, с другой стороны, не изменили своему Отечеству!

Вопрос об элите надо брать в исторической конкретике. То, что мы имеем сегодня, — последствия того, что произошло в 1990-е годы, включая преступления партийной бюрократии (и не только этого слоя) перед собственным Отечеством.

Об этом надо говорить и называть вещи своими именами. Все об этом знают, а сказать прямо никто не хочет. Надо начать говорить, тогда что-то будет меняться в общественном сознании. Это мои размышления в контексте того материала, который до нас донес Геннадий Константинович.

Пожалуйста, Надежда Гегамовна.

Н.Г. Багдасарьян. Очень интересное сообщение сделал Геннадий Константинович Ашин. Но он один из ведущих специалистов в этой об-

ласти, поэтому следовало этого ожидать. Хотя вообще проблематика в научном плане чрезвычайно непростая, особенно когда мы начинаем говорить о терминологии, о содержании понятий.

Вообще-то элита сама себя так не называет. Если говорить о персонах, то к элите человека причисляют когда его в жизни уже нет. Поэтому в списке представителей подлинной элиты, который был приведен в докладе, — люди, которых уже нет в живых. И когда человека уже нет в живых, то никто не будет вспоминать про то, что Эйнштейн изменял жене, да?

В.М. Соловьев. Он троечником был...

Н.Г. Багдасарьян. А теперь мы говорим, что он был высоко моралeн. В каком смысле он высоко моралeн? Можно кое-какие претензии Эйнштейну предъявить и с точки зрения того, что он вообще создал как ученый. Да, кто-то может о себе сказать: я принадлежу к элите. А кто-то скажет: я ученый. Но учеными бывают ослы, а мы занимаемся наукой. Все мы занимаемся своим делом, а кто ты был, становится понятно потом.

Поэтому мне представляется, что вообще понятие "элита" носит скорее метафизический характер. Вот Геннадий Константинович сказал, что Македонский не элита, там был назван ряд людей. Но об этом можно спорить.

Г.К. Ашин. Нет, я имею в виду иерархизацию элит, не политическая элита — элита номер один. Выше должна быть культурная элита.

Н.Г. Багдасарьян. Понимаю.

Г.К. Ашин. А у нас она на последнем месте. Только в нашем сообществе такое может быть.

Н.Г. Багдасарьян. Я не знаю, что такое культурная элита, она рекрутируется из разных сфер и слоев.

Теперь по поводу Вашей рекомендации, Владимир Михайлович, давать конкретные предложения. Мы в МГТУ время от времени проводим всякие исследования, опросы. Посмотрите, что происходит сегодня с одним из лучших в мире технических вузов. Он всегда создавал настоящую инженерную элиту, и не только инженерную. До перестройки примерно 80 процентов тех, кто управлял страной, были по образованию инженеры. Этот вуз внес очень серьезный вклад в формирование элиты.

Что сегодня там происходит? От 40 до 60 процентов студентов — это те, кто пришел "косить" от армии. После первого года в группах остается меньше половины состава.

Примерно 50 процентов студентов — это те, кто сочетает отсидку от армии и занятия "на троечку". Им натягиваются отметки, и они перева-

ливают на следующий курс. И только 5—10 процентов тех, кто действительно пришел учиться, получить профессию, у них есть мотивация к тому, чтобы прийти на лекцию, усвоить то, что преподаватель говорит. Только из них будет формироваться вот этот высший профессиональный слой. Вот я спрашиваю: кто вообще думает о том, что будет с нашей молодежью, в том числе с той, которая имеет основания действительно выйти на уровень элиты. Такой государственной программы нет... Молодежь-то брошена до сих пор. Сколько говорят об этом...

Есть вузы, которые занимаются этим. Я связана с программой "Шаг в будущее", веду социально-гуманитарный блок. Но она тоже вырождается! Я, конечно, могу фильтровать и фильтровать всю ту бурду, которая идет по программе, но это очень непросто. А в принципе необходимых государственных программ не существует. Я считаю, что этим мы должны были заняться уже вчера. Не на уровне отдельных программ, отдельных университетов, а на уровне государства.

В.М. Соловьев. Спасибо. Очень интересное выступление.

Пожалуйста.

М.В. Фомин. Спасибо Геннадию Константиновичу за доклад, но в ходе доклада я имел с автором легкую дискуссию по поводу Макиавелли. Там есть такой акцент...

Это отражает Курцио Малапарте в своей работе "Техника государственного переворота", первое издание которой вышло в 1931 году. У нас работа была издана только в 1998 году, в Советском Союзе она была запрещена. Он акцентирует внимание на том, что Макиавелли, будучи аристократом по рождению и республиканцем по сути, считал, что народ надо использовать в качестве инструмента в переходный период. У нас на тему элит есть прекрасные работы Медушевского и Анненкова. Поэтому для меня элита — это проводник, а в чем-то источник угроз политической, а потом и национальной безопасности.

И если мы говорим о том, что надо элиту классифицировать и сегрегировать, то есть тема для большой научной работы — по поводу угрозы, которую она собой представляет.

Почему это так? Возьмем военную элиту. Можно ли сейчас считать наше офицерство элитой? К сожалению, нет.

А в Турции, несмотря на последние аресты в генералитете в связи с якобы попыткой переворота, армия остается огромной и авторитетной силой в обществе. У нас, к сожалению, такого нет.

Относительно рекомендаций. Очевидно, что это строительство профессиональных и социальных лифтов, необходимых в стране. Пока они

отсутствуют, пока нет реального гражданского общества, вряд ли о чем-то можно говорить.

Г.К. Ашин. Посмотрите на наших министров обороны...

В.М. Соловьев. Понятна Ваша реплика.

Владимир Зиновьевич, пожалуйста.

В.З. Дворкин. Геннадий Константинович, я глубоко благодарен Вам за доклад. Я испытал давно забытое чувство удовлетворения, слушая Вас. Это совершенно не похоже на заседание Экспертного совета, это похоже на посещение какого-то храма науки.

Вместе с тем в докладе есть, конечно, некоторые диссонансы и противоречия с дефинициями. Вы совершенно правильно сказали, что наши политические структуры — это не элита — это кланы, группировки и прочее. А потом как бы забыли об этом и продолжали называть это элитой.

Г.К. Ашин. Тогда каждый раз надо было бы говорить, что это не настоящая элита, а псевдоэлита. Но нельзя же бесконечно это повторять.

В.З. Дворкин. Но это не элита, понимаете. Чтобы использовать эту терминологию, нужно что-то дополнительное. Вот инженерная элита, например. Надежда Гегамовна хорошо сказала о перспективах создания нашей инженерной элиты. Она цифры привела, как мне кажется, очень оптимистические, когда сказала, что только половина первокурсников уходит. Мне уже приходилось здесь говорить о том, какой гигантский "скачок" мы совершили в области образования, внедрив ЕГЭ. В результате студенты филфака МГУ, набравшие 100 процентов по ЕГЭ, делают по 25 грамматических ошибок в диктанте. Это на филфаке! А что делается на инженерных факультетах? Сколько ошибок сделают студенты МВТУ, если им дать диктант? Они даже говорить не умеют. Они научились только эсэмэски набирать, больше ничего не могут делать.

Так что надо говорить: это инженерная элита или какая-нибудь еще.

Тут упоминали Макиавелли. Я почему-то сразу вспомнил, как Черчилль охарактеризовал его косвенно. После общения с Молотовым он сказал: думаю, Макиавелли вполне мог бы принять его в свою компанию, если только большевиков берут в ад.

Я полностью согласен с тем, что элитой, которая влияет на сознание, психологию, ментальность населения, должны быть те люди, которых Вы перечислили и которых нет уже — Сахаров, Солженицын, Ганди и другие.

Но как у нас население воспринимает элиту? Посмотрите, сколько передач идет по центральным каналам, посвященных сталинским преступлениям. И в хорошее время идут. Но кого у нас воспринимают как

одного из героев прошлых времен? Того же Сталина. Нужны какие-то другие формы влияния на ментальность народа.

Г.К. Ашин. Хорошо, что он только третье место занял, по опросам.

Из зала. На самом деле первое.

В.З. Дворкин. Да, потом приглушили это...

Г.К. Ашин. Конечно, это позор. Тиран же он!

В.З. Дворкин. Понимаете, это эмоциональное восприятие — тиран. Один специалист, когда я сказал, что Сталин палач, ответил, что палач — это профессия, а Сталин — вурдалак. Но не воспринимается это почему-то населением, наверное, был прав тот, кто сказал, что материя определяет сознание, а не наоборот.

Владимир Михайлович затронул спортивную тему — Олимпийские игры. Понимаете, результаты Олимпийских игр — это момент истины не только для спорта. То, чем занимается наша псевдоэлита, приводит к таким результатам не только в спорте. Нельзя все время заниматься пиаром, показывать заседания, рассказывать о планах, о том, столько денег мы вкладываем в такую-то программу. Надо говорить и о результатах, а результатов нет.

Поэтому олимпийские успехи вызывают глубокое уважение к такой стране. Это момент истины для всех сфер деятельности общества.

Как формировать элиту? Мы представляем Экспертный совет Комитета по международным делам, но мы не должны забывать о том, что международное положение страны, ее международный авторитет, международные связи — это очень мощный ресурс для внутреннего развития. И пока этого внутреннего развития не будет обеспечено, ничего не будет и на внешней арене. Мы можем дать только рекомендации, касающиеся пропаганды. Слово "воспитание" очень плохое. Но мы должны разъяснять населению, где элита, а где кланы, группировки. Только таким образом можно формировать у населения понимание того, кого надо воспринимать как элиту.

В.М. Соловьев. Спасибо, Владимир Зиновьевич.

Пожалуйста, товарищ Денисов.

М.Г. Денисов. Я ознакомился с докладом, который был представлен в письменном виде, и с огромным удовольствием прослушал доклад профессора Ашина. Могу согласиться с тем, что эта наука имеет колоссальнейшее значение для развития любого общества, тем более нашего.

Мне кажется, надо отметить в нашей истории одну удивительную черту. У нас любят, особенно в последнее время, говорить о любви к родине, к отечественной истории, но любая приходящая на смену другой

элита начинает свою деятельность с того, что обливает грязью своих предшественников.

Это, к сожалению, было характерно в какой-то мере и для царской России. Вспомните, как Павел ненавидел Екатерину и отрицал во многом ее достижения, пытался все переделать на свой манер. Но все-таки к трехсотлетию Дома Романовых были выпущены солидные фолианты, в которых история царской России показывалась с самых выгодных для династии сторон. Все-таки при царе было сформировано, на мой взгляд, очень точно структурированное общество.

Может быть, оно было еще недостаточно демократичным, сохраняло феодальные черты, там было много проблем, и, наверное, во многом правильно утверждение, что при Николае II сгнило всё, а именно государственное монархическое управление, хотя при нем были и великие государственные деятели, и, в общем-то, войну-то мы не очень сильно проиграли.

Это вопрос для длительной дискуссии, просто в советской историографии было принято очернять царский режим. Я не хочу сказать, что Николай II не был Кровавым, что он был великолепным руководителем, но нельзя целые периоды жизни народа при том или ином правителе или руководителе смешивать с грязью.

Мне кажется, такую же ошибку совершили большевики. Они разрушили на три четверти самосознание народа, в результате произошло то, с чем столкнулся Сталин в начале войны, когда войска просто разбегались и идею коммунизма пришлось моментально перекраивать на новый манер, выстраивая идею патриотизма на костях бегущих и убитых солдат.

Это действительно чудо, что страна выдержала. Наверное, много было положительного и в коммунистической идее, но то, как судорожно действовал Сталин в период Великой Отечественной войны, очень хорошо демонстрирует, какой ошибкой со стороны большевиков было тотальное уничтожение практически всего хорошего, что было накоплено Россией до революции.

И вспомните, как товарищ Хрущёв плясал на костях человека, у которого он был просто шутом. Потом этот человек, который участвовал в репрессиях на Украине, объявил себя великим демократом, и народ в это поверил.

Сломали хребет советскому народу, развенчав культ Сталина. Люди верили в него как в своего вождя, жили с этой идеей, и вдруг им с трибуны партийного съезда говорят, что они были полными идиотами, если ничего не видели и не понимали.

Через некоторое время то же самое повторилось с Хрущёвым, и подспудно началась реабилитация сталинских дел. А мы все не понимаем, почему в нашем народе до сих пор такое отношение к Сталину... При сегодняшнем Правительстве, с одной стороны, много говорится в СМИ о сталинских репрессиях, и Путин неоднократно про это говорил. С другой стороны, идет его подспудная реабилитация. К сожалению, она действительно идет. Но почему такая ностальгия по этим временам в народе? Мне кажется, потому, что Сталин ассоциируется с образом победителя. Мы мало говорим о том, что победителем в войне был народ. Мы постоянно говорим о том, что Сталин победил в этой войне.

Есть ностальгия и по четкой организации, по порядку в обществе. При Сталине было немало положительного с точки зрения организации общества, организации управления страной, нельзя этого отрицать. Другой вопрос, что это делалось за счет того, что убили половину населения страны. Тем, кто любит Сталина, я всегда хотел сказать вот что: а вы готовы встать к стенке, чтобы вас расстреляли, а потом вы решите, нравится вам этот режим или нет.

При всем при этом нельзя огульно очернять те времена. Период правления Сталина был страшным для страны, но страна выдержала, народ выдержал, и уже за это нашему народу надо низко поклониться. Страна выстояла, народ победил, и мы перешли на более демократичный путь развития.

Что касается современного периода. Возьмем конкретный вопрос. Сделали попытку (при Ельцине начали) создать новый табель о рангах — по образу и подобию того, что был при царе.

Ввели государственные чины, классы. В результате все это свелось к тому, что действительный государственный советник (раньше это был действительный статский советник) получает прибавку к окладу в 1 тыс. рублей. Это, собственно, все.

При царе на памятниках писали, что такой-то — действительный тайный или статский советник. Он этим при жизни гордился, гордилась вся его семья. Это было звание, которое говорило о служении своей стране. И дворянское звание было не просто знаком определенного положения.

В государственной службе, военной службе, юридической, медицинской службах все было продумано, прописано, и не только с точки зрения структурирования. Каждое звание давало человеку, помимо определенных обязанностей и привилегий, соответствующий статус в обществе. Если человек получал чин, это было определенное достижение. Как в европейской классической системе образования: если человек по-

лучил научное звание доктора, он будет всегда писать его на своей визитной карточке. Потому что он гордится своим званием.

Эти звания на Западе учитываются, они прижились. А у нас к этому относятся так: подумаешь, профессор, академик... Цена этому званию — 5—9 тыс. рублей. Никакими социальными благами люди, которые добились практически высших достижений в своей области, у нас не пользуются. Поэтому и отношение общества к ним: подумаешь, ничего особенного.

Мне кажется, нужно эту тему постоянно поднимать. И не в плане того, что надо создавать какие-то условия, давать привилегии. Если мы не будем уважать своих сограждан, которые достигли в области искусства, литературы, науки, в служении Отечеству каких-то значимых высот, мы никогда не сформируем те элиты, о которых говорим сейчас.

И последнее. Посмотрите, как у нас проводилась административная реформа... Почему Китай сделал огромнейший скачок в развитии при Дэн Сяопине? Потому, что у них еще с докоммунистических времен сохранилась система государственного управления, состоящая примерно из 30 разрядов. И Дэн Сяопин, хотя был главой государства, не был чиновником высшего разряда, потому что не дослужился до 30-го разряда, а занимал только 28. И он не мог быть назначен руководителем государства, если бы имел, допустим, пятый разряд.

И это правильно. Если человек не получил определенного опыта управления, он не сможет исполнять свои обязанности. Очень сложно сержанту выполнять функции генерала. Я это на себе испытал, когда в пору всех этих демократических веяний назначался на достаточно высокие посты, а жизненного и практического опыта имел мало. И теперь понимаю, что многие вещи сделал не так.

Мне кажется, следует продолжить работу по изучению административного опыта, по его совершенствованию, по методам продолжения административной реформы. Прежде всего надо вернуться к нашему "табелю о рангах", в котором не все понятно. Человек получает 18-й, последний, разряд в качестве преподавателя в институте...

Из зала. Отменили...

М.Г. Денисов. Уже отменили? Эти надбавки за кандидатские... Все это продолжает нас беспокоить.

В.М. Соловьев. Спасибо.

Пожалуйста, Вам слово.

И.Э. Круговых. Я все время анализирую ситуацию — что за элита, с кем бороться и как.

Без элиты, конечно, не обойтись. Какая элита у нас, вот вопрос.

И какая элита нам нужна? Конечно, это национальная элита, которая имеет четкую систему ценностей. Эта система ценностей называется традиционными национально-культурными ценностями.

Заседание Госсовета, проходившего 26 декабря 2006 года в Ханты-Мансийске, было посвящено традиционным национально-культурным ценностям. Там Путин выступал, губернаторы... Был сделан четкий вывод: без традиционных ценностей никакого прорыва не будет. Все остальное — это "насадка" на формы и методы, на прочный фундамент, который есть. А этот фундамент — традиционные национально-культурные ценности.

Наша трагедия заключается в том, что у нас, к сожалению, никогда традиционной национальной элиты не было. Национальная элита никогда не позволит стране сорваться в революцию — одну, другую, третью, она никогда не допустила бы ни 1991, ни 1993 года. Вот этого стержня у нас нет, и это главная трагедия страны.

Относительно научно-технической интеллигенции. Вспомните 1989—1990 годы. Сахаров выступал, митинги везде. 200 тысяч одичалых младших и старших научных сотрудников во главе с завлабами вышли на митинги в Москве. Эти доктора наук, профессора чего требовали? Демократии. Они чего добились? Что все их НИИ, КБ, которыми Советский Союз гордился и благодаря которым добился технического прорыва, были уничтожены в начале 1990-х годов. Я одному доктору наук говорил: что ж ты все бегаешь на митинги, вас же всех разгонят. Я его потом встретил на Митинском радиорынке, он там детальки из своей лаборатории продавал. Я спрашиваю: ну что, доктор, победил? Он говорит: будь я проклят, что поддался на все эти вещи.

Нигде в мире такой научно-технической элиты, которая своими руками уничтожала бы средства к своему существованию, нет. Воспитание национальной элиты — это, конечно же, задача из задач.

Далее. Вы помните дискуссию тех лет о патриотизме? Часто приводили цитату о том, что патриотизм — последнее прибежище негодяев. На самом деле там смысл такой, что и для последнего негодяя патриотизм является прибежищем.

Традиционные национально-культурные ценности всегда выходят на первый план именно в условиях кризисов, конфликтов, провалов политики.

Тут Михаил Денисов про начало войны говорил... На самом деле ситуация была еще более трагической. У нас до 22 июня какая была идеология? Что немецкий пролетарий никогда не нападет на советскую страну, страну победившего рабочего класса. Но когда немецкий проле-

тарий в форме вермахта дошел до Москвы, стало понятно, что все эти слова о пролетарском интернационализме... Национальное всегда сильнее интернационального. И тогда война из пролетарской превратилась в Отечественную. Выхода не было! Сразу обращение "братья и сестры" появилось, и на параде 7 ноября 1941 года Сталин сказал: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского..."

И сейчас как раз тот самый момент, когда мы вновь вынуждены, нравится это кому-то или нет, вернуться к традиционным национально-культурным ценностям. И в рекомендациях об этом нужно сказать.

Надо констатировать, что элита объективно существует, что она нужна. Но нам нужна национально ориентированная элита. В основе деятельности этой элиты должны лежать традиционные национально-культурные ценности. И как одно из предложений — продолжить работу, начатую на заседании Госсовета 26 декабря 2006 года, где был поставлен целый ряд задач по возрождению и развитию традиционных ценностей. Надо эту линию продолжить.

И в наших планах надо предусмотреть обсуждение вопросов, связанных с традиционными национально-культурными ценностями. Я мог бы сообщение подготовить по этой теме.

О чем спорили ЦК КПСС и ЦК КПК начиная с 1960-х годов вплоть до Даманского... О национальной специфике. Социализм с китайской спецификой. Что наша родная партия говорила? Что или есть социализм, или его нет, никакой национальной специфики. И к чему это привело? Игнорирование традиционализма, традиционных ценностей, национальной специфики привело к слишком тяжелым последствиям для нашей страны, чтобы не учитывать их в нашей внешнеполитической деятельности.

В.М. Соловьев. Спасибо, Игорь Эрикович. Я мог бы коротко так сказать: нужна национальная элита, так кто же ее нам даст? Вот давайте и подумаем над этим.

Пожалуйста.

А.Г. Коваленко. Я хотел бы отметить, мы даже здесь, на нашем заседании, не можем дать четкого определения понятия "элита". А очень важно дать дефиниции. Кто это будет делать — экспертные советы Госдумы, Совета Федерации, Администрация Президента?

Мы заслушали прекрасный доклад, глубокий и гуманистический.

И из него, и из других выступлений следует, что элита не может быть однородной. И она из различных слоев должна появиться, народиться или быть избрана — это тоже надо определить.

Какие могут быть практические выводы из этого доклада? Как сформировать элиту? Кто ее будет формировать? А кто будет определять тех, кто принадлежит к элите?

Другой вопрос: какова роль элиты? Вот мы говорим об управленческом слое в нашем государстве, что это не элита. А может ли элита составлять этот слой? Может ли она управлять? Я согласен с тем, что элита должна быть, но нельзя называть ее серым кардиналом общества, она должна быть белым кардиналом. Да, она должна формировать и ценности, определять подходы к управлению, давать духовные посылы. И она должна выдвигать высших управленцев из разных слоев общества.

Нужно четко определить, кто может сформировать эту элиту. Вообще можем ли мы к этому подходить "материалистично"? Ведь смотрите, какие вопросы здесь поднимались — проблемы образования, проблемы духовности. А как это сделать? И может ли быть такой механизм, который способен реализовать наши представления о том, какой должна быть элита.

Я думаю, это один из главных вопросов и для нашего Экспертного совета. Наверное, мы должны давать какие-то практические рекомендации. А дальше что? Каков инструмент реализации этих рекомендаций? Что будет в сухом остатке? Что мы будем иметь? Вот что мне хотелось сказать.

В.М. Соловьев. Петр Григорьевич, пожалуйста.

П.Г. Белов. Я в своем сообщении хотел бы коснуться дефиниций, о которых здесь упоминалось, сказать о причинах того, почему Россия имеет эту третью беду, и о рекомендациях.

Говоря об элитах, я буду иметь в виду в первую очередь властную элиту. Ее нужно рассматривать не отдельно, а в системе власть — народ — закон. Это так называемый принцип тринитарности. В нем два компонента основные, они меняются ролями, а третий комплиментарный.

О дефиниции. На мой взгляд, термин "элита" правильно выбран, он точно отражает то, что речь идет об отобранном кем-то. Применительно к России скажу: да, те, кто нами правит, они отобраны, но не нашим народом. Это беда наша, и поделом нам. Мы имеем то, что заслуживаем.

Примеры. Возьмем наших четырех президентов. О первых двух, судя даже по высказываниям авторитетных зарубежных лиц, можно точно сказать, что они были своеобразно подобраны по определенным критериям. Думаю, чуть позже мы узнаем и о третьем, и о четвертом — каким образом они отбирались во власть. Не нашим народом и не здесь.

Далее. Коснемся депутатов Государственной Думы. Вроде бы они тоже являются наемными работниками, и есть концепция процедурной рациональности, которая рекомендует, как выбирать наемного работника.

Если проанализировать ситуацию, которая имеется у нас, то это сплошной абсурд, Во-первых, народ не формулирует задачи, для которых подбирает власть. Во-вторых, из задач не вытекают требования, которым должны удовлетворять кандидаты во власть. В-третьих, нет конкурса.

Есть три барьера, которые мешают выйти из этой абсурдной ситуации.

Первый барьер — запрет на партии. Второй барьер — отмена минимального порога явки избирателей. И третий барьер — это лишение избирателя права голосовать "против всех".

Какие могут быть рекомендации? Наверное, надо посмотреть, как это делается за рубежом. Например, в США при отборе во власть используются отслеживание линейной карьерограммы, параллельное дублирование, горизонтальная ротация кадров, кадровая селекция на уровне образования. А вообще отбор ведется с раннего детства: это выявление способностей, помещение способных детей в высокоинтеллектуальную среду, ранняя специализация и снисходительное, терпимое отношение к тем странностям, которые, как правило, есть у одаренных детей.

Что же нам делать? Нужно вернуться к системному подходу. Мы должны констатировать, что в России общества как такового нет, если понимать под обществом силу, с которой вынуждена считаться власть. Необходимо менять законодательство, использовать чужой опыт. Попытки бессистемно решать вопросы, не опираясь на тринитарность, то есть на власть, народ и закон, обрекают нас на неудачи.

Что касается программы работы. Мне представляется, что там неудачно расставлены акценты. Считаю, что на первых заседаниях мы должны разобраться со спецификой тех изменений, которые уже произошли, и только потом какие-то другие вопросы выносить на обсуждение. Там поставлен крайне актуальный вопрос о стратегических наступательных вооружениях. Боюсь, если действовать по плану, то это будет обсуждение вдогонку. Может быть, на ближайшем заседании Владимир Зиновьевич нас просветит относительно того, почему за спиной и так спешно готовится очередное соглашение.

Без стратегических ядерных сил, без политики сдерживания Россия обречена.

В.М. Соловьев. Сумбурно, но каждый имеет право сказать то, что думает. Хотелось бы, конечно, более четкого выражения своих мыслей, формулирования того, что имеется в виду.

Пожалуйста, Владимир Зиновьевич.

В.З. Дворкин. В качестве комментария к выступлению. Элита не может противостоять пушкам, если она настоящая элита. Но тут могут быть разные подходы. Наполеона можно относить к элите? Если кодекс Наполеона до сих пор действует во Франции, то, наверное, он, как член элиты, внес значительный вклад в культуру.

Теперь я по предложениям пройдусь. Тут говорили, что профессоров надо ценить и создавать им какие-то преференции. Я сразу вспомнил статью под названием "Мы не одиноки во Вселенной". Нашли еще одну страну в мире — Испанию, где платили не за конкретные результаты, а за докторские степени, за ученые звания, но это вопрос двойственный.

Каждый из нас может назвать кого-нибудь, кого можно отнести к элите. Наталья Ивановна Калинина при четырех премьерах была советником и всегда высказывала свое мнение невзирая на лица. Это ученая элита. Могу еще нескольких человек к элите отнести.

В качестве предложения — создать группу независимых экспертов, сформулировать принципы отнесения к элите. Это высокие моральные, нравственные качества, вклад, внесенный человеком в какую-то сферу жизнедеятельности. Не знаю, что из этого выйдет, но что-то нужно делать.

А по поводу того, что у нас население не выбирает, что нам выбирают кого-то, это уже ближе к теории заговора, которой я, например, не придерживаюсь. Я точно знаю, что у нас народ выбирает. Как-то на одном большом заводе в Волгограде вышли мы с директором покурить. Стоит большая толпа народа, и они говорят: ну что там эти политики несут, один Жириновский говорит понятные вещи, за него пойдем голосовать. Вот кто выбирает на самом деле.

Из зала. Но не все же проголосовали за Жириновского.

В.З. Дворкин. Я говорю: другие выбирают. Я не говорю об административном ресурсе, действительно можно манипулировать этими данными, но не в таких масштабах. Поэтому я считаю, что мы выбираем и имеем во власти тех, кого заслуживаем. Сами выбираем.

В.М. Соловьев. Спасибо. Я коротко хотел бы подвести итоги обсуждения первого вопроса повестки дня. Были высказаны интересные и разнообразные соображения, предложения и некоторые рекомендации. Я их зафиксировал. Прозвучали мнения о том, кто принадлежит к про-

слойке общества под названием "элита". Здесь мнения тоже не во всем совпадают, что естественно с учетом нынешнего состояния нашего общества.

Наверное, трудно спорить с тем, что не может быть элиты без классического, глубокого образования. А в этой сфере у нас огромные недостатки. В школьном образовании нет даже единых учебников по различным предметам, в том числе по истории! Трактовки некоторых тем в школьных учебниках истории противоречат тем понятиям, которым уже дали точные определения.

Думается, мы правильно сделали, что начали работу нашего Экспертного совета с этой сложной темы. Без национальной элиты, без ее позитивного влияния на общество (чего, к сожалению, сейчас мы не ощущаем) едва ли можно ожидать каких-то успехов на различных направлениях, в том числе во внешнеполитической деятельности.

Заключительное слово Геннадия Константиновича Ашина.

Г.К. Ашин. Стране нужна не элитократия, а здоровое недоверие к элитам, контроль за ними через честные выборы. А выборы у нас не вполне честные пока. Могу развить эту тему, но не обязательно.

И рекомендация Совету Федерации: демократизация нужна Совету Федерации, нужны выборы сенаторов всенародным голосованием.

Я знаю многих американских сенаторов, знаю, какой авторитет они имеют в Соединенных Штатах. А какой авторитет у членов Совета Федерации? Дело в том, что они назначаются непонятным образом, во всяком случае, достаточно недемократическим. А вот американских сенаторов всенародно выбирают. Думаю, что нужно это отразить в рекомендациях и довести их до сведения сенаторов.

А.А. Аслаханов. Мы закончили обсуждение первого вопроса.

1.2. О ПРОЕКТЕ ПЛАНА РАБОТЫ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

(Из стенограммы заседания от 26 февраля 2010 года)

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги! Теперь давайте о плане нашей работы поговорим.

Может, изменим формат нашей работы? Докладчику предоставлять порядка 10 минут, а с текстом (тезисами) доклада ознакомиться за несколько дней до заседания совета. Тогда мы могли бы активнее принимать участие в дебатах.

И.Э. Круговых. У меня предложение, выстраданное всем опытом работы.

Вот у нас есть план работы Экспертного совета, а где план работы Комитета по международным делам? То есть моя идея заключается в том, что мы должны в основе держать план работы Комитета по международным делам. Мы должны знать, какие вопросы, какие законопроекты, затрагивающие международную тематику, будут обсуждаться на весенней сессии.

Первое предложение — синхронизировать план работы Экспертного совета и планы работы комитета.

Но мы должны работать на упреждение. Скажем, такой-то аспект будет рассматриваться. К этому времени мы должны подготовить какие-то материалы или вынести на обсуждение тот или иной вопрос. Думаю, это ключевой момент.

Далее. Наряду с тематикой, которая идет по линии Совета Федерации, по плану работы Экспертного совета, должно быть место и для оперативных проблем. Сейчас, например, встают вопросы, связанные с финансовым кризисом в Европе. Действительно ли "кувыркнется" йена? Действительно ли в дефолте сидят Греция, Испания и другие? Это очень серьезный вопрос. Давайте мы на очередных заседаниях комитета найдем минут 10—15 для обсуждения горячих вопросов.

И я согласен с тем, что лучше предварительно в письменном виде давать материалы, чтобы мы более оперативно могли их обсудить.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

Н.И. Калинина. Сначала по общим вопросам нашей работы.

Я полностью поддерживаю мнение о том, что систему работы нашего Экспертного совета в какой-то степени надо модернизировать. Действительно, у нас нет обратной связи с членами Комитета по международ-

ным делам. Собственно, наш Экспертный совет создан с целью способствовать работе комитета.

Нас не привлекают для экспертизы законопроектов, соответствующих профилю экспертов совета. Нас не приглашают на заседания Комитета по международным делам, а ведь каждый из членов совета является экспертом в какой-то области и его мнение при обсуждении вопросов, связанных с его профильной деятельностью, наверное, заставило бы сенаторов на некоторые вещи смотреть по-другому.

Я полностью поддерживаю предложение о том, чтобы доклады представлялись заранее в письменном виде, а мы приходили бы на заседание совета, ознакомившись с этими докладами. Можно по электронной почте отправлять тексты докладов. Тогда будет больше возможностей для его обсуждения, аргументы будут более продуманными и серьезными, чем при прослушивании доклада.

И поскольку издается ежегодный сборник материалов заседаний Экспертного совета, в него можно включать полные тексты докладов. Ценность таких сборников будет намного больше, потому что материал "с голоса" не всегда полностью охватывает тему.

Далее. Тематика наших обсуждений очень многоплановая, и, возможно, есть смысл проводить совместные заседания с экспертными советами других комитетов, если направления совпадают. К примеру, мы часто обсуждаем вопросы национальной безопасности в самых разных их аспектах, но у нас практически нет связи с Комитетом по обороне и безопасности. А это крайне нужно и важно и для них, и для нас.

Часто идет ратификация международных договоров, причем ратифицируются договоры, уже пришедшие из Государственной Думы, в основном "автоматом". Если мы могли бы на предварительном этапе, до того как Госдума примет решение по тому или иному договору, провести экспертизу, дать свои рекомендации членам Совета Федерации, может быть, не все договоры так легко проходили бы.

Сейчас идет крупнейший пакет законов, связанных с формированием сил коллективной безопасности — по линии ОДКБ, ВТС, СНГ, то есть снова мы говорим о совместном оборонном потенциале. Это проходит мимо нас. А ведь сейчас очень существенная часть внешней политики строится именно на пространстве СНГ. Мне кажется, наше участие в этом процессе было бы полезным, тогда и наши знания, опыт были бы более востребованными. Нам здесь хорошо общаться друг с другом, мы обогащаем друг друга разной информацией, разными взглядами, но это все идет в рамках совета. Мне кажется, можно было бы перестроить работу на этой стадии.

И совершенно конкретный вопрос. В плане есть важная тема — развитие отношений по линии Россия — НАТО. Докладчик — Татьяна Глебовна Пархалина. Может быть, имеет смысл сделать сообщение по военно-техническому сотрудничеству. Без этого аспекта освещение темы будет недостаточно полным.

А.А. Аслаханов. Спасибо, Наталья Ивановна. Вы дали очень хорошие предложения, наверное, многие об этом думали.

Пожалуйста.

В.Г. Шубин. У меня небольшое замечание технического порядка. В сентябре записана латиноамериканская тема, но мы договаривались с самого начала, что докладчиком буду не я, а специалист из Института востоковедения.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

И.С. Яценко. Я тоже предлагаю подкорректировать проект плана. В частности, на апрель поставлена развитие тема "Развитие отношений по линии Россия — НАТО. Перспективы построения новой системы евробезопасности", а на ноябрь — "Состояние и перспективы развития общеевропейского процесса. Подходы России". Учитывая 65-летие Победы, считаю, что не надо сводить все только к развитию отношений по линии Россия — НАТО. Надо более четко определить проблемы и перспективы укрепления евробезопасности не только с НАТО, но и со всеми странами Европы.

И хорошо, что уточнили формулировку вопроса на март — "Новые международные силы и влияние на ход мировых событий". Более четко поставлен вопрос о влиянии международных властных центров на состояние российской внешней политики и мировой политики в целом.

Я предложил бы также рассмотреть до ухода на каникулы вопрос по проблемам сотрудничества в рамках СНГ, учитывая новые события на Украине и в других странах СНГ. Здесь надо бы отметить особую роль России в укреплении сотрудничества в рамках СНГ.

Н.Г. Багдасарьян. За мной записан доклад по наукоградам России. Думаю, что надо бы пригласить выступить председателя Союза наукоградов России или его заместителя. Я готова от Экспертного совета тоже в этом процессе участвовать.

И я согласна с тем, что есть "горящие" проблемы, и готова передвинуть свою тему, если будет необходимость.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.З. Дворкин. Если будет принято предложение скоординировать заседания Экспертного совета с заседаниями комитета, то нужна серьезная организационная работа. Мы не можем стать рабочим аппаратом

комитета. Нам нужно время для того, чтобы сформулировать свои предложения. Но это очень правильное и нужное предложение, если его реализовать, а его надо реализовать.

В.О. Чкуасели. Я очень благодарен Надежде Гегамовне за ее предложение. Потому что в плане есть вопрос "Исламский мир — структура внутренних взаимоотношений, особенности противоречий. Его роль как игрока на международной арене" и есть вопрос "События в Афганистане, перспективы развития. Их влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации". Думаю, эти два вопроса сильно связаны друг с другом.

Может быть, имеет смысл объединить эти темы и перенести их обсуждение на более ранний срок. Если нужны какие-то наши советы комитетам по международным делам и по обороне, то надо постараться, чтобы они были услышаны к моменту, когда будут приниматься решения.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.Е. Лепский. У меня предложение по корректировке названия темы "Альтернативная глобализация — потенциальный локомотив российского развития".

А.А. Аслаханов. Хорошо.

Пожалуйста, Вам слово.

В.В. Безбах. Мне кажется, что наиболее интересными заседаниями были те, на которых присутствовали люди из реальной международной политики. У нас были руководители дипкорпусов в Москве, посол Швейцарии перед нами выступал. Это и для них очень важно. Выступая у нас, они рассчитывают, что их услышит в том числе и руководство Федерального Собрания.

Поэтому предлагаю и впредь приглашать людей из сферы реальной политики. Очень интересным было заседание с участием господина Бордюжи, когда обсуждались вопросы ОДКБ. Мы давали конкретные предложения, и там обсуждались серьезные вещи.

По конкретной внешнеполитической проблематике нужно приглашать представителей МИД, чтобы они участвовали в дискуссиях. Это для них стимул к тому, чтобы больше работать с парламентскими органами.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.М. Соловьев. Будучи старожилом Экспертного совета, хотел бы сказать, что прозвучавшие соображения по плану работы на 2010 год очень интересны.

Надо сказать, что Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации готовит соответствующие материалы по каждому законопроекту. Нам встраиваться в отлаженный процесс очень непросто. И поменять ход дел нам просто никто не позволит.

А.А. Аслаханов. Владимир Михайлович, у нас Сергей Глазьев записан как докладчик в январе. В январе заседания не было...

В.М. Соловьев. С Глазьевым несколько раз общались, он готов прийти, но часто бывает занят. Есть предложение пригласить Максима Витальевича Гринберга, директора Института экономики РАН.

С.Н. Сильвестров. Я разговаривал с Глазьевым, и он говорил, что готов прийти. Так что мы договоримся, и он выступит перед на Экспертном совете

А.А. Аслаханов. Сейчас уже 2010 год, а нам нужна была его оценка событий прошедшего года. Но, может быть, он выступит по другой теме.

Из зала. Еще одно предложение. Каждый из нас не является специалистом по всем направлениям. Может быть, разослать опросник каждому из членов Экспертного совета, чтобы выяснить, какие вопросы для него наиболее актуальны. И тогда перед заседаниями целенаправленно будут обращаться к каждому из членов Экспертного совета по конкретным вопросам.

А.А. Аслаханов. У меня возникла идея создания буклета об Экспертном совете, в который войдут Положение об Экспертном совете, информация о членах Экспертного совета, об их специализации. Мы его распространим в Совете Федерации. Сенаторы будут знать о вас, при необходимости обращаться в Экспертный совет за советом, за помощью. Наверное, так будет лучше.

Из зала. Нам нужен аппарат. Все члены совета работают на общественных началах. Сборники наши изучаются во всех видных государственных учреждениях. Я знаю, что и в Администрации Президента многое учитывается из того, что мы здесь говорим.

А.А. Аслаханов. Спасибо всем за предложения. До следующего заседания.

2. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 МАРТА 2010 ГОДА

2.1. НАУКОГРАДЫ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ СТРАНЫ, ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ АВТОРИТЕТА И РОЛИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

(Из стенограммы заседания от 26 марта 2010 года)

В.М. Соловьев. Уважаемые коллеги, доброе утро. Начинаем очередное заседание Экспертного совета. Разрешите приветствовать от вашего имени неизменного в течение многих лет председателя Экспертного совета Анатолия Антоновича Коробейникова. *(Аплодисменты.)*

За те годы, когда он находился у руля этой структуры, мы проделали большую полезную работу. Конечно, эта работа далеко не всегда была оценена по достоинству. Тем не менее мы исходим из того, что в конце концов сможем достичь своей цели. Конечно, важно достучаться до властных структур, поскольку они имеют непосредственное значение как приводные ремни в общественном механизме, но это не первоочередная цель. Главное — повышение авторитета молодой Российской Федерации, которая с трудом ищет и находит собственные пути построения стабильной государственности, которая была бы воспринята обществом во всем его разноликом многообразии.

Сегодняшняя повестка дня, на мой взгляд, отвечает подобного рода устремлениям. Без современной науки не может быть достигнуто то, о чем я только что упомянул, не может быть процветающей, стабильной страны, не может быть успешной внешней политики, не может быть обеспечено авторитетное положение России на международной арене. Приходится, однако, констатировать определенную деградацию, которую мы все наблюдаем, в том числе в плане влияния нашего Отечества на события в мире. По-разному это объясняется. Одни говорят, что это естественный процесс, с этим надо смириться. Раньше была сверхдержава — Советский Союз, теперь мы стали лишь одной из частей быв-

шей империи. Поэтому претензии на какое-то влияние в мире мы как бы и не должны высказывать.

Вместе с тем прошедшие после распада СССР годы показали, что ни одна из суверенных стран, образовавшихся в результате распада большой страны, по сути, так и не нашла себя, не состоялась как полноправный, независимый, суверенный и влиятельный субъект международных отношений!

С полным основанием это можно отнести и к нашей стране. По крайней мере структура нашего экспорта является наглядным подтверждением происшедшей деградации структуры народного хозяйства страны. По сути, мы наблюдаем активный процесс деиндустриализации. Это и подтверждают те статьи экспорта, которые в настоящее время мы имеем. Они позволяют нам выживать как обществу, как стране, но не более того!

Производимые нами металлы, не говоря уже о нефти и газе, дают базу для развития, в том числе инновационного, технологического. Мы же отстали от вырвавшихся вперед новых индустриальных стран, в том числе от Китайской Народной Республики.

На этом фоне развиваются сложные процессы в научных кругах, занимающихся не только вопросами международной политики, но и такими проблемами, как освоение космоса, использование ядерной энергии в мирных целях и т.п.

Недавно появилась монография академика Эрика Галимова. Это суровый приговор всему тому, что происходило за истекшие почти 20 лет в нашей науке в целом, в том числе в естественных науках, связанных с освоением космоса.

Этот авторитетный ученый делает совершенно обоснованный вывод о провале нынешней модели построения разного рода конструкций в сфере научной и общественной жизни. Его монография убедительно подтверждает высказанные идеи. Она позволяет утверждать, что такой вопрос, как, например, создание и становление наукоградов, относится к вопросам внешней политики страны.

В повестке дня обозначены две темы: "Наукограды России как стратегический ресурс развития страны, повышения ее авторитета и роли на международной арене" и "Актуальные вопросы внешней политики. Акцент на послевыборные отношения России и Украины".

По первой теме у нас два докладчика — Михаил Иванович Кузнецов, директор Союза развития наукоградов России, кандидат технических наук, и член нашего Экспертного совета Надежда Гегамовна Багдасарьян.

Пожалуйста, Михаил Иванович Кузнецов, Вам слово.

М.И. Кузнецов. Прежде чем говорить о наукоградах как о стратегическом ресурсе, я сказал бы несколько слов о потенциале. Потенциал не всегда становится ресурсом. Само слово "наукоград" исторически сравнительно недавнее. Его придумали для обозначения некоторой категории таких специфических субъектов в стране два человека — Спартак Петрович Никаноров, известный ученый в области управления, стратегии, и Наталья Константиновна Никитина, его ученица, анализируя один из первых наукоградов в стране — город Жуковский.

Получилось так, что наукограды исторически в СССР формировались, но так не назывались, такой общности не было. И формировались они как средства решения крупных государственных народно-хозяйственных задач. Фактически многие из них послужили основанием высокотехнологичных отраслей. Начиная с 1930-х годов, когда появился Жуковский, после того как начали выводить ЦАГИ из Москвы, это авиационная отрасль, атомная отрасль, космическая отрасль.

По этому принципу в СССР и комплексные территории начали создавать, развивая науку. В частности, Новосибирский Академгородок по сути тоже наукоград. Такие же центры создавались и в других местах. Таким образом, исторически мы были если не самые первые, то одними из первых, кто формировал мощные научные территориальные комплексы с поселениями. Кроме нас этим занимались Германия, Соединенные Штаты в 1930-х — 1940-х годах.

Впоследствии выяснилось, что это очень интересная форма организации науки, такого комплексирования интеллекта и технического оснащения его для решения серьезных задач. Впоследствии наш опыт интенсивно начали перенимать во многих других странах. Пример Японии — гигантский проект "Технополис" с десятками таких поселений — показывает, что это очень близко нашему опыту. В городе Цукубо в государственных научных лабораториях на государственные деньги работает большое количество исследователей. Но значительная часть таких территорий на Западе и на Востоке стала возникать как экономические рыночные субъекты, в которых наука интенсивно развивалась, развивалась инновационная деятельность.

В нашей стране это все создавалось благодаря централизованным решениям высоких инстанций. После 1991 года произошли серьезные изменения, касающиеся положения наукоградов. Это было связано с тем, что увеличилось число субъектов политики, которые оказывают влияние на наукограды. Если раньше это было решение высших органов, а главными субъектами управления на этих территориях были руководители крупных градообразующих предприятий, то теперь появи-

лись главы городов, серьезно поменялась отраслевая структура. И многочисленные изменения привели к тому, что ресурс тоже стал распределенным.

В 1991 году, когда анализировался опыт Жуковского, выяснилось, что таких городов в стране довольно много. В настоящий момент мы насчитываем около 70 территорий примерно такого порядка. Они делятся на разные группы, некоторые из них до сих пор закрытые. Это такие закрытые административно-территориальные образования, как Саров, Снежинск, Лесной и некоторые другие. Они относятся к Минатому и к Минобороны.

Вторая группа наукоградов — это моногорода, такие как Оболенск, Кольцово с центром "Вектор" и другие, где есть одно крупное градообразующее предприятие.

Теперь относительно ресурса. Несмотря на то что власти очень медлили с использованием этого потенциала, тем не менее во многих регионах субъекты влияния договаривалась между собой и выбирали стратегию развития, соответствующую мировым стратегиям развития, что вело эти города по пути развития, а не просто сохранения их или деградации. Всем известен опыт Дубны, Обнинска и так далее.

Поселок Кольцово в Новосибирской области именно таким образом развивался. Расположенный там государственный научный центр вирусологии и иммунологии "Вектор" в начале 1990-х годов вышел из районного подчинения и стал самостоятельным субъектом, именно ориентируясь на инновационное развитие, на свой научный потенциал. Население — около 11 тысяч человек, в 2004 году Кольцову был присвоен статус наукограда Российской Федерации, за последние 5—7 лет этот город почти в 10 раз увеличил бюджетные поступления. Растет численность населения, при этом количество людей, занятых в научно-промышленном комплексе, растет опережающими темпами. За пять лет более чем на 16 процентов увеличилось население и на 45 процентов — число занятых. Согласитесь, это довольно необычно, если сравнивать с тем, что мы регулярно слышим о подобных территориях.

Не буду приводить примеры Дубны, Обнинска, уже пример Кольцова показывает, что этот потенциал является одновременно ресурсом, причем это ресурс стратегический, поскольку связан с современными направлениями развития, со строительством общества знаний, экономики знаний. Есть целый ряд удачных решений по этому наукограду, о которых наши управленцы говорят.

Пущино и Дубна создали в начале 1990-х годов у себя университеты, и университет Дубны сегодня является очень известным универ-

ситетом, вполне самостоятельным комплексом. Пущинский университет вообще уникальный, он создан на базе Пущинского научного центра по той модели, которой, как считается, у нас нет, но очень хотелось бы, чтобы была. Директора являются деканами факультетов. Университет довольно эффективно работает, готовит высококвалифицированных специалистов, дает второе образование, есть магистратура и аспирантура. При этом стоят в очереди и иностранцы, желающие там учиться.

В Пущино также есть интересный опыт работы с диаспорой. Это тоже та проблема, о которой у нас много говорят, потому что хотелось бы, чтобы специалисты возвращались. Сотрудники пущинских институтов, уехавшие на работу за рубеж, учтены, с ними не прерываются контакты, делаются совместные работы как внутри нашей страны, так и на зарубежные гранты. То есть совместные исследования продолжаются и на нашей территории, и за рубежом.

Но в целом внимания, которое сегодня оказывается наукоградам, инновационному развитию, явно недостаточно. Одна из проблем — это чрезвычайно медленное принятие решений в этой стратегически важной сфере деятельности. Некоторые из членов Экспертного совета, как я знаю, участвовали в разработке различных предложений по стратегическому развитию, по новой промышленной, научно-промышленной, оборонно-промышленной политике, но это как-то не очень реализуется.

В 1991 году стало понятно, что Россия обладает таким потенциалом, который может стать ресурсом, а может деградировать. В 1993 году на слушаниях в Верховном Совете была одобрена концепция развития наукоградов, потом Верховный Совет разогнали. И в 1995 году был разработан закон (кстати, в Совете Федерации), в 1999 году он был принят Государственной Думой, в том же 1999 году Ельцин наложил на него вето. К 2000 году оно было преодолено, и в том же году Обнинск первым получил статус наукограда Российской Федерации.

Сегодня таких наукоградов 14, но в ходе нормативных преобразований в 2004 году были приняты решения, которые серьезно ухудшили управление этим процессом. В частности, из законодательства были изъяты программы развития наукоградов, соглашения между тремя уровнями власти по поводу этого развития, наблюдательные советы и так далее.

Нам тогда говорили, что особые зоны должны заменить наукограды. Слава богу, некоторые особые зоны технико-внедренческого типа все-таки начали создавать в наукоградах. Это Дубна, Зеленоград, Томск.

Они переняли в качестве ресурса управления методы, связанные с управлением наукоградами, которые были тогда нами предложены и реализованы в законе. Там есть и наблюдательный совет, и соглашение между тремя уровнями власти.

В прошлом году ликвидировали агентство по особым экономическим зонам, что серьезно затормозило их развитие. Как вы знаете, управленческие решения на высоком уровне всегда приводят к тому, что управленцы начинают задумываться о собственной судьбе больше, чем о вверенном им хозяйстве.

Сейчас появилась новая инициатива — инноград. Непонятно, заменит ли он все остальные формы. Мы приветствуем то, что наукоградов, может быть, прибудет, но есть некоторые неясности по поводу того, для чего это сделано, как это сочетается с другими формами, с особыми зонами и так далее.

Такие решения отражаются не только на развитии внутри страны, они имеют значение и для международного развития. Три года назад в связи с 50-летием объединенной Европы Союз наукоградов участвовал в экономическом европейском форуме в Брюсселе, и мы видели, что большое внимание уделяется тому, как в России обстоит дело с инновационным развитием, с этими особыми территориями.

Надо заметить, что некоторые действия с нашей стороны в этом плане не всегда продуманы. Например, поездка ряда наших руководителей (это Набиуллина, Кудрин, Чубайс, Дворкович) и другие в Массачусетский технологический институт на двухдневный семинар с целью поучиться, как развивать науку, вызвала иронические отклики за рубежом. Потому что предполагается, что руководители такого ранга и без семинаров в Массачусетском технологическом институте уже должны представлять себе, как обеспечивать инновационное развитие.

Хотелось бы, чтобы решения в этой сфере принимались более системно.

Мы не сомневаемся, что при концентрации ресурсов, в том числе финансовых, бизнеса и власти можно в одном месте создать некую действующую систему. Но инновационное развитие страны определяется не одним центром инноваций с 20 тысячами населения, который и возникнет-то в будущем, через какое-то время.

У государства должна быть комплексная программа инновационного развития, в которой задействованы как крупные научные центры, такие как Москва, Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, так и более мелкие научные образования, хотя в целом численность населения на

этих территориях превышает 3 миллиона человек. Это тоже значительный потенциал.

В.М. Соловьев. Спасибо большое, Михаил Иванович, за то, что Вы нам так обстоятельно представили тему.

Хотелось бы поддержать вашу идею о том, что не может в такой огромной стране, как Россия, с ее потенциалом, историей, традициями, разрабатываться какой-то один проект, даже очень хороший. Он должен встраиваться в комплексную программу инновационного развития, имеющую ясно сформулированную цель. Не может быть построен наукоград только ради того, чтобы развивать одно направление, пусть даже с большими перспективами! Эти усилия должны быть встроены в общую программу развития страны.

Что мы наблюдаем после развала Советского Союза? Люди, воспитанные в наших наукоградах, получившие там путевку в науку, оказались невостребованными в своей стране, зато они здорово востребованы за рубежом! Не надо наступать на одни и те же грабли! И дело не в терминах: инновационное развитие, инноград, наукоград. Не в этом смысл и суть огромной работы. Необходимо сформулировать цель, обозначить, для чего все это делается, как это будет способствовать обновлению страны, выводу ее на новый уровень социально-экономического развития.

Надежда Гегамовна, пожалуйста, Вам слово.

Н.Г. Багдасарьян. Я бы хотела обратить ваше внимание, уважаемые коллеги, на то, что мы сформулировали эту тему задолго до того, как Президент объявил о начале строительства российской Кремниевой долины. Хотя меня несколько коробит, что наши разработки, наши проекты мы привязываем к каким-то иностранным реалиям.

В.М. Соловьев. Кстати, Кремниевая, или Силиконовая, долина как проект возникла намного позже тех научных центров, что были созданы в Советском Союзе

Н.Г. Багдасарьян. И Михаил Иванович приводил пример, как поехали наши руководители поучиться в Массачусетский институт, хотя Массачусетский технологический институт в свое время был создан по образу и подобию Императорского технического училища. И, между прочим, в США об этом помнят!

Но вернемся к нашей теме. В чем стратегический ресурс наукоградов? Я бы выделила четыре пласта, чтобы четко определиться с будущими возможностями, с так называемыми точками роста.

Первый пласт — это экспериментальные инновационные площадки, которые сегодня уже есть. Я понимаю, что хочется выдвинуть какую-то

инициативу, но здесь-то все уже есть. И те люди, которые знакомы с этим опытом, прекрасно понимают, что при некоторой помощи развитие существующих центров не потребует каких-то безумных вложений, как если бы создавать все на голом месте.

Теперь второй пласт. В этих научных поселениях сформировалась особая культурная среда, а в той ситуации, которая характеризует современную Россию, концентрация такого интеллектуально-культурного потенциала — это огромная ценность, которую мы просто не имеем права потерять, разбазарить.

Все, кто бывал в этих поселениях, хорошо это чувствует. Я бываю довольно часто в Дубне, в Обнинске, в Пущино, и там вы ясно ощущаете, что находитесь в особой культурной среде, в особой атмосфере. Там криминогенная ситуация совершенно другая, уровень правонарушений значительно ниже, чем в других местах. Я не беру мегаполис, где ситуация особая.

Третий пласт связан с образовательной средой. В университетах, которые созданы в наукоградах, у студентов есть совершенно уникальные возможности. Ни в каком московском университете, институте, даже в таком могучем, как МВТУ, таких возможностей нет. Студенты и аспиранты там имеют прямой выход в лаборатории институтов. Скажем, в Дубне многие занятия проводятся в лабораториях Объединенного института ядерных исследований. Строить ничего не надо, учебно-научная среда там уже есть.

Правда, я не знаю, что будет дальше, поскольку сейчас обсуждается новый закон об образовании. Как эксперт по образованию, я просто в ужасе от тех идей, которые бродят в головах наших законодателей. В частности, идея свести две диссертации к одной разрушит всю систему. Я говорю не о тех докторах и профессорах, которые уже состоялись. С ними нет проблем. Но эта идея разрушит и аспирантуру, и докторантуру. Вы же понимаете, если одна диссертация, значит, она должна быть другого уровня. Что нам с аспирантами-то делать? Какие работы они будут защищать? Как будут работать диссертационные советы?

Вообще я даже боюсь представить себе последствия такого агрессивного натиска на образование. Мы как-то пытаемся создать новую генерацию интеллектуальной научной элиты, но я боюсь, что эти разрушительные идеи сведут на нет все наши усилия. Мне не хочется вслух говорить о том, зачем и почему это делается. Мы и так все понимаем.

И по поводу авторитета нашего образования на международной арене. В советское время наша система образования не соревновалась ни с какими другими системами, не входила ни в какие коалиции и прочее, не подписывала никаких соглашений, но она обладала безусловным авторитетом. И этому не мешала двухступенчатая система присуждения научных степеней.

Четвертый пласт обозначает ту особенность, что наукограды могут выступать и сегодня часто выступают центрами регионального развития. Ведь вы понимаете, в каких диспропорциях сегодня мы живем. Население стягивается в мегаполисы и продолжает стягиваться туда. Все это создает массу проблем. И когда такие центры полноценно функционируют не только как научно-технологические центры, но и как поселения, где хорошо, комфортно, уютно жить людям, которые имеют работу там, это положительный момент.

Это очень важно с точки зрения развития страны в целом. Таким образом, наукограды — это точки роста не только в научно-технологическом отношении, но и в культурном. И понятно, что здесь есть потенциал развития страны в целом.

Теперь о предложениях. Если у вас будут какие-то идеи, соображения на этот счет, пожалуйста, выскажитесь по этому поводу. Что касается целей государственной политики, то совершенно понятно, что речь идет об интенсивном инновационном развитии, об обеспечении спроса на квалифицированный труд, обеспечение занятости населения.

Какие меры для этого необходимо принять? Михаил Иванович сегодня уже говорил о том, что необходима проработка нормативно-законодательной базы. В частности, вопрос о порядке присвоения поселению статуса наукограда должен быть законодательно определен, как и вопрос о наблюдательном совете, который мог бы осуществлять контроль за реализацией трехсторонних соглашений. Конечно, такие вопросы невозможно решать без участия научного и бизнес-сообщества наукоградов.

Часть предложений касается совершенствования системы государственной поддержки. Понятно, что необходимо финансирование, которое предоставляется на конкурсной основе. Хотя я хорошо знаю, как проводятся эти конкурсы. Но мы не можем здесь написать: конкурсы проводить честно! Вот тогда будет правильный результат.

Хочу вот на что обратить ваше внимание: в федеральном бюджете на 2010 год всего 40 процентов средств выделено от уровня 2009 года. Правильно, Михаил Иванович?

М.И. Кузнецов. Да, на все 14 наукоградов выделяется миллиард с небольшим. А сегодня мы знаем, что 10 миллиардов будет направлено только на проектирование этого иннограда, на определение того, где там что будет находиться.

Н.Г. Багдасарьян. Еще один странный момент. Доходы от наукоградов запланированы в 2010 году в большем объеме, чем в 2009-м. А финансирование — всего 40 процентов от уровня 2009 года. Так можно жить?

Развитие инновационной инфраструктуры. Здесь тоже есть целый ряд таких моментов, которые на первый взгляд частности, на самом деле они в значительной мере определяют возможности того, что будет происходить на этих территориях.

О совершенствовании законодательства о наукоградах. Есть целый ряд положений, которые, на наш взгляд, могли бы способствовать тому, чтобы наукограды смогли выполнить свою стратегическую функцию.

В.М. Соловьев. Спасибо большое, Надежда Гегамовна. Ваше выступление — основательный вклад в развитие и обсуждение темы.

Продолжаем обсуждение. Пожалуйста, Владимир Арсентьевич.

В.А. Рубанов. Я сейчас работаю вице-президентом Лиги содействия оборонным предприятиям. Проблема наукоградов мне достаточно известна. Хотел бы сказать, что проблема сохранения интеллектуального потенциала весьма актуальна, особенно в связи с решениями по инновационному развитию. Упрек, который можно сделать, это то, что решения непрозрачны, и это вызывает тревогу.

Я не буду говорить о наукоградах вообще, до меня многое сказано. Хотел бы высказать свое отношение к иннограду. Так получилось, что я в курсе дела и немного знаю тех людей, которые эту задачку пытаются решить. Вопрос иннограда — это не вопрос о том, что Вексельбергу что-то еще надо дать, а вопрос о том, что с Вексельберга взять. Да, когда начнется борьба за деньги, первыми придут девелоперы, которые проект поддержки интеллектуального потенциала будут стремиться превратить в проект технопарков, в девелоперский проект, и это вызывает достаточно большие опасения.

Поскольку средства в данном случае в значительной мере будут частными, то те, кто их будет давать, будут их контролировать немножечко по-другому. И на конкурсах честность будет гораздо более высокой, нежели на тех, что делают в госструктурах. Я это прекрасно знаю. Поэтому когда говорят о 10—50 процентах откатов... Не знаю таких конкурсов, особенно в научной сфере. Там немножко другие порядки.

Как будет формироваться эта структура, пока готовых решений нет. Были предложения сделать комплекс из наукоградов и новых иннограда, но здесь нужно не обиды высказывать, а искать решения, которые позволят в комплексе решить проблемы иннограда и наукоградов. Я в связи с этим хотел бы высказать некоторые соображения.

Нужно иметь в виду, куда движется мир. Мир сегодня разделился в сфере экономики на две зоны — это научная лаборатория и фабрика. Где мы? Если мы становимся фабрикой, то есть внедряем у себя чужие разработки, то фактически тогда мы становимся конкурентом по дешевизне рабочей силы с Китаем и Вьетнамом. Это, уверяю вас, тупиковый путь. Производство имеет смысл только тогда, когда в его основе — собственные разработки. Если, допустим, в Зеленограде будет производиться чип, цена которого в четыре раза выше мировой, а дизайн-центр будет выводиться в Тайвань, то это не тот путь. Это я говорю о конкретных проектах, которые сегодня реализуются.

Сама по себе идея производства имеет экономический смысл, когда под ней лежит собственная разработка, когда ты имеешь монопольно высокую цену, когда можешь оправдать вложения, когда ты в состоянии на первых продажах вернуть все эти деньги, чтобы идти на следующий инновационный цикл, а эти разработки отдавать в другие страны. Сегодня Китай является как бы транслятором. Пришло из Европы, они сделали, потом передают во Вьетнам. Нам говорят: купите китайское предприятие. Мы говорим: нет, сам Китай это во Вьетнаме делает. Вот эти вещи нужно отчетливо представлять, когда мы говорим об идее индустриализации.

Конечно, есть другие факторы — логистика, необходимость обеспечить людей работой. Но я смотрю на проблему с точки зрения научно-технического прогресса.

Россия имеет реальные предпосылки для того, чтобы путем повышения эффективности использовать свой потенциал.

Мы являемся пока одной из пяти стран, имеющих фундаментальную науку, будем говорить, полного цикла. И в этом плане такие задачи в принципе имеют под собой основу.

Теперь что касается роли и места науки в развитии. Дело в том, что идет смена укладов, поскольку фундаментальные идеи, на которых старые уклады держались, себя исчерпали. Если проанализировать политику Обамы, если посмотреть, что делают крупные компании, то увидим, что громадные вложения идут в фундаментальные исследования.

Возьмем Интернет. Дело не в том, что кто-то компьютеры собирает, их собирают и вьетнамцы. Дело в том, что Microsoft 2 млрд. долларов в

год тратит на совершенствование поиска в Интернете. Тот, кто Интернетом пользуется, понимает важность проблемы.

Возникает вопрос: что нам мешает?.. Это вопрос семантики, это не вопрос чипов, не вопрос производства. И Microsoft держится в принципе на наших ученых, на наших специалистах, потому что у наших системное мышление.

Нужно понимать, что сегодня фундаментальные знания становятся очень востребованным продуктом. Сегодня вдвое увеличился вклад в фундаментальную науку американцев, и математика является ключевым элементом, именно по этому пути Америка движется. А вы знаете, что в области математики Россия была сильна.

Поэтому когда возникает вопрос, в каком наукограде математика будет концентрироваться, то ответ такой: как раз инноград и служит для решения системной задачки, чтобы был какой-то целостный центр, где концентрируется фундаментальная наука.

Если говорить об Академии наук, то там свои проблемы, своя история. Дело в том, что та структура науки, какой она сложилась — академик по китам, академик по котам, — для решения проблем создания технологий, которые определяют тренд развития науки, не приспособлена. Потому что нужно обязательно попасть в какую-то ячеечку. Вот это тоже нужно преодолевать каким-то образом.

По поводу миссии инграда. Говорят, что это фактор социально-экономического развития страны. Но такой вопрос: что при чем — наука при экономике или экономика при науке? Это принципиально важный вопрос, который мы должны обсуждать.

Мы ставим задачу: наука должна быть эффективной. Понимаете, и Кашпировский эффективный, эффективней Института психологии. Кстати говоря, попытка поддакнуть власти привела к дискредитации Академии наук в связи с фильтрами Петрика.

От науки требуется одно — истина. Что такое наука? Наука — это умение превращать деньги в знания. Всё. От науки ничего не требуется. Вопрос применения достижений науки — это вопрос к бизнесу, вопрос к властям. Это нужно четко понимать при создании инграда.

Сила Америки, сила кремниевых долин заключается в том, что там не бизнесмены, которые требуют бизнес-планы, и даже не бизнесмены, которые помогают составить бизнес-план, там просто бизнес-плановая работа. Они просто творческим людям дают возможность себя проявлять. У нас такой структуры нет, и ни один наукоград сегодня этой миссии не исполняет.

Инноград должен стать ресурсным центром для предоставления грантов, которые даются под идеи, под людей. Я общаюсь с представителями диаспоры и знаю, что на других условиях никто сюда не поедет. Это тоже нужно понимать.

Далее. Если говорить о мировом уровне, то наша промышленность не в состоянии удовлетворить спрос, поэтому изначально мы должны формироваться как научный центр мирового значения. Концентрация интеллектуального потенциала должна привести к тому, что у нас должная появиться активная социальная сила, которая задает тон, задает определенную моду.

Наукограды все-таки были придатком определенных прикладных задач. При новых идеях наукограды можно использовать как площадки для отработки тех или иных технологий. Поэтому хочу сказать, что при существующем состоянии науки, при том уровне работы Минобрнауки, при тех вещах, которые существуют в академии, думаю, это может стать альтернативой, новой точкой сборки, переосмысления с целью сделать так, чтобы потенциал наукоградов использовался в полной мере.

Если смотреть на эту проблему комплексно, то надо отметить, что создание инноград дает новый шанс для развития наукоградов.

С.К. Ознобищев. Спасибо.

Россия, как всегда, идет своим путем. Весь мир в годы кризиса увеличил ассигнования на науку, на научные исследования, восприняв это как передышку и как возможность заложить основы для нового развития. А мы деньги на науку урезали, и те цифры, которые здесь озвучены, являются тому подтверждением.

При этом мы осуществляем гигантские неокупаемые проекты, такие как Олимпиада.

Что касается иноградов и всей этой кампанейщины. Я не раз бывал в Дубне и видел, что там сделано. У нас есть прекрасные научные центры, прекрасные специалисты, схемы, которые работают и которые можно совершенствовать. Тезис о том, что совершенствование существующих наукоградов не потребует таких больших затрат, как создание иноградов, он как раз работает против. Я совершенно не уверен, что деньги Вексельберга будут более проверяемыми, чем деньги государства. Я сталкивался с тем, как тратит деньги Вексельберг...

И что, Вексельберг застроит всю страну? Я в это не очень верю. Мне кажется, что главное — это попытаться добиться политического решения вопроса, чтобы не пустить "в трубу" наши деньги, а использовать уже имеющийся наработанный огромный потенциал, создавать новое

на базе существующих наукоградов. Сделать кластеры, объединить их в одну сеть и продолжать развитие уже имеющегося. Это же огромные комплексы, это и культурная среда, и условия жизни, условия для творчества, которое должно быть и прозрачным, и конкурентным.

У российского академика Сагдеева конкурс на должность ассистента профессора — 68 человек. И это реальный конкурс. Я видел, как претендентов лично опрашивали профессора. Я сам не так давно был начальником управления в президиуме Академии наук и знаю, как у нас эти конкурсы проводятся, кому и за что дается.

Таким образом, первое — это политическое решение, второе — наукограды должны выходить на создание таких инновационных схем, о которых восторженно говорят наши научные туристы, съездившие в Массачусетс, таких схем, которые работают сами по себе. Это очень трудно сделать в наших политических условиях, но такой цикл — от идеи до внедрения и патентования — надо попытаться сделать с деньгами Вексельберга или еще с какими-то, но сделать обязательно, вне зависимости от власти.

Массачусетс работает вне зависимости от того, демократы или республиканцы у власти. Он был, есть и будет, хотим мы того или нет. Поэтому, мне кажется, нам нужно подумать о проекте письма Миронова, в котором он обратился бы к тем (тут называли фамилии Суркова и прочих), кого вы считаете влиятельными в этой сфере. Может быть, в несколько адресов сделать письмо или Президенту и премьеру кратко, понятно написать, чего же мы хотим. И чтобы это дошло до адресатов, чтобы секретариат за этим проследил.

А мы хотим, чтобы главной целью было не создание новых структур, а совершенствование и объединение уже имеющегося потенциала. А с учетом актуальности этого вопроса Экспертному совету, видимо, в конце года следует вернуться к рассмотрению этой проблемы.

В.М. Соловьев. Спасибо, Сергей Константинович.

Михаил Николаевич Кузнецов, пожалуйста.

М.Н. Кузнецов. Считаю, что мы сегодня высветили только несколько аспектов тех больших проблем, которые стоят перед нашей страной и наукой. На некоторые моменты я хотел бы обратить внимание уважаемых коллег.

В принципе идеи прорыва, модернизации в истории человечества уже были. Конец XIX века дает нам очень поучительный пример, когда Германия игнорировала устоявшийся порядок, воровала, говоря недипломатичным языком, различные изобретения, ничего за них не платила, не платила и своим изобретателям и ученым. Система воровства

была проставлена на поток. И оказалось, что к промышленной мировой выставке 1889 года Германия оказалась в состоянии экономического провала. Кайзер созвал совещание, и было принято решение отказаться от воровства, платить ученым, покупать технологии, новейшие патенты, и это позволило Германии буквально за 20—25 лет сделать колоссальный промышленный рывок, который обеспечил ей возможность успешно воевать с целым рядом стран и их союзами.

В послевоенный период такая же проблема была успешно решена Японией. Очень поучительный пример — Польша. Эти страны пошли по пути заинтересованного подхода к формированию своей науки, своих разработок, впрочем, с использованием зарубежного научного потенциала. То есть платили деньги за лицензии и развивали свою промышленность. Япония 20-25 отраслей промышленности создала очень быстро при таком грамотном отношении к инновационным технологиям, и это позволило ей вскоре достичь ежегодных темпов роста примерно 18—20 процентов. В Польше тоже целый ряд отраслей (судостроение и другие) был создан на такой базе.

Что мы имеем сегодня в России? У нас опять гигантомания, тяга к грандиозным проектам вроде олимпиады. А ученый сегодня поставлен в такое гадкое положение, в котором он никогда не находился — не только в царской России, но и в советское время. Доктор наук, профессор у нас фактически никто по зарплате и всему прочему. Поэтому те 100 миллиардов, выделяемых на проектирование, которые, безусловно, будут разворованы, необходимо направить туда, где уже есть научный потенциал, а не вкладывать их в проект, который даст ли отдачу и когда, неизвестно.

И почему российская так называемая силиконовая долина должна быть под Москвой, которая и так задыхается от перенаселенности, в ней сейчас нельзя жить...

По Сколковскому шоссе вся Рублевка едет в город на работу. Ну почему там строить, когда у нас пустые территории на Урале, в Сибири, где можно было бы всю инфраструктуру создать, даже театр там открыть на эти 100 миллиардов проектных рублей.

Мне кажется, мы должны высказать свою точку зрения в записке на имя Сергея Михайловича Миронова, сказать, что мы возражаем против такого подхода, против разрушения научной среды. Потому что если мы перейдем на этот сформировавшийся в совершенно другой культуре принцип, когда нет деления на аспиранта, кандидата наук, доктора наук, а затем членкора и академика, то мы нанесем колоссальный удар по будущему нашей страны.

Завершая выступления, хочу напомнить известный факт. Президент США Джон Кеннеди собрал в 1961 году научный совет с целью понять, почему русские оказались первыми в космосе. На совещании говорилось, что хотя у русских металл хуже, организация производства хуже, не хватает того, сего, хотя они хуже живут, впроголодь питаются, но у них есть то, что позволило им первыми выйти в космос, создать мощную космическую отрасль — это на тот момент лучшее в мире общее образование. На каждый рубль, вложенный в общее образование, страна получает 12 рублей дохода, то есть в 12 раз окупаются вложения в образование. Подчеркиваю — в общее образование, в школу. Вот этот факт почему-то выпал из нашего поля зрения.

В.М. Соловьев. Спасибо, Михаил Николаевич.

Я с каждым Вашим словом согласен. И особенно с мыслью, что не нужно нам силиконовых долин на пространстве России строить для кого-то, нам нужно исходить из собственных нужд, из того, как это может помочь России выйти на новый уровень развития, вывести на новый культурный, цивилизационный уровень наше настрадавшееся российское население, а за ним и другие бывшие братские республики.

А.Г. Коваленко. У меня только маленькая ремарка. Уважаемые коллеги, посмотрите, у нас третья тема, и каждый раз это реакция на какие-то действия.. Украина — выборы прошли, а мы сейчас заслушиваем доклад, как нам дальше быть. По СНВ-2 — практически сейчас уже вроде бы согласились, что договор мы подпишем, а на Экспертном совете мы вопрос не заслушивали, никаких предложений не выдвигали, хотя мы прекрасно понимаем, в связи с чем такая спешка и какие условия нам поставят. Не мы поставим, а нам поставят.

Теперь наукограды. Президент высказался по этому вопросу. А тему мы заявили, кстати, еще в начале года. Все наши шаги — это реакция на произошедшее. Могли бы мы что-нибудь обсудить наперед, чтобы все эти записки, наши соображения обнародовались до того, как принять какие-то решения?

Далее. Я согласен с тем, что все эти инновации в отношении науки имеют характер навязывания. С одной стороны, это прекрасно. Но, коллеги, ведь это действительно колоссальный научный потенциал. Другое дело, что его нужно модернизировать как в плане технологий, так и в научном плане. Здесь правильно сказали, что надо обратить внимание на наше школьное образование, высшее образование, на наш прошлый опыт.

Я 10 лет жил за рубежом, там мои дети учились буквально с первого класса. Я могу сказать так: у них даже школьное образование направле-

но на то, чтобы не сформировать у человека цельное мировоззрение цельный взгляд на какие-то события. В математике, например, они не проходят ни аксиомы, ни доказательства теорем, в физике то же самое. У них нет таких предметов — "физика", "химия", только на последних курсах колледжа эти предметы изучают когда кто-то их специально выбирает. По истории там, например, в четвертом классе могут проходить Вторую мировую войну, а в следующем году — Первую мировую войну, потом могут рассмотреть древнюю историю своей страны и так далее. Материал дается фрагментарно, не системно в отличие от нашего образования. Это все выводит нас и к проблеме наукоградов, к тому, что мы должны сделать, какие финансовые средства должны вкладываться в образование, в науку и кем. И, конечно, важная проблема — положение ученого в обществе, в том числе то, какую он получает зарплату, какие надбавки. Стыдно сказать... И какая результативность.

В.М. Соловьев. Спасибо, Алексей Георгиевич. Пожалуйста, Вам слово.

И.Э. Круговых. Я так понимаю, что все в конце концов пришли к правильному выводу, что тема наукоградов — это на самом деле политический вопрос. И именно с этой точки зрения мы можем эти проблемы рассматривать. Вот Анатолий Антонович Коробейников помнит, как мы ставили вопрос о невостребованности науки в Российской Федерации. Были парламентские слушания на эту тему 15 лет назад, наверное. Садовничий был, все ведущие научные центры были представлены, все с упреждением сделали, все написали, все сказали. Ну и что? Вопрос политический, и мы должны именно так его и понимать. В принципе эта проблематика очень сжато сформулирована в открытом письме Президенту и премьеру российских ученых, работающих за рубежом. Его подписало несколько десятков ученых. Они четко сказали: суть не в том, что денег выделяется где-то больше, где-то меньше. В России уничтожена научная система, уничтожаются научные школы, и целые направления развития. Если это будет продолжаться, то никакого результата не будет, какие бы вложения сейчас — оперативные и точечные — не делали. Это к тому, что вопрос политический.

У России, конечно же, нет другого пути, кроме научно-технического развития. Но для этого мы ничего не делаем. Поэтому такие предложения.

Первое предложение фундаментальное. Помните, было Министерство оборонной промышленности на Маяковке, в нем было управление двойных технологий. Когда все "кувыркнулось", я помогал сотрудникам

с трудоустройством. И я видел передовые достижения военной техники, они и сегодня во многом не превзойдены в мире.

Например, система неразрушающего контроля. Если установить датчики этой системе на трубопроводе, то на расстоянии 10—20 километров они могут с точностью до сантиметра определить, где какая-то труба лопнула. Пытались в Москве все это дело внедрить. Московское правительство сказало: мы деньги получаем за то, чтобы старые трубы выкопать, потом новые трубы закопать, за кубометры мы получаем деньги. А этот прибор сразу укажет, где трещинка в трубе, и мы точечно там заменим трубу. На чем же деньги будем зарабатывать?

Другими словами, нам надо показать, что выдающиеся результаты научных исследований могут быть востребованы, что ученые могут от этого получать и финансовую прибыль, и общественное признание. Не верят люди... По 10—20 лет ходят по инстанциям со своими исследованиями.

Еще есть система мгновенного пожаротушения. В течение 10—20 секунд можно затушить пожар в 20-этажной гостинице при помощи соответствующего газонаполнителя — азота. Я видел как тушили в Узбекистане пожар от взрыва газовых магистралей высотой с полкилометра, потушили в течение полминуты.

Поэтому мы должны не только наглядно показать наши достижения, но и указать, что их неприменение может привести к катастрофам. В одной Москве система неразрушающего контроля может спасти многие здания и человеческие жизни. Это первое.

Второе. Надо в конце концов прекращать этот бардак с терминологией: свободные экономические зоны, инновационные зоны, наукограды, технопарки, бизнес-инкубаторы, чего у нас только нет. В итоге и правовая база "летит", и терминология непонятная. Мы должны прийти к единым понятиям. И в основе должна быть концепция развития. Потому что без этого мы не сможем ничего сделать.

Третье. Одна из ключевых причин того, что люди уезжают за рубеж, это то, что их труд отделен от получения реальной прибыли. Они не получают от результатов своего труда финансовой выгоды.

Сколько лет обсуждается вопрос об интеллектуальной собственности, сколько законов принимали, но не можем до конца все это дело довести. Было сделано несколько стратегических ошибок еще в Советском Союзе: когда запретили крупным научным комплексам торговать, создавать свои торговые фирмы, а кооперативам дали стопроцентное преимущество на реализацию этой продукции. В результате

научно-исследовательские центры не имели права продавать свои же изделия.

Если бы эти государственные на тот момент научные центры по закону имели хотя бы равные права с кооперативами, то все полученные деньги пошли бы на их развитие, научно-техническое в первую очередь. Задача заключается в том, чтобы создать условия, когда ученый мог бы иметь долю свою в прибыли этих наукоградов. Вот тогда они не поедут никуда.

Я поддерживаю предложение написать записку Сергею Михайловичу Миронову с соответствующими предложениями.

Теперь про "свой путь". Уважаемые коллеги смеются, но в том-то и дело, что мы никак на свой путь не выйдем. Либеральная экономика провалилась, сотни миллионов людей разорились по всему свету, а американцы продолжают всех учить, как надо вести мировую экономику. Американцы, вы хоть извинитесь, что разорили весь мир, сами провалились в кризисе. Нет, им хоть бы хны.

Я считаю, что пока мы не выйдем на свой путь, пока мы не поймем, кто мы и куда мы идем, все это будет продолжаться. Одно из ближайших заседаний объединенного совета по межнациональной политике будет посвящено вопросу самоидентификации России, и самоидентификация рассматривается как непременное условие модернизации и инновационного развития России. Без этого мы не сможем двигаться вперед.

В.М. Соловьев. Спасибо, Игорь Эрикович, я вас приглашаю по этой теме выступить на Экспертном совете.

Наталья Ивановна Калинина, пожалуйста.

Н.И. Калинина. Очень интересное сообщение, и еще более интересно разворачивается дискуссия. Но я хотела бы, как и предыдущий оратор, посмотреть на сегодняшнюю тематику с двух сторон. Мы все понимаем, что продукция наукоградов практически всегда имеет двойное назначение. Без этого статус наукограда не присваивается.

Но эта научная информация, научные данные у нас практически не защищены как интеллектуальная собственность.

Настолько провальна деятельность государства с точки зрения защиты интеллектуальной собственности, что об этом можно говорить бесконечно. Тот научный продукт, что у нас производится, спокойно утекает куда угодно по разным официальным и неофициальным каналам. Приведу два примера.

По итогам 2009 года объем торговли оружием (готовыми изделиями) составил 7,4 млрд. долларов, а экспорт продукции двойного назначения

составил 6,5 млрд. долларов. Практически сравниваются объемы продукции двойного назначения и готовых изделий.

А что для страны более опасно с точки зрения утечки? Естественно, не сам танк, а технологии по производству того, иного, третьего, десятого и так далее. У нас есть перечень продукции двойного назначения, и примерно по каждой третьей лицензии на продукцию двойного назначения идет вывоз информации в виде совместных отчетов с той или иной зарубежной фирмой или в виде дисков, информации о разработке технологий и так далее. А покупатели у нас в основном Северная Корея, страны Европы и Соединенные Штаты.

То есть нашими мозгами, нашими интеллектуальными ресурсами пользуются вот таким образом. Мне кажется, вопрос этот достаточно серьезный. Думаю, надо опять поднять проблему "утечки" мозгов и разработать предложения для всех уровней власти.

В.М. Соловьев. Спасибо. Наталья Ивановна, очень ценные Ваши замечания. Хотелось бы также подчеркнуть, что все эти вопросы связаны с тематикой национальной безопасности. И завершающиеся переговоры по СНВ являются ярким подтверждением (их часть, что не видна общественности) того, что ряд позиций, с которыми мы в ходе этих переговоров столкнулись, оказались для нас весьма сложными ввиду многих из упомянутых здесь причин.

Есть еще желающие выступить? Пожалуйста, Анатолий Антонович.

А.А. Коробейников. Буду краток. 16 лет работаю в Госдуме, в Совете Федерации. Раньше я был оптимистом, думал, не может быть опять такого, чтобы продуманные, проверенные, доведенные почти до серийного производства идеи нельзя было реализовать. К сожалению, почти ничего не удалось реализовать.

Я решил, что по поводу "Сколково" надо написать записку (хотя понятно, что не дойдет) и назвать ее "Об ошибочном (или опрометчивом) решении Президента страны".

Если она так и не будет прочитана, тогда группа наших ученых, экспертов может написать открытое письмо Президенту на эту же тему. Надо что-то попробовать сделать.

Из зала. Я предлагаю назвать записку "О поддержке предложения Президента о развитии наукоградов в России" и в рамках этого изложить наши взгляды. Ну зачем же так вот впрямую бороться с кем-то? Не надо.

В.М. Соловьев. Игорь Эрикович, я Вас попрошу проект записки сделать.

Пожалуйста, Михаил Геннадьевич Денисов.

М.Г. Денисов. Хочу сказать, что мы очень часто огульно отрицаем целые периоды в развитии нашего государства, называем как-то странно эти периоды: "застой" или еще как-то...

Вот в 1970-е годы на юго-западе Москвы был создан крупнейший в Европе научно-образовательный комплекс. Думаю, сегодня он, скорее всего, уже один из крупнейших в мире.

Смотрите, МГУ, МГИМО, МИРЭА, Академия Генштаба, Академия ФСБ, это только те из институтов, которые носят открытый или полузакрытый характер. А сколько там еще всего прочего! То есть огромная часть территории Москвы отдана под колоссальный научно-производственный комплекс.

И говорить о том, что у нас в стране нет силиконовой долины... Да Силиконовая долина — это вообще "шарашка" из тех, что у нас создавались еще при Сталине. Людей просто загоняли их в закрытые зоны и заставляли работать. Ну и кормили при этом. Силиконовая долина — приблизительно то же самое: увезти подальше от соблазнов больших городов, чтобы сидели и больше работали.

Зачем какие-то элементарные вещи, которые человечество уже знало в 1950-х—1960-х годах, выдавать за что-то необыкновенно результативное, необыкновенно прекрасное, что нам даст колоссальные результаты? Я очень внимательно прослушал выступления Президента и господина Суркова, которые взахлеб рассказывали, что надо вырвать людей из привычной среды и тогда перед ними откроются какие-то новые горизонты, что-то с ними произойдет такое, что даст им возможность творить, каждый станет Леонардо да Винчи.

На мой взгляд, если говорить о системном и серьезном подходе, один МГУ — это такое "намоленное" место, которое создано еще в XVIII веке. И весь смысл развития этих крупнейших центров, которые есть в Москве, — не просто средства туда вливать, а совершенствовать их работу. И в этом плане многое уже намечается, взять, например, президентский указ о создании научно-производственных объединений при вузах. Но посмотрите: уже прошел год — научного обоснования нет, законодательного обоснования нет, понимания, как это все регулируется, нет. Сама по себе идея прекрасная, интересная и могла бы дать колоссальный результат. Но вместо того чтобы развивать это, добиваться реализации уже принятого политического решения, вбрасывается совершенно новая идея.

Непонятна все-таки последовательность того, что предлагается. Нельзя все время предлагать какие-то новые, новые и новые формы, бесконечно всё реформировать. Это прямой путь к коррупции, к тому,

чтобы завести весь процесс в болото. Идут бесконечные реформы, при этом не доводятся до конца действия по предыдущим решениям, а предлагается создать что-то новое, причем на голом месте и с огромнейшим финансированием. Да нужны десятилетия для того, чтобы это все осуществить и добиться того, чтобы это реально работало.

В.М. Соловьев. Спасибо, Михаил Геннадьевич.

Думаю, будем завершать. Пожалуйста, Ваше заключительное слово, Михаил Иванович.

М.И. Кузнецов. Спасибо большое, коллеги, за ваши мысли, выступления. Я не ожидал, что будет столь заинтересованное и системное обсуждение. Поскольку тема Сколково получила дальнейшее развитие, я хотел бы сказать следующее. Коллега Денисов напомнил о том, что в Москве есть такие научно-образовательные комплексы. И надо заметить, что и новый проект — это Москва, потому что место в 4 километрах от МКАД, рядом с бывшей дачей Брежнева, это практически Москва. Поэтому говорить о строительстве наукограда не приходится.

И вот эта идея побуждения бизнеса к инновационной деятельности и вложениям... Я согласен, что такая тема есть, и, может быть, это было бы полезно, если бы они с энтузиазмом это делали. Но когда Президент вот так говорит, то, возможно, что это та "шарашка", в которую когда-то великих ученых собирали, а теперь собирают олигархов.

В то же время я согласен, что надо продвигать идею из организационно-технологических соображений. Хорошо бы, чтобы эта "инноградская штука" как-то помогла системно посмотреть на этот вопрос.

Теперь по поводу замечания, которое Наталья Ивановна сделала. То, что условием для получения статуса наукограда является наличие двойных технологий, совершенно неверно. Как раз сейчас такая ситуация, когда "отраслевизм" и разделение по ведомствам превалируют. В частности, Минобрнауки нам говорит: не занимайтесь вы ЗАТО, занимайтесь наукоградами. Но Саров, Снежинск и другие и есть наукограды, просто по другому критерию их объединили, потому что они закрытые, ЗАТО.

Еще раз, коллеги, спасибо большое.

В.М. Соловьев. Я обещаю: все предложения, замечания, что сегодня прозвучали, будут учтены. И попробую сделать таким образом, чтобы это было подано в форме информационного бюллетеня.

Надежда Гегамовна, пожалуйста.

Н.Г. Багдасарьян. В результате обсуждения практически все наиболее существенные для решения этой проблемы точки были обозначены.

Письмо, о котором здесь говорили, написать, безусловно, надо, не обозначая себя как некую оппозицию.

К сожалению, в средствах массовой информации эта тема практически не освещается. Понятно, что телевидение в принципе не заинтересовано в том, чтобы давать населению достоверную и очень важную с точки зрения стратегии страны информацию. Мне кажется, в этом плане нам надо поработать.

В.М. Соловьев. Подводя итоги, хочу сказать, что у нас состоялось очень интересное обсуждение темы. Тут высказывались замечания по поводу тематики. План составляется с учетом готовности, созревания той или иной темы.

Все прозвучавшие мнения по теме наукоградов в России подтверждают актуальность сюжета. Иногда позиции были диаметрально противоположными. Это отражает состояние умов в нашем обществе. И это касается не только такой специфической темы, как наукограды, но и гораздо более широких проблем, по которым в принципе нам надо уже приходить к национальному консенсусу.

2.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. АКЦЕНТ НА ПОСЛЕВЫБОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

(Из стенограммы заседания от 26 марта 2010 года)

В.М. Соловьев. Переходим ко второму вопросу. Речь пойдет об актуальных вопросах, стоящих сегодня перед российской внешней политикой. В то же время делается акцент на будущее отношений между Россией и Украиной после произошедших на Украине изменений.

Петр Григорьевич Белов высказал готовность выступить по теме "Актуальные вопросы внешней политики. Акцент на послевыборные отношения России и Украины".

П.Г. Белов. Уважаемые коллеги! Цель моего сообщения — уяснить перспективы в геополитическом плане нам самим и просвещать в этом плане остальных, в том числе братьев-украинцев.

О геополитических перспективах обособленной Украины

Изменения на политической карте, произошедшие за короткий по историческим меркам период после распада советской системы, не имеют аналога в мировой истории и ставят получившие новую государственность страны и их граждан перед вызовом самоопределения. Рост очагов этнонациональной и этноконфессиональной конфликтности внутри этих "национальных государств" обычно разводит "национальные" и "государственные" начала в системе ценностных ориентиров гражданина. В связи с этим особенно наглядна геополитическая ситуация в нынешней Украине, которой и посвящен настоящий доклад.

Исходные понятия и предпосылки

Общепринято, что мировоззренческая система людей формируется под воздействием как минимум двух начал — собственно этнического, понимаемого в антропологическом и, следовательно, в психическом плане, и ландшафтно-географического. Поэтому образующиеся в результате подобного взаимодействия человеческие общности являются необычайно устойчивыми во времени и мало поддающимися изменениям в течение жизненного цикла. Отсюда можно дать следующие базовые определения для феноменов, характеризующих структуру человечества.

Этнос (геоатом) — совокупность людей, связанных особым психофизическим единством, совпадением или близостью основных стереотипов мышления и поведения, адаптированных к определенным ланд-

шафтам, где развертывается свойственная им хозяйственная деятельность и складываются неповторимые формы бытия.

Государство (геомолекула) — социально-географическое образование людей на основе общественного договора, постулирующего его управление, внутреннее устройство, внешние границы и политические институты.

Цивилизация (геомолекулярное соединение) — надобщественная, объективно существующая общность людей, характеризующаяся единым мировоззренческим полем, которое сформировано под воздействием единых пространственных, этнических и культурно-исторических факторов.

Данные определения позволяют перейти к уточнению содержания основных категорий геополитики, необходимых для внесения ясности в последующий геополитический анализ рассматриваемой здесь Украины. В последующем будем подразумевать, что *геополитика* — эта сфера теории и практики, рассматривающая эволюцию тех отношений и интересов перечисленных выше сообществ, которые связаны с реализацией их территориальной экспансии или рецессии. Ее объектом правомерно считать сами эти сообщества, а предметом — наиболее общие закономерности взаимодействия их этно-культурно-территориальных укладов, сопровождающегося исторически последовательной сменой их первоверховенства.

Что касается *государства*, то следует особо выделить присущее ему стремление к занятию некоего оптимального и наиболее стабильного положения, которое способно обеспечить его длительное существование и безопасность. Это стремление к подобному оптимуму обеспечивается прежде всего благодаря превалированию следующих основных факторов:

- *гомогенность* (культурно-цивилизационная и этноконфессиональная) населения государства, позволяющая минимизировать внутренние конфликты, неизбежно возникающие между разными цивилизационными слоями, особенно в случае преобладания одного над другим;
- *наличие* естественных *рубежей*, к которым можно отнести морские границы, горные хребты, реки, климатические барьеры и которые, как правило, совпадают также с этническими или цивилизационными границами государства;
- *компактность* территории и отсутствие приграничных сухопутных выступов или анклавов.

Помимо только что изложенного в число геополитически значимых *характеристик* государства логично включить размеры его территории, численный и половозрастной состав населения, военный и торго-

во-экономический потенциал, которые в совокупности определяют его геополитический статус, проявляющийся в соответствующем (геополитическом) давлении[1] на сопредельные страны. Подобное давление осуществляется как напрямую ("в лоб"), так и в форме осмотического проникновения через границы, которые играют роль защитных мембран государственного организма.

Что же касается *геостратегии*, то ее целью следует считать долгосрочное регулирование сопредельного геополитического давления, предполагающее: а) умелое формирование внешнего окружения страны, соотнесенного к морским и сухопутным границам; б) наличие буферных зон (территорий) на этнических и цивилизационных стыках; в) обладание полезными ископаемыми, развитыми вооруженными силами, внутренними и внешними коммуникациями. Всё это способно если не обезопасить государство, то дать ему возможность для адекватного реагирования в случае любой агрессии, которая обычно имеет следующую ландшафтно-географическую *детерминацию*: рост антропогенной нагрузки → изменение качества и размеров экологической ниши какого-то сообщества → обострение там социальной агрессии → ее проявление сначала внутри, а затем и вовне → угроза стабильности и целостности соответствующих геообразований.

Проблемно-ориентированный анализ геополитического положения Украины

Рассмотрение нынешней геополитической ситуации в Евразии следует осуществлять с учетом перспектив не только Украины, но и России. При этом мне, как русскому офицеру, представляется очевидным, что будущая (великая) Россия может возродиться и выжить лишь путем собирания основных территорий прежнего СССР. На этом пути ей предстоит решить ряд весьма острых политических вопросов. Пожалуй, наиболее важный из них — украинский вопрос.

Важную роль в подобных ситуациях играет *национальная идентичность*, которая может трактоваться[2] как самоотождествление с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющих индивиду соотносить себя с ним. Тенденции развития современного миропорядка свидетель-

---

[1] *Морозов Е.Ф.* К вопросу о геополитических предпосылках стратегии национальной безопасности / Материалы НПК "Стратегия национальной безопасности России". М.: РАГС, 2009. С. 76.

[2] *Семененко И.С.* Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения// Полис. 2009. № 6. С. 8—23.

ствуют, что пути трансформации государственности уже давно и все более заметно расходятся с нациестроительством. Феномен так называемых несостоявшихся государств (failed states) — одно из ярких проявлений этой тенденции.

Естественно считать также, что в процессе исторического взаимодействия государства и его граждан может переутверждаться национальная идентичность, из которой, по выражению С. Хантингтона, вырастают национальные интересы. Для тех молодых государств, которые ищут пути утверждения государственного суверенитета, источником становится мифотворчество, окрашенное в национальные тона, и приватизация общего культурного наследия как национального по праву крови или почвы. Не нация творит государство, а государство пытается сотворить "под себя" нацию как источник стимулов для собственного развития, для чего из прошлого извлекаются исторические и культурные символы самоосознания нации. Так, украинским писателем оказывается вряд ли помышлявший о такой судьбе Н.В. Гоголь, а героем Украины — С. Бандера, никогда не бывший этническим украинцем.

Кроме того, уясняя суть украинского вопроса, следует помнить, что становление нового независимого государства — процесс всегда мучительный, сложный и противоречивый, особенно если он сопровождается крушением империи, в состав которой входила политически самоопределяющаяся территория. В таком случае независимость последней часто становится не только искомой, но и вынужденной формой существования. При этом соответствующий риск проявляется не до, а уже после ее обретения. Именно эти обстоятельства во многом определяют нынешний процесс становления независимой Украины.

Правда, украинское "самостийничество" появилось отнюдь не вчера, но в его становлении быстро выяснился дефицит надежных средств по обеспечению позитивного результата. Ведь в своем классическом виде "самостийничество" представляет собой идеологию разрушения, а не созидания. Чтобы на длительный срок обеспечить лояльность украинского населения по отношению к существующей власти, потребовалось изыскивать дополнительные идеологические средства в виде "теории единства и генетической преемственности" трех украинских государств (держав). Первой украинской державой авторы этой "концепции" взяли Киевскую Русь, второй — казацкое государство Богдана Хмельницкого, а третьей — украинское государственное образование периода Гражданской войны.

Согласно логике подобной преемственности современная независимая Украина может быть названа четвертой украинской державой. До-

казать ее связь с предыдущими "украинскими державами" необходимо для того, чтобы обосновать вовсе не бесспорную истину: современная независимая Украина не вновь созданное, а воссозданное суверенное государство, и, следовательно, вопрос о закономерности ее появления на политической карте отпадает сам собой. На самом же деле четвертая украинская держава — явление новое, не имеющее, в отличие, скажем, от Пятой республики во Франции, непосредственной исторической связи с "державами-предшественницами". Дискретность политического развития Украины — одна из причин, по которым право на существование четвертой державы многими (в том числе и гражданами Украины) ставится под сомнение[1]. Происходит это зачастую подсознательно — из-за явного отсутствия ощущения инерции украинской государственности.

Справедливости ради следует признать, что четвертая держава уже оказалась более долговечной, чем вторая и третья. Но это не ахти какое достижение. Удастся ли ей сравняться (хотя бы приблизиться) по срокам существования с первой — вот в чем вопрос. Решить его, не имея представления о долгосрочных перспективах независимой Украины, невозможно. Другими словами, право на существование независимого украинского государства — не аксиома, а в лучшем случае теорема, которую следует доказать или опровергнуть исходя из общепринятых в геополитике критериев. Обеспечить же такого рода перспективное планирование как раз и призвана геостратегия.

Попытаемся разобраться со всем этим последовательно, начиная с оценки ***гомогенности*** населения рассматриваемой здесь Украины. Дело в том, что в запасе у украинских "державников" всегда имелся данный принцип геополитической идентификации, то есть самоопределение на основе так называемых украинских этнических территорий. И сейчас это положение время от времени берется на вооружение национал-демократическим лагерем политических сил четвертой державы. Однако проблема сложнее, чем это представляется подобным отцам-основателям и политикам.

Например, цитируемый выше московский геополитик Е.Ф. Морозов[2] утверждает, что реально существует не мифический "украинский народ", а три разновозрастные этнические общности: русины подкарпатские, галичане, малороссы и четвертая, формирующаяся — новороссы. С другой стороны подходит к этой проблеме украинский правоза-

---

[1] *Никифоров А.Р.* Геополитический смысл Украины // Русский геополитический сборник. 2000. № 4. С. 75—90.

[2] *Морозов Е.Ф.* Теория Новороссии// Русский геополитический сборник. 1996. №1. С. 21.

щитник В.Д. Малинкович[1], отмечающий условный характер этнонимов "русский" и "украинец", так как отсутствуют строгие критерии, позволяющие размежевать русское и украинское население Украины. Не может быть таким критерием и соответствующая запись в паспорте, так как геоатом — этнос не столько состояние, сколько процесс, способный встраиваться в другие геомолекулы и их соединения.

Непосредственно для Украины все это означает, что ее население, конституционно провозглашенное "украинским народом", вовсе не является неделимым геоатомом (см. слайд 1), как не является им лингвистически идентифицируемое украинство, именуемое в Основном законе четвертой державы "украинской нацией". Если в декабре 1991 года на территории УССР возобладали самостийнические настроения, то этот факт вовсе не является поводом для того, чтобы считать сделанный тогда выбор выбором на века. В подтверждение данного сомнения достаточно напомнить, что еще в марте того же 1991 г. большинство жителей советской Украины поддержало сохранение СССР. Рассматриваемая здесь проблема еще более усугубляется наличием так называемых *полиэтнических мешков*, т.е. своеобразно заселенных приграничных территорий. Это Крым, ставший сегодня таким мешком для крымских татар, караимов, крымчаков; Буджак (Южная Бессарабия) — для молдаван, болгар и гагаузов; Закарпатье — для венгров и словаков, к тому же являющееся частью их исторической территории. Заметим также, что основные коммуникации, ведущие в большинство из этих территорий, проходят через территорию других независимых государств.

Слайд 1. Состав и зоны проживания этносов

[1] *Малинкович В.Д.* "Русский вопрос" в Украине// Открытая политика. М., 1997. С. 77—79.

Приближаются по своим характеристикам к "полиэтническим мешкам" Волынский (Волынская область), Галицко-Буковинский (Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская и Черновицкая области), Донецкий (Донецкая, Луганская и Харьковская области) и Северский (Сумская и Черниговская области) территориальные выступы. Любопытно, что восточнославянский (русско-украинский) этнический массив Крыма и Одесской области (как и Буджака) преимущественно русскоязычен, а в Закарпатье своего рода "заменителем" русского фактора является русинство. Все эти три региона, каждый в своеобразной форме, заявили о желании иметь особый экономический режим.

Что же касается геополитического анализа национальной ***территории*** четвертой державы, то постановку данной задачи можно выразить следующим образом: как правильно определить то пространство, которое необходимо и достаточно для становления этого нового политического организма? Какой критерий должен быть положен в основу его пространственного обособления? Едва ли стоит искать универсальные ответы на эти вопросы. Важно, чтобы у тех, кто выбрал самоопределение, существовал внятный и непротиворечивый вариант своего ответа.

Если разобраться, то отцы-основатели вновь образованной Украины первоначально поставили на принцип нерушимости внутренних (административных) границ между республиками СССР, которым был придан статус государственных. Однако сейчас очевидно, что этот принцип не имеет даже среднесрочной перспективы, не говоря уже о долгосрочной. Об этом свидетельствует как опыт деколонизации Африки, Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, охваченных сегодня эпидемией внешне- и внутриполитической нестабильности, так и наш собственный опыт, накопленный с конца 80-х годов прошлого века практически каждым из новых независимых государств.

Иначе говоря, постсоветское пространство, нарезанное по линиям национально-территориального размежевания Союза, проведенным под линейку или просто от руки кремлевскими "интернационалистами", сегодня сотрясается десятками "горячих" и "холодных", актуальных и потенциальных конфликтов. Не обошли они и Украину (слайд 2). Попытка распространения принципа нерушимости границ от международно-правовых во внутрисоюзные отношения завершилась полным провалом в Приднестровье и Абхазии, Чечне и Южной Осетии, Нагорном Карабахе...

Слайд 2. Проблемные регионы нынешней Украины

Нельзя не обратить внимание также на "неправильную" *конфигурацию* территории четвертой державы. Изгибы украинской государственной границы образуют несколько выступов, в той или иной степени отрезанных от основного массива земель Украины. При этом ее государственные рубежи почти нигде не совпадают с естественными. По признанию С.Л. Рудницкого[1], "одиноко доброй границей" Украины является лишь Черное море. Вот почему логично утверждать, что целостность государственной территории Украины недостаточно обоснована и географически.

Мы уже не говорим о том, что четвертая держава в ее нынешних границах представляет собой своеобразный *ландшафтный* конгломерат. Ни один тип ландшафта в ней не представлен полностью, ни один не доминирует. Степи, пересекающие территорию Украины с запада на восток, тянутся дальше, вплоть до Алтая. Украинские реки или берут начало, или впадают в моря за пределами четвертой державы. Карпатские горы не столько обрамляют украинскую территорию, сколько врезаются в нее, а морское побережье не включает всей береговой полосы Северного Причерноморья.

---

[1] *Рудницкий С.Л.* Огляд національної території України. Берлін. 1923. С. 13.

Таким образом, культурно-цивилизационная и этноконфессиональная неоднородности населения, "геометрическая" неправильность занимаемой им территории и фрагментарность ландшафтов заставляют усомниться в длительном стабильном и безопасном существовании ныне обособленной Украины. Грубо говоря, геополитически эта страна включает сегодня четыре части (слайд 3): а) собственно Украину (точнее, Малороссию) в границах, примерно совпадающих с границами, определенными Зборовским миром 1649 года; б) Галичину (Червонную Русь), напоминающую границы территории, воссоединенной с Советской Украиной в 1939 году; в) Карпатскую Русь, большая часть которой оставалась за пределами СССР даже после того, как ее ядро — Закарпатье — было присоединено к Советской Украине в 1945 году; г) Новороссию, то есть восточные и южные регионы, включая Крым.

Слайд 3. Культурно-исторические регионы Украины

Обзор геополитических смыслов и перспектив Украины

Как было показано выше, нынешняя, четвертая держава не представляет собой единого геополитического организма ни по отдельным характеристикам, ни по их комплексу. Дело в том, что ее *позиционирование* в качестве суверенного государства является результатом той политической диверсии против России, которая была осуществлена более сотни лет назад германским и австро-венгерским генеральными штаба-

ми в планируемой ими очередной войне. Давно уже нет этих штабов, но фикция живет собственной жизнью, подпитываемая самовоспроизводством кадров, подготовленных в свое время Веной и Берлином для осуществления этой самой диверсии.

А разве не курьезна история с *установлением* границ самостийной Украины? Ведь ее западный участок определен Берлином в 1918 году при капитуляции России в Брест-Литовске — как рубеж германской экспансии в восточном направлении. Восточный же участок был указан советскому правительству британским министром иностранных дел лордом Керзоном — как предел продвижения Красной Армии на запад в 1920 году, тогда как северную и южную границы четвертой державы уже установили русские "империалисты". Неприкосновенность же рубежей нынешней независимой Украины гарантируется прежде всего американцами, а ее экономическая жизнеспособность зависит от покладистости Российской Федерации и доброжелательности МВФ. Такой вот суверенитет...

Парадоксально также, что украинские "самостийники" традиционно видели геополитический *смысл* независимой Украины в обслуживании чужих интересов. Еще сподвижник Мазепы Ф. Орлик в своем "Выводе прав Украины" говорил о ней как о "забрале Европы" против русской угрозы. Упомянутому выше С.Л. Рудницкому геополитический смысл Украины периода Гражданской войны виделся двояко: а) успешно защищать Средиземное море и Переднюю Азию от российских экспансионистских посягательств; б) одновременно стать основой для "балтийско-понтийской федерации" (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина), необходимой для защиты Центральной и Западной Европы все от того же российского "экспансионизма". Да и современный украинский политолог М.Б. Погребинский считает Украину всего лишь "мостом" между Европой и Россией.

Любопытно, что перечисленные определения геополитического предназначения и места независимой Украины совпадают с зарубежными стратегиями, отводящими ей подчиненную роль для решения чуждых ей задач. Иначе говоря, ориентация на обслуживание чужих геополитических интересов — вовсе не заблуждение украинских "самостийников". Это ставка на международную поддержку в деле отрыва украинских земель от России и включения украинского населения в "семью европейских народов". Отсюда их принципиальная готовность толкнуть Украину в чьи угодно объятия, лишь бы "прочь от Москвы!". И именно в этом — одна из причин украинских проблем.

На деле же преодолеть геополитическую неполноценность четвертой державы и обеспечить ей достойное место в ныне формирующемся

мироустройстве можно несколькими путями. Первый из них — территориальная ***экспансия***, к чему, собственно, и призывал тот же С.Л. Рудницкий (слайд 4). Для него "идеалом украинцев является вольная Украина в ее этнографических границах", в которые он включал все Нижнее Приднестровье, ныне польские Холмщину, Подляшье, Надсянье, Лемковщину, румынскую Марморейщину (часть Буковины), белорусское Полесье (вместе с Брестом), часть российских Брянщины, Курщины, Белгородчины, Подонья, Ставрополья и всю Кубань. Еще большие амбиции демонстрировал его коллега Ю. Липа[1], который указывал на необходимость украинской гегемонии во всем черноморском регионе.

Идея территориальной экспансии имеет носителей и среди нынешних довольно актуальных политических сил четвертой державы. Ее не раз уже высказывали лидеры УНА-УНСО. О степени серьезности подобных заявлений можно судить хотя бы по тому, что политическая составляющая этой организации (УНА) была представлена в украинском парламенте образца 1994—1998 годов, а ее военное крыло (УНСО) уже получило определенный боевой опыт в Абхазии и Чечне, а также на улицах Киева и Минска.

Слайд 4. Этнографические границы вольной Украины

[1] *Липа Ю.* Предназначение Украины. Нью-Йорк. 1953. С. 57, 58, 286.

Но как далеко смогут продвинуть эту украинскую идею в своем продвижении на восток "крестоносцы XXI века"?

Другой перспективой могла бы стать ***федерализация*** четвертой державы, казалось бы, естественно вытекающая из своеобразия слагающих ее регионов (слайд 5). Но на самом деле эта идея едва ли может быть признана конструктивной. Подробный разбор негативных последствий федерализации Украины показывает, что реализация этой идеи способна поставить под вопрос само существование украинского государства. Например, с явной осторожностью к идее федерализации относится Л. Чекаленко-Васильева[1]. Подобную позицию занимает и В.А. Темненко[2], неустанно отстаивающий так называемую "корневую федеративную структуру" Украины.

Слайд 5. Один из вариантов возможной федерализации Украины

Действительно, политическое оформление украинских регионов неизбежно приведет к углублению и расширению существующих между ними культурно-исторических и политических трещин. Именно поэтому идея федерализации всегда бралась на вооружение слабейшей стороной: до 1990 года — Галицией в ее борьбе против СССР, с 1990 года — Новороссией или отдельными ее регионами для борьбы против "укра-

---

1 *Чекаленко-Васильева Л.* Влияние регионализма на формирование внешней политики Украины // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 2. Россия, Украина, Белоруссия. М.: Весь мир. 1997. С. 183.

2 *Темненко В.А.* Три Украины// Таврические ведомости. 1997, №1. С. 27.

инского национализма". Вполне возможно, что Галиция вновь вернется к идее федерализации — для борьбы с Новороссией. Логика здесь проста: если нельзя перетянуть на свою сторону всю Украину, то стоит попробовать отломить от нее хоть кусочек. Если же силенок достаточно, то лучше иметь всю Украину. Именно так следует расценивать соответствующие намерения Запада, связанные с приемом этой страны в НАТО. Однако тщательный мониторинг настроений украинского населения, проводимый с 2000 года и публикуемый киевским "Razumkov Centre" на средства Германии и США[1], свидетельствует о несвоевременности принятия подобного решения.

Наиболее же перспективным, на наш взгляд, является ***возвращение*** Украины совместно с Белоруссией в семью славянских народов. Последний вопрос имеет такое же происхождение, но его решение облегчено тем, что белорусский этнос уже прошел не только фазу пассионарности, но и инерционную фазу. Ведь "польский" элемент, проповедуемый там представителями чернорусского субэтноса Белосточины, Гроденщины и Виленщины, ныне ослаб, тогда как три восточные области Белоруссии — чисто русские, и именно они возглавляют борьбу за единство славянских народов. В целом воссоединение России и Белоруссии, видимо, и будет началом процесса воссоединения русской нации и создания Великой России.

И вот здесь, вслед за украинским и белорусским, встает славянский вопрос. Не будем останавливаться на его сложной предыстории и современном изложении — они достаточно хорошо исследованы. Укажем только, что его фундаментом является всё тот же закон ирреденты, на сей раз славянского суперэтноса. Достаточно давно существует и план создания единого геополитического организма славянской нации — Славянской федерации (по Н.Я. Данилевскому). Наша задача в данный момент истории — наметить ближайшие этапы претворения великого плана в жизнь.

Первым шагом на пути выполнения данного плана может стать создание Славянской конфедерации, в которой единые органы примут на себя решение тех проблем, которые государства-участники делегируют в ведение конфедерации. В жизнеспособном конфедеративном организме объем вопросов общего ведения будет постоянно расти. А жизнеспособным этот организм сможет стать только при условии заложения в основу отношений государств-участников принципов полного равенст-

[1] Подробнее об этом см., например, результаты исследования "Geopolitical Orientations of Ukrainian citizens: European Direction", опубликованные в журнале National Security & Defense. 2008. № 6. P. 41.

ва в политической сфере и эквивалентного обмена — в экономической. Судьба прежнего Совета экономической взаимопомощи, который был самой настоящей конфедерацией, и в котором в политике превалировали отношения типа "диктат — подчинение", а в экономике — "донор — акцептор", должна многому научить нас.

* * *

В завершение доклада обратимся к такой категории, как нация. При этом отметим, что данное понятие не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом. Наиболее правы те, которые определяют нацию как *единство* исторической судьбы. Реализовать же свое предназначение полностью в нынешнем "обществе риска" (метафора У. Бека) невозможно без тех уникальных смыслов, которые объединяют русских, белорусов и украинцев в единую славянскую цивилизацию. Особенно это важно в условиях все обостряющегося ресурсно-энергетического вызова, в котором выживут лишь наиболее мощные государства, чья борьба за собственное самосохранение заставит их забыть ныне курируемые страны, включая и Украину.

Что же касается отношений между Россией и Украиной, то здесь уместно было бы напомнить следующее *предупреждение:* "Россия кончится тогда, когда у нее будет ампутирована Украина".

Н.Г. Багдасарьян. Спасибо, Петр Григорьевич.

Кто хотел бы принять участие в обсуждении? Пожалуйста.

В.И. Алдонясов. Петр Григорьевич поднял, безусловно, одну из серьезнейших геополитических проблем в череде других проблем — Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток, Калининград, это все критичные, "горящие" точки.

Мне кажется, чтобы понять правильный вектор в практическом решении этой проблемы, было бы уместно вот что сказать. Фактически с 1917 года и по сей день мы являемся свидетелями сложнейших геотектонических процессов, которые развертываются на этом огромном пространстве от Балтийского моря до Берингова пролива Тихого океана в западно-восточном направлении и от Шпицбергена до Кушки и Армении в южном направлении. Или, если Черноморский бассейн, то это Крым.

То есть Россия как империя фактически просуществовала дольше всех мировых империй. Поэтому с геополитической точки зрения надо несколько шире посмотреть на эту проблему, чтобы понять, что будет и куда мы идем.

Ведь Первая мировая война столкнула крупнейшие и самые передовые империи мира того времени — это Германская империя, Британская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя и, наконец, Российская империя. Результатом Первой мировой войны явился передел, по сути дела перекройка, всех существовавших границ, и мы знаем, к чему это привело.

Версальский мирный договор 1919 года фактически привел Гитлера к власти в 1933 году, поскольку Германия была унижена, обобрана, с их точки зрения, и явно недовольна переделом мира по Версальскому договору. Существовала система нацизма и глобального фашизма — я имею в виду все фашистские партии, которые были в Швеции, Норвегии, во Франции, Великобритании, в США, были русская фашистская партия, итальянская фашистская партия, японская, то есть можно говорить о всемирном фашизме. И вот Советский Союз, который явился как бы преемником Российской империи, вступил с ним в схватку.

Кстати, в 1919 году от Российской империи оставалась одна относительно небольшая полоска, которая тянулась от Петрограда до Астрахани, шириной примерно в 400 километров в восточном и западном направлении. Все остальные территории уже отпали, и Украина в их числе. На территории Украины за очень короткое время сменилось четыре или пять политических систем и правительств, включая германскую оккупацию, которая дошла до границ с областью Войска Донского. Это, кстати, и привело потом к ожесточенному сопротивлению, это была Гражданская война... Однако большевики смогли воссоздать гигантскую территорию, которой фактически уже не существовало.

В 1990-е годы произошла новая революция — когда Советский Союз распался, от него отвалились огромные куски Восточной Европы, и этот процесс продолжается. Вот то, что я назвал: "хронические геотектонические процессы", геополитические процессы.

И сейчас мы находимся в определенной фазе. Петр Григорьевич попробовал оценить события на территории Украины, но глядя на них из Москвы. Это необходимо, конечно, делать, но без анализа точек зрения самих украинцев. А картина будет неполная. Тем самым мы продолжаем квазиимперскую политику, "московскую", пытаемся "сшивать куски", не поинтересовавшись, а эти "куски" хотят пришиться или нет?

Мы должны учитывать их точки зрения, понимать, какие у них алгоритмы развития. А там ситуация невероятно сложная! В качестве альтернативного варианта могу предложить следующее. Фактически избирательная кампания, которая на наших глазах проходила на Украине, повторяет свою неодномерную политическую "фигуру". Украина факти-

чески является метастабильным государством, то есть она четко делится минимум на два огромных куска или даже на четыре.

Петр Григорьевич Белов сделал языковый, региональный анализ: малороссы, чернороссы, белороссы, великороссы, русины и так далее. Но это один только срез, этнический срез, но никак не политический срез! А избирательная кампания фактически выявляет именно политическую расстановку общественных сил. И совершенно четко видно, что есть правобережная Украина и левобережная Украина. Янукович в отчаянной борьбе, которая продолжалась в течение пяти лет, одержал победу по какой причине? Из-за того, что "перевесил" огромный левобережный кусок "Украины, где, собственно и концентрируется промышленность." Это индустриальная Украина, это рабочий класс. Там как раз больше всего русского населения. Это связано с историческим освоением этих территорий. Это Харьков, Донецк, Днепропетровск. А отдельно — Крым и Одессщина.

Складывается впечатление, что Украина как государство еще не состоялась. Это некое метастабильное образование, есть много факторов, которые доказывают это. "Они" еще и политически не сформировались. Одним из элементарных доказательств этого является поведение депутатов в Верховной Раде. Порою это просто позорное, безобразное поведение... На протяжении пяти лет — и при Ющенко, и при Тимошенко — шла буквально драка за микрофон. Ни в одном из парламентов мира мы такого не наблюдаем, кроме эпизодов с драками в японском парламенте. Здесь же мы видим хроническую, систематическую неспособность достойно вести себя в высшем законодательном органе страны.

А объясняется это тем, что Украина не имела своей политической культуры. И небольшой срок существования украинской государственности в 1918—1919 годах был недостаточен для ее формирования. Украина вошла в состав Советского Союза не как самостоятельная единица, а как одна из его республик.

Сейчас же они пытаются декларировать ее, как "незалежну", как независимую, как самостоятельную. Отсюда "дергание" в Евросоюз, в НАТО. При Януковиче будет тенденция "полуповорота" к Москве. Украина, по сути, несформировавшееся государство. Формально она имеет все атрибуты государства, а фактически не имеет опыта, исторического и геополитического, да и собственных традиций независимого существования. Нам надо еще подумать, нужна ли нам такая Украина как наше южное подбрюшье.

В.М. Соловьев. Прошу иметь в виду, что проблема Украины была инициирована не для того, чтобы высказывать какие-то крайние, весьма далекие от реальности позиции.

В мае готовится визит российского Президента в Украину. Необходимо не только в своих действиях, но и в своих речах в отношении Украины быть сверхосторожными, сверхдипломатичными, сверхчувствительными.

Впервые за последние годы зафиксировано (это данные украинских социальных институтов), что 93 процента украинцев позитивно относятся к России. Этого не было никогда за все время существования независимой Украины. Не надо трактовать тему так, что это может вызвать противостояние. Этого я не могу допустить как ведущий заседания Экспертного совета.

Пожалуйста, Вам слово.

А.Г. Коваленко. Я согласен с ведущим и считаю, что мы должны найти все возможности для того, чтобы сделать Украину поистине братской страной. Что для этого надо сделать? Одним из главных факторов, с моей точки зрения, должен стать экономический подход. Везде декларируется: к отношениям с Украиной и Белоруссией мы должны подходить прагматично, искать свой интерес. Конечно, мы не должны упускать своего интереса. Но, с другой стороны, если мы хотим в их лице иметь друга, или хотя бы партнера, или хотя бы нейтрала, или хотя бы страну, которая поддерживает нас, мы обязательно должны за это платить.

Это делают Соединенные Штаты Америки, европейские страны. Что они сделали с Югославией? Да, они ее раздробили, но сколько они теперь платят за то, чтобы все это сохранить, чтобы эти новые страны были их союзниками или по крайней мере их поддерживали.

Да, мы видим те процессы, которые происходят в Украине. Можем ли мы что-либо сделать, чтобы эта страна была стабильной и чтобы она была ближе к нам, нежели к Западу? Да, конечно. Что следует сделать? Надо искать разные пути. Надо ли платить? Да.

Это моя позиция, и, думаю, ее поддержат многие политики. Мы должны помочь этой власти. Если эта финансово-экономическая помощь будет способствовать единению страны даже при частичной поддержке западных областей, если эта помощь будет поддержкой той политики, которую предполагает вести новый президент Украины, это будет лучшим результатом нашей политики.

В.М. Соловьев. Кто еще хотел бы выступить?

Пожалуйста, Игорь Эрикович.

И.Э. Круговых. Я здесь, наверное, единственный запорожский казак, и остаться в стороне от этой тематики мне трудно.

Действительно, в победе Януковича есть целый ряд аспектов, значимых для России. Но нам надо разделить две вещи: есть народные "былины", все то, что я называю политическим фольклором, и есть суровая действительность.

Я всей душой за единство русского, украинского и белорусского народов, но все-таки русские это русские, украинцы это украинцы, белорусы это белорусы, и вся политическая жизнь показала, что это именно так, поэтому нам надо переходить на другой уровень межнационального взаимодействия.

Если мы покажем, что поддерживаем национальную самобытность украинцев и белорусов, то и они будут поддерживать самобытность русских, и на этом пути мы бóльших результатов достигнем. Мы сейчас работаем над программой нового собирания территорий, но она должна строиться на совершенно других принципах.

Вы знаете, что опросы общественного мнения показывают? В Узбекистане больше половины населения — за Советский Союз. А еще в 1990-е годы от Горного Бадахшана приехала делегация в Государственную Думу с целью войти в состав Российской Федерации. У них ничего не вышло, а когда они вернулись домой, их всех во главе с руководителем зарезали. То есть процессы идут своеобразные, и программа нового собирания территорий — это одна из актуальнейших задач на сегодняшний день. Но со старым забралом, со старыми представлениями и методами мы не решим этого вопроса.

Далее. Национальный фактор всегда использовался и используется в политике, включая вопросы разделения территорий. В Первой мировой войне, во Второй мировой войне использовали национальный фактор. В 1991 году развал Советского Союза был осуществлен в первую очередь средствами национальной политики. Когда в начале 1970-х годов мы достигли военно-стратегического паритета с США и Западом, тогда и была разработана стратегия непрямых действий, в которой как раз национальный фактор — ключевой. Вопрос не в том, что есть национальный фактор, а в том, кто и как его может использовать. Наш век — это век этнополитики, а мы концепцию национальной политики уже десять лет не можем разработать (новый вариант), несмотря на указания Президента.

Когда Янукович стал президентом Украины, он сказал, что будет строить национальную политику исходя из Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Я вхожу в состав экспертов и

в рабочую группу Совета Европы по этой хартии, я знаю, что это такое. Если он перейдет на такой подход, то это будет изменение отношения к русскому народу и к русскому языку, эта хартия поддерживает все те языки, которые не являются государственными.

То есть если русский язык будет в Украине государственным, то это одна ситуация, если русский язык остается негосударственным, тогда будет действовать хартия. До сих пор еще нет ясности, как будет решаться вопрос.

Хартия дает нам целый ряд возможностей. Она предусматривает национальное образование начиная с дошкольного, то есть там должны быть детские сады с русским языком общения, начальные школы с обучением на русском языке, специальное техническое образование на русском языке, вузы с обучением на русском языке, то есть весь образовательный цикл должен быть гарантирован государством. Для нас это открывает дополнительные возможности, и будем надеяться, что такой подход будет реализован.

Но дело в том, что Украина уже ратифицировала эту хартию, причем два раза. В одном варианте хартии русский язык признается, в другом делается упор на то, что надо защищать умирающие языки. И они говорят: русский язык же не умирающий, поэтому его вообще исключили из сферы действия хартии. В отношениях с Украиной теперь ключевой вопрос: за какой вариант хартии будет выступать Янукович. И для нас это тоже информация к размышлению.

Я согласен с предыдущим выступающим, что мы должны платить. Но согласно теории систем система существует до тех пор, пока нахождение внутри нее более выгодно, чем вне ее. Советский Союз распался в том числе потому, что все эти национальные лидеры решили, что быть вне Советского Союза более выгодно, нежели в его составе. Мы долго не учитывали этот фактор. Мы, например, требовали плату за обучение граждан СНГ в военных училищах России, пока не поняли, что все страны готовят военную элиту других стран за свой счет, это в конечном счете выгодно политически. С оружием то же самое: покупайте по мировым ценам! А зачем мы нужны им тогда?

С Украиной то же самое. Украинцы — и руководство, и рядовые граждане — должны понимать, что им даст тот или иной союз с Россией.

Что касается сепаратизма, то это стратегическое оружие у всех в кармане лежит — и у американцев, и у европейцев. Мы не знаем, что будет со Средней Азией после программы восточного партнерства, реализация которой начнется со следующего года, с учетом сотен миллионов, которые им обещаны.

Думаю, что в нашем плане надо предусмотреть тему национальной политики. Путин дал в 2003 году указание написать новый вариант концепции государственной национальной политики, но никто не смог этого сделать. Я вам скажу почему. Никто не знает, что делать с русским народом, как его определить, вообще он есть или нет. Я серьезно вам говорю: никто не знает, как определить, что такое русский народ в России. Поэтому давайте и в рамках Экспертного совета рассмотрим национальный вопрос, в международном аспекте в том числе.

В.М. Соловьев. Игорь Эрикович, попросил бы Вас подготовить выступление по этой теме, мы с удовольствием включим его в нашу повестку дня.

Мне также хотелось бы, как члену Экспертного совета, высказать мнение о том, что такое русский народ. Тут много вопросов остается без ответа, недаром определение "русский" имеет форму не существительного, а прилагательного, что имеет глубочайшие исторические корни. И как такового русского практически невозможно отыскать на огромной территории России. Это огромные потоки людей, которые двигались в ту и в другую сторону, с востока на запад и обратно, пересекались друг с другом.

Хотел бы обратить внимание на то, что Украина — только одна из составляющих темы. Попросил бы вас в своих выступлениях высказать мнение о других насущных проблемах сегодняшнего дня — Иран, ситуация на Ближнем Востоке и др.

В ближайшее время планируется подписание ДСНВ — Договора о стратегических наступательных вооружениях. Так что можно высказаться по широкому кругу тем.

Пожалуйста, Михаил Геннадьевич.

М.Г. Денисов. Я хотел бы сделать ряд замечаний, наверное. Вчера прошли переговоры премьер-министров России и Украины. Это уже конкретная политика, и можно только порадоваться словам премьер-министра Украины Азарова, который сказал, что все начинается с чистого листа, что надо забыть то плохое, что было в наших отношениях.

В.М. Соловьев. Он предложил начать с чистого листа.

М.Г. Денисов. Он сказал, что мы переворачиваем страницу. Наверное, это можно оценить как очень позитивное событие. Вообще решение большинства украинского народа на выборах поддержать того кандидата, который выступает за развитие отношений с Россией, — это само по себе огромнейший положительный политический сдвиг, который будет иметь, выражаясь языком геополитиков, тектонические последствия. Хочется на это надеяться.

Очень важно также упомянуть о том, что в следующем году будем отмечать 20-летнюю годовщину создания Содружества Независимых Государств.

Вы прекрасно знаете, как все наши "друзья" относятся к этому процессу, сколько раз это содружество называли мертворожденным, предрекали, что оно рухнет. Демонстративный выход из СНГ инициировал Саакашвили, к этому склонялся Ющенко. И в случае обострения межгосударственных отношений прежде всего начинают говорить, что это содружество должно прекратить свое существование. Было много политических заявлений на этот счет.

Наша государственная политика, напротив, направлена на то, чтобы укреплять это содружество. Большинство внешнеполитических ведомств имеют своей задачей укрепление российской внешней политики прежде всего на этом направлении. И я считаю, на этом направлении за последние годы достигнуты крупные, ощутимые победы, есть сдвиги по крайней мере.

В основе этих процессов, на мой взгляд, лежит прежде всего тот факт, что процесс индустриализации, который проходил сначала в Российской империи, потом в Советском Союзе, сформирован огромный единый народно-хозяйственный комплекс. За последние 20 лет этот единый народно-хозяйственный комплекс подвергся массовым ударам, многие связи были нарушены, но размещение производительных сил было придумано таким образом, чтобы национальные окраины не могли существовать без связи с центром. И это основная стратегическая данность, которая существует на сегодняшний день.

Почему народно-хозяйственный комплекс Украины оказался, по сути, несостоятельным, о чем говорят и украинские политики? Экономика страны практически пришла к распаду, возник огромнейший государственный долг и прочее. Потому, что без интеграционных процессов, которые проходили в рамках единой территории, особенно в Советском Союзе и даже позднее, о чем свидетельствовал достаточно высокий показатель внешнеторговых обменов между Россией и Украиной, без интеграционных связей, которые разрушались по политическим причинам под давлением Запада, экономика Украины перестала существовать, и народ был фактически поставлен на грань полуголодного существования.

Что сегодня происходит в мире, если говорить о глобальных процессах? Американцы переживают острейший кризис в своем политическом и экономическом развитии, они никак не могут выпутаться из двух колоссальных войн, которые ведут. США сталкиваются с огромным коли-

чеством проблем и в Азии, и в Латинской Америке, и, собственно, в Европе тоже.

Взять ту же Югославию. Развалить ее развалили, посеяли там огромное количество проблем, но экономические проблемы там не были решены, их острота только усилилась. И этот огромный балканский "кусок" висит теперь на плечах всей Западной Европы. Вообще новые члены Европейского союза — это колоссальная проблема для его существования и вообще для всей западной евро-атлантической системы интеграции. Фактически на грань выживания поставлена экономическая система Европейского союза. Еще неизвестно, как они это все сумеют "разрулить", если идут разговоры о том, что некоторые государства могут выйти из зоны евро.

Будем надеяться, что они смогут эти проблемы преодолеть и стабильность на европейском пространстве не будет нарушена. Но, на мой взгляд, это совершенно явственно свидетельствует о том, что у Запада нет сейчас ни экономических сил, ни политической воли, ни ресурсов для того, чтобы продолжать втягивать в свою систему координат бывшие республики Советского Союза. Они как бы и хотят делать это по геополитическим соображениям (по политическим и военным, прежде всего), но ресурсов на это нет.

С Владимиром Михайловичем Соловьевым мы работали в свое время в Совете Безопасности и знаем, что есть множество свидетельств того, как военно-политическое руководство США пыталось навязать бывшим советским республикам быстрый переход на натовские стандарты с заменой военной техники — чтобы сильнее втягивать их в орбиту евро-атлантического сотрудничества, чтобы оторвать их от России. Но, как выяснилось за прошедшие десятилетия, они не в состоянии это сделать. Они не в состоянии это сделать по многим причинам. Прежде всего у них для этого просто нет ресурсов. Грузию одну накормить и то не могут.

У Грузии очень серьезные внутренние проблемы, потому что экономика там рухнула, восстановить ее они никак не могут и даже цели такой не ставят. Но пятимиллионный грузинский народ еще как-то можно некоторое время прокормить за счет подачек, но как прокормить огромное население Украины, если там наступит экономический коллапс, финансовый кризис и прочие?

Поэтому, на мой взгляд, сейчас возможности усиления интеграционных процессов в рамках СНГ очень хорошие. Мне кажется, Россия доказала свою выживаемость за последние годы, несмотря на огромное количество проблем, трудностей, глупостей, явных ошибок во внутрен-

ней и внешней политике. Продолжаются проблемы с олигархическими и прочими "прелестями", которые у нас существуют. Но основная тенденция развития и России, и стран СНГ положительная и исторические перспективы неплохие. Объективные возможности для этого есть. Все зависит от того, как политические и экономические элиты наших стран смогут этот исторический шанс использовать.

Мне кажется, перспектива у нас одна — восстановление экономического и политического союза на территории бывших советских республик. Это процесс объективный, и дай Бог, чтобы мы дожили до того времени, когда возникнет новое союзное государство — может быть, в других очертаниях — и будет эффективно развиваться.

В.М. Соловьев. Спасибо вам за участие в сегодняшней работе.

П.Г. Белов. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в своем сообщении упоминал словосочетание "ресурсно-демографический вызов". Это значит, что все человечество встало на тропу беспощадной, бескомпромиссной. войны за ресурсы. Выживут в ней лишь империи и союзы государств. Надеяться, что выживут в одиночку Белоруссия, Украина, по меньшей мере, наивно. Россия может выжить, если только станет державой, империей, и об этом надо говорить прямо. Думаю, в этом заинтересован и остальной мир. Это уравновесит ситуацию, сохранит стратегическую стабильность; лучше, если это будет делаться в союзе с некими восточными государствами.

В.М. Соловьев. Петр Григорьевич, я с Вами полностью согласен.

Есть еще какие-то замечания? Нет. Тогда до следующего заседания.

3. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 2010 ГОДА

3.1. ИСЛАМСКИЙ МИР — СТРУКТУРА ВНУТРЕННИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ЕГО РОЛЬ КАК ИГРОКА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

(Из стенограммы заседания от 23 апреля 2010 года)

С.В. Кортунов. Доброе утро, уважаемые дамы и господа! Я имею честь представить вам ведущего эксперта по большому Ближнему Востоку и в целом по исламскому миру Георгия Ильича Мирского, профессора кафедры мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики. Он сделает доклад на тему "Исламский мир — структура внутренних взаимоотношений, особенности противоречий. Его роль как игрока на международной арене".

Г.И. Мирский. Прежде всего я хотел бы сказать, что термин "исламский мир" является, как мне кажется, скорее публицистическим, литературным, символическим, но не геополитическим и не географическим. Другое дело "мусульманское сообщество, или умма", — это действительно реальная вещь. Представление о том, что существует некий монолитный, единообразный исламский мир, неверно, и в данной аудитории все это понимают. Однако среди широкой публики иногда бытует такое представление. На самом деле мусульманские страны очень разнятся во многих отношениях. Что общего, например, у Индонезии, Таджикистана, Саудовской Аравии и Сомали? Таких примеров можно привести очень много, и понятно, что кроме ислама их ничего не объединяет (если понимать под исламом не просто религию, но целую цивилизацию, по крайней мере ядро цивилизации, образ жизни, образ мысли и так далее). Все это объединяет людей, исповедующих ислам, бесспорно, больше, чем представителей какой-либо другой религии.

Я считаю, что ислам — это сегодня самая сильная религия в мире, если брать в качестве критерия приверженность человека этой религии,

ту роль, какую религия играет в его жизни. Знаете, не так давно я натолкнулся на любопытный опрос в Европе и Америке на такую тему: играет ли Бог большую роль в вашей жизни? В Западной Европе только 20 процентов ответили "Да", в Соединенных Штатах — 60 процентов (вы знаете, что американцы — самый набожный народ среди западных народов). Так вот, если этот критерий брать за основу, то, конечно же, ислам, сильнее всех других религий.

Лет 15 тому назад в городе Намангане, в Ферганской долине, меня пригласили на свадьбу. Я увидел, что жених — узбек, невеста — таджичка, и спросил об этом жениха. Он сказал, что это все не имеет значения, важно, что они оба мусульмане. Можете ли вы себе представить, что если бы итальянский парень женился на испанской девушке, то он сказал бы: главное, что мы оба христиане. Это трудно себе представить.

Но и, кроме того, возьмите такой факт — существует Организация Исламская конференция. Можно себе представить организацию христианской конференции или буддистской? Нет. Ислам в этом смысле нечто особое, нечто отдельное. Хотя арабский язык, язык Корана, знает только небольшая часть населения, большинство мусульман знает только какие-то отрывочные куски из Корана. В целом языки у всех разные, история разная, экономические интересы и экономическая ситуация разные, традиции не одинаковые. Тем не менее есть нечто, относящееся к понятию "мусульманское сообщество, или умма", что объединяет их, особенно в периоды, когда представляется, что ислам находится под ударом. Вот тогда возникает чувство оскорбленного достоинства, а в мире растет исламофобия... Один из наших крупнейших исламистов Сюкияйнен пишет: в условиях кризиса и опасности у мусульманина, который является таковым лишь в силу своих этических корней, моментально просыпается чувство принадлежности к исламской вере, культуре, цивилизации. Ислам начинает доминировать в его сознании, он готов воспринимать любые идеи и концепции в исламском обличии, в том числе и самые радикальные. Это естественно.

Так вот, что касается исламского сообщества, это действительно живое явление, живой, исключительно важный и перспективный феномен. Тут уже начинаются вопросы. Российский татарин — считает ли он себя частью исламского мира, если его спросить? Конечно, нет. Но на вопрос, считает ли он себя мусульманином (я говорю о татарах-мусульманах), считает ли он себя частью всемирного глобального мусульманского сообщества, он, вполне возможно, ответит: "да". Хотя не совсем ясно, что он под этим подразумевает.

Последние несколько десятилетий говорили об исламском подъеме, исламском пробуждении, возрождении — куча слов, многие из которых совершенно нелепые... Что значит возрождение? Ислам никогда не умирал, более подходит слово "revival" — оживление. Но не в этом дело, всем понятно, о чем идет речь. Это лишь частный случай тех антиколониальных настроений, подъема антиколониальных, антиимпериалистических, антизападных чувств, которые характерны вообще для XX века и которые привели к ликвидации колониальной системы, к освобождению стран Азии и Африки. Это частный случай, но наиболее ярко выраженный. Это как бы продолжение антиколониальной революции. До сих пор многие люди из азиатских и африканских стран, с которыми вам доводится говорить, скажут: да, мы добились независимости, мы суверенны, но все равно мы в глазах Запада не такие, как они, не совсем равноправные, все равно люди второго сорта, все равно на нас смотрят сверху вниз. Это вам скажут не обязательно мусульмане, но и люди других конфессий из Азии и Африки. Однако среди мусульман это особенно ярко выражено, и понятно почему. Ведь в Западной Европе много эмигрантов, там и поляки, и румыны — кого там только нет. Особых проблем ни с кем нет, проблемы только с мусульманами. Вы знаете, что слово "мусульманин" во многих странах (да и у нас, боюсь) постепенно становится для многих людей синонимом слова "террорист". В Америке это произошло еще в конце прошлого столетия. Я преподавал в Принстонском университете, когда произошли известные события — в Оклахома-Сити, взрывом было разрушено федеральное здание, много людей погибло. Все студенты, все мои коллеги говорили: ну, конечно, это арабы, мусульмане. Потом оказалось, что теракт устроили чистокровные американцы. Все были удивлены.

Так вот, представление о мусульманине, как о террористе, широко распространяется. Я никогда не употребляю слова "исламский террор" или "исламский терроризм" — это неверно и практически, и фактически, и оскорбительно по отношению к религии. Исламистский — это другое дело. Хотя 99 процентов населения спросят вас: в чем разница между словами "исламский" и "исламистский"? Но с точки зрения науки здесь есть вполне определенные отличия. Когда мы сталкиваемся с таким явлением, как терроризм, муфтии, представители российской мусульманской общины, всегда скажут вам: это не мусульмане, террорист не может быть мусульманином. Ислам категорически отрицает и запрещает терроризм. Эти люди не мусульмане. Все наши муфтии именно так скажут. Но это, конечно, весьма неубедительно, как вы понимаете. Это все равно, как если бы православный батюшка стал говорить, что се-

рийные насильники, сексуальные маньяки и убийцы — это не православные, потому что православный человек не может на это пойти.

Конечно, если взять почти полтора миллиарда мусульманского населения в мире, то из них террористов не то что один процент, даже не одна сотая процента, а гораздо меньше. Но если взять последние 20 лет, то подавляющее большинство террористических актов в мире совершили люди, которые называют себя мусульманами, считают себя мусульманами и, самое главное, убеждены, что они действуют во имя ислама и в его защиту. Поэтому отмахиваться от этого факта, говорить, что это не мусульмане, просто нелепо.

Таким образом, с течением времени становится совершенно ясно, что, с одной стороны, такое отношение к Западу, протест, гнев, антизападные настроения, антиамериканизм особенно, — это продолжение той антиколониальной борьбы, которая велась раньше. С другой стороны, нельзя забывать, что это самая сильная религия. Человек остро ощущает свою принадлежность к мусульманской умме, многие мусульмане помнят, что сказано в третьей суре Корана. Там сказано про мусульман (это слова самого Аллаха): вы лучшие из общностей, появившихся у человечества. Не сказано: избранный народ, но, по сути дела, это то же самое. А получается, что эти лучшие из общностей, придерживающиеся единственно истинной религии... На каком месте в мире она находится? Кто правит в мире? Кто правит бал? Кто хозяин? Неверные. Не просто неверные, а худший их вариант. Когда говорят о том, что это война цивилизаций или даже война религий — ислам против христианства, я всегда категорически возражаю. Люди, которые совершают террористические акты, которые идут под знаменем Усамы бен Ладена, вовсе не потому это делают, что считают необходимым убивать христиан. Я вам больше скажу, если поговорить с теми людьми, которые эти акты совершают, скажем, с террористами "Аль-Каиды", которые совершили известный теракт 11 сентября 2001 года, и спросить их: "Вы идете на смерть и на убийство ради борьбы ислама против христианства?", никто так не сказал бы. Они не считают американцев христианским обществом, не считают Запад христианским обществом, вообще религиозным обществом. Знаете, кто их вдохновляет и какова настольная книга любого террориста? Это Саид Кутб, давно казненный в Египте, руководитель "Братьев-мусульман", который жил в Америке и пришел к твердому выводу, что это общество безбожное, аморальное, разложившееся. Ему рассказывали, что там распространены внебрачные или добрачные связи, порнография, гомосексуализм, феминизм и так далее... Особенно

его поразило, что женщина-педагог в школе читает какой-то урок мальчикам. Это прогнившее общество, сказал он.

Он стал родоначальником той теории, которая была развита в других работах, в том числе в последней книге Аймана аль-Завахири, второго человека в "Аль-Каиде", "Рыцари под знаменем пророка".

Так вот, эти исламисты не считают, что борются с христианством. Они считают, что Запад давным-давно отказался от всякой религии, прогнил, погряз в материализме худшего сорта. Так что это не война религий. Я также не считаю, что это война цивилизаций. Это в значительной мере их теория, это отражение того факта, который они не могут не признавать, что даже после освобождения от колониального господства мусульманские страны не играют в мире такой роли, какую должны были бы играть, а господствуют другие, не просто неверные, а хуже, чем неверные, — безбожные и аморальные американцы.

Девиз "Братьев-мусульман": "Ислам — вот решение". Одни считают, что необходимо вернуться к той атмосфере, которая господствовала в первые годы и десятилетия исламского халифата после пророка Мухаммеда. Другие, тот же Айман аль-Завахири, в своей книге пишет, что не надо возвращаться в далекое прошлое, у нас была совсем недавно великая мусульманская держава — Османская империя. И Айман Аль-Завахири все нынешние беды исламского мира объясняет тем, что разрушилась Османская империя. Таким образом, отношение к Западу — это результат ущемленного достоинства. Тут дело не только и не столько в материальных факторах. Мы всегда были, особенно при советской власти, чрезмерными материалистами, думали, что только материально-экономические стимулы могут подвигнуть людей на какие-то революции.

В 1978 году началась и в 1979 году закончилась исламская революция в Иране, и когда я, выступая у себя в институте, выразил уверенность, что Хомейни и его люди победят, меня подняли на смех. Мне говорили, что не могут какие-то оборванцы, какая-то шпана, которая идет за муллами, справиться с армией, вооруженной американским оружием, с шахским режимом. Я всегда отвечал, что они мне напоминают товарища Сталина, который, когда ему сказали, что Римский Папа какие-то нехорошие вещи собирается делать во вред нашей стране, спросил: "А сколько дивизий у Римского Папы?"

Это тот же самый подход, когда считается, что все дело только в материальных стимулах, и терроризм существует оттого, что люди нищие, что если дать человеку работу, он никогда не будет террористом. Это абсолютно не так. На самом деле исламисты, те люди, которые совершили

теракты в Нью-Йорке, в Лондоне, в Мадриде и в других местах, это выходцы из состоятельных семей, большинство — из Саудовской Аравии. Из 19 террористов, которые совершили теракты в Америке, 15 были саудовцами, а это одна из самых богатых стран.

Кстати сказать, в их программах никогда не делается упор на то, что исламский мир стал нищим. Аятолла Хомейни, между прочим, через два года после исламской революции, когда стали говорить, что после революции экономическое положение ухудшается, сказал, что они не для того делали революцию, чтобы снизить цены на дыни.

Так вот, большинство этих людей не находятся в бедственном экономическом положении, они увлечены той идеей, которую наиболее четко выразил бен Ладен, когда 12 лет назад создал "Аль-Каиду" и всемирный исламский форум священной борьбы против евреев и крестоносцев. Совершено четко было выражено, что они не могут прекратить борьбу, пока существует Израиль, пока часть Палестины со святым городом Аль-Кудс оторвана от мусульманского мира, пока американские войска остаются в тех или иных странах — в Саудовской Аравии, Ираке, Афганистане. Так что это люди идейные, и они сейчас определяют положение вещей там.

Что касается правящих классов, то тут мы наблюдаем такой парадокс. В целом, конечно, третий мир охвачен антиамериканизмом. Я уже давно считаю, что антиамериканизм — это явление "вечное и бесконечное", может быть, как антисемитизм. Корни тут другие, конечно. В целом настрой людей во всем мире не дружественный по отношению к Америке. Я знаю из моего личного опыта только два народа в мире, которые по-настоящему любят американцев: это поляки и иракские курды.

Но парадокс в том, что отношение к Западу народных масс и общественности, средств массовой информации не совпадает с отношением к нему правящих классов. Вот в чем дело. Прошли времена, когда разрабатывались теории некапиталистического пути развития, социалистической ориентации. Хомейни, по-моему, был последним человеком, который надеялся построить что-то среднее между капитализмом и социализмом и выдвинул идею благословенной исламской экономики. В конце концов он был вынужден отказаться от этого, и то, что мы видим сейчас в Иране, это в социально-экономическом смысле государственный капитализм клерикально-бюрократического типа. Это не социализм и не западный капитализм.

Но не в этом дело, большинство стран третьего мира уже прочно вросли в мировую капиталистическую систему, а другой теперь нет. Ко-

гда мы предлагали альтернативу 30—40 лет назад, была мировая социалистическая система. Сейчас аьтернативы нет, значит, задача всех этих правителей — найти свою нишу в мировом капиталистическом хозяйстве. С той или иной степенью успеха многие находят эту нишу. Вы же видите, прошло несколько десятилетий после освобождения третьего мира, после краха колониальной системы, а единственная настоящая революция была только в Иране. Остальное — это верхушечные перевороты. Настоящая социальная революция меняет всю систему, такая революция была только в Иране. А так — никаких революций, борьбы угнетенных, никакого подъема рабочего движения, никаких крестьянских восстаний, как мы рассчитывали в свое время, опираясь на марксистскую схему. Ничего этого не произошло.

Давно, уже лет 20 или больше тому назад, мне приходилось разговаривать с Абд Раббо — это известный человек, который работал еще в правительстве Арафата, сейчас он, по-моему, советник Махмуда Аббаса. Хотя он марксист, но сказал, что нет ничего удивительного в том, что мы, марксисты, проиграли борьбу за душу арабского мира. С арабами надо говорить на языке ислама, марксизм здесь не подходит. Был светский национализм во времена Насера, во времена подъема арабского мира, но это себя не оправдало, как и левая ориентация. Социалистическая партия существует как правящая партия в Сирии, но ничего общего не имеет с теми идеями, которые вдохновили ее создателей. Сейчас основное — это исламизм, все те, кто считает, что надо продолжать борьбу за полное равноправие, за полный суверенитет, за новую модель или третью ступень, как некоторые говорят, антиколониальной революции. Первая — политическое освобождение, вторая — экономическое, третья — культурное и духовное. И они сейчас устремляют свои взоры только в сторону исламизма, вышли из моды и светский национализм, и коммунизм.

Повторяю, никаких классовых революций не произошло. Даже западные или американские интервенции в Ираке, в Афганистане не вызывают потрясений в исламском мире. Народ, конечно, страшно недоволен, кто-то отправляется добровольцем на борьбу, но в целом это ничего. Американцы вторглись в Ирак, сейчас воюют в Афганистане, но разве это привело к каким-то огромным потрясениям, к революциям? Нет. Вот тут как раз просчет Бен Ладена.

Есть люди, не шибко интеллектуальные, антиамерикански настроенные, которые до сих пор верят, что американцы сами эти башни взорвали. Но достаточно почитать, что говорят сами исламисты, люди "Аль-Каиды", и не только они. Это была так называемая операция (или

акция) "Манхэттен", люди, которые ее совершили, считаются величайшими героями, и Айман аль-Завахири называет их в своей книге "рыцарями под знаменем пророка" и прямо пишет, что это величайший теракт до сих пор. Он упоминает и о других терактах, превозносит героев лондонской операции, из мадридских террористов героев делает. Это вообще гнусно, потому что там взорвали обычных работяг, которые ехали на пригородной электричке. Но главные герои — это люди операции "Манхэттен", "Jhe Magnificent Nineteen".

Давно уже доказано, что операцию "Манхэттен" бен Ладен задумал и провел в первую очередь с целью спровоцировать Буша на удар по Афганистану. Это абсолютно точно, так все и случилось. Совершенно ясно было, что моментально будут вскрыты связи с "Аль-Каидой" в Афганистане, которым управляют талибы, а талибы не выдадут бен Ладена. Не нужно быть гениальным шахматистом, чтобы рассчитать эти несколько ходов. В чем просчитался бен Ладен? Он считал, что будет длительная война в Афганистане, что американцы завязнут там, как завяз в свое время Советский Союз. Бен Ладен первоначально вдохновлялся именно примером так называемой победы над советскими войсками в Афганистане. Он же всегда провозглашал: "Мы сбросили в мусорную яму советское знамя".

Бен Ладен, исходя из того, что моджахедам удалось "сбросить в мусорную яму советское знамя", поставил другую задачу: "мы возьмемся за вторую сверхдержаву". Он рассчитывал, что США там надолго завязнут, что будут бесконечные бомбежки городов, по телевидению во всем мире будут показывать крупным планом окровавленные трупы женщин и детей. И это в конце концов должно было, по его расчетам, обязательно вызвать народные движения и даже восстания в мусульманских странах.

Но американцы быстро справились с талибами при помощи Северного альянса и Президента Путина, который дал понять президентам центральноазиатских республик, что надо помочь американцам с аэропортами. Так что дело было сделано быстро. Как тогда казалось, талибы разгромлены, вышвырнуты из страны. Потом уже Буш совершил страшную ошибку, когда начал войну в Ираке, и все средства, необходимые для того, чтобы добивать "Аль-Каиду", добивать талибов, поймать или убить бен Ладена, он переключил на Ирак, что автоматически привело (и не могло не привести) к возрождению "Талибана", к его контрнаступлению, к тому, что мы сейчас видим. Это уже длительная война, которая может, если в Пакистане не удастся уничтожить "Талибан", продолжаться годами. Но это уже другое. А вот первоначальный

замысел — мощный вооруженный удар Америки, массовая гибель гражданского населения — провалился.

Тем не менее сопротивление Западу отнюдь не сводится к "Аль-Каиде" и террористическим организациям. Террористическая сеть — всемирная "Аль-Каида" — стала брендом. Вы помните, что сказал министр Лавров после терактов в нашем метро? Лавров прямо сказал, что тут есть внешний след, внешний фактор, это территория между Пакистаном и Афганистаном. Всем понятно, что там "Талибан", там "Аль-Каида". Так что Лавров признал то, что раньше у нас никак не хотели признавать. Путин сказал после бесланской трагедии, объясняя ее причины: есть кто-то, кто недоволен тем, что Россия до сих пор ядерная держава, и кто-то хотел бы жирные куски у нас отнять. Путин имел в виду, конечно, Америку. Жирные куски кто еще может отнять?

То есть фактически проводилась та линия, что за всем этим стоит Запад, США. Сейчас, слава Богу, от этого отказались. Заявление Лаврова о том, что этот внешний фактор находится между Пакистаном и Афганистаном, то есть это "Талибан" и "Аль-Каида", я воспринял с большим удовлетворением, потому что наконец-то людям правду говорят о том, кто это все производит.

Дело не в том, что те люди, которые совершают эти страшные теракты, глубоко верующие. Это в основном женщины, "черные вдовы".

Речь не о них, а тех, кто их направляет. Вот это люди очень серьезные. И меня всегда удивляло, что у нас как-то не принимают их в расчет. Это, может быть, объясняется тем, что со времен царской России у нас всегда было принято считать, что самые серьезные дела делаются на Западе, в Европе, все плохое, что происходит, с Запада идет. Знаменитое выражение, появившееся в XIX веке, "англичанка гадит" означает, что все плохое, что происходит, идет из Европы. Ну и образцом для подражания была Европа.

А куда русский человек собирался поехать за границу? Не в Пекин и не в Дели, не в Тегеран и не в Стамбул, а в Париж, в Ниццу и так далее. Этот западоцентризм до сих пор существует и здорово вредит политическому мышлению нашего руководства. Не принимают в расчет силы и искренность тех людей, которые ведут борьбу.

А я вспоминаю, как я встретился лет 17 назад в Фергане с ваххабитами. Они мне прямо сказали, что первая наша цель — создать исламскую республику в Ферганской долине, вторая — в Узбекистане, потом будет Казахстан, а дальше, смотрите на карту, рукой подать до вашего российского Татарстана.

Можно сказать, конечно, что все это бред. Но важно, что есть люди, которые в это верят, готовы ради этого убивать и умирать. Конечно, те террористки, которые совершили взрывы в метро, никакого представления о такого рода замыслах, о халифате не имеют, но общий дух остается. Это если говорить о неофициальных, негосударственных, неправительственных формах сопротивления. Большинство же правителей стран третьего мира не то чтобы довольны своей ролью, но они не видят других перспектив, кроме как продолжать идти по этому пути.

А что касается сопротивления, то мы видим арабское сопротивление во главе с Ираном, между прочим. Иран, являющийся не суннитской страной, сейчас возглавляет то, что всегда называлось "арабское сопротивление". Раньше к нему принадлежали такие люди, как Насер, Арафат, Саддам Хусейн, сейчас никого из них нет. Есть Ахмадинежад, которому удалось то, что можно назвать подвигом. Иран, который в арабском мире вообще не любят (к тому же шиитская страна), возглавил "арабское сопротивление", то есть антиимпериалистическое и антисионистское движение.

Иногда задают вопрос: зачем Ахмадинежад так говорил о Холокосте, о том, что Израиль должен быть стерт с лица земли? По моему мнению, это делается не для иранского населения, а для арабского мира. Чтобы завоевать позиции в арабском мире, Ахмадинежаду и другим руководителям Ирана нужно было представить Иран в качестве единственной серьезной, сильной страны, которая озабочена палестинской проблемой, которая будет делать все для того, чтобы освободить Иерусалим и так далее.

На самом деле все эти антисемитские, антиизраильские выходки иранской публике не так уж интересны. И в результате получилось то, что король Иордании Абдалла назвал шиитским мечом, шиитским полумесяцем это проникновение шиитов.

Если откровенно говорить, то следует отметить, что для основных суннитских стран Арабского Востока (это Египет, Саудовская Аравия и Иордания) главный враг не Израиль, а Иран. И вся эта антиизраильская, антисионистская, риторика неизбежна, она всегда была и будет.

Посмотрите на такой фактор, как стабильность режимов.

Когда я еще учился в институте, нам рассказывали, что все нынешние арабские государства созданы после Первой мировой войны (соглашение Сайкс — Пико и так далее), Черчилль и полковник Лоуренс за коньяком и сигарами при помощи циркуля и линейки создали эти страны: Трансиорданию и другие, но все это нежизнеспособно.

Смотрите, скоро 100 лет будет, как они возникли, они жизнеспособны, они существуют. Ни одно арабское государство не рухнуло. И вообще стабильность потрясающая в исламском мире.

С этой точки зрения уход Мубарака неизбежен, он не будет означать каких-то революционных перемен в Египте. Но кто является врагом для этой системы? Уже не левые, не марксисты, а "Братья-мусульмане".

А что такое "Братья-мусульмане"? Это палестинский ХАМАС, который был создан "Братьями-мусульманами". А кто за этим стоит? Иран. Он сейчас вооружает и финансирует не только "Хезболлу", что вполне понятно, так как это шиитская организация. Но Иран вооружает и финансирует палестинский ХАМАС, на 100 процентов суннитский, отобрав эту роль у Саудовской Аравии. Раньше ХАМАС опирался в основном на саудов, а сейчас именно на Иран. Поэтому главный враг для них — это Иран, что бы ни говорили.

По вопросу об иранской ядерной программе я сейчас даже не буду говорить, потому что здесь целый комплекс проблем. Я по ряду причин не считаю, что Иран намерен создать бомбу и сбросить ее на Израиль. Я даже не уверен, что они действительно хотят создать бомбу как таковую, иметь ее в руках, но хотят достичь уровня 5-минутной готовности, чтобы весь мир знал: в случае чего — один шаг, и бомба у нас будет. Они идут по этому пути, ничего не боятся, знают, что Америка с ними воевать не будет.

В исламском мире нет центров силы, как можно было бы подумать. Да, есть Магриб в Северной Африке. Кто там лидер? Каддафи? Да ничего подобного. Никто его всерьез там не принимает. Марокко? Вроде бы такая респектабельная страна... Но что Алжир когда-то согласится с лидерством Марокко — ни в коем случае.

То же самое на Арабском Востоке. Было время, когда Египет взял на себя эту функцию, исходя, казалось бы, из известной арабской пословицы: "Египет — голова арабского мира, а Сирия — его сердце". Но всё это давно прошло.

Саудовская Аравия, несмотря на два колоссальных преимущества, а это нефть и святые места — Мекка и Медина, тем не менее не дотягивает до того, чтобы стать лидером Арабского Востока, тем более всего ближневосточного региона и арабского мира. Иран — другое дело, он, конечно, хочет стать лидером именно исламского мира.

Я читал интересные книги про Хомейни. Он всячески старался отмежеваться от того, чтобы называть революцию иранской и шиитской. Это исламская революция, говорил он, подчеркивая, что дело не в том, что они шииты. Он далеко смотрел, Хомейни.

Пакистан занят сейчас, как и всегда, борьбой с Индией, а тут еще на него обрушилась необходимость воевать с талибами, и там ситуация сложная сама по себе. Остальные уже на обочине находятся — Индонезия, Малайзия и так далее.

Таким образом, нет каких-то центров силы и нет лидеров, для правящих кругов надежда только на Соединенные Штаты.

У нас до сих пор приходится слышать разговоры, что нечего нам смотреть на Запад. Запад — это уже дело бесперспективное, вообще центр тяжести переместился на Восток, и надо заключить, как некоторые говорили начиная с 1990-х годов, альянс с Китаем, Индией и исламским миром. Сейчас уже меньше раздается такого рода призывов, потому что ясно, что это абсолютно нежизнеспособная концепция сама по себе.

У Индии и Китая свои интересы, смешно думать, что они будут состоять с нами в каком-то альянсе против Америки, их интересы гораздо более сложные. Но если ограничиться только исламским миром, то надо сказать, что мы наблюдаем не возрождение ислама, но возрождение исламской уммы, возрождение сообщества. Несравненно более активную роль играет эта умма на мировой арене. Было бы величайшей глупостью с нашей стороны это игнорировать.

Поэтому те усилия, которые прилагает наша дипломатия с целью наладить как можно более продуктивные, эффективные связи с исламским миром и по линии Организации Исламская конференция, и по линии двусторонних отношений, это исключительно позитивный фактор. В этом плане нужно рассматривать и поездки наших руководителей в эти страны, хотя тут есть и оборотная сторона, всегда бывает перекос в другую сторону.

Мне приходилось слышать, как некоторые захлебывались от восторга, говоря о том, как Владимира Путина принимали в Египте и в других арабских странах: "Смотрите, как все изменилось!" Они не хотят понимать, что для политики правящих кругов арабских стран, которые находятся в полном отрыве от общества, настроенного антиамерикански, лучшего определения не придумаешь, кроме того, которое мы использовали в советские времена, — "классовый союз". Тогда говорили о классовом союзе между империализмом и правящими кругами третьего мира. На самом деле все так и есть, остается этот классовый союз. Они понимают, что идут поперек антиамериканским настроениям масс. Значит, для баланса им необходимо оказывать торжественный прием Путину и любым нашим руководителям, чтобы их не принимали за аме-

риканских марионеток, вот в чем дело. Но если дело дойдет до чего-то серьезного, к кому они обратятся?

Вспомните август 1990 года, когда Саддам Хусейн ввел войска в Кувейт и за один день захватил эту страну, его танки стояли на границе с Саудовской Аравией, и был страшный переполох в ЦРУ, как это описал Брюс Ридел в своей книге "В поисках "Аль-Каиды". Они думали, что не сегодня-завтра иракские танки войдут в Саудовскую Аравию, и сам король страшно перепугался. Так куда он звонил и с кем вел переговоры? В Москву он, что ли, обращался? В Вашингтон. Он понимал, что не Кантемировская дивизия его выручит, а американская морская пехота, которая и появилась уже в сентябре, четверть миллиона американских пехотинцев. И если что-то случится в дальнейшем (допустим, их врагом может стать Иран), то они обратятся опять-таки к Соединенным Штатам. Так что не следует думать, что великолепные приемы наших руководителей говорят о том, что они переориентировались. Нет, это не так.

Хочу сказать еще о таком вопросе. Многие упрекают наших политиков за то, что в Россию приглашают "этого типа" Машаля.

Но в этом тоже есть смысл. У меня были разговоры на эту тему с Примаковым, Наумкиным и другими. Без ХАМАСа, решить арабо-израильский вопрос никак нельзя. Если ХАМАС сделает какие-то шаги в другом направлении, чтобы его можно было включить в мирный процесс, который сейчас просто в насмешку можно называть мирным процессом, тогда люди во всем мире скажут: "Видите, русские оказались умнее всех: когда все повернулись задом к ХАМАСу, бойкотировали его, русская дипломатия сохранила каналы". Так что ничего страшного в том, что Машаль сюда приезжает, нет.

Когда я говорю о каких-то недостатках, я не имею в виду политику по отношению к исламскому миру. Тут, по-моему, все делается более или менее правильно. Что касается политики по этому вопросу внутри страны, тут непочатый край работы. У нас распространены две крайних позиции. Одни говорят: мусульмане — это террористы, и, соответственно, опасны все эти кавказские и среднеазиатские народы, именно так считают многие в Западной Европе и в Америке. То есть это исламофобия, представление о том, что именно мусульмане представляют для нас страшную опасность, поэтому чем меньше их будет в Москве, тем лучше, а вообще гнать их отсюда надо. Это направление подпитывается лозунгами типа "Россия для русских!"

Другое направление представляют мусульмане, в том числе духовные люди, муфтии, которые считают, что наше руководство зашло слишком далеко в сторону русского национализма, православного... От-

сюда недовольство, растущая фрустрация среди мусульманской общественности, начиная с татар. Рано или поздно это нам боком выйдет. Мы видим на Западе такие реалии, как выступления мусульман, создание этнических гетто. Это все нам еще предстоит пережить, поэтому надо внимательнее к этому относиться.

В целом наш народ не понимает разницы между исламом и исламизмом, но это не только у нас. После событий 11 сентября в Америке было несколько случаев, когда по ошибке убили людей, которые вообще не имели отношения к арабам, пакистанец ли, сикх — их убивали, потому что все смуглые, все усатые, как у нас лица кавказской национальности. Кто у нас в России отличит чеченца от черкеса, осетина, азербайджанца? Для большинства людей это просто лицо кавказской национальности.

Представьте себе, что будут параллельно развиваться эти два процесса. Один — это превращение в исламофобию тех неприязненных чувств, которые порождаются каждым террористическим актом. Ведь что бы ни говорили наши муфтии, фамилии-то террористов чеченские, дагестанские, и от этого факта никуда не денешься; можно его объявить немусульманином, но это ничего не изменит. Другой процесс — будет развиваться комплекс оскорбленного достоинства среди наших мусульман. Я даже не имею в виду особенно набожных мусульман, в Татарстане никогда не действовал шариат в полном смысле слова и никаких проблем в этом смысле не было. Но не нужно думать, что в Татарстане и в Башкирии нет людей, которые получили образование в духовных учреждениях на Востоке и теперь ведут здесь свою работу.

Надо понимать что есть, особенно в Средней Азии и на так называемых мусульманских территориях России, люди, которые были бы чрезвычайно обрадованы, если бы американцы были выброшены из Афганистана.

Мне приходилось встречаться с людьми, многие из которых занимают посты на радио и телевидении и которые говорят: главное, чтобы были разбиты американцы, чтобы талибы выгнали их оттуда. Я им говорю, что талибы не представляют для нас угрозы, талибы — это пуштуны. Что, пуштуны полезут в Узбекистан, в Таджикистан? Конечно, нет. Но с талибами вернется "Аль-Каида", вот в чем дело, а она вернется обязательно. И тогда представьте себе вьетнамский вариант для американцев в Афганистане. Это будет означать мощный подъем движения исламистских экстремистов во всем мире, включая Кавказ и Среднюю Азиию.

Так что глупо, близоруко было бы так смотреть на вещи. К счастью, наше Правительство это поняло. Вы знаете, что руководство страны

разрешило транзит через нашу территорию грузов для НАТО. Почему? Из каких-то теплых чувств к Америке, к НАТО? Да ничего подобного! Наше руководство, в отличие от многих политиканов и политиков, комментаторов, аналитиков, понимает, что допустить поражение американцев в Афганистане значит дать зеленый свет исламистам, которые рано или поздно придут в Ташкент и, может, пойдут дальше к северу.

Я понимаю, в каком тяжелом положении находится, если говорить о пропаганде, о средствах массовой информации, наше руководство. Лучше вообще не упоминать слово "исламистский". Фактически так и делается, стараются всячески это обойти, хотя никого этим не обманешь. Но лучше так, ведь если будешь педалировать тему исламистских террористов, то это вызовет большое недовольство со стороны наших мусульман, 99 процентов которых вообще не имеют отношения к терактам. И, соответственно, будут расти антиисламские настроения среди другой части населения.

Я понимаю, что нужно развернуть пропаганду, показывать разницу между исламом и исламизмом, но это очень трудно сделать. Для большинства людей это все равно будет непонятно. И чем чаще будут мелькать в СМИ слова "ислам", "исламизм", тем хуже будет настроение тех и других.

Так что одна из самых главных проблем для нас — не допустить раскола внутри страны, а каждый террористический акт именно несет такой раскол. Мне приходится иметь дело со студентами, молодежью, я вижу их настроения. Вот это одна из самых важных вещей, которой следует заняться.

С.В. Кортунов. Спасибо, Георгий Ильич. Как всегда, блистательное выступление. Вы, конечно, превысили лимит времени на доклад, но у меня, как у Вашего ученика, просто не повернулся язык Вас остановить.

У нас четыре содокладчика. Первым выступает Сергей Васильевич Вершинин.

С.В. Вершинин. Мне кажется, это очень хорошее начало — интересный емкий доклад. Я занимаюсь арабскими странами, Израилем и растущими на этом пространстве проблемами. Это, естественно, уже, чем большой Ближний Восток в любом его понимании, это уже, чем исламское пространство. Тем не менее здесь проявляются все те же, наверное, проблемы, феномены, которые важны для нас применительно к исламу.

Что хотелось бы выделить из того, что сказано, и что поддержать? В первую очередь два тезиса: это цепкость ислама как религии и ее проникновение во все без исключения сферы жизни тех народов, которые

эту религию исповедуют. И, наверное, одновременно другой тезис, — о внутренней противоречивости самого исламского общества, но главным образом того содружества или сообщества в мире, которое мы называем исламским сообществом или содружеством. Вот эти вещи друг другу противоречат, но существуют вместе.

И люди-практики, которые много работают на арабском направлении, на исламском направлении в целом, знают, что последние 10—15 лет такие факторы, как присутствие ислама, исламских традиций, влияние ислама, влияние религии на общественно-политическую жизнь этих стран, усиливаются, и усиливаются заметно.

Вы приезжаете в страну, видите людей на улицах, некоторые читают какие-то книги. На 85 процентов это Коран. То есть люди читают книгу, которая много раз ими прочитана, но они все равно ее читают. Это молодые люди, они находят в ней каждый раз что-то новое. Это новое проецируется на их поведении в обществе и в политике.

Далее. Здесь уже упоминались события 2001 года, торговый центр, Нью-Йорк, атака террористов. Я хорошо помню реакцию людей, экспертов, реакцию в МИДе. Примерно так говорили: теперь американцы "закатают в асфальт" Афганистан. Правда, эксперты, знающие исламскую специфику, говорили: нет, они не сразу "закатают", потому что сейчас ведь Рамадан начнется. Ну, нападут они на Афганистан, так это же какой подъем начнется в арабских странах, в исламском мире.

Что получилось? Без учета Рамадана американцы все это сделали, и никакого, собственно, протеста, помноженного на исламский фактор, не было. Это опять же внутреннее противоречие.

Я со многими тезисами согласен, например, с тезисом, что надо отношения структурно выстраивать. Хотел бы подчеркнуть, что у тех, кто работает на этом направлении, нет никаких иллюзий относительно того, что мы можем сделать на исламском направлении, какова ценность этих наших шагов. Наверное, главное в политике, в том числе во внешней политике, понимать свой ресурсный потенциал, свои цели, не ставить целей, которых никогда не удастся достичь, но одновременно показывать, если надо, наши амбиции, нашу причастность к тем событиям, которые происходят сейчас в этих регионах. Скажем, тот же вопрос по Иерусалиму. Россия, не только как постоянный член Совета Безопасности, но и как православная и мусульманская страна, заинтересована в том, чтобы там было найдено решение. Это наша внутренняя боль, которая должна переходить во внешнеполитические действия.

Один из главных факторов, характеризующих нынешнее состояние исламской нации, исламского содружества стран, это то, что их роль во

внешнеполитических делах возрастает, возрастает и с точки зрения воздействия на решения принимаемые, скажем, на уровне ООН, и с точки зрения экономических и финансовых процессов в мире. Возрастание роли идет не однолинейно, не одномоментно, не прямо, а с большими отскоками и переходами в другие состояния.

Эта тенденция, на мой взгляд, достаточно устойчива и сочетается с попытками самих исламских стран структурно себя лучше координировать. И многое им удается. Поэтому часто мы имеем дело с достаточно четкой по ряду проблем позицией исламских стран. И здесь наше политическое взаимодействие со странами ОИК, в частности, очень важно с точки зрения наших национальных интересов.

При голосовании в Генассамблее, в Совете Безопасности ООН, в Женеве мы очень часто по многим вопросам, которые именно нас интересуют (скажем, Кавказ), получаем поддержку исламских стран. Естественно, мы им что-то отдаем. Мы им отдаем очень много по Ближнему Востоку.

На чем стоит это политическое взаимодействие? Оно устойчивое, потому что заработало постпредство Российской Федерации при ОИК в Джидде. Это такой нестандартный шаг. Могу сказать, что там кроме нас есть еще иранское постпредство.

Какой фундамент нашего общения с арабскими странами? Фундамент хиленький. Вот сейчас наш Президент ездил в Данию и Норвегию. Так вот, у нас торговый оборот с Данией примерно 6—7 миллиардов, а со всеми арабскими странами —10. Причем это прошлогодняя цифра. Сейчас у нас товарооборот со всеми странами упал в целом на 30 процентов. И что это за товарооборот... Это, как говорится, слезы: где-то нефть, где-то алмазы, но не то, что нам хотелось делать на этих направлениях.

Понимаете, у нас совпадающие экономики. Мы — нефть, газ, они — нефть, газ. Нечем обмениваться. Сейчас большие усилия мы предпринимаем, чтобы что-то изменить. Сильно рассчитываем в этом плане на содействие наших законодателей.

Мы хотим организовать форумы: форум Россия — Лига арабских государств, форум Россия — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Начал работу в Катаре форум стран — экспортеров газа.

Что эти форумы означают? Мы просто идем по тому пути, по которому многие идут. По нему идут европейцы, китайцы, турки. Это такой механизм, который позволяет нам "дергать" наших партнеров и говорить: давайте развиваться.

Нефть и газ, инвестиции, хай-тек, космос, атомная энергетика — все это нужно и по идее должно делаться при активном стимулировании государства. Когда это приходится "тащить", то возникают вопросы. Хотел бы подчеркнуть, что нужно укреплять материальную базу наших отношений. Наверное, еще очень долго политические проблемы будут "забивать" все остальное. Это наш мощный ресурс, потому что тут нам легче найти общий язык с этими странами.

Политика — это наш козырь в отношениях с исламским миром, особенно сегодня. Сейчас момент очень тяжелый в первую очередь из-за Ирана. Я думаю, что этот год и следующий — это период исторической ответственности и для стран этого региона, и для России, и для американцев, европейцев именно с точки зрения возможного военного конфликта вокруг Ирана.

Написаны сотни докладов, в основном закрытых, о том, что будет дальше в связи с иранской ядерной программой и вообще поведением Ирана в регионе. Миллион сценариев. Но в целом сочетание тех реалий, что мы сейчас имеем в Иране и в Израиле, подводит к следующему выводу: вероятность военной конфронтации очень велика.

Достаточно серьезная проблема — иранская ядерная программа. Она имеет большие политические последствия. Если будет обострение ситуации вплоть до военного столкновения, это перевернет не только данный регион, но и весь мир. Поэтому я говорил об исторической ответственности тех, кто должен сделать все для того, чтобы этого не случилось. Пока прогнозы не всегда оптимистичны. То, что происходит с ближневосточным урегулированием, с проблемой Ближнего Востока, конечно, тревожит.

Этот последний "заход" американцев на восстановление непрямых переговоров между палестинцами и израильтянами, видимо, будет успешным. Но одновременно понятно, что это выигрыш во времени, и с каждым разом такой выигрыш во времени становится все меньше.

По существу, логика того, что начато в Мадриде, логика откладывания важных, субстантивных решений себя исчерпывает, времени для маневра нет. Анализ того, что мы имеем в исламском мире, особенно важен, потому что если это накладывается на тупик в политическом урегулировании, то будет такой взрыв, которого еще не было в регионе.

Играя в разные игры, и Иран, и Израиль сделали конфронтацию главным вопросом на Ближнем Востоке. Собственно, с этим пришел к власти Нетаньяху, ничего тут нового не было. В ходе своего визита в Россию премьер-министр Израиля Ольмерт говорил о том, что Россия и Израиль находятся в одной цивилизационной лодке, поэтому надо в

ней и дальше вместе плыть. А тем, которые плывут в других лодках, надо четко на это указать, может быть, даже сделать какие-то практические шаги. Это было поддержано Нетаньяху, причем очень четко, хорошо, с американской подачи. И сейчас обсуждение вопросов ближневосточного урегулирования начинается и заканчивается иранской ядерной программой. Это факт. И здесь анализ должен быть комплексный.

Что касается двусторонних отношений со странами арабского мира, думаю, здесь все понятно. На высшем уровне за последние пять лет сделано столько, сколько не делалось за десятилетия с точки зрения обмена визитами, приема здесь арабских, исламских деятелей. Это, бесспорно, является нашим капиталом. Мы создаем все эти последние годы образ страны, которая выдвигает политические инициативы и при этом реально подтверждает, что у нее нет корыстных интересов в регионе. Это очень важно. Этот образ России нужно и дальше создавать и беречь.

С.В. Кортунов. Спасибо, Сергей Васильевич. У меня вопрос: в те 10 миллиардов товарооборота с арабским миром торговля оружием входит?

С.В. Вершинин. Да, входит.

Из зала. Иран тоже входит?

С.В. Вершинин. Нет, Иран не входит. Только арабские страны.

С.В. Кортунов. Спасибо.

Слово имеет Михаил Юрьевич Галузин.

М.Ю. Галузин, *директор Третьего департамента Азии МИД России.*

Уважаемый Сергей Вадимович, уважаемый Георгий Ильич, уважаемые участники нашего заседания! Наш департамент занимается такими государствами, как Япония, Океания, Австралия, Новая Зеландия и страны АСЕАН, в числе которых крупнейшая по населению мусульманская страна мира Индонезия, а также Малайзия, Бруней и страны, где в общественной, политической жизни мусульманский сегмент присутствует достаточно активно, — это Филиппины, отчасти Таиланд.

Хотел бы добавить несколько штрихов к блестящему докладу Георгия Ильича Мирского и содокладу Сергея Васильевича Вершинина. В Индонезии, Малайзии, отчасти на Филиппинах проявляются те же тенденции, о которых сегодня говорилось.

Это, с одной стороны, свидетельство цепкости ислама, его консолидации. С другой стороны, антиамериканизм мусульманских обществ (Индонезии, особенно Малайзии) сочетается с растущим проамериканизмом правящих классов. Вот это противоречие действительно нарастает. Сегодняшние руководители Индонезии и Малайзии — Юдойоно и Разак — гораздо более проамерикански настроенные лидеры, чем их

предшественники, особенно если сравнивать с Махатхиром Мохамадом. Этот разрыв растет и дает на выходе "искрящие" взаимоотношения правящего класса и общества.

И на этом фоне есть тенденция к радикализации мусульманских общин, мусульманских обществ в Индонезии и Малайзии. И связано это не в последнюю очередь с внешним воздействием, с серьезным воздействием традиционного ислама, идущим с Арабского Востока, поскольку существуют серьезные связи — человеческие и образовательные — между Индонезией, Малайзией и Арабским Востоком.

И что в такой обстановке делает правящий класс в Индонезии и Малайзии? По нашим наблюдениям, речь идет о попытках придавать отношениям в обществе, отношениям государства и ислама более умеренный, толерантный характер. Индонезийская и малайзийская правящие элиты уделяют много внимания развитию межконфессионального диалога и межцивилизационного диалога.

Мне кажется, что это как раз те сферы, где мы можем очень активно использовать в своих интересах фактор Индонезии и Малайзии. Мы активно участвуем в мероприятиях, инициируемых индонезийцами в основном в рамках межцивилизационного, межконфессионального диалога, и на двусторонней, и на многосторонней основе. Это как раз то поле, которое наша дипломатия уже точно использует и, я уверен, будет использовать еще активнее.

Второй фактор, который вытекает из особенностей ситуации в Индонезии, Малайзии, Брунее, — это серьезная заинтересованность правящих классов этих стран в более активном вхождении России в Юго-Восточную Азию. Причем не только в сугубо экономическом контексте, но и в политическом, военно-техническом и антитеррористическом.

С Индонезией, Брунеем, Малайзией у нас есть достаточно серьезные перспективы развития антитеррористического взаимодействия (предпринимаются соответствующие шаги), а также военно-технического.

Что еще мы можем сделать в Юго-Восточной Азии в плане продвижения наших установок в отношениях с исламским миром? Это, конечно, более активное экономическое присутствие России. Я знаю, сколь востребована Россия в образовательном, культурно-гуманитарном, экономическом, научно-техническом плане. И этот фактор тоже надо использовать. Мы будем и должны продолжать работать с Индонезией, Малайзией, Брунеем в рамках Организации Исламская конференция. Это правильно, и это будет делаться.

Но параллельно следует развивать взаимоотношения с этими государствами в рамках АСЕАН. Россия — партнер АСЕАН по диалогу, здесь с Индонезией, Малайзией и Брунеем у нас очень серьезные контакты.

Надо учитывать и такой аспект, как стремление Индонезии, ее правящего класса ко все более активному утверждению своей глобальной роли как лидера среди стран АСЕАН, как государства с серьезнейшим экономическим, научно-техническим и культурным потенциалом. Индонезия прописалась уже в "двадцатке", как мы знаем. Так что если все эти факторы — межконфессиональный, межцивилизационный диалог, антитеррористическое взаимодействие, взаимодействие в многосторонних структурах — мы и дальше будем использовать очень активно в наших интересах, то есть хороший потенциал в Юго-Восточной Азии.

С.В. Кортунов. Спасибо.

Слово — Константину Викторовичу Шувалову.

К.В. Шувалов*, Посол по особым поручениям.*

Я занимаюсь вопросами взаимоотношений с Организацией Исламская конференция, с другими исламскими организациями, а также являюсь специальным представителем МИД России по взаимодействию с Альянсом цивилизации.

Несколько слов о терминах. Современный исламский мир в узком смысле — это синоним ОИК, это политическая группа из 57 стран, самое крупное надрегиональное и блоковое объединение государств, сформированное, что уникально, по религиозному признаку. А в широком значении исламский мир — это синоним слова "умма", и он представляет собой уже не объединение государств, а совокупность мусульман, которых сейчас насчитывается 1 миллиард 600 миллионов человек, по некоторым данным.

ОИК существует более 40 лет, то есть достаточно долго, чтобы оценить ее интеграционный потенциал, который устойчив, но ограничен. Устойчив, так как объединение государств по признаку принадлежности их населения к исламу всегда будет пользоваться поддержкой со стороны этого населения, всегда будет встречаться с пониманием. Ограничен, потому что предел углубления и политической, и экономической интеграции стран ОИК задается их несхожестью, о чем убедительно рассказал нам Георгий Ильич.

Что такое ОИК, насколько это рыхлая или не рыхлая, перспективная организация? Она проходит эволюцию со времени своего создания от диалоговой площадки к нормальной международной политической организации. Она позиционирует себя прежде всего как организация

политическая, это записано в ее документах. А как политическая организация она ставит перед собой задачу координации политического позиционирования государств-членов.

Координация не носит жесткого, обязывающего характера, но бывает полезной и действенной для государств-членов в плане мобилизации международной поддержки для тех из них, которые вовлечены в конфликты с неисламскими странами. Это арабо-израильский конфликт, проблемы Кипра, Нагорного Карабаха, штата Джама и Кашмир, Косово, многие другие.

У ОИК имеются амбиции играть самостоятельную роль в урегулировании конфликтов, хотя, разумеется, эта организация вынуждена считаться с присутствием на поле посредничества более влиятельных игроков: ООН, Лиги арабских государств, специальных посреднических механизмов. Но ОИК не толкается, предлагает свое содействие пока на вторых ролях, пытается выстроить систему постоянных консультационных механизмов.

Некоторая перспектива у ОИК есть на направлении консолидации позиций исламских государств в международных организациях глобального охвата, прежде всего в ООН и в последнее время особенно в Совете по правам человека ООН. Как фактор международной политики, ОИК оказывается наиболее заметной именно там. Может быть, она примеряется к роли, которую раньше играло Движение неприсоединения. При этом среди членов ОИК нет дисциплины солидарного голосования, неширок круг вопросов, по которым их позиции определяются мотивом исламской солидарности. Только по самым острым темам, таким как палестино-израильские отношения и особенно деформация религии, страны ОИК решаются противостоять давлению, которое оказывается на них Западом.

Как организация ОИК собирает под своим зонтиком очень разноплановые интеграционные начинания. Кроме Совета министров иностранных дел в ОИК действуют 13 профильных министерских советов. Главами государств возглавляются 4 постоянных комитета. ОИК субсидирует 9 образовательных и научно-исследовательских учреждений.

У ОИК есть сеть специализированных учреждений: ИСЕСКО — исламский аналог ЮНЕСКО, Международное исламское агентство новостей, исламский союз радиовещания, исламский банк "Развитие". Там действует 13 аффилированных учреждений.

Вопрос об их эффективности и реальной востребованности требует отдельного обсуждения. Но фактом остается желание создать нечто вроде исламской копии глобальной системы международных организаций.

У интеграционных устремлений ОИК есть и парламентское измерение — это Межпарламентский союз государств — членов ОИК со штаб-квартирой в Тегеране.

Как экономическую целостность исламский мир можно рассматривать чисто условно или вовсе не рассматривать, и сами исламские страны с этим не спорят. В документах ОИК официально признается, что они находятся на разных уровнях развития, не составляют однородную экономическую группу, хотя на страны ОИК приходится 22,3 процента мирового населения, они производят 7,5 процента мирового ВВП.

По классификации Всемирного банка 25 стран ОИК признаются государствами с низкими доходами, 25 — со средними доходами, 7 стран входят в число стран с наивысшим доходом.

Как экономический партнер исламские государства для нас не так уж безнадежны. Сергей Васильевич упоминал здесь арабский мир, который дает нам товарооборот 4 млрд. долларов, это действительно так. Но одно государство-член, Турция, тоже дает 10 миллиардов товарооборота с нами.

Из зала. 35 сейчас.

К.В. Шувалов. 35.

Но я говорю про исламский мир, сейчас исламский мир — это далеко не только арабский мир, это гораздо шире.

Из общеисламских интеграционных начинаний в экономической сфере упоминания заслуживают деятельность исламского банка "Развитие", поддержка и внедрение системы исламских банковских услуг, наращивание объемов внутриоиковской торговли. Есть задача довести ее к 2025 году до 20 процентов национальных показателей во внешней торговле. Есть намерение ввести в этих целях преференциальную тарифную схему, заключить соглашение по правилам происхождения товара, осуществить некоторые масштабные экономические проекты — в частности, строительство и реабилитация 10 тыс. километров железнодорожных путей по маршруту Дакар — порт Судан.

Механизмом экономического и торгового взаимодействия в рамках ОИК является возглавляемый Турцией Постоянный комитет по экономическому и торговому сотрудничеству. Он реально подходит к своим задачам: не ставит целью создание интеграционного объединения, что было бы абсолютно нереально, но провозглашает скромную цель: стабильное улучшение экономической ситуации в государствах-членах.

К этой цели идут через развитие внутри ОИК торгово-экономических отношений, усиление совместной борьбы с бедностью, что особенно заметно при нынешнем сенегальском председательстве в организа-

ции, обеспечение продовольственной безопасности, координацию работы центральных банков.

Но в деле продвижения экономических интересов ОИК для всех ее участников остается дополнительной, второплановой структурой, которая пропускает вперед более продвинутые региональные механизмы интеграции — АСЕАН, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Цементирующую роль в исламском мире играет имеющий религиозные корни стиль поведения партнеров. Они руководствуются принципом предпочтительности единогласия, консенсуса. Разногласиям не дают обостряться, соперничество приглушается. И это становится возможным, потому что исламский мир представляет собой структуру сетевого типа с несколькими центрами тяжести, без видимой перспективы образования единого ядра.

Изначально таким цетром был арабский мир. Но, естественно, его единоличное лидерство невозможно, оно не принимается ни густонаселенными богатеющими странами Юго-Восточной Азии, ни Ираном, которому никак не удается выстроить с арабами дружественных отношений на протяжении всей своей истории, ни Турцией, которую вдохновляет память о временах Оттоманской империи и чью позицию характеризует растущая самостоятельность, а главное, последовательность, умение в своих интересах использовать заинтересованность Запада в Турции в союзнических отношениях с ней.

Как группа дружественных России государств исламский мир является нашим партнером и единомышленником по многим вопросам международного общения. Это можно проследить и при анализе голосования, допустим, в ООН.

С приходом к власти в Вашингтоне администрации Обамы не только Соединенные Штаты, но и весь Запад в целом потянулись к контактам с ОИК. Они теперь видят в ней не только группировку исламских стран ради продвижения антиизраильских резолюций, но и партнеров, к взаимодействию с которыми по крайней мере стоит присмотреться и с которыми надо, а может быть, давно было нужно начинать работать.

Но если отношения между большинством исламских государств и Западом свободны от конфликтности и мало отличаются от взаимоотношений Запада с остальной частью третьего мира, то на уровне межцивилизационного общения исламская умма и евроатлантическая цивилизация — это проблемные друг для друга партнеры. В своем цивилизационном развитии Запад вошел в этап глобальной унификации, которая не хочет мириться с существованием цивилизационного многообразия,

многообразия систем ценностей, путей развития. Соответственно, в исламском мире активизировались защитные рефлексы. Их первым проявлением была иранская революция 1979 года, какие-то моменты волатильности присутствуют и сейчас в других местах.

Постиндустриальная эра открыла для исламского мира новые возможности — возможности занять позиции на новых для себя территориях. Запад принял и вынужден будет дальше принимать значительное число мусульман-мигрантов. В США их девять миллионов, в Германии четыре с лишним, во Франции порядка пяти, в Великобритании больше двух. Западная цивилизация сейчас, в эпоху глобализации, как оказалось, ослабила способность абсорбировать мигрантов так глубоко и успешно, как делала раньше. Соединенных Штатов это касается в меньшей степени, там действуют все же свои наработки. А вот Европейский союз встречает прибывающих туда мусульман политикой максимального принижения роли религии, изгнания ее из общественной и политической жизни, кризисом института семьи и брака, вытеснением этнической и конфессиональной идентичности из правового пространства. А при этом сохраняется дискриминация по этим признакам на бытовом уровне, в культурной и социальной сферах.

В ответ Евросоюз получает радикализацию мусульманского мигрантского населения, его обособление, стремление к компактному расселению, правовой и культурной субъектности. Новые европейцы, исповедующие ислам, осваивают политический инструментарий неолиберального европейского государства для продвижения и защиты интересов, которые не совпадают с интересами европейскими. И, наверное, как никогда раньше исламская цивилизация начинает сейчас воздействовать на политику западных государств изнутри.

Запад чувствует напор ислама в Африке, где католицизм и протестантство воспринимаются в увязке с колониальным прошлым и теряют позиции по мере их ослабления в бывших метрополиях. Наибольшее число обращения в ислам представителей других религий происходит именно на африканском континенте.

Не желая антагонизировать исламский мир, Запад не отказывается или не может отказаться от попыток адаптировать его к мироустройству нынешнему, которое соответствует запросам евроатлантической цивилизации. При этом используются методы кнута и пряника. Но очевидно, что межцивилизационные столкновения не отвечают интересам ни одной из цивилизационных общностей. Это в полной мере относится и к миру ислама. Ведь не случайно там зародились инициативы диалога цивилизаций, альянса цивилизаций. Исламский мир сегодня — это

один из элементов мирового цивилизационного многообразия и реальное препятствие к осуществлению намерений это многообразие устранить.

С.В. Кортунов. Спасибо, Константин Викторович.

Последний докладчик — Вениамин Викторович Попов.

В.В. Попов. Постараюсь сконцентрироваться на некоторых тезисах.

Темпы сегодняшних изменений колоссальны, и наука за ними не поспевает, мы еще не осознаем, что происходит. Особенно это касается демографических процессов. Константин Викторович сказал, что мусульман сейчас 1 миллиард 600 миллионов. Вероятно, это так. Это самая быстрорастущая религия (официально американцы используют такой эвфемизм) и потому, что прозелитизм идет, и потому, что растет количество населения.

По численности мусульман крупнейшей страной мира является Индия, не Индонезия, а Индия. В ней мусульман больше, чем в Индонезии. Это значит, что на Индостанском полуострове живет больше полумиллиарда мусульман, и центр постепенно перемещается туда. Неслучайно перемещается туда и центр радикализма из арабского мира, ведь арабов всего 360 миллионов.

Суть в том, что роль ислама в мире быстро растет, что подтвердили практически все выступавшие, но она будет расти в самые ближайшие годы чуть ли не в геометрической прогрессии. Почему? Это связано с несколькими вещами. Сейчас получилось так, что нескольких больших кризисов одномоментно раздражают отношения между Западом и исламским миром. Прежде всего это Ближневосточный регион. Там полный тупик, и неизвестно, что будет дальше, отсюда такая агрессивность Израиля в отношении Ирана.

Чем это еще объясняется? Это демографические процессы, на которые мы должны обратить самое пристальное внимание. Сейчас евреев в Израиле 5,5 миллиона, а палестинцев — 5,3 миллиона. Это включая и сектор Газа, и Западный берег реки Иордан. Это означает, что завтра число палестинцев в этом еврейском государстве будет преобладать. Это бомба замедленного действия. Это очень важный фактор.

Почему роль ислама усилится? Она усилится прежде всего за счет численности мусульман. Исследователи из Фонда Карнеги говорят, что к 2023 году число мусульман превысит число христиан всех конфессий. К тому же роль религии в Европе падает. Это очень серьезный процесс, и мы еще почувствуем его остроту в ближайшие годы.

Почему мы так много говорим об исламском факторе? Потому, что две трети запасов нефти и газа — в исламском мире. Причем если в Сау-

довской Аравии, чтобы добыть 1 баррель нефти, нужно 2 доллара, то у нас почти 20 долларов. Учтите при этом качество нефти. Понятно, у кого тут преимущество.

Следующий момент — это их реальные финансовые богатства. Сейчас уже там главные финансовые фонды. Жизнь показывает, что все ездят за наличными деньгами в район Персидского залива. И Браун по десять раз звонил именно эмиру Катара, чтобы срочно получить деньги.

Далее. Сейчас в Дубае, как во всем мире, кризис, но там построили самый высокий небоскреб. Это новые символы, которые говорят о том, что меняется расстановка сил, и меняется очень быстро. Растет влияние не только Китая, Индии (Китай стал практически второй державой мира), но и исламского мира.

Я хотел бы отметить еще два фактора, которые говорят о том, что роль ислама усиливается.

Первый — это радикалы-исламисты, экстремисты. Я бы назвал их штурмовыми отрядами, которые всех запугали: и Запад, и умеренных мусульман. Но это усиливает внимание к ним.

И еще один фактор — это то, что за последние 20 лет в исламском мире появилась принципиально новая элита, которая ни в чем не уступает западной, а зачастую сильнее ее. Это ясно видно на примере прежде всего турок. Сами "западники" говорят, что группа Эрдагана — Гюля самая сильная в Турции после Второй мировой войны. Они самые толковые. И посмотрите, как сейчас активизировалась внешняя политика Турции. Вот здесь упоминалось, что у нас товарооборот с Турцией — 35 миллиардов. У нас с ними хорошие отношения, без Турции мы не сможем решать кавказские, среднеазиатские проблемы и так далее. Но это только один момент.

А вообще вопрос элиты лучше всего рассмотреть на примере Малайзии.

Махатхир Мохамад создал новую страну, они через десять лет объявят ее развитой страной. Они и сейчас уже могут объявить ее развитой. Он 22 года стоял у власти, по профессии — детский врач. И он сумел добиться межнационального согласия. Там 50 с лишним процентов населения — малайцы, 30 процентов — китайцы, 15 — индийцы и много других национальностей. Он сумел всех сплотить, привлечь арабские и иранские капиталы, японские технологии. И как результат — действительно развитая страна. Таких примеров много.

Эти новые люди, представители элиты, знают ислам, а ислам сейчас в центре международных дел, и одновременно они знают западную культуру, потому что, как правило, учились в западных университетах.

Таким человеком является и президент Индонезии Юдойоно. Он генерал, недавно был избран на пост президента. Индонезия успешно развивается под его руководством. Он к тому же самый известный композитор в своей стране, у него третий альбом выходит, и популярность у него колоссальная. Это говорит о том, что новая интеллигенция, новая элита появилась.

Еще пример — генеральный секретарь ОИК Ихсаноглу, которого я хорошо знаю. Он химик по профессии. Знает много языков, получил образование в Каире. Это очень сильный человек, сумел реорганизовать Организацию Исламская конференция.

Должен отметить, что ислам будет и дальше усиливать свои позиции в мире, и особенно в международных делах. Нам надо это понять, это архиважно для нашей страны. У нас примерно 20 миллионов мусульман, 14 — по данным переписи и 6 — приезжие. Но учтите, что у нас высокая рождаемость только в мусульманских регионах, а в русских районах другие показатели, поэтому через 20 лет примерно треть населения составят мусульмане. А по оценкам американцев, уже к 2015 году в составе армии будет примерно половина мусульман.

Это серьезные процессы, мы должны обратить на них самое пристальное внимание. Между тем у нас нет четкой позиции в отношении ислама. Мы тоже очень настороженно относимся к мусульманам, потому что эти террористические акции, естественно влияют на настроения людей. Вместе с тем у нас есть огромные преимущества. В России никогда не было религиозных войн, мы сосуществуем, сотрудничаем очень успешно. В Татарстане 25 процентов всех браков — смешанные браки, между русскими и татарами. И это наше великое преимущество.

И российская культура велика прежде всего потому, что соединяла в себе самые разные потоки и представителей разных культур, национальностей и этносов. Это одно из наших преимуществ. Если бы была четкая линия, мы могли бы значительно расширить наши связи с исламским миром, в том числе в экономической области.

А тут возможности колоссальные. В арабских странах нехватка пшеницы, причем колоссальная, других зерновых. Бог не обидел Россию, у нас огромные площади земель, мы могли бы предложить их под сельскохозяйственные культуры. А главное, что у нас 25 процентов запасов питьевой воды, а это вопрос, который завтра станет первоочередным для всего мира. И это возможность налаживания выгодного сотрудничества.

Почему ситуация в ближайшие годы будет очень сложной? Объединяются сразу четыре кризиса: ближневосточный, иранский, иракский,

афгано-пакистанский. Американцы должны будут вывести войска из Ирака, и что будет в Ираке, неизвестно. Сохранится ли он как единое государство, тоже неизвестно.

Но самое страшное — это афгано-пакистанский узел. Там ситуация только ухудшается, талибы усиливают влияние и в Афганистане, и в Пакистане. А если учесть, что в октябре талибы достаточно успешно штурмовали генштаб пакистанской армии и удерживали его несколько часов, то можно предположить, что в следующем году или через год, или завтра они будут штурмовать ядерные установки. Хорошо, если они, захватив эти установки, выдвинут какой-то ультиматум, а потом запустят, а хуже, если сначала что-то запустят, а потом уже будут говорить.

То есть ситуация говорит о том, что исламский фактор может стать основополагающим в обеспечении безопасности всего человечества. Мы занимаемся европейскими проблемами, евроатлантической безопасностью. Это абсолютно правильно. Но сейчас центр перемещается на Восток, и не только потому, что там Индия и Китай, а потому, что основные угрозы, или вызовы, как сейчас модно говорить, исходят именно из этого региона.

У нас есть все возможности наладить хорошие отношения с большинством стран исламского мира, потому что кредит доверия в отношении нас очень велик. Несмотря на Афганистан, несмотря на Чечню, мы проходим у них со знаком "плюс", они четко понимают, что Россия является дружественным государством.

С.В. Кортунов. Спасибо большое, Вениамин Викторович. Вообще я должен заметить, что наше заседание проходит непривычно спокойно, никто ни с кем не спорит. Думаю главная причина состоит в том, что здесь собрались профессионалы высочайшего уровня, которые понимают друг друга с полуслова. И это означает, что их анализ развития ситуации в исламском мире носит абсолютно объективный характер.

Давайте перейдем к дискуссии.

Пожалуйста, Татьяна Глебовна.

Т.Г. Пархалина. Уважаемый Георгий Ильич, хочу Вас поблагодарить, это было просто блестяще. Честно говоря, я пришла сегодня послушать именно Вас. Поразительно реалистические оценки. У меня несколько уточняющих вопросов.

Я наблюдала во многих странах Западной Европы (это Франция, Великобритания, Германия и другие) такую тенденцию. Когда доля мусульманского населения в этих странах переваливает за 10 процентов, люди, представляющие эту диаспору, поведенчески сильно меняются. Если до этого они делают вид, что пытаются ассимилироваться, то, пе-

ревалив за 10 процентов, они начинают вести себя совершенно по-другому, влияя на политическую ситуацию, расстановку сил и так далее.

Георгий Ильич, могли бы Вы, как специалист высочайшего уровня, как-то прокомментировать этот феномен? И у меня дополнительный вопрос к Константину Викторовичу.

Вы говорили о дискриминации представителей диаспор со стороны европейцев. Я наблюдала как раз другую тенденцию. Создается впечатление, что мусульмане, проживающие в Западной Европе, дискриминируют коренное население. Однажды, когда я попыталась сделать замечание распоясавшимся арабским подросткам в автобусе в Брюсселе, мне две бельгийки сказали: ради Бога, не надо, в полицию обращаться политически некорректно, нас же потом привлекут, мы этого не делаем. Так дискриминация кого против кого, прошу уточнить.

И вопрос к Сергею Васильевичу. Может быть, я Вас не совсем поняла, когда Вы говорили о позитивном образе России за рубежом, о том, что мы бескорыстны и так далее. Мне представляется, что образ нашей страны совершенно иной. Во всем мире наши партнеры откровенно говорят, что Россия строит империю "Газпром", что часть нашего политического класса руководствуется корпоративными и личными интересами. Мне кажется, очень важно понимать, каков настоящий образ России в мире. Может быть, Вы поясните?

С.В. Кортунов. Еще вопросы есть?

Пожалуйста.

В.Е. Лепский. У меня вопрос к Сергею Васильевичу и, может быть, ко всем представителям МИДа. В его выступлении прозвучало, что наш МИД ведет продуктивную работу и адекватно понимает политические задачи работы с исламским сообществом, в том числе с арабскими странами, что другие государственные структуры, связанные с экономикой, финансами, промышленностью, очень слабо ввязываются в эти процессы и слабо его поддерживают. Как Вы считаете, почему это происходит?

С.В. Кортунов. Еще вопросы? Пожалуйста.

М.В. Фомин. У меня вопрос к Григорию Ильичу, к Сергею Васильевичу и к Михаилу Юрьевичу.

В своих докладах и выступлениях вы не отметили вопрос производства наркотиков и наркотрафика. Потому что есть три мировых центра производства тяжелых природных наркотиков: Латинская Америка, Афганистан и Золотой треугольник. В контексте увеличения производства наркотиков, наркотрафика и, к сожалению, наркотизации в том числе исламского, арабского населения. Каково ваше мнение по поводу того, что сейчас происходит в этих странах, к чему они все-таки придут?

По официальным данным, в период американского присутствия производство наркотиков в Афганистане увеличилось минимум в 8 раз, а по сравнению с периодом советского присутствия — минимум в 22 раза. Это говорит о том, что активной борьбы с наркотиками не ведется в этих государствах. Пожалуйста, ваше мнение.

С.В. Кортунов. Пожалуйста.

И.С. Яценко. Меня интересует внешнеполитическая позиция России по отношению к Ирану. Это государство, которое связано с нами столетними, шестидесятилетними договорами. И вести такую "пульсирующую" политику по отношению к Ирану, мне кажется, нецелесообразно. Тем более, что это наш сосед, и надо с ним в дружбе жить.

С.В. Кортунов. Пожалуйста.

В.И. Алдонясов. В фундаментальном докладе Георгия Ильича одна из горячих тем касалась бен Ладена и "Аль-Каиды". На этом строилась вся геополитическая конструкция пребывания США и НАТО на Ближнем Востоке. У меня вопрос: чем объяснить, что, хотя с 2001 года разведслужбы мира, в первую очередь ЦРУ, но и Моссад, Ми-5, Ми-6, БНД, может быть, даже ФСБ и китайская разведка, ищут бен Ладен, но он до сих пор не найден? Что это за феномен? Это миф? Есть ли он вообще? Если есть, то где он и почему не пойман?

С.В. Кортунов. Ваш вопрос.

Д.Ш. Халиев*, вице-президент Академии геополитических проблем.*

У меня вопросы к главному докладчику. Как можно анализировать политику и вообще исламский мир вне контекста политики сионизма, проводимой Израилем на Ближнем Востоке?

Как можно анализировать ситуацию в регионе, не беря в расчет и не анализируя огромнейшее влияние израильского лобби на американскую внешнюю политику? И в связи с этим как можно оценить политику России в отношении иранского кризиса, если мы не берем в расчет наличие атомных бомб (около 70-ти) у Израиля? Как мы можем анализировать политику Ирана, не беря в расчет такой фактор, как израильские атомные бомбы? Это ведь не является объективным подходом. И с позиции российских интересов это необъективный, не учитывающий наши национальные интересы подход.

С.В. Кортунов. Пожалуйста.

М.Г. Денисов. Хотелось бы понять, почему в МИДе так драматизируют возможное появление ядерного оружия у Ирана, не учитывая факты явного нарушения режима нераспространения, имеющие место не только в азиатском регионе, но и во всем мире. И не соответствует ли

такая позиция интересам, скажем так, мирового сообщества, которое на сегодняшний день представляет понятно кто?

И почему мы себя таким образом ведем? Мы же там строим ядерные объекты. Мне кажется, на первую линию должны выдвигаться вопросы о том, почему у нас с арабским миром 4 миллиарда товарооборот. Я понимаю, что это очень бризантная проблема — иранская ядерная программа. Но ее надо рассматривать в контексте всего того, что в мире происходит, а не следуя тому, что нам где-то указывают.

С.В. Кортунов. И последний вопрос.

Из зала. У меня вопрос к Вениамину Викторовичу. В своем выступлении Вы отметили, что центр ислама перемещается сейчас в Индию. Может ли переместиться туда же радикальный исламизм и как с этим тогда бороться? Теми же методами, что в Афганистане, Пакистане или как-то по-другому?

С.В. Кортунов. Теперь предоставим возможность нашим содокладчикам и докладчику ответить на эти вопросы.

Пожалуйста.

С.В. Вершинин. Относительно того, какой дискриминации подвергаются мусульмане, приезжающие в Евросоюз. Все, что Вы сказали, совершенно верно. Страх быть обвиненным в дискриминации мусульман в государствах Евросоюза велик. Я вам больше скажу. Недавно бывший архиепископ Кентерберийский и пять епископов англиканской церкви опубликовали открытое письмо, в котором привлекли внимание к такому факту. В одной из английских больниц две медсестры были уволены за ношение крестов, в то время как в той же больнице работают мусульманки, которые носят платок на голове. Говорилось уже о дискриминации наоборот. Но все-таки давайте посмотрим на этот вопрос немножко шире, с точки зрения социальных возможностей, глубины адаптации.

В какой-то степени Британия здесь исключение. Возьмем такую европейскую страну с большой долей мусульманского населения, как Франция. Да, есть кварталы компактного проживания мусульман. А есть ли во французском МИДе мусульмане? Насколько их много? В том, что есть, я не сомневаюсь. Но процент их и в центральном аппарате МИДа, и в посольствах очень невелик. И в еще большей степени это можно сказать о Германии. Много ли турок — германских граждан работают в элитных, престижных государственных структурах? В науке? Много ли членов Французской академии мусульманского происхождения?

Я говорю о том, что нет системы социальных лифтов. Да, приезжают люди не очень грамотные, у них проблемы даже с изучением языка,

хотя не у всех. Но в результате мусульманское, мигрантское меньшинство не чувствует равенства по социальному статусу. И есть и такие реалии, как исламофобия. В Голландии это совершенно очевидно. В Бельгии только отставка премьер-министра из-за валлонско-фламандских разногласий стала препятствием для принятия первого в Евросоюзе закона, официально запрещающего ношение чадры. В Дании принято новое законодательство относительно натурализации, совершенно "драконовское" и очевидно антиисламское.

Таких фактов очень много. Да, европейцы боятся быть обвиненными в нетолерантности. Сейчас это немодно и очень опасно. Но если посмотреть на реальные взаимоотношения людей, то основания говорить о дискомфорте есть. Это мусульманами ощущается. А когда их доля в населении переходит некий рубеж, что позволяет более эффективно пользоваться механизмами государства — продвигать своих людей в парламент, добиваться политически своих прав, тогда мы видим другую картину, видим новые рычаги воздействия исламской цивилизации на европейскую политику. Их уже нельзя не заметить. С мусульманами считаются, но это не значит, что их поднимают наверх, привечают. Вот о чем я говорю.

По поводу образа России или, как сейчас говорят, имиджа России... Вообще вопрос интересный, потому что за образ любой страны сейчас идет жесткая борьба, и не только информационная. Я думаю, там вовлечены все структуры, потому что все имеют свой интерес, все заинтересованы в том, чтобы лицо России (недавно об этом Президент Медведев говорил) было действительно привлекательным.

Я говорю об образе России в арабских странах и, можно сказать, в исламских странах. Мне кажется, что там этот образ благоприятен. Причем сказать, что это сделали мы, думаю, неправильно. Просто мы стоим, как говорится, на плечах других.

Образ — это то, что создается десятилетиями. Это образ, который в большей мере создавал Советский Союз. Этот образ сегодня мы подкрепляем тем, что говорим: мы хотим мира, стабильности, безопасности. Да, это говорят все, но после этого американцы делают военные базы, а мы их не делаем. По каким причинам — это другое дело. Но наши политические инициативы, скажем по Ближнему Востоку, не могут принести нам материальную выгоду. Это на уровне "улицы" понимается сразу. Естественно, разговор идет разный в академических, политических кругах или в "уличных".

Но у нас нет ошибки материальных интересов. Вы говорили о "Газпроме"!!! Мы все знаем, какое идет целенаправленное искажение того,

что делает Россия. Но там образ России в целом воспринимается хорошо. Это долгосрочное явление, оно сложилось не сегодня. От того, как мы все это выстраиваем, этот образ укрепляется или ослабляется. Пока укрепляется, мне кажется. Это наш козырь, мы можем это использовать.

По наркотикам тема большая, тут из исламского мира только Афганистан затронут. Я напрямую этим не занимаюсь. Кстати, у арабов тоже очень сильные проблемы с наркотиками.

Общая ситуация по наркотикам, насколько я знаю, не резко, но ухудшается — с точки зрения распространения и потребления наркотиков в арабских странах. Но это отражение больших социальных явлений, как и у нас, — видят ли люди перспективу, могут ли они что-то сделать и так далее.

По Афганистану наша линия понятна. Мы действительно считаем, что американцы и другие не дорабатывают по наркотикам. Производство наркотиков в разы подскочило. Понятно, что эти деньги идут напрямую на подпитку терроризма. Понятно, что это напрямую нас захлестывает, поскольку поток идет через Среднюю Азию, Сибирь...

Мы выдвигаем разные инициативы, в том числе по созданию антинаркотического пояса, то есть этот вопрос с американцами обсуждается, но это работа надолго.

Теперь вопросы по Ирану. Более четкая позиция по Ирану, излишняя драматизация появления ядерного оружия у Ирана, "Бушер" и так далее. Конечно, очень симптоматично то, что мы возвращаемся к Ирану. Мы как бы говорим про ислам, а все равно выходим на Иран. Наши лидеры говорили о том, нужно ли нам, чтобы ядерное оружие было у Ирана? Мы рядом находимся... Нужно это или нет с точки зрения глубинных интересов России? Ясно, что не нужно.

Драматизации я не вижу. Я бы сказал так: у нас очень трудный иранский партнер. Да, это наш сосед, у нас много документов, которые связывают нас с Ираном, много документов о двустороннем сотрудничестве. Но у нас есть и обязанности перед международным сообществом, перед Советом Безопасности ООН.

Мы по-прежнему говорим, что у нас нет доказательств того, что программа, которую делает Иран, направлена на создание ядерного вооружения. Но у нас нет и доказательств обратного, потому что иранцы не дают этого по ряду причин.

Драматизация? Не думаю. Я думаю, что, возможно, мы мало драматизируем по поводу Ирана. Иран, небогатая страна, все ресурсы кидает

на укрепление своих позиций в регионе. Им американцы подарили Ирак, но это уже как бы расхожая фраза, это действительно так.

И сейчас, дуга это или не дуга — Йемен, Ирак, Ливан, ХАМАС — везде Иран присутствует. И везде мы, кстати, выступаем как бы в поддержку Ирана. Мы говорим, что нужна вовлеченность Ирана в урегулирование региональных проблем. Однако и поведение иранцев должно быть корректным, цивилизованным. Это значит, что не надо давать деньги на терроризм.

Момент сейчас очень острый. Американские предложения по санкциям — это убийственные вещи. Это все равно что войну объявить стране.

Но мы еще будем смотреть, какие будут санкции и что будет после этого, хотя у всех экспертов нет сомнений, что Иран их выполнять не будет. И что сделает Израиль... Здесь мы сразу входим в коридор, в котором 20 дверей. Идет такая игра, где очень много шаров, много векторов, которые совершенно неуправляемы, в том числе и такой большой страной, как Америка. Вопрос тяжелый...

Да, мы строим "Бушер". "Бушер" вообще не затрагивается санкциями, с самого начала он не затрагивался. "Бушер" — образец того, как должно строиться сотрудничество стран в области мирного использования атома.

Все процедуры, которые предусматривает МАГАТЭ, имеются. Никаких вопросов нет. "Бушер" — да.

Игра идет тяжелая, обстановка очень серьезная, потому что в наличии такие факторы, которых не было раньше. Израильское правительство... Можно говорить, что оно правое, но страна получила резко правое правительство на основе волеизъявления народа на выборах. Что тут сказать? Это так.

С.В. Кортунов. Вениамин Викторович, ответьте, пожалуйста, на очень интересный вопрос по Индии.

В.В. Попов. ОИК считает, что в Индии 250 миллионов мусульман. На всем Индостанском полуострове, если прибавить Пакистан и Бангладеш, больше полумиллиарда мусульман.

Но главное, что афгано-пакистанский узел — это тяжелейшая проблема, поскольку талибы уже начинают активно действовать и в самом Пакистане. И само это государство возникло на базе ислама. Другой базы нет, легитимности другой нет. И поэтому там радикальный ислам сейчас усиливает свои позиции. Создается мощный очаг экстремизма, исламского радикализма. Кроме того, в Афганистане в борьбе с группировкой НАТО участвует много людей из других мусульманских стран.

Это еще более опасная тенденция, потому что они получают там боевой опыт.

Мы уже знаем, что произошло после того, как наши войска ушли из Афганистана. Эти арабские афганцы (или афганские арабы) вернулись к себе, и начались серии террористических актов, усилилась радикальная деятельность.

Этот очаг сейчас представляет наиболее ощутимую опасность или угрозу. И как там развернутся события, сказать трудно.

Мы недавно проводили анализ ситуации в Афганистане с участием самих афганцев. Они тоже не видят никакого выхода. Единственный вариант — это консенсусное решение на базе усилий всех заинтересованных сторон. Но пока это в перспективе не просматривается.

С.В. Кортунов. Пожалуйста.

Из зала. Татьяна Глебовна, я склонен утверждать, что образ России в странах Юго-Восточной Азии несколько отличается от того достаточно негативного стереотипа, о котором Вы говорили и который утвердился в Западной Европе и в Японии. Все-таки в Юго-Восточной Азии у нас совершенно другой образ, особенно в северном крыле АСЕАН — это Вьетнам, Лаос, Камбоджа, отчасти Таиланд. Это связано с богатой историей их отношений с Советским Союзом, и эту историю мы пытаемся продолжать. Нас хотят видеть в Юго-Восточной Азии. Да, по своим причинам, не только исходя из каких-то позитивных исторических воспоминаний, но и как некий контрбаланс влиянию Китая, которого в Юго-Восточной Азии реально боятся, и видят очень серьезные амбиции в отношении Юго-Восточной Азии, как контрбаланс Соединенным Штатам Америки, историческая память о которых не очень хорошая в этом регионе.

Это тот капитал, который мы хотим и далее использовать. Кстати, одним из проявлений такого пытливого интереса к нам в Юго-Восточной Азии является стремление как можно глубже сотрудничать с Россией в образовательной сфере. Не знаю, много ли стран, которые хотят создавать с Россией совместные университеты, но, например, Вьетнам очень серьезно ставит этот вопрос, и мы работаем.

Эти страны испытывают не просто теоретический интерес к России, это интерес очень конкретный. Именно в этой аудитории я могу сказать: мы были выбраны Вьетнамом в качестве страны, которая будет закладывать основы такой жизненно важной отрасли, как атомная энергетика. Таким образом, у нас есть серьезные позиции, и от нас зависит, насколько эффективно мы их используем в интересах страны.

Что касается Золотого треугольника. Действительно, проблема серьезная, это уже даже, наверное, не треугольник, в его конфигурации появляются новые грани — Вьетнам, например, и Мьянма. Хотя правительства соответствующих стран принимают меры к сокращению посевов, тем не менее наркопроизводство и наркопотребление растут. Эту проблему видят и правящие элиты этих стран, и мы ее видим. Что мы можем сделать здесь? Мы можем помогать в наращивании антинаркотического потенциала этих стран, что и делается по линии соответствующих ведомств и при содействии МИДа. Это одна из серьезных сфер нашего сотрудничества.

С.В. Кортунов. Георгий Ильич, пожалуйста, Вам слово.

Г.И. Мирский. Татьяна Глебовна, если бы я смог ответить на вопрос, который Вы задали, то я смело претендовал бы на то, чтобы стать почетным членом академий наук десятка стран и даже выдвинуться на Нобелевскую премию. Если есть в мире проблемы, в отношении которых я не вижу никакого выхода, это проблема иранской атомной бомбы и перспективы регулирования арабо-израильского конфликта. Тем не менее о второй проблеме говорить легче, потому что тут я не вижу перспективы большой войны между арабами и Израилем. Думаю, большинство и арабов, и евреев сейчас считают, что лучше так, как сейчас, чем что-либо другое. Войны нет, можно жить, если не говорить, конечно, о секторе Газа — там кошмар. Но и на Западном берегу реки Иордан, и в самом Израиле никакого отчаянного экономического положения нет, жить можно.

А вот что касается проблемы иранской бомбы в перспективе, то тут я не вижу никакого выхода, потому что мы отсекаем все жесткие санкции, остаются те, которые даже если будут пущены в ход, для Ирана особо тяжелой ситуации не создадут. Да они и не признают этих решений. А что будет дальше, этого никто не знает.

И по другому вопросу, который Вы задали. Я только что приехал из Франции, где мне все уши прожужжали насчет того, как грубо, по-хамски ведут себя многие ученики арабского (алжирского) происхождения в школах, они делают совершенно безобразные вещи.

Но тут дело не столько в том, что будет, если они больше 10 процентов населения составят, не только в этом дело. Вот в Англии их меньше 10 процентов населения... Экстремистски настроенные исламисты в своих проповедях после событий 11 сентября восхваляли этих "героев", говорили, что рано или поздно ислам восторжествует в Англии, пошли все эти хохмы насчет "лондонестана" и так далее. Это, по мнению многих экспертов, свидетельствует об упадке Запада, о слабости Европы.

Повсеместное внедрение политкорректности, зашедшее слишком далеко, ослабление воли к жизни западноевропейских народов привели к тому, что, как многие считают, европейцы уже обречены, они не смогут противостоять Востоку. Я пессимистически настроен.

Из западных народов самый сильный народ — это американцы, там такого нет и не будет, американцы этого не допустят ни в коем случае. А что касается англичан, французов, итальянцев и других, то действительно есть многое из того, о чем Вы сказали. Эти люди предъявляют все бо́льшие и бо́льшие требования. Если бы можно было сказать: хорошо, они требуют то-то и то-то, пойдем им на уступки. Но беда в том, что протягиваешь палец, а они норовят отхватить руку.

Мне приходилось разговаривать с европейскими мусульманами. Когда им говорят: вот вы хотите жить по шариатским законам, но вы приехали в страну с другой культурой, с другими законами, которых не принимаете, так уезжайте обратно. Такую логику они воспринимают с большой обидой: нет, они не поедут обратно, они хотят жить в европейской стране, но так, как положено мусульманину, вплоть до шариатских судов.

В Англии этот вопрос поднимался. Там даже архиепископ вмешался, правда, его за это побили крепко. Мусульманское сообщество в Англии предложило, чтобы спорные вопросы они решали не в обычных судах королевства, а в своих исламских судах. Такие вещи были в Канаде, во многих других местах.

У нас пока такого нет. Хотя некоторое время назад кто-то выдвигал идею создания мусульманской фракции в Государственной Думе. Если это все пустить на самотек, то через какое-то время мы встанем перед лицом требований, которые будут лавинообразно увеличиваться.

Чтобы создать специальные условия жизни для мусульман здесь, некоторые предлагали какие-то кварталы Москвы им отдать. Это, конечно, бредовые идеи, но народ в это верит. Таксист мне говорил несколько лет назад, что кавказцы требуют передать им Теплый стан. Вроде бы чушь, а многие в нее верят.

Парикмахерша мне говорила, что скоро в Москве русских будет меньше, чем кавказцев и мусульман. Я ответил, что это глупость, везде на улицах, в метро, в магазинах вы видите подавляющее большинство славянских физиономий. Но люди склонны преувеличивать, видеть в этом какую-то опасность.

Так какой ответ на это? Мы видим, что, хотя и не очень сильно, но растет влияние правых, националистических, даже полуфашистских партий в Европе. Это вполне естественно. Последние выборы в Венг-

рии, Австрии — это только начало. Я как-то разговаривал с гидом в Брюсселе, и он сказал, что марокканцы составляют всего 4 процента населения города, но на их долю приходится 60 процентов тяжких преступлений. Может быть, это и не так, но люди в это верят.

Насчет наркотиков. Я не думаю, что происходит наркотизация мусульманского населения. Мусульмане как таковые вообще не пользуются наркотиками, это запрещено. И когда талибы контролировали Афганистан, они жестко боролись с наркотиками. Это правда. И хотел бы я посмотреть на того афганца, которого схватили бы за применение наркотиков.

Но сейчас все изменилось. По разным данным, 40 процентов или даже больше тех наркотиков, которые идут из Афганистана к нам и в Европу, возделывается на территории, которую контролируют талибы. Получается, что на территории, которую контролируют войска НАТО, не ведется настоящей борьбы с этим. Они откровенно говорят: да, нужно с этой заразой, с этой чумой бороться, но тогда мы приобретем врагов в лице миллионов крестьян, которым ничем не сможем заменить коноплю. Эти люди автоматически станут союзниками талибов.

Поэтому, как это ни цинично, но НАТО закрывает глаза на то, что делается там с наркотиками. Талибы, наоборот, облагают налогом крестьян, которые выращивают коноплю, это дает им колоссальные деньги, они закупают оружие и так далее. Поэтому найти выход из сложившегося в Афганистане положения очень трудно.

Вопрос насчет бен Ладена: почему его не нашли до сих пор? Вы помните, сколько лет искали Масхадова, Басаева, других, хотя территория Чечни крошечная по сравнению с Афганистаном? Афганистан мог быть очищен от бен Ладена и его людей, если бы американцы, начав операцию в 2001 году, уже в 2002 году не решили, что все уже сделано, и Буш переключился на Ирак.

Как я в одной книге читал, после взрывов 11 сентября он дал команду идти в Афганистан, но тут же в присутствии своих ближайших советников сказал, что затем мы уберем Саддама Хусейна. Так что уже тогда он наметил идти в Ирак. И это был роковой шаг.

А бен Ладен оказался в исключительно комфортных условиях среди пуштунов, хотя сам не пуштун, он из Саудовской Аравии. А среди этнических пуштунов, талибов вряд ли могли бы найтись предатели, агенты, которые его выдали бы. Сейчас большинство людей считает, что он находится даже не в Афганистане, а в Белуджистане, то есть на территории Пакистана, в его самой западной горной части, исключительно труднодоступной. И его окружают там преданные ему люди. Но в свое

время американцы могли его поймать, однако позорно упустили этот момент, а сейчас уже поздно.

Бен Ладен — это реальная фигура, никакой это не миф. Аль-Завари, второй человек в "Аль-Каиде", с которым они связаны в течение десятилетий, пишет книги, выступает и практически руководит делами.

О бен Ладене некоторые вообще говорят, что это агент ЦРУ, другие говорят, что его не существует и так далее. Это неверно. Не нужно, конечно, преувеличивать его значение, смешно думать, что бен Ладен сидит в пещере и рассылает факсы: тут взорвать, там взорвать. Это делают децентрализованные исламистские организации, которые название "Аль-Каида" используют как бренд. На самом деле они не получают никаких указаний.

Я вовсе не уверен, что бен Ладен вообще знал о готовящихся взрывах в московском метро. Дело не в этом, он для них патриарх, вождь, который своими проповедями обосновывает их действия. Ему вовсе не нужно заниматься практической деятельностью.

Но в последнее время они не смогли провести ни одной крупной операции, действуют в основном в Ираке, это организации "Аль-Каиды" в Месопотамии, на Аравийском полуострове, в Северной Африке.

Но в Европе и в Америке в последнее время никаких террористических актов не было. Сами они объясняют это тем, что уже нагнали страха на Америку, показали, что в любой момент до нее могут дотянуться. Тем более, что не так-то просто такие вещи осуществить.

Так что в последнее время их влияние идет на убыль, и обнаружились позитивные явления внутри исламского сообщества, появились духовные люди. Понимаете, "Аль-Каиду" нельзя победить извне. Ее не могут победить русские, американцы, европейцы, победить исламистский терроризм можно только изнутри, руками самих мусульман. Так вот, здоровые силы в духовном сообществе, авторитетные люди в конце концов смогут, как я надеюсь, доказать если не всем, то значительной части населения, что терроризм не есть настоящая суть ислама, что это раковая опухоль на теле ислама.

Терроризм — это не идеология ислама, хотя они используют те или иные цитаты из Корана. Используют понятие "джихад" в совершенно определенном смысле. Экстремизм — это зловредная тенденция в исламе, это не присуще исламу как религии. Вы знаете, в каждой религии бывают какие-то секты. Ваххабиты — это тоже мусульмане, но почитайте, что они говорят и как относятся к другим мусульманам. Это не суть ислама. Так вот, думаю, найдутся такие люди, которые все это объяснят.

Но это только одна сторона дела. Есть вторая сторона. Если западные страны будут продолжать те действия, которые они, исламисты, рассматривают как первопричину всех бед исламского сообщества, если американские войска будут находиться в Ираке, в Афганистане, то будет сохраняться почва для экстремизма.

Ошибаются те, которые считают, что действия экстремистов вызваны какими-то религиозными мотивами. Да, они считают, что ислам действительно подвергается атаке, что есть исламофобия, но главное, — это конкретная политика. Это Израиль, это Ирак, Афганистан, это американские войска в Саудовской Аравии и так далее. Так вот, тут я не вижу абсолютно никакого продвижения. Здесь товарищ Халидов говорил, что нельзя вне контекста политики сионизма, проводимой Израилем, анализировать ситуацию в регионе.

Товарищ Халидов, в Высшей школе экономики, где я читаю курс, я посвящаю несколько лекций именно этим вопросам — сионизму и Израилю. Но тут нет возможности охватить тему во всех аспектах из-за недостатка времени.

Что нового я здесь мог бы сказать о сионизме? Все о нем известно. Понимаете, и о сионизме, и об израильском лобби столько всего написано... Я считал нужным в докладе остановиться именно на том, о чем меньше пишут, меньше говорят, что представляет наибольшие трудности.

А с Израилем все ясно. Если говорить об израильской атомной бомбе, так всем известно, что эта бомба существует уже, может быть, почти 50 лет, но она никакого влияния на ход событий не оказала. Израильская атомная бомба не помешала Анвару Садату начать в 1973 году войну, он не боялся этой атомной бомбы. Она не помешала тем, кто начал и первую, и вторую интифады.

Она не помешала ни "Хезболле", ни "ХАМАСу". Никто на самом деле не боится израильской атомной бомбы, вот в чем дело.

Из зала. Так ведь за Садатом стоял Советский Союз.

Г.И. Мирский. Нет, дело не в этом. Никто не боится израильской атомной бомбы, но все боятся иранской атомной бомбы. Могут спросить: как же так, где же тут справедливость?

Из зала. У них особая бомба?

Г.И. Мирский. Нет, такая же бомба. Справедливости вообще нет на свете. Если рассуждать с точки зрения справедливости, то можно сказать: почему Израиль имеет бомбу, а Иран не имеет на это права? Но ведь процесс может пойти и дальше. Иран получает бомбу. Турки, саудовцы, египтяне, алжирцы говорят: а чем мы хуже? Ведь как иранцы

рассуждают? Я несколько лет назад был в Тегеране, говорил с простыми людьми, они рассуждают так: вот Пакистан имеет бомбу, а что такое Пакистан по сравнению с Ираном? Иран имеет многотысячелетнюю цивилизацию, а что такое Пакистан? О нем 50 лет назад никто даже не слышал.

Это напоминает мне разговоры, которые я слышал в совершенно другой ситуации. После развала СССР я в Казани разговаривал со многими людьми из татарского общественного центра, и они говорили так: почему туркмены имеют право на собственную республику, на членство в ООН, а татары с их древнейшей культурой и цивилизацией не имеют?

То есть это одного порядка вещи. Если решить, что Иран имеет право на бомбу, тогда давайте разорвем договор о нераспространении, бросим его в мусорную корзину, и через несколько лет множество стран будет иметь ядерное оружие.

Тут говорили, что вряд ли Иран хочет создать бомбу и тем более бросить ее на Израиль. Но это хорошо говорить здесь, в Москве, где нам ничего не угрожает. Мы даже можем аргументированно доказать, что Иран не собирается применять против Израиля ядерное оружие. Но если вы живете в Тель-Авиве или в Хайфе, а недалеко от вас находится большое государство... Большое по сравнению с Израилем. Израиль — страна одной бомбы, его так и называют: "One bomb country". Одной бомбы хватит. А рядом Иран, руководители которого говорят, что Израиль должен быть стерт с лица земли. Можете вы жить спокойно в таких условиях?

Здесь товарищ Вершинин говорил, что, по словам израильских представителей, они прекрасно понимают, что это будет катастрофа, если израильтяне ударят по Ирану. Последствия будут ужасные и для самого Израиля, и для Америки, вообще для всего мира. Но если оставить Иран с бомбой, говорят они, будет еще хуже. Да нет, что хуже, трудно сказать... Однако такой настрой народа в конце концов может подтолкнуть правительство к тому, что рано или поздно, если никакие санкции не работают, ничего не делается... Вот это самая опасная ситуация.

По сути дела (я об этом всегда говорю и писал об этом в "Независимой газете"), весь международный кризис вокруг иранской атомной программы заключается в том, как будет реагировать Израиль.

Конечно, правильно говорил коллега Вершинин, что это наш сосед, и нам неприятно, если у него будет бомба. Но ничего страшного не будет, я вас уверяю. Есть бомба у Пакистана, Индии, Китая, Израиля — ничего страшного. Единственная страна, для которой это вопрос экзи-

стенциальный, вопрос жизни и смерти, это Израиль. Международный кризис вращается вокруг вопроса о том, ударит Израиль или нет. Америка не ударит, это ясно.

Из зала. Америка разрешит Израилю?

Г.И. Мирский. Не нужно думать, что Израиль у США на побегушках и делает только то, что разрешает Америка. Если израильский премьер-министр поймет, что он в глазах населения будет последним слабаком, лузером, если не сможет нанести удар, то он может принять такое решение, зная, что Америка все равно ввяжется.

Вы вопрос ставите неправильно. Ему не нужно разрешение, он знает, что Америка все равно будет втянута в войну. Если Израиль нанесет удар, Иран тут же бьет по американским объектам там, по нефтяным объектам, и тогда Америка волей-неволей ввязывается в войну. Поэтому даже если Израиль самостоятельно нанесет удар, он знает, что Америка будет втянута в войну. Вот и все.

Из зала. А действительно есть у Израиля атомная бомба?

Г.И. Мирский. Есть.

Из зала. Это не так на самом деле.

Г.И. Мирский. Всем это известно. Голда Меир сказала в свое время, что у них нет атомного оружия, но если нужно, они его смогут применить. Все знают, что у них двести боезарядов.

Из зала. Это ядерная фига в кармане.

Г.И. Мирский. Ничего подобного. Израиль держит это оружие в течение почти 50 лет.

Из зала. И провоцирует арабские страны на приобретение ядерного оружия.

Г.И. Мирский. Нет. В чем он их провоцирует?

Из зала. Потому что у него есть, а у них нет.

Г.И. Мирский. Ошибаетесь, ни одна арабская страна пока что никаких атомных программ не осуществляет. У Ливии была программа, потом они ее свернули.

Из зала. Они не свернули.

Г.И. Мирский. Ливийцы давно свернули.

Из зала. У Ирана есть моральные основания ставить вопрос...

Г.И. Мирский. Нет никаких моральных оснований.

С.В. Кортунов. Я в порядке разрядки хочу рассказать вам, что примерно два года назад Георгий Ильич Мирский поспорил с двумя нашими уважаемыми генералами. Один из них член нашего Экспертного совета генерал Овчинский. Они поспорили о том, ударит ли Израиль по Ирану и, соответственно, будет ли конфликт с вовлечением Соединен-

ных Штатов. Генералы говорили, что обязательно ударит, а Георгий Ильич занимал более сдержанную позицию. И поспорили, по-моему, на тысячу долларов. Георгий Ильич выиграл, но деньги ему так и не отдали... *(Оживление в зале.)*

Михаил Николаевич, пожалуйста.

М.Н. Кузнецов. Сегодня выступали блестящие докладчики, умные, образованные. Хотелось бы высказать свои замечания.

Первое. Я не почувствовал у докладчиков глубокого осознания интересов прежде всего моей страны, России. Все говорили о важности ислама, о безысходности развития отношений с арабскими странами — нечем торговать, тем более с Азией. Я переводчиком с индонезийского языка работал в 1964 году в Индонезии, пришлось и по некоторым другим странам поездить. Было совершенно замечательное отношение к нам и со стороны военных, и со стороны простого населения, которое к нам почти как к Миклухо-Маклаю относилось.

Что у нас сейчас? Сейчас у нас полностью и, как я считаю, преднамеренно ликвидировано востоковедение. Когда я учился в МГИМО, было 47 редких иностранных языков, в том числе индонезийский и многие другие. Сейчас их нет.

Я член Российского общества дружбы и делового сотрудничества с арабскими странами. Мы говорим: пускай откроют программу "Стипендиат" для арабских стран, ведь подготовка хороших иностранных специалистов — это инвестиции в будущее своей политики, в будущих своих друзей, в образование новой элиты. Но этого не делается, у нас разрушена система подготовки кадров.

Затраты — это крохи по сравнению с той выгодой, которую можно приобрести, если создать вновь систему подготовки элиты, в том числе для арабских стран, на базе российских университетов.

Второе. Много говорили о том, фантом или не фантом бен Ладен. Я глубоко убежден, что это фантом, для этого есть основания, но нет времени об этом говорить.

А вот Саид аль-Кутб, о котором здесь говорили, это реальная фигура. В 1932 году этот офицер спецслужб Англии занимался подготовкой будущей политики к востоку от Суэца, которую англичане блестяще осуществили, практически не нажив себе врагов, сохранив свое влияние в тех странах, которые покинули. И тот же самый человек создал "Братьев-мусульман". Потом прослеживается эта линия. Самый мощный исламский институт — в Америке, и идеология разрабатывается не в Саудовской Аравии, не в Иране, а в совершенно конкретных местах, которые давно известны. Нам надо делать выводы.

Мы могли бы обеспечить себе серьезнейшие позиции во всех арабских странах. Они готовы пшеницу, даже вилы, кувалды покупать у нас, готовы частично инвестировать в сельскохозяйственное машиностроение. Но политика нашего Правительства последние 20 лет направлена на то, чтобы ничего этого не было. Такая политика идет в ущерб нашей государственности, потому что потом у нас исторического времени не хватит это наладить.

Далее. Что Израиль мог бы сделать позитивного? Да откажитесь взимать оброк в 10 процентов с любых действий палестинцев. Если в 1948 году два государства были созданы, то почему сейчас палестинцы должны каждые 10 процентов отдавать израильтянам?

Ненависть к Израилю со стороны арабов и вообще исламистов — это ненависть не по отношению к евреям как таковым, это ненависть к тому, что израильское лобби проводит такую политику через Англию, через США во всем мире. Этот вопрос может быть урегулирован без бомб и без территориальных и демографических потрясений. Но это направление не обсуждается почему-то. Кому это выгодно? Выгодно тем, кто очень хорошо закрепился.

Вот тут прозвучала цифра: в 22 раза выросло производство наркотиков в Афганистане, есть данные, что в 40 раз. И это произошло при американцах. В результате наша молодежь гибнет, наркомания у нас растет. Давайте думать о своих интересах.

И последнее. Да, ислам идет, но нам надо обратиться к своим истокам. Недавно Папа Римский и Берлускони обратились к нам вот по какому вопросу. Финка, которая проживает в Риме, подала иск в Европейский Суд по правам человека по поводу того, что в итальянской школе, где учится ее дочь, висит крест. Он висит там уже, может, 300 или 500 лет. И что вы думаете, Европейский Суд принимает решение, в котором осуждает правительство Италии. Идет вторжение в культуру, в традиции, в душу народа. Растаптывается это все. И итальянцы просят наше Правительство выступить третьей стороной в этом процессе.

Поэтому нам надо посмотреть, не делаем ли и мы какие-то серьезные ошибки. Мы поссорились за 20 лет абсолютно со всеми государствами. И ни одного союзника не приобрели. Сейчас вот от нас отходит уже и Белоруссия. Можем ли мы про такую внешнюю политику сказать, что она проводится в интересах народа? Вряд ли.

С.В. Кортунов. Спасибо, Михаил Николаевич.

Алексей Борисович, пожалуйста.

А.Б. Подцероб. Буквально несколько замечаний относительно того, что говорилось.

Я полностью согласен с Георгием Ильичом в том, что огромное влияние оказывают внешние факторы на исламизм, на политизацию ислама. Но не меньшую роль, наверное, играют факторы внутренние. Масса обездоленных людей, прежде всего выходцев из деревни, убедились, что капитализм плох, на собственной шкуре, разочаровались в социализме и в соцориентации. Образовался вакуум после краха социализма у нас и соцориентации там. Чем вакуум стал заполняться? Исламизм — третий путь, путь Аллаха. Это одна из основных причин того, что происходит политизация ислама, растет фундаментализм. И это тоже нужно иметь в виду.

Когда мы говорим о России, то понимаем, что есть "Аль-Каида", есть вмешательство "Аль-Каиды", иногда прямое, в события на Северном Кавказе. Прямым вмешательством было вторжение Хаттаба и Басаева в Дагестан. Была оказана финансовая помощь, и это было спланировано там. Есть и косвенное вмешательство. Но есть и наши собственные причины. Пока на Северном Кавказе не будут ликвидированы социальные и политические корни исламизма, фундаментализм там будет сохраняться.

Насчет конфликта цивилизаций. Являются ли действия террористов и вообще политиков-фундаменталистов проявлением конфликта цивилизаций? Знаете, конфликты цивилизаций были, когда одна цивилизация уничтожает другую — Карфаген и Рим, турки и Византийская империя, Испания, ацтеки и иже с ними в Латинской Америке.

В данном случае это не конфликт цивилизаций, потому что исламисты рассматривают в качестве врага свои собственные правительства.

Два расхожих лозунга: один у египетских исламистов — "Путь к освобождению Иерусалима лежит через освобождение Каира"; другой — это лозунг Хомейни — "Путь к освобождению Иерусалима лежит через освобождение Багдада".

Есть другая сторона медали. Предпринимаются попытки навязать унифицированную западную цивилизацию, построенную на схеме общества потребления. Это общество потребления не будет работать до тех пор, пока не будет цивилизационной унификации. Здесь мы и исламские страны оказываемся в одной лодке, потому что это навязывается и нам, и им.

Еще один вопрос — образ России и образ Советского Союза. Да, сейчас у нас есть моральный авторитет. К нам в арабском мире относятся неплохо. Но отношение к нам ухудшается, хотя статистических данных очень мало. Приведу такой пример.

Преподавательница университета в Рабате Тауфика в течение десяти лет проводила опросы студентов. К Советскому Союзу больше 50 процентов относилось положительно, к России больше 50 процентов опрошенных относится негативно. Это не все общество, это студенты, но они идут на смену тем, кто находится сейчас у власти.

Так что здесь ситуация для нас не очень благоприятная. Почему? Да, есть изменения во внешней политике, они объективны, от них никуда не уйдешь. Есть Чечня, от этого тоже никуда не уйдешь. Но ведь наш авторитет строился еще на том, что были Асуан, Хелуан, ГЭС на Евфрате и другие совместные проекты, десятки тысяч студентов учились у нас. Сейчас мы в лучшем случае строим заводы по сжижению газа, а учатся сотни человек, причем платят за это деньги.

Так что в этом отношении не нужно обманываться. Да, сейчас все неплохо, но пройдет еще какое-то время, и отношение к нам изменится в худшую сторону.

И насчет наркотрафика. Да, проблема огромная. Американцы действительно ведут в Афганистане то ли беспомощную политику, то ли двойную игру. Но посмотрим на самих себя. Я до сих пор не могу понять, почему сняли наши заставы в Таджикистане. Они были реальным препятствием наркотрафику. Значит, кому-то они мешали. Вопрос — кому?

С.В. Кортунов. Спасибо, Алексей Борисович.

Д.Ш. Халидов*, вице-президент Академии геополитических проблем.*

Поскольку доклад заявлен как научный, мы должны явления и проблемы исламского мира анализировать в системе. Если мы вырываем эти проблемы из общего, глобального контекста, то получается однобокая картина.

Другое замечание. Если мы из научного оборота сознательно исключаем целый ряд важных фактов, процессов, то получается опять-таки однобокая, необъективная картина.

Анализ с привлечением этих фактов показывает нам совершенно иную картину происходящего в мире.

И третье замечание. Здесь мы услышали очень хорошие содоклады, но очень редко такая информация дается на телевидении. Массмедийное сообщество искажает общую картину, массмедийное сообщество ангажировано, в массмедийном сообществе очень много людей с двойной лояльностью, и это вредит России, российским интересам.

С.В. Кортунов. Спасибо.

Заключительное слово основного докладчика.

Г.И. Мирский. Отвечая на ряд замечаний, скажу так. Вы можете не верить Рамзану Кадырову, вы можете не верить министру Лаврову, который сказал, откуда идет внешняя инициатива произведенных в Москве террористических актов — с территории между Афганистаном и Пакистаном. Любой школьник, если посмотрит на карту, поймет, кто находится на этой территории. Кроме "Аль-Каиды" и талибов, там никого нет. Можете всему этому не верить. Я знаю по опыту, что стараться переубедить взрослых людей — совершенно безнадежное дело. Для меня важно обосновать свою точку зрения перед студентами. Переубеждать людей, которые уже имеют твердые и четкие убеждение, бесполезно.

Тут господин Кузнецов говорил, что нет глубокого осознания интересов России. То есть если человек делает доклад об исламском мире, он должен туда что-то такое включить, чтобы товарищ Кузнецов сказал: да, Мирский глубоко осознает интересы России. Но это же смешно...

Опять же господин Кузнецов говорил, что ликвидировано востоковедение. Это совершенно неверно. Я сам востоковед, всю жизнь этим занимаюсь. Сейчас изучается множество языков, которые раньше не изучались. Вот в Институт востоковедения РАН пришел новый очень энергичный директор — Виталий Наумкин, он, по-моему, очень хорошо там поставил дело. Говорить, что ликвидировано востоковедение, совершенно неверно.

А вообще я всем благодарен за активное обсуждение моего доклада.

С.В. Кортунов. Спасибо всем за работу. До следующего заседания.

4. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 21 МАЯ 2010 ГОДА

4.1. ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПОЛИТИКА РОССИИ

(Из стенограммы заседания от 21 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Добрый день! Первый вопрос повестки дня — "Проблемы европейской безопасности. Политика России."

Доклад сделает Владимир Иванович Воронков, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России.

В.И. Воронков. Тема, которую мы сегодня будем обсуждать, очень актуальна сейчас. Практически всё политологическое сообщество и политические структуры власти ею занимаются, я уж не говорю про дипломатию, где это один из главных приоритетов.

Тема сложная, многослойная, с большой исторической "бородой", со многими вещами скрытыми, которые действуют не прямым образом, а опосредованно.

Начну с исторического экскурса, чтобы понять, где мы сейчас находимся. Анализ нынешней ситуации в области безопасности в Европе показывает, что ее нынешние параметры не обеспечивают достаточный уровень военно-политической стабильности на континенте. Конечно, было бы преувеличением говорить о том, что есть какие-то реальные предпосылки для крупномасштабной войны в Европе, тем не менее по-прежнему сохраняется угроза локальных конфликтов, которые грозят непредсказуемыми последствиями.

Опыт последнего двадцатилетия отчетливо это продемонстрировал. За это время мы стали свидетелями кровопролитной войны в Югославии, натовских бомбардировок в Сербии на фоне того, что происходило в Косово, нападения Грузии на Южную Осетию.

Причин такого положения дел много, но главное совершенно очевидно: Запад воспринял распад СССР и роспуск Варшавского договора как свою победу в холодной войне и на так называемых правах победи-

теля предпринял попытку переустроить евроатлантическую безопасность по своим лекалам, сделав НАТО и страны — участницы альянса эксклюзивным клубом по обеспечению безопасности.

Упрощенно это звучит так: если ты в НАТО, то ты защищен, если нет, то в лучшем случае ты альянс не интересуешь, а в худшем случае, если проводишь, по мнению Вашингтона и Брюсселя, не ту политику, можешь стать объектом силового воздействия.

Так произошло с бомбардировками в Сербии в 1999 году, более того, НАТО посчитала себя "властелином колец", для которого не писано международное право, поскольку нападение на Сербию стало вопиющим нарушением международного права. ООН — единственная международная структура, уполномоченная санкционировать применение силы, а в 1999 году НАТО на применение силы санкций от ООН не получила.

Одно нарушение повлекло за собой другое. В 2007 году, опять же вопреки международному праву, большинство натовских стран предприняло попытку расчленить Сербию, признав в одностороннем порядке суверенитет Косово.

1999 год и 2007 год — это ключевые точки, окончательно подорвавшие климат доверия в Европе. Все это происходило на фоне расширения альянса, не учитывающего озабоченности стран, безопасность которых этот процесс затрагивал и которые не собирались или не имели перспектив вступления в НАТО.

Естественно, наиболее отчетливо и последовательно выступала против этих деструктивных процессов Россия, для которой экспансия альянса стала к середине 2000 года приобретать характер не только вызова, но и прямой угрозы.

Напомню о планах размещения третьего передового района ПРО США, о дискуссии в НАТО в августе 2000 года по вопросу о необходимости оказания военной помощи Грузии и так далее.

Доверие в Европе было окончательно подорвано, а в том, что касается военно-политической ситуации, возродилась, по сути, риторика холодной войны.

Но жесткий ответ Грузии в августе 2008 года, активное противодействие расширению НАТО, особенно в отношении Грузии и Украины, заставили наших западных партнеров задуматься, что они творят в попытках оттеснить Россию от участия в принятии ключевых решений по европейским военно-политическим вопросам.

Помогли понять вредность такого положения дел для самих западных стран и нынешний глобальный финансово-экономический кризис

и, естественно, лимиты расширения НАТО. Вряд ли после принятия Албании в обозримом будущем у НАТО есть перспективы принять еще кого-то. И не случайно в Соединенных Штатах на фоне всех этих процессов появился Обама.

Именно тот тупик, в который завел себя Вашингтон, и породил спрос на политиков, которые стали бы проявлять больше реализма, осознали бы, что прежняя политика экспансии США, в том числе с использованием рычагов НАТО, завершилась и наступает новый исторический период.

Этот исторический экскурс показывает со всей отчетливостью неблагополучие в сфере европейской безопасности на сегодняшний день. Основной ее дефект — отсутствие общего и единого пространства безопасности, которое давало бы равные и надежные гарантии ее обеспечения для всех государств вне зависимости от их членства или нечленства в военных объединениях или блоках.

Мы видим, что по многим параметрам евроархитектура безопасности расшаталась. Это касается и размывания режима контроля над вооружениями, и атрофии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, и опасности возникновения серьезных вооруженных конфликтов, их неконтролируемой эскалации и роста тенденций к несостоятельности ряда государств. Киргизия — один из примеров того, насколько мы сейчас не подготовлены к тому, чтобы предотвращать неконтролируемое развитие событий в тех государствах, которые трудно считать вполне состоявшимися.

В Европе так и не реализован принцип неделимости безопасности, когда безопасность каждого неразрывно связана с безопасностью всех, когда все государства-участники отказываются от каких-либо действий по укреплению собственной безопасности за счет безопасности других.

Международные дискуссии последнего времени свидетельствуют о растущей неудовлетворенности нынешним состоянием дел с архитектурой евробезопасности. Наши партнеры, в том числе западные, публично и на высоком уровне признают, что сложившаяся система отношений в этой сфере несовершенна. Растет и понимание того, что нынешние механизмы принятия решений в этой области нуждаются в реформировании, а нынешним общеевропейским структурам безопасности недостает легитимности и эффективности.

Именно это породило реальный интерес к выдвинутой Президентом Медведевым в июне 2008 года идее заключения договора о европейской безопасности. Эта инициатива сильно стимулировала мыслительный процесс, касающийся того, в каком направлении двигаться на этом

треке. Российская инициатива стала катализатором многостороннего диалога в Евроатлантике, задала ему конструктивную направленность и, по сути, отодвинула на второй план многие проблемные темы, которые в общем-то оказались подчиненными по отношению к этой проблеме. Последовательная работа с руководством ряда ведущих западных держав — Франции, Германии, Италии, Испании на многосторонних площадках Организации Договора о коллективной безопасности, Евросоюза, Совета Россия — НАТО, ООН и ОБСЕ, а теперь с учетом состоявшихся в Киеве перемен и в формате СНГ позволила закрепить в международной повестке дня необходимость формирования в Евроатлантике системы безопасности и сотрудничества, более адекватно отражающей интересы всех стран, укрепления в этой сфере доверия и коллективных начал.

Могу вам сказать, что это огромный прорыв. Два года назад ответ Запада на инициативу Медведева был категорически негативным. Они выражали неготовность обсуждать эту тему, говоря о том, что система институтов евробезопасности совершенна и нуждается в лучшем случае в легкой подстройке под нынешнюю ситуацию. Сейчас есть отчетливое понимание того, что Россия не чувствует себя уютно в Европе при такой системе безопасности. И есть необходимость договариваться с Россией о том, как должен идти этот процесс, каков должен быть его конечный результат.

Инициативная позиция России оказывает все большее влияние на умы и настроение наших западных партнеров. Отмечаем растущее осознание ущербности сохранения схем, которые исключали бы Москву из процесса принятия решений по вопросам безопасности.

Несмотря на разные, зачастую противоположные точки зрения, в том числе критические в отношении концепции договора о евробезопасности, его оппонентам нечего противопоставить нашему центральному тезису о том, что без юридического закрепления принципа неделимости безопасности не получится ни создать объединенную Европу, ни обеспечить на подлинно коллективной основе эффективное реагирование на общие угрозы и вызовы. И в таком случае Европа будет обречена по-прежнему оставаться на этапе дискуссий, что скорее присуще периоду выхода из холодной войны, а не периоду строительства новых межгосударственных отношений, которые соответствовали бы современным рискам и вызовам.

По итогам состоявшихся в 2008—2009 годах международных дискуссий, как межправительственных, так и с участием парламентского и политологического сообществ, в конце прошлого года проект договора о

европейской безопасности был сформулирован и помещен на сайте Президента. Он был направлен руководителям стран и ключевых международных организаций в сфере безопасности (имеется в виду Евросоюз, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и СНГ). Проект посвящен только одной базисной теме — принципу неделимости безопасности. В документе предлагается и наш вариант механизмов реализации этого базового принципа, который имеет системообразующее значение. Как политическое обязательство он был провозглашен в документах ОБСЕ, при создании Совета Россия — НАТО, когда мы совместно с западными странами провозгласили, что ни одна из наших стран не будет укреплять свою безопасность за счет безопасности других. В проекте договора о евробезопасности предлагается предельно простая вещь — закрепить принцип неделимости безопасности в международном праве, разработать для Евроатлантики механизм его применения на практике на те случаи, когда кто-то из участников договора считает, что его безопасность ущемляется. Мы открыты для предметных, конструктивных предложений по конкретным элементам нашего договора. Ведь, по сути, российская инициатива направлена на то, о чем нам столько говорили западные лидеры в начале 1990-х, — на материализацию новых отношений в Евроатлантике и заключение этих отношений в прочные международно-правовые рамки.

Реакция Запада на проект договора остается двойственно-сдержанной. Страны НАТО и Евросоюза заняты формированием консолидированной позиции в ответ на наше предложение, но ее будущий контур уже вполне просматривается в полученных ответных посланиях от президентов Австрии, Кипра, Словакии, Словении, США, Турции, Франции, Швейцарии, глав правительств Великобритании, Греции, Дании, Испании, Люксембурга, Норвегии и так далее — всего мы получили на сегодняшний день 20 ответов от 56 стран ОБСЕ. Эти ответы показывают, что западные партнеры пока не готовы сделать решительные шаги по коренной модернизации евроатлантического ландшафта безопасности и пытаются отделаться "ремонтом" самих организаций, прежде всего ОБСЕ и НАТО. Именно такую философию изложили в феврале на 46-й Мюнхенской конференции по безопасности советник Президента США по национальной безопасности Джеймс Джонс и высокий представитель Евросоюза по международным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон. В своих вежливых, я бы сказал, деликатных в отношении России выступлениях они дали понять, что Запад по-прежнему намерен определять вектор "евроремонта", от России ждут скорее поддержки и сотрудничества. Важно, что США, как и ключевые западноевропейские страны, четко сигнализируют о настрое на расширение

дискуссии. Это уже большое достижение, потому что в 2008 году по этим вопросам с нами никто не желал говорить.

Очень показательной в отношении сдвигов, которые происходят в мышлении наших западных стран, стала поездка в Европу вице-президента США Джозефа Байдена, который заявил о поддержке США идеи необходимости обеспечения неделимости безопасности на всем европейском пространстве. Конечно, Вашингтон не готов согласиться с идеями договора о европейской безопасности, но декларирует готовность говорить о необходимости совершенствования евроархитектуры безопасности.

Еще более показательной стала статья Байдена, размещенная 5 мая на сайте Белого дома, где он фактически признал то, что Россия имеет легитимные права добиваться переустройства евроатлантического пространства с целью надежно обеспечить свою безопасность.

Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель неоднократно говорила о необходимости уделить самое серьезное внимание этой проблематике в формате России и ЕС. В последнее время она выдвинула очень перспективную идею выстраивания тройственного формата: Россия — Германия — Франция в рамках коллективных усилий по обновлению евроархитектуры безопасности и организации с этой целью трехстороннего саммита. Такой саммит запланирован на осень этого года, и мы надеемся, что он состоится, хотя знаем, что внутри Евросоюза есть серьезное сопротивление реализации этой идеи — в частности, со стороны так называемых младоевропейцев, которые, по сути, являются основными нашими оппонентами в вопросах переустройства структуры евробезопасности.

Надо сказать, что западные страны и НАТО как организация определились со своими красными линиями по договору о евробезопасности. Но их беспокоит, что при отсутствии консенсуса с нами по вопросам безопасности Россия будет действовать самостоятельно, без оглядки на них, что может создать серьезные трудности для осуществления стратегической линии Запада, которая состоит в том, чтобы и в дальнейшем продвигать НАТО-центричную модель безопасности. Наши оппоненты пытаются сдвинуть всю дискуссию в формат ОБСЕ с тем, чтобы размыть проблематику твердой безопасности, военно-политической безопасности в так называемом всеобъемлющем подходе, добавив к вопросам военно-политической безопасности вопросы экономической безопасности, а также права человека (аспекты, касающиеся безопасности).

По-прежнему у наших партнеров нет готовности рассматривать вопрос о придании прежним обязательствам в рамках ОБСЕ, а также нашим контактам с НАТО юридический характер. А это вопрос принципиальный, потому что на примере нападения на Югославию в 1999 году видно, что если нет юридической подоплеки, то политические обязательства нарушаются весьма легко, без всякой боязни получить за это соответствующие негативные оценки и негативные перспективы для дальнейших действий.

Главная цель западников — это сохранение центральной роли НАТО в евроатлантической системе безопасности. Но тем не менее мы считаем, что надо продолжать бить в одну точку. Раз уж все руководители стран Евроатлантики подписались под принципом неделимости безопасности в политдекларациях ОБСЕ в формате Совета Россия—НАТО, то есть все возможности сделать эти договоренности юридически обязывающими. Будем продолжать эту работу. Я думаю, что в конечном счете через какое-то время удастся добиться со стороны Запада серьезных продвижений на этом направлении.

Мы исходим из того, что договор в лучшем варианте должен согласовываться на независимой площадке. Прежде всего это государства ОБСЕ — 56 государств и международные организации, такие как Евросоюз, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и СНГ. Почему? Потому, что межгосударственные отношения сейчас не отделены от обязательств стран в рамках Евросоюза, НАТО и других международных организаций. Поэтому без подключения этих международных структур, без обязательств со стороны этих международных структур, опираясь только на межгосударственные договоренности, мы не добьемся того, к чему стремимся, — единого пространства безопасности и равных уровней безопасности для всех.

Очень важно продолжать сохранять нашу идею в очень активном состоянии. Мы рассчитываем на то, что политологическое сообщество, парламентарии будут продолжать свою важную работу в этом контексте. Сейчас мы добиваемся проведения встречи руководителей международных организаций, прежде всего Евросоюза, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и СНГ, с тем чтобы сопоставить их позиции относительно путей формирования в Евроатлантике неделимого пространства безопасности.

Работаем очень активно в этом контексте с учетом казахстанского председательства в ОБСЕ. Казахи поддерживают эту идею и пытаются вместе с нами организовать неофициальную министерскую встречу ОБСЕ в рамках "процесса Корфу" в Алма-Ате. Естественно, тема договора о евробезопасности — это органичная часть всех наших разговоров

с европейцами и американцами, и мы используем любой формат для того, чтобы напоминать об этой теме и подвигать Запад к более конструктивной позиции.

В последнее время развернулась активная работа в формате СНГ. СНГ в марте приняло декларацию на эту тему, и это хороший показатель, что СНГ при участии обновленной Украины активно включилось в продвижение наших идей о том, как улучшить ситуацию с евробезопасностью в Европе.

Эта дискуссия, которая ведется последние полтора-два года, приводит уже к реальным, объективным, ощутимым результатам. Три дня назад опубликован материал "группы мудрецов" НАТО, которые участвуют в подготовке ее стратегической концепции. Надо сказать, в этом документе многие вещи свидетельствуют, что западники все больше начинают понимать нашу озабоченность и вносить коррективы в свою политическую линию. В частности, в опубликованной стратегической концепции мы не раз говорили о своем беспокойстве по поводу возможности применения статьи 5 Вашингтонского договора: право на самооборону, на новые риски и вызовы. В прежних документах НАТО просматривалась тенденция использования этих статей против таких потенциальных угроз, как угроза энергобезопасности, угроза кибербезопасности и так далее. То есть НАТО, по крайней мере в теоретическом плане, рассуждало о возможности применения силы в случае, если, скажем, возникнет угроза в отношении энергопоставок в Европу. В материале, что представила "группа мудрецов", эти опасения учтены и подчеркивается, что статья 5 будет применяться исключительно для территориальной защиты стран и не будет распространяться на новые угрозы и вызовы.

Также в этом документе подтверждена приверженность организации верховенству международного права. Сказано, что НАТО не должна играть роль мирового полицейского, о чем мы не раз говорили нашим натовским коллегам. Более того, в документе четко определяется, что Россия не военно-политический противник, а партнер. Указано, что участие России поможет справляться с новыми вызовами, угрозами безопасности, такими как терроризм, наркотики, распространение оружия массового поражения, киберугрозы и так далее. Естественно, остались и прежние, не устраивающие нас элементы — это политика открытых дверей НАТО, оценка договора о европейской безопасности как антинатовской инициативы, по ПРО тоже формулировки очень нечеткие, они вряд ли могут считаться адекватными, если учитывать наши озабоченность и интересы. Ясно, что это еще не документ НАТО, это своего

рода пища для размышлений, подготовленная специальным экспертным сообществом, но направление мысли правильное. Будем продолжать работать с нашими натовскими партнерами с целью закрепления их на позициях реализма, учета интересов Российской Федерации, естественно, пытаясь воздействовать таким образом, чтобы те вещи, которые нас не устраивают, или получали дополнительное разъяснение, или, если натовские страны сочтут это возможным, исключались из текста документов. Так что предстоит еще очень большая работа, которая продожится еще много-много лет.

Но, подводя итог, могу сказать, что инициатива Президента Медведева, оглашенная 5 июня 2008 года, дала очень сильный импульс к процессу мышления в этом направлении. Она содействует сейчас разработке более понятных правил игры в военно-политической сфере на евроатлантическом пространстве. Если мы выйдем на общее понимание того, что Россия — это обязательный участник процессов обсуждения и принятия решений по вопросам военно-политической безопасности в Европе, мы можем рассчитывать на то, что через несколько лет будем жить в более безопасном и стабильном мире.

А.А. Аслаханов. Владимир Иванович, спасибо за высокопрофессиональный доклад. Вы блестяще знаете проблему. Вы значительно повысили наш уровень понимания этой важной проблемы.

Пожалуйста, вопросы к докладчику.

Н.И. Калинина. Спасибо за очень емкий доклад, когда тема рассмотрена в глобальном варианте. За каждой строчкой, за каждым тезисом кроется огромный объем информации, в том числе и фактурной.

У меня вопрос такого рода. Политически мы по-прежнему являемся противниками НАТО, но фактически у нас по многим направлениям идет медленное сближение. Есть много сфер, где мы сотрудничаем с НАТО.

Один из нерешаемых много лет вопросов — это вопрос о взаимодействии НАТО и ОДКБ. Не могли бы Вы рассказать о текущей ситуации по взаимодействию между НАТО и ОДКБ и о возможных перспективах?

В.И. Воронков. Спасибо, Наталья Ивановна, что Вы напомнили про эту проблему. На этом направлении происходят определенные позитивные изменения. В прошлом году в одной из публикаций известный политолог и политический деятель США Бжезинский как раз поднял этот вопрос в позитивном ключе и сказал, что НАТО давно пора посмотреть на все организации, которые действуют рядом с ней, посмотреть на те вопросы, которые решает НАТО, и прийти к каким-то изменениям в своей политике, потому что, скажем, без взаимодействия с ОДКБ во-

просы, связанные с присутствием НАТО в Афганистане, решать будет трудно или вообще невозможно.

Как следующий правильный шаг на этом направлении можно расценивать появление доклада "группы мудрецов" по стратегической концепции. Здесь впервые допускается возможность взаимодействия между НАТО и ОДКБ по конкретным вопросам, в частности по борьбе с наркотрафиком. Для нас вопрос наркотрафика из Афганистана является исключительно важным. Вы знаете, что в Российской Федерации оседает почти 80 тонн афганского героина, это официальные цифры нашего ФСКН. У нас наркотики потребляют, по официальным данным, почти 5 миллионов человек. Ежегодно в России погибают от наркотиков почти 100 тысяч человек. Эти цифры показывают, что нам напрямую угрожает ситуация, которая сложилась в Афганистане по производству наркотиков. И как реальный трек сотрудничества НАТО и ОДКБ — совместная борьба с наркотрафиком. От него страдает не только Российская Федерация, но и многие европейские страны. В этом плане мы открыты к сотрудничеству с НАТО. У нас много общих программ. Недавно Виктор Петрович Иванов, директор ФСКН, посетил штаб-квартиру НАТО и предложил свой план действий, который сейчас рассматривается нашими партнерами. Думаю, будут найдены конкретные решения по взаимодействию в этой сфере, в том числе с участием ОДКБ.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

М.В. Демурин. Владимир Иванович, почему все-таки взята установка на обсуждение договора о европейской безопасности на независимой площадке, а не в ОБСЕ? Представляется, что при обсуждении в ОБСЕ мы могли бы именно военно-политическим наполнением отодвинуть на второй план те аспекты, которые нам сегодня неудобны (например, их "демократизаторскую" деятельность на постсоветском пространстве), и вернуть ОБСЕ к главному ее предназначению как инструменту общеевропейской безопасности.

И второй вопрос — по саммиту ОБСЕ в Астане. Как там будут звучать вопросы общеевропейской безопасности, планируется ли какой-то общий итоговый документ и каковы перспективы этого общеевропейского саммита?

В.И. Воронков. Почему не ОБСЕ? Во-первых, ОБСЕ не исключена из этой работы. Как раз на военно-политическом треке под воздействием этих договоров происходят определенные позитивные изменения. В частности, речь идет о модернизации Венского договора 1999 года, который сыграл важную роль в укреплении инструментов доверия на евроатлантическом пространстве. Но договор, как любая бумага, уста-

ревает, ситуация меняется. Нас в договоре не устраивает наличие фланговых ограничений, прежде всего на размещение вооруженных сил, и мы добиваемся отмены этих фланговых ограничений. Пока, естественно, процесс в самом начале, но то, что с нами стали говорить, стали учитывать нашу озабоченность, это очень важное достижение последних лет. И должен сказать, что мы намерены по-прежнему активно участвовать во всех дискуссиях и использовать площадку ОБСЕ для продвижения каких-то элементов договора о европейской безопасности.

Почему мы не хотим отдавать все полностью ОБСЕ? Вопрос довольно простой. ОБСЕ не имеет той международной правосубъектности, которую должна иметь международная организация. Мы неоднократно ставили вопрос о том, чтобы ОБСЕ имела свой устав, как имеют ООН и другие международные организации, свою правовую субъектность. Но, к сожалению, наших западных коллег, которые вкладывают очень большие деньги в эту организацию, устраивает ее размытый характер, поскольку при отсутствии понятных, утвержденных механизмов работы они могут пользоваться ее размытыми инструментами для продвижения своих целей. Поэтому помещать всю дискуссию на площадку ОБСЕ — это получить тот результат, который, в общем, никого не будет устраивать. Точнее, западников он бы устраивал, потому что они не получат никаких ограничений на свою нынешнюю деятельность в рамках ОБСЕ. Кроме того, документ, подобный указанному договору, уже принимался ОБСЕ в 1999 году — это Хартия европейской безопасности. Его приняли, по нему работали два или три года и забыли. Почему? Потому, что хотя документ принят, механизмов его осуществления и контроля за его выполнением до сих пор в рамках ОБСЕ не создано. Поэтому мы говорим, что готовы обсуждать договор, но при том условии, что ОБСЕ тоже будет трансформироваться в полноценную организацию с четкой ответственностью всех государств за поддержание необходимого уровня стабильности и безопасности в Европе.

Что касается независимой площадки, то она мыслится как площадка, на которой могли бы быть представлены и государства, и международные организации. Я уже говорил о том, что государства могут заключать между собой какие-то соглашения в этой сфере, но без участия международных организаций, которые тоже брали бы на себя такие обязательства, мы не добьемся цели, то есть того уровня гарантий безопасности, который требуется в нынешних условиях в Европе.

Что касается саммита ОБСЕ, то вопрос несколько преждевременный. Решения о саммите пока нет. Эту идею выдвинул Президент Казахстана Назарбаев. Саммитов ОБСЕ не было с 2000 года, практически

10 лет организация не функционирует так, как надо. Это показатель того, в каком состоянии она находится. Чтобы найти для этой организации применение, придать ей новое, соответствующее нынешним требованиям качество, и необходимо, с нашей точки зрения, провести встречу на высшем уровне. На ней руководители государств смогли бы определить круг актуальных проблем, по которым организация должна работать, и дать импульс к тому, чтобы эта организация стала полноценно работать.

Если этого не произойдет, боюсь, что ОБСЕ ждет не очень завидная судьба, потому что все структуры существуют до тех пор, пока они востребованы и пока их деятельность соответствует реалиям жизни. ОБСЕ все больше от реальных вопросов отходит.

Из зала. Может быть, тогда и закрыть ее?

В.И. Воронков. Торопиться не надо, как говорится.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста, Ваш вопрос.

Л.А. Ярошенко, *Высшая школа экономики.*

Спасибо Вам за комплексный и емкий доклад. У меня такой вопрос. В своем выступлении Вы говорили о красных линиях, которые для себя определили западные страны, страны — члены НАТО и ОБСЕ при обсуждении договора о европейской безопасности. Определила ли их для себя Россия? Известно, что мы не собираемся включать в договор о европейской безопасности гуманитарную корзину — вопросы демократии и прав человека, в несоблюдении которых нас часто обвиняют. Является ли это единственной составляющей в списке красных линий для Российской Федерации при обсуждении договора о евробезопасности?

И второй вопрос. Вы говорили о возможном варианте стратегической концепции НАТО, опубликованной "группой мудрецов", и о том, что в ней были учтены многие озабоченности Российской Федерации. Не кажется ли Вам, что это является своеобразным сигналом к тому, что России следует больше двигаться именно в направлении усиления контактов и расширения сотрудничества с НАТО, изменения базы сотрудничества с НАТО, нежели в сторону договора о евробезопасности? Спасибо.

В.И. Воронков. Давайте исходить из того, что сам текст договора о евробезопасности — это запросные позиции. Мы хотели, внося этот документ, разбудить ту дискуссию, в которой нуждается Европа. Думаю, мы этого добились, процесс пошел. В этот процесс вовлечены и политологи, и парламентарии, и руководители государств. И наши озабоченности были услышаны.

Что касается красных линий. Конечно, для нас любой иной договор, кроме как юридически обязывающий, неприемлем. Потому что многие другие соглашения и договоры уже принимались, где фиксировались различные обязательства, но, как показало развитие событий, они не выполнялись. Мы считаем, что договор должен носить юридический характер и в нем должны быть инструменты реализации, вплоть до каких-то мер, не хочу называть их санкциями...

Давайте возьмем простой пример: нападение Саакашвили на Южную Осетию. В международном инструментарии на данный момент нет серьезных ограничителей и мер наказания за такую безответственную политику. Если дальше развивать идею договора, то нужны такие ограничители. Нужны такие факторы, которые побуждали бы политиков отказываться от авантюристических шагов, угрожающих общей стабильности. Вот что может обеспечить юридический характер документа.

Вторая красная линия: мы будем добиваться и настаивать на том, чтобы договор подписали как все страны, так и международные организации, чтобы не было пространства для произвольного трактования взятых на себя юридических обязательств. Конечно, это позиция очень жесткая и очень запросная, но без таких ориентиров трудно будет двигаться к каким-то промежуточным позитивным решениям.

Я с Вами согласен в том, что нужно дальше развивать и укреплять контакты с НАТО, несмотря на все проблемы в наших взаимоотношениях. У нас есть общая повестка дня, у нас есть общие угрозы и вызовы. Мы говорили об Афганистане. Трудно сказать, как пойдет развитие ситуации с ракетной угрозой, с угрозой распространения ядерного оружия.

Обращаю ваше внимание на интересную статью Сергея Кортунова в последнем номере журнала "Международная жизнь", где угроза ядерного распространения определяется как одна из главных на ближайшую перспективу. Чтобы победить эту угрозу, нам нужно взаимодействие с НАТО, но нам нужно взаимодействие с НАТО равноправное, нам нужно такое взаимодействие с НАТО, когда мы участвовали бы и в процессе выработки решений. Таким образом, не будучи частью НАТО, мы могли бы обеспечивать защиту наших интересов в работе с НАТО и добиваться вместе с НАТО каких-то результатов, которые требуются для сохранения и укрепления стабильности на евроатлантическом пространстве.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста, Ваш вопрос.

С.В. Кортунов. Владимир Иванович, мой вопрос является, наверное, продолжением вопроса Любы Ярошенко. Коль скоро мы стали говорить о возможных площадках обсуждения инициативы Медведева, то

все-таки надо прокомментировать и перспективы нашего взаимодействия с НАТО на площадке Совета Россия — НАТО.

В своем выступлении Вы не упомянули эту структуру. Я могу предположить почему, но не значит ли это, что Министерство иностранных дел как бы "списало" возможность взаимодействия с НАТО в выработке соответствующих договоренностей именно в рамках структуры Совета Россия — НАТО.

В.И. Воронков. Знаете, на меня произвела просто удручающее впечатление эта площадка Совета Россия—НАТО, которую я впервые мог оценить во время первой министерской встречи после разморозки отношений с НАТО. Это абсолютно дискуссионная площадка, где высказываются разные точки зрения, но практически нет механизмов, которые способствовали бы выработке совместных решений. Это не значит, что априори эта структура плохая, просто сегодня она используется, прежде всего по причине сопротивления западных стран, только как дискуссионный клуб.

В документах, которые определили создание этой структуры, есть возможности превращения этой структуры в реально работающую во благо и НАТО, и Российской Федерации. Но это моя субъективная точка зрения, я на натовском направлении достаточно новый человек, всех тонкостей не знаю.

Одновременно у нас есть серьезные наработки по ряду направлений сотрудничества с НАТО: по антитеррору, по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, по совместной работе по предотвращению наркоугрозы из Афганистана или угрозы терроризма. Сейчас даже стоит вопрос о возможности дискуссии, а потом и совместной работе с НАТО по созданию европейской ПРО, но все это перспективы. Тех наработок, которые есть, явно недостаточно, чтобы изменить имидж НАТО в представлении наших политических кругов.

Думаю, этот процесс еще довольно долго продлится. Если мы не будем допущены к механизмам выработки решений на тех направлениях, которые нас интересуют, ситуация двусмысленности, ситуация отсутствия эффективности во взаимодействии на натовской площадке будет продолжаться, вызывая неудовольствие и раздражение как с нашей стороны, так и со стороны наших западных партнеров, поскольку что они все больше понимают, что без участия России решение ряда глобальных вопросов европейской безопасности и общей мировой безопасности невозможно.

А.А. Аслаханов. Спасибо, Владимир Иванович. Мы закончили обсуждение первого вопроса.

4.2. РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ЛИНИИ РОССИЯ — НАТО. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОБЕЗОПАСНОСТИ

(Из стенограммы заседания от 21 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги, переходим ко второму вопросу — "Развитие отношений по линии Россия — НАТО. Перспективы построения новой системы евробезопасности".

Татьяна Глебовна, Вам слово.

Т.Г. Пархалина. Вы знаете, что к середине первого десятилетия XXI века система безопасности, которая существует в Европе, была сконцентрирована вокруг двух евроатлантических институтов — НАТО и ЕС. Это факт. Неслучайно после развала Советского Союза и самороспуска Организации Варшавского договора практически все страны бывшего социалистического содружества и часть республик бывшего Советского Союза продемонстрировали свое желание присоединиться к этим евроатлантическим институтам, которые, надо сказать, продемонстрировали высокие адаптационные способности относительно новой ситуации.

Мотивация этих стран была и продолжает оставаться такой: они хотят принадлежать к клубу успешных государств, а присоединение к этому клубу через натовскую дверь всегда было значительно проще, чем через дверь ЕС, потому что ЕС — это супернаднациональная организация, где существуют нормы и правила поведения, зафиксированные в многостраничных томах, что обусловливает сложность вступления в эту организацию. В НАТО проще, потому что речь идет скорее всего о политическом решении с обеих сторон.

Повторяю, они хотели принадлежать к клубу успешных государств, и Евроатлантика смогла предложить им социально-экономическую модель, которая в то время казалась им привлекательной.

К величайшему сожалению, Россия после распада этих двух структур не смогла предложить социально-экономическую модель более аттрактивную, чем та, что предлагает Евроатлантика.

И, вне всякого сомнения, они через эту интеграцию в евроатлантические институты хотели закрепить, институционализировать свою независимость от Москвы. Я хочу напомнить, что после развала Советского Союза эмиссары из стран Центральной и Восточной Европы приезжали в Москву, где им было сказано: вы нам неинтересны, мы будем с

вами разговаривать через Брюссель и Вашингтон. И они поехали в Брюссель и Вашингтон за гарантиями безопасности.

Понимаете, у нас часто на официальном уровне говорится, что эта ситуация никого не устраивает. Но я считаю, что, к величайшему сожалению, эта ситуация устраивает всех, кроме России. Всех. Но то, что она не устраивает Россию, это принципиальный фактор, потому что он вызывает озабоченность, раздражение со стороны России. И на самом деле, когда Россия вышла с идеей договора о европейской безопасности, она как бы просигнализировала Западу: мы не удовлетворены нынешней ситуацией в нашей сфере безопасности. И этот сигнал был прочитан именно так в НАТО, в Евросоюзе, в столицах ряда государств.

Я сразу поддержала эту идею, потому что понимала, что новому Президенту нужно выдвинуть свою инициативу в области внешней политики, и для меня она была из позитивной повестки дня. До этого очень часто во внешней политике наша повестка дня была негативной (не допустить расширения НАТО, не допустить провозглашения независимости Косово, не допустить размещения ПРО в Европе), и вот мы вышли с позитивной повесткой дня. Воспринята была эта идея с колоссальной осторожностью и страхом. Почему? Страны Евроатлантики прочитали на том этапе в этой идее стремление России маргинализировать НАТО, сделать ее неинтересной для стран-аппликантов. Это была главная идея. В тот момент российская дипломатия сформулировала только два тезиса по поводу этого договора (я говорю об июне — июле 2008 года) — по поводу юридически обязывающего характера документа. И было намерение предложить европейским партнерам (я подчеркиваю, европейским партнерам) разговаривать в их национальном качестве, то есть как бы забыть об их членстве в НАТО и в ЕС, что для них было совершенно неприемлемо.

Очень многое изменил в этом смысле, как ни парадоксально, кавказский кризис 2008 года. Во-первых, он показал, что Россия может изменить территориальное статус-кво, обусловленное распадом Советского Союза, и, во-вторых, он показал, что инструменты влияния Запада на политику России очень ограниченны, если вообще имеются.

Глобальный финансово-экономический кризис, показал всем, что мы в одной лодке. В России была снята вся антизападная риторика, состоялся саммит по безопасности в Эвиане, где Президент Франции Саркози, сыгравший серьезную роль в урегулировании конфликта на Кавказе, сказал буквально следующее: "Только с американцами мы будем обсуждать эту идею. Только с американцами и только на площадке ОБСЕ". И мы, в общем-то, тогда это восприняли. Другое дело, как дальше

пошло развитие, но тогда это было воспринято адекватно. И началась работа по наполнению. Нас Евроатлантика стала спрашивать: "А что, собственно, вы имеете в виду? Что вы хотите в эту коробку положить?" И вот тогда начался процесс постепенного наполнения этой идеи каким-то содержанием.

Должна заметить, что тот вариант, который был предложен и выставлен на кремлевском сайте, достаточно уязвим. Сейчас объясню, с какой точки зрения.

Во-первых, тезис о юридически обязывающем документе. Это будет очень трудно сделать. Ратификация парламентами всех 56 стран — членов ОБСЕ, это сложный вопрос. Мы знаем, как происходило дело с европейской конституцией, которая так и не была принята странами Евросоюза. Это их внутренний документ, и то он не был принят.

Во-вторых, может осложнить принятие этого договора, как ни парадоксально, принцип неделимости безопасности. Хочу вам напомнить, что принцип неделимости безопасности был закреплен еще в Хельсинкском заключительном акте 1975 года. Тогда имелось в виду ограничить применение доктрины Брежнева — не только по линии Восток — Запад, но и по линии Восток — Восток. И большую активность проявляли румыны, которые боялись, что в случае несогласия с политикой Чаушеску мы можем действовать так же, как во время пражских событий 1968 года. Потом этот принцип был конкретизирован в очень многих документах ОБСЕ, включая Хартию европейской безопасности и так далее. Так вот, сейчас представители Евроатлантики говорят: а что вы имеете в виду? Если вы имеете в виду все то, что уже было прописано, так скажите об этом. Если вы имеете в виду что-то новое, тоже скажите об этом. Поэтому мне представляется крайне важным довести до представителей Евроатлантики наше понимание на сегодняшний день принципа неделимости безопасности.

В третьих, в том проекте, который был предложен в декабре прошлого года, безопасность рассматривается только в военно-политических категориях, только как жесткая безопасность. Но тут асимметрия ожиданий и асимметрия трактовок происходит. Евроатлантика уже давно трактует безопасность через призму интеграции. Мы трактуем безопасность через призму геополитики. Это факт. Разные типы политической культуры, стратегической культуры, об этом можно долго говорить, но таково было историческое развитие. И, конечно, если хочешь продать что-то, то нужно упаковать это в красивую коробочку. Я думаю, что есть уже понимание, и Президент Медведев уже несколько раз давал сигналы Западу, что это запросная позиция. Мы как бы говорим: "Мы

понимаем, что в таком виде вы документ не примете, мы готовы обсуждать его в широком контексте, имея в виду и мягкую безопасность". Этот сигнал Евроатлантике был послан. Так что это может быть препятствием, хотя понятно, что обсуждение началось. Конечно, безопасность необходимо в наше время обсуждать и в категориях мягкой безопасности.

Обсуждение уже идет. Как вы знаете, начался "процесс Корфу" 27 июня 2009 года. На площадке ОБСЕ уже действуют около 10 рабочих групп, в которых обсуждается и российская инициатива. Процесс сложный, длительный. Но я хочу вам напомнить, что Хельсинкский заключительный акт был принят после 6 лет подготовки. Работа в Хельсинки началась в 1969 году, акт был подписан в 1975 году. Да, потребуется время. Идет модификация позиций наших партнеров, очень многие страны Евроатлантики, а также Евросоюз, НАТО на своем юбилейном саммите подтвердили, что будут с нами разговаривать, потому что понимают: ситуация ненормальная, и такой она останется, пока Россия не интегрирована институционально или неинституционально в некую систему европейской безопасности. Хочу напомнить один тезис из теории международных отношений, согласно которому страна, которая потерпела поражение, должна быть встроена в новую систему безопасности.

Кстати, что Западная Европа и США делали в Германии и в Японии после Второй мировой войны? Они их встроили в новую систему. Разные есть трактовки, но была холодная война, и мы не вышли победителями в этой холодной войне. Но ответственность за это несут обе стороны: и Россия, и Евроатлантика. До сих пор не получилось интеграции России в существующую систему. Это очень плохо, и сейчас наконец есть понимание того, что нынешняя ситуация неприемлема для будущего позитивного развития. Думаю, это займет несколько лет, но в итоге обе стороны придут к выработке какого-то документа.

Одна из площадок, на которых Россия предпочла бы обсуждать эти новые предложения, это площадка Совета Россия — НАТО.

Вообще по причинам исторического, политического и психологического характера отношения между Россией и НАТО я характеризую как очень трудное партнерство. В России существуют три школы мысли по вопросу наших отношений с Западом и с НАТО. Кстати, представители всех трех школ присутствуют в этом зале, и это нормально как срез общественного мнения.

Первая школа мысли — это национал-патриоты, которые считают, что любое сотрудничество с НАТО — это предательство национальных интересов, что мы не можем вести диалог в рамках Совета Россия —

НАТО, вообще это нам не нужно, а нужно сотрудничать с режимами, которые находятся к востоку от России или где-нибудь в Южной или Латинской Америке, в Венесуэле, например.

Вторая школа мысли — это западники, которые считают, что в целях модернизации нам необходимы западные технологии и инвестиции, нам необходимо сотрудничество с Евроатлантикой, которая может быть нашим стратегическим партнером для отражения качественно новых угроз в сфере безопасности. И вообще в области международных отношений, политики понятие любви неприемлемо, а приемлемо понятие рациональности. Те, кто принадлежит к школе западничества, считают, что не обязательно брак должен быть по любви, может быть брак по расчету, и браки по расчету бывают иногда гораздо прочнее.

Кстати, трансатлантические отношения в рамках НАТО — это ведь тоже не брак по любви, а брак по расчету, и эти отношения оказались очень прочными.

Третья школа — умеренный националистический центр. Представители этого направления считают, что наше сотрудничество с НАТО — это плата за наше сотрудничество с Европейским союзом, разделяя при этом Запад на хороший или плохой. При этом большинство стран Евросоюза (а Евросоюз — это приоритет на шкале приоритетов российской внешней политики, он стоит на втором месте после стран СНГ) являются одновременно членами НАТО, и нам не нужно об этом забывать.

Отношения, как я сказала, очень сложные, и развиваются они по синусоиде. С начала 1990-х годов эти отношения прошли через два серьезных кризиса и были связаны с замораживанием отношений после воздушной операции НАТО против Югославии, против режима Милошевича, и после кавказского кризиса. Кстати, я считаю, что это была колоссальная стратегическая ошибка со стороны НАТО, и она сейчас признана. Потому что с самого начала главная идея Совета Россия — НАТО заключалась в том, чтобы он был каналом для консультаций при любых, особенно кризисных, ситуациях. Новый генсек НАТО посетил Москву в декабре прошлого года и сказал, что сейчас есть понимание того, что это должен быть всепогодный форум. То есть даже в кризисных ситуациях ни в коем случае нельзя прекращать диалог. Пройдя через эти кризисы, стороны свои отношения восстановили.

Остановлюсь на нынешнем состоянии отношений России и НАТО. При том, что мы не очень довольны работой Совета Россия — НАТО, необходимо констатировать, что впервые в истории наших отношений произошла институционализация этих отношений через эту структуру, через Совет Россия — НАТО.

Сейчас предприняты попытки (и есть документы, принятые на министерском саммите Совета Россия — НАТО в декабре прошлого года) вывести этот Совет на качественно иной уровень сотрудничества. Во-первых, уточнена структура рабочих органов Совета Россия — НАТО в направлении концентрации усилий на проблемных вопросах. Во-вторых, повышается роль координационного комитета, взявшего на себя не только функции по координации, но и непосредственное руководство определенными проектами — например, по подготовке антитеррористических кадров. С декабря 2005 года реализуется уникальный проект по линии Совета Россия — НАТО, касающийся подготовки кадров по борьбе с антитрафиком для Афганистана и стран Центральной Азии. В маленьком городе Домодедове есть Институт повышения квалификации МВД России. Это площадка абсолютно современная, оборудованная по последнему слову техники. На базе этого Института повышения квалификации МВД происходит совместная подготовка кадров для Афганистана и стран Центральной Азии. Если с 2005 года по декабрь прошлого года было подготовлено 200 специалистов, то сейчас достигнута договоренность, что с декабря прошлого по декабрь нынешнего года будет подготовлено 300 специалистов, больше, чем за предыдущие четыре года.

Предусмотрены рабочие группы по противоракетной обороне, по вопросам контроля над вооружениями, разоружением, нераспространением, по чрезвычайному гражданскому планированию и защите, по вопросу оборонной транспарентности, по оперативному взаимодействию и оборонному сотрудничеству. В составе последней группы создана подгруппа по Афганистану в целях комплексного рассмотрения разнообразных направлений взаимодействия.

Что касается ПРО. Вы знаете, что до того момента, когда американцы выступили со своими планами по размещению элементов третьего позиционного района своей ПРО в Чехии и Польше, в рамках Совета Россия — НАТО существовала группа по созданию ПРО ТВД, то есть ПРО европейского театра военных действий. И на самом деле там были очень перспективные разработки (это мне и наши, и натовские военные говорили). Так вот, сейчас восстановлена рабочая группа по ПРО. Думаю, что будут большие изменения к ноябрю нынешнего года. Сейчас документ положен на стол генсеку НАТО, и, как говорят, он сам будет работать с ним. Так вот, Расмуссен предложил в начале апреля нынешнего года, выступая в Брюсселе в Королевском институте обороны, а потом на Таллинском саммите НАТО, создать так называемую европейско-атлантическую ПРО — США, Европа, Россия.

Мне представляется, что направление может быть чрезвычайно перспективным при условии, что будет прояснена позиция стран Евроатлантики. Пока ПРО есть у Соединенных Штатов, элементы ПРО есть у нас. У Европы по ПРО есть наработки — у французов, у немцев, но как таковой европейской ПРО нет. Так на каких условиях это будет делаться? Для нас это принципиально важно, и здесь наша запросная позиция должна быть очень высокой. В том случаям, если Россия будет допущена к новым технологиям, а тогда это будет обозначать модернизацию нашего ВПК, мы заинтересованы в участии в создании этой атлантической ПРО. Если нет, то тогда большой вопрос, следует ли нам в ней участвовать.

В любом случае пока это только идея, она будет проработана к сентябрю — октябрю нынешнего года.

В декабре прошлого года была достигнута договоренность, что в структуре Совета Россия — НАТО будет сохранен Комитет по науке "Ради мира и безопасности", специальные рабочие группы по тыловому обеспечению, по борьбе с терроризмом и контртерроризмом и по инициативе сотрудничества в воздушном пространстве.

Очень важное решение, которое было принято в декабре (сейчас соответствующий документ готовится), это совместная оценка угроз. Мне это представляется принципиальным. И, кстати, Россия с момента создания Совета Россия — НАТО выдвигала идею совместной оценки угроз. Но по причине отсутствия консенсуса среди союзников этого не было сделано. Теперь дано поручение дипломатам подготовить документ где-то к ноябрю нынешнего года. А совместная оценка угроз, как вы понимаете, является базисом для разработки совместных действий в будущем.

Конечно, есть в России антизападные фобии, но есть и совершенно конкретно оформленные озабоченности. По линии Россия — НАТО к нашим озабоченностям относятся следующие.

Первая — трансформация альянса. Альянс превращается в какую-то глобальную структуру или, как в НАТО говорят, в глобальное партнерство. Я считаю, что частичный ответ на эту озабоченность дан в том документе, о котором говорил Владимир Иванович. В нескольких местах подчеркивается, что НАТО — это региональная, а не глобальная организация, что она ни в коем случае не хочет подменять ООН в сфере безопасности. Должна сказать, что НАТО извлекла урок из косовского кризиса и с тех пор предпочитает все-таки иметь мандат ООН на свои действия. Хочу вам напомнить, что операция в Афганистане (она не натовская, а международная) имеет мандат Организации Объединенных

Наций. Они поняли, к каким катастрофическим последствиям привел их выход из режима, основанного на системе Организации Объединенных Наций, и извлекли для себя урок.

Я считаю, что частично на наши озабоченности дан ответ в этом документе. Представители НАТО говорят о глобальном партнерстве, что НАТО рассматривает необходимость разработки ответов на качественно новые вызовы безопасности в партнерстве и с теми странами, которые даже не собираются стать членами НАТО. К ним относятся Новая Зеландия, Япония, Австралия, и они сотрудничают с ними в борьбе с терроризмом.

Вторая озабоченность — это процесс открытых дверей, расширение НАТО. Хочу вам сказать, что нас сейчас не волнует расширение НАТО на Западные Балканы, этот процесс идет. Кроме Албании, ПДЧ (План действий по членству в НАТО) на Таллинском саммите был предоставлен Боснии и Герцеговине. По моим данным, файл "Прием Украины и Грузии" закрыт. Однако хочу сказать, что расширение НАТО — это статья 10 Вашингтонского договора, и они от нее не откажутся никогда. Это базовые вещи. Есть базовые статья 5, статья 10, от них не откажутся никогда.

На Бухарестском саммите была дана глупая формулировка той позиции, что рано или поздно Украина или Грузия войдут в НАТО. Тогда давление американцев на европейцев было очень сильное, Буш трижды звонил Меркель. Европейцы, кстати, часто блокируют решения Вашингтона в рамках НАТО.

Но тогда была принята эта формула, что рано или поздно Украина и Грузия будут в НАТО, хотя уже было принято решение, что их не будут приглашать. Мне кажется, что и по неформальным, и по формальным каналам надо добиваться того, чтобы в концепции этого не было. Я уже говорила представителям альянса, что не надо упоминать какие-то конкретные регионы или отдельные страны.

Почему Россия обеспокоена расширением НАТО на постсоветское пространство?

Наша элита обеспокоена тем, что НАТО играет роль демократизатора на постсоветском пространстве и распространяет свою систему ценностей. А к ней относятся и эффективно работающие институты, и демократический и гражданский контроль над вооруженными силами, и транспарентность в формировании военных бюджетов, и вообще контроль со стороны гражданского общества и так далее. Наша элита, значительная часть экспертного сообщества и наше население считают, что это выдавливание России из сферы наших традиционных интересов.

Мы озабочены и проблемой создания ПРО. Хотя американцы сейчас отказались от размещения элементов ПРО в Чехии и в Польше, но в целом вопрос окончательно не решен, потому что речь идет и о возможном их размещении в Болгарии и Румынии. Хотя наши военные и политики говорят, что это не представляет для нас опасности, тем не менее... В общем есть над чем думать.

Еще одна наша озабоченность — это ситуация вокруг Договора об обычных вооружениях (ДОВСЕ). К тому моменту, когда Россия объявила мораторий на договор в 2007 году, ситуация действительно была ненормальной: только Россия ратифицировала и имплементировала этот договор, адаптированный ДОВСЕ 1999 года, и больше ни одна страна Евроатлантики его не применяла, ссылаясь на пакетное Соглашение Стамбульского саммита ОБСЕ, где действительно было записано, что страны Евроатлантики начинают ратификацию ДОВСЕ адаптированно в том случае, если Россия выводит свои базы из Грузии и Приднестровья. К 2007 году Россия, кроме маленькой базы в Гудауте, вывела свои две базы из Грузии. База в Приднестровье — это база вооружений. Я говорила с молдавскими военными, и они мне сказали, что очень боятся того, что русские уйдут. Эти вооружения окажутся в руках каких-то непонятных сил. Они боялись распространения этих вооружений по территории Молдовы и Приднестровья. Поэтому совершенно ясно, что это был просто предлог. Сейчас обе стороны, прежде всего Россия, предпринимают определенные усилия по реанимации режима ДОВСЕ. Честно говоря, как эксперт я не вижу возможностей реанимации этого режима, потому что страны Евроатлантики не хотели ратифицировать его, даже когда у нас были крохотные базы в Гудауте и Приднестровье. Сейчас у нас по 3600 военнослужащих в Абхазии и Южной Осетии. Уже есть соглашение о восстановлении довоенной базы в Абхазии. По-видимому, скоро то же будет в Южной Осетии. Как в этих условиях будет действовать режим ДОВСЕ, мне непонятно. Но абсолютно ясно, что необходим новый режим контроля над обычными вооружениями. Вот это как раз необходимо проговаривать и фиксировать в рамках российского предложения по новой архитектуре европейской безопасности. То есть в рамках этого предложения на площадке жесткой безопасности должны быть разработаны новые меры доверия, режим контроля в области обычных вооружений и вопросы, связанные с нераспространением.

Причем хочу подчеркнуть, что ни в коем случае нераспространение не должно быть заложником ухудшения или улучшения наших отношений с Западом, потому что Россия окружена странами, которые хотят иметь ядерное оружие. И чем это отзовется в дальнейшем, непонятно.

Еще одним пунктом озабоченности и разногласий являются разные позиции по результатам кавказского кризиса 2008 года. Совершенно понятно, что сложились новые политические реалии, Россия не отзовет свое признание независимого статуса Абхазии и Южной Осетии, а страны Евроатлантики, НАТО и Евросоюз продолжают признавать территориальную целостность Грузии и, конечно, не признают независимость Абхазии и Южной Осетии.

Было принято такое решение: да, здесь наши позиции расходятся, но это не должно быть препятствием для реального сотрудничества.

Часто задается вопрос: "Россия заинтересована в эффективной НАТО или в провальной НАТО?" Мне кажется, ответ кроется в характере угроз, с которыми столкнулось мировое сообщество.

Сравним два документа. На Рижском саммите НАТО был принят документ, который назывался "Comprehensive Political Guidance" — политическая директива, если по-русски это определять. Если сравнить с ним концептуальные документы, касающиеся российской внешней и обороной политики, то оказывается, что происходит почти полное наложение оценки угроз. Во всех документах, которые я перечислила, говорится о том, что угрозу для всех нас представляют и международный терроризм, и нестабильная ситуация в различных регионах, и региональные конфликты, и кризисы.

Вообще надо сказать, что НАТО — это одна из самых эффективных организаций Евроатлантики в послевоенный период. Она доказала возможность адаптации и трансформации. У нас часто говорят, что НАТО не трансформируется на самом деле. НАТО прошла через четыре волны трансформации. Мне думается, что Евроатлантика может быть нашим стратегическим партнером для отражения этих качественно новых угроз безопасности.

Сейчас и в странах Евроатлантики, и в России прорабатываются различные сценарии развития. Я вижу три таких сценария.

Первый сценарий — это углубление и развитие сотрудничества в рамках Совета Россия — НАТО. Приняты определенные решения, и в этом направлении в любом случае надо двигаться.

Второй сценарий в свое время был сформулирован следующим образом: союз с союзом, то есть интеграция без институциональной интеграции.

Владимир Иванович здесь говорил о заинтересованности России в том, чтобы влиять на процесс принятия решений в рамках НАТО, не будучи членом альянса. А как это можно сделать?

Мне кажется, что сценарий "союз с союзом" мог бы вывести отношения на качественно новый уровень, когда Россия могла бы действительно влиять на принятие определенных решений.

И третий сценарий — это частичное членство России в НАТО — в политических институтах, я не говорю о военных интегрированных структурах. Этот сценарий тоже сейчас обсуждается и в России, и в странах Евроатлантики.

Вы знаете, что было письмо четырех немецких экспертов, бывших генералов, среди которых и Клаус Науманн возглавлявший военный комитет НАТО, и Фолькер Рюе, бывший министром обороны Федеративной Республики Германия, возглавлявший Комитет по делам обороны в Бундестаге. Хочу также обратить ваше внимание на статью Купчина в последнем номере "Foreign affairs", которая посвящена различным сценариям интеграции России в НАТО.

Меня как-то спросили, могу ли я предположить полную интеграцию. Думаю, что нет. И сопротивление этому сценарию будет колоссальное со стороны многих политических сил и институтов.

Но если предположить такой вариант, то это, конечно, дало бы нам возможность влиять на процесс принятия решений в политических структурах НАТО. На этом я хочу завершить выступление.

А.А. Аслаханов. У кого вопросы к Татьяне Глебовне?

Из зала. Вопрос такой: Вы сами верите в сценарий "союз с союзом"?

Т.Г. Пархалина. Вы знаете, я не могу исключить такой вариант. В истории иногда случаются невозможные вещи. Кто бы мог подумать, что Германия объединится вот так. Коль этого не хотел, французы этого не хотели. Вспомните, Миттеран говорил: "Я так люблю Германию, что хочу, чтобы их было две". И такого варианта никто не ожидал. Коль разработал план из 10 пунктов, рассчитанный на 10 лет. То, что случилось, произошло в силу исторического развития. Я не исключаю этот сценарий, вообще все три сценария я не исключаю. Потому что сценарий "союз с союзом" означает интересную для нас возможность: интеграцию без интеграции. У меня большой вопрос по поводу третьего сценария — о частичном членстве. Вот это почти нереально. Конечно, никогда не говори "никогда"... А вот "союз с союзом" без институционализации наших отношений, мне кажется, может осуществиться, тем более против Китая. Но тут очень много проблем. У нас есть антизападные стереотипы, антироссийские стереотипы есть в странах Евроатлантики, и не только в новых, но и в старых.

Сейчас мы очень нужны друг другу. Афганистан — это тот локомотив, который может вывести отношения на новый уровень. И, кстати,

Владимир Владимирович Путин был одним из первых в нашей стране, кто понял после 11 сентября, что мы не заинтересованы в провале операции в Афганистане, потому что частично они защищают интересы нашей безопасности. Это угроза номер один в форме международного терроризма. А им, конечно, нужна наша помощь. Никто не ведет разговор об участии российских военных в этой операции. Существуют соглашения между Россией и НАТО, Россией и отдельными странами НАТО — США, Италией, Германией, Францией — о переброске военных грузов, мы предоставляем для этого наше воздушное пространство и наши территории. Нужны мы друг другу перед лицом этих угроз.

А Китай, на мой взгляд, пока еще не угроза для России, но это вызов.

А.А. Аслаханов. Есть еще вопросы?

В.И. Алдонясов. Татьяна Глебовна, по поводу этого дипломатического императива "никогда не говори "никогда". С другой стороны — экспертный императив, что "все возможно". У Вас, по сути дела, сценарный "веер": может быть и так, и так, и так. Но ценность экспертизы заключается в количественной оценке вариантов. Когда мы просто говорим, что и это может быть и это, то, по сути дела, это отсутствие экспертизы. То есть все возможно.

Я хотел бы с иной стороны подсветить эту важнейшую проблему, потому что это функция Экспертного совета — давать количественные оценки. Я могу утверждать с вероятностью единица, что никогда не произойдет объединения НАТО с Россией. Никогда. Хотя Вы считаете, что это может быть.

Почему я так говорю? Потому, что есть некие объективные законы, но в дипломатии они переходят в совершенно другую сферу — это сценарии возможных ситуаций, это взаимоотношения между людьми, это споры. Когда мы рассматриваем сложную систему взаимоотношений различных государственных структур, где все перепутано — люди, дипломатия, история, цивилизационные аспекты и так далее, мы должны все учитывать. Раз речь идет об анализе взаимоотношений военно-политических, на первое место мы должны ставить проблему военно-промышленного комплекса. А это уже другая ситуация, это расширение пространства. То есть если дипломатия — это информационное поле, то военно-промышленные комплексы — это материальная сфера, и здесь уже срабатывают другие законы, как в физике закон сохранения энергии, закон сохранения импульса.

Почему я утверждаю с вероятностью единица, что этого не может быть. Потому, что тогда нужно поставить вопрос: а в чьих интересах это произойдет? Есть гигантские, с оборотом в сотни миллиардов комплек-

сы в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции, Германии и наши, и было великое противостояние Варшавского договора и НАТО. У нас был гигантский военно-промышленный комплекс... Кстати, он как раз и погубил нас в итоге. И сейчас мы пытаемся его восстанавливать, то есть сползаем, по сути дела, в сценарий "холодная война номер два".

Я просто спрашиваю, как Вы отнесетесь к тому, что я утверждаю с вероятностью единица, что этого не может быть в принципе. И все эти разговоры на дипломатическом уровне есть лишь прикрытие, дымовая завеса. Вспомните, сколько было заключено договоров в 1930-е годы, был пакт Риббентропа — Молотова, но это не помешало Гитлеру без объявления войны развязать эту чудовищную бойню. И сам Гитлер говорил, что все договоры — это бумажки, которые можно разорвать в любую секунду при соответствующих обстоятельствах. Мы сейчас, по сути дела, повторяем то же самое: мы себя усыпляем, а готовимся к каким-то непонятным войнам. То есть дружба дружбой, а табачок врозь.

В новых документах Совета Россия — НАТО появились пункты о борьбе с терроризмом, об участии в совместных акциях и так далее. Почему же на виду у всего мира в течение многих лет в районе Африканского Рога происходят фантастические процессы, когда на небольших лодочках плохо одетые то ли террористы, то ли пираты совершают дерзкие налеты на гигантские корабли водоизмещением по 100 тыс. тонн? Они не имеют специальных средств... Это какая-то фантасмагория! Причем этот район наводнен кораблями военно-морских сил. И самая последняя акция, когда ракетный крейсер "Маршал Шапошников" наносит сокрушительный удар по этим лодкам... Он что, предназначен для этого? Там немцы имеют два-три корабля, французы, иранцы, китайцы и прочие. Что происходит? Почему международное право не может решить эту элементарную задачку? Почему мировое сообщество бессильно?

А.А. Аслаханов. Вячеслав Иванович, мне приходится принимать нелегкие решения. Вы известные люди, и я всегда с глубоким уважением относился к людям, которые свою жизнь посвятили науке, мне очень сложно перебивать вас. Но у нас очень важные вопросы в повестке дня, а мы практически не успеваем их рассмотреть. Прошу Вас и других докладчиков укладываться в регламентное время.

Мы закончили обсуждение второго вопроса.

4.3. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И НАТО

(Из стенограммы заседания от 21 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Переходим к третьему вопросу — "Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество России и НАТО".

Докладчик — Наталья Ивановна Калинина.

Н.И. Калинина.

Отправная точка для обсуждения

Сотрудничество России с НАТО следует рассматривать в нескольких плоскостях, относящихся к военно-политическому и военно-техническому измерению в области контроля над обычными вооружениями, непосредственному взаимодействию по этим вопросам с военно-политическими и другими структурами НАТО в ходе реализации совместных проектов или частичного участия России в различных натовских операциях, а также предметно — в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС), под которым в контексте проводимого анализа понимается экспорт (импорт) вооружения и военной техники (В и ВТ) в страны НАТО.

Начало взаимоотношений России и НАТО относится к 1997 году, когда был подписан Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности и появилась программа двусторонних консультаций в рамках Совместного постоянного совета (СПС). В 2002 году после подписания Римской декларации "Отношения между НАТО и Россией" был создан Совет Россия — НАТО (СРН), ставящий основной целью совместное противодействие общим угрозам и рискам для безопасности собственных стран. Апрельский саммит Совета Россия — НАТО 2008 года подвел некоторые итоги существования этого совета и рассмотрел возможные меры, призванные повысить эффективность сотрудничества в будущем[1].

Базовыми принципами деятельности СРН является широкомасштабное сотрудничество в следующих сферах, относящихся к обычным вооружениям: предотвращение конфликтов, включая превентивную дипломатию; урегулирование кризисов и разрешение конфликтных ситуаций; совместные операции, включая миротворческие миссии, и участие России в операциях, проводимых Совместной объединенной оперативно-такти-

---

[1] Для взаимодействия с НАТО Россия еще в 1997 г. создала Межведомственную комиссию, положение о которой утверждено распоряжением Президента Российской Федерации № 516-рп от 17 декабря 1997 г. (последняя редакция Положения утверждена распоряжением Президента Российской Федерации № 103-рп от 17 марта 2003 г.). Эта комиссия разрабатывает в том числе концепцию политики России в отношении НАТО и обеспечивает реализацию утверждаемого Президентом плана действий по выполнению Основополагающего акта.

ческой группой; обмен информацией и консультации по вопросам стратегии, оборонной политики, военных доктрин НАТО и России, а также бюджетам и программам развития военной инфраструктуры; повышение уровня открытости, предсказуемости и взаимного доверия в отношении численности и задач обычных вооруженных сил государств — членов НАТО и России; контроль над вооружениями и укрепление сотрудничества между соответствующими военными ведомствами; борьба с терроризмом; сотрудничество в области ПРО ТВД и обмен информацией по противовоздушной обороне и соответствующим аспектам контроля за воздушным пространством; укрепление региональной безопасности воздушных перевозок; развитие сотрудничества России с Конференцией национальных директоров по вооружениям НАТО; конверсия оборонной промышленности; готовность к совместным действиям при чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях и некоторые другие.

Рассмотрение вопросов сотрудничества с Россией находится в ведении разных структур: решение политических вопросов входит в компетенцию Совета НАТО; вопросы военно-политического характера находятся в ведении Комитета военного планирования; вопросы военного планирования (включая проведение совместных с Россией учений), управления объединенными силами и проведения военных операций решаются высшим военным органом НАТО — Военным комитетом, состоящим из начальников генеральных штабов стран — членов НАТО и гражданского представителя Исландии, не имеющей вооруженных сил.

Среди имеющихся у НАТО механизмов сотрудничества в области контроля над обычными вооружениями центральную роль играют Совет евроатлантического партнерства (в частности, Специальная рабочая группа по стрелковому оружию, легким вооружениям и разминированию), Совет Россия — НАТО (в частности, Группа экспертов по контролю над вооружениями и Специальная рабочая группа СРН по вопросам распространения), различные структуры, курирующие вопросы обороны со странами Евросоюза, а также с другими европейскими государствами сотрудничающие центры (программа взаимодействия с этими странами называется "Партнерство во имя мира").

Роль НАТО и России в контроле над обычными вооружениями

"Контроль над вооружениями" — наиболее общий из трех терминов, который обычно относится к взаимно согласованным ограничениям или контролю (как правило, между государствами) над исследованиями, изготовлением или уровнями и/или местами дислокации войск и систем вооружений. Составной и весьма существенной частью этого широкого термина является контроль над обычными вооружениями,

который, собственно, и лежит в основе военно-политического и военно-технического сотрудничества НАТО с Россией.

Самым значительным достижением в этой области долгое время считался исторический Договор об обычных вооруженных силах в Европе от 1990 года (ДОВСЕ), который называли краеугольным камнем европейской безопасности и который впервые в европейской истории устанавливал правовые, доступные проверке ограничения численности вооруженных сил и вооружений подписавших договор стран. По разным обстоятельствам, анализ которых не относится к обсуждаемой теме, ДОВСЕ перестал отвечать интересам безопасности России, что в конечном счете побудило Россию приостановить свое участие в договоре[1], а после августовских событий 2008 года (имеется в виду грузино-осетинский конфликт) на некоторое время была полностью блокирована и деятельность СРН.

Возобновление консультаций по ДОВСЕ началось с декабря 2008 года, с 2009 года они приобрели достаточно регулярный характер. Но в целом ситуация относительно ДОВСЕ (по состоянию на май 2010 года) остается неопределенной, и, по оценкам экспертов, в ближайшее время возобновления действия договора не предвидится.

Сотрудничество России и НАТО не ограничивается ДОВСЕ. Есть немало других многосторонних соглашений, непосредственным образом сопряженных с деятельностью СРН. К основным из них можно отнести: Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция о "негуманном" оружии — КНО) и протоколы к ней; Протокол о запрещении и ограничении мин, мин-ловушек и других устройств; Конвенцию о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении; Программу действий ООН по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней; Конвенцию по кассетным боеприпасам, а также имеющий обязательную юридическую силу договор "Открытое небо".

Из всех перечисленных соглашений только договор "Открытое небо" наряду с ДОВСЕ направлен на повышение транспарентности и доверия в области обычных вооружений. В практическом плане договор предоставляет право государствам-участникам совершать облеты любых территорий друг друга для наблюдения за военной деятельностью в соответствии с оговоренными в нем квотами полетов, и каждое государство-участник

[1] 29 ноября 2007 г. вступил в силу Федеральный закон № 276-ФЗ "О приостановлении Российской Федерацией Договора об обычных вооруженных силах в Европе".

имеет право приобретать результаты фотосъемок, произведенных в ходе любых наблюдательных полетов в рамках договора[1]. По мнению России[2], его эффективность в последнее время снижается как по политическим, так и по техническим причинам. Политические причины — это прежде всего решение стран НАТО не выполнять наблюдательные полеты над территориями друг друга, в результате чего Россия практически не имеет возможности приобретать соответствующие фотоснимки, что создает существенный перекос в информационном балансе. Технические причины связаны с отсутствием у ряда государств-участников самолетов наблюдения и устареванием приборного оборудования самолетов наблюдения. Свои предложения по этим вопросам Россия планирует вынести на вторую обзорную конференцию по выполнению договора, которая состоится 7—9 июня 2010 года в Вене.

Суммируя вышеизложенное, следует заключить, что на фоне деградации ДОВСЕ, известных "слабостей" договора "Открытое небо", неопределенности разработки нового всеобъемлющего договора о европейской безопасности, в совокупности с неадекватной политизированностью сотрудничества России и НАТО в рамках СРН перспективы укрепления контрольных механизмов за оборотом обычных вооружений остаются неопределенными.

В то же время возможности упрочения позиций России в СРН с учетом появившейся с 2009 года расширенной повестки дня для совместных консультаций (разработка новой стратегии НАТО, заинтересованность НАТО в России при решении афганской проблемы, некоторые позитивные результаты "перезагрузки" отношений Россия — США и другие) не только не утрачены, но и возросли. Главное, чтобы Россия сумела грамотно и гибко воспользоваться новой ситуацией, исходя из своих национальных интересов и необходимости укрепления европейской безопасности.

Базисные направления военно-политического сотрудничества Совета Россия —НАТО и перспективы их развития

В весьма сжатом виде основные направления военно-политического сотрудничества России и НАТО в рамках СРН, которые имеют прямое или опосредованное отношение к контролю над обычными вооружениями, могут быть представлены следующими проектами[3].

1. Проект "Кризисное регулирование". Это направление сотрудничества имеет наиболее давнюю историю. С 1996 по 2003 год из всех

---

[1] В 2009 г. Россия имела право на проведение 42 наблюдательных полетов, среди них 4 полета над территорией США и несколько совместных полетов: с Великобританией — над Грузией, с Францией — над Финляндией и Швецией (такое же количество полетов выполнено над нашей территорией). Примерно такое же количество полетов ожидается и в 2010 г.

[2] См: http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/

[3] Полный перечень проектов НАТО представлен на сайте: http://www.nato.int/pfp/trust-fund-projects.pdf

стран, не являющихся членами альянса, Россия вносила наибольший вклад в миротворческие операции под эгидой НАТО. Укреплению этого сотрудничества способствовало утверждение СРН в сентябре 2002 года "Политических аспектов общей концепции совместных миротворческих операций России и НАТО", отработка которых нашла отражение в ходе процедурных учений, прошедших в три этапа (с мая 2003 по сентябрь 2004 г.). На 2009 год предусматривалось участие России в двух учениях: это учения по связи в рамках "Комбайнд Индевор-2009"[1] и командно-штабные учения в рамках "Стедфаст Джойст-2009"[2], целью которых является отработка операции реагирования на кризис. Подобные учения[3] запланированы и на 2010 год.

2. Проект "Военное сотрудничество", предусматривающий подготовку к проведению возможных совместных военных операций в будущем. В целях повышения оперативной совместимости вооруженных сил НАТО и России была разработана специальная программа, включающая в том числе подготовку и проведение совместных учений, а также разработаны Политико-военные указания по повышению уровня оперативной совместимости войск (сил) России и стран НАТО, которые утверждены на уровне министров обороны в июне 2007 года.

3. Проект по созданию "Центра социальной адаптации Россия—НАТО" для уволенных в запас военнослужащих, который был создан в Москве в июле 2002 года. В последующем были открыты еще 6 региональных филиалов, в которых более 2000 бывших военнослужащих из Вооруженных Сил России прошли переподготовку. Этот проект можно считать завершенным, поскольку в ближайшее время в планах СРН его развития не предусматривается.

4. Проект "Контроль над вооружениями", в рамках которого ведется активная дискуссия по способам контроля над обычными вооружениями, в том числе по вопросам ДОВСЕ, договора "Открытое небо", а также по мерам укрепления доверия и безопасности. Этот проект долго-

---

[1] Учение "Комбайнд Индевор-2009" предусматривает отработку оперативной совместимости в области командования, управления, связи и компьютеров при поддержке командования вооруженных сил США в Европе. Решение о концептуальном планировании участия России в данном мероприятии было принято в декабре 2007 г.

[2] Учение "Стедфаст Джойст-2009" предусматривает отработку развертывания штаба командования объединенных сил реагирования НАТО и управление ими в рамках совместных операций.

[3] "Учение по реагированию на кризис в 2010 г." предусматривает участие стран НАТО и России с использованием сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил. Общие рамки этого мероприятия и участия в нем России были разработаны еще в октябре 2007 г., окончательный план действий, в том числе разработка целей и задач, был согласован в 2008 г., но вопрос о реальном участии России в этих учениях еще находится в стадии согласования.

срочный, и хотя особых успехов по нему не достигнуто, безусловно, он будет продолжаться. Возможно, что инициативы России в отношении договора о европейской безопасности (ДЕБ) вдохнут в этот проект не только новые идеи, но и новые силы[1].

5. Проект "Новые угрозы и вызовы", который ведется в рамках программ "Партнерство во имя мира" и "Наука ради мира и безопасности". К ключевым областям совместных исследований отнесены: экологическая и биологическая безопасность, новые виды терроризма и их психологические последствия, кибернетическая безопасность, защита от химических, биологических, радиоактивных и ядерных веществ, а также обнаружение взрывчатых веществ. Работа по этим программам носит в основном исследовательский характер и завершается, как правило, подготовкой соответствующих отчетов. В доступных источниках информации сведений о результатах работ и их внедрении в практику нет.

6. Проект "Борьба против терроризма". В этой области проводится регулярный обмен информацией, различного рода консультации, совместная оценка угроз, планирование использования гражданских служб в случае терактов, диалог на высоком уровне о роли вооруженных сил в борьбе против терроризма, а также осуществляется практическое сотрудничество в областях, связанных с борьбой с терроризмом.

К успехам в этой сфере сотрудничества можно отнести утверждение в декабре 2004 года комплексного Плана действий СРН по терроризму и его достаточно успешная реализация, включая участие российских кораблей в военно-морской контртеррористической операции НАТО под названием "Активные усилия", проходящей в Средиземном море. Первым кораблем, принявшим участие в данной операции в сентябре 2006 года, стал сторожевой корабль ВМФ России "Пытливый", в сентябре 2007 года присоединился к операции второй сторожевой корабль ВМФ России — "Ладный". В 2008 году ожидалось поочередное участие дополнительных российских кораблей, но кризис в отношениях, возникший после августовских событий 2008 году, привел к тому, что заявка на участие была неофициально отклонена и сотрудничество было временно приостановлено. С середины 2009 года (после спада напряженности) были вновь достигнуты договоренности о возобновлении участия России в операциях НАТО "Активные усилия".

План действий СРН по терроризму является частью глобальной программы НАТО "Защита от терроризма"[2], в которую включены 10 основных направлений работ: уменьшение уязвимости широкофюзеляжных гражданских и военных летательных аппаратов по отношению к пе-

---

[1] Проект договора размещен на сайте: http://news.kremlin.ru/news/6152/print

[2] Подробно о Программе см: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics

реносным зенитно-ракетным комплексам (ПЗРК)[1]; уменьшение уязвимости вертолетов по отношению к реактивным гранатометам[2]; защита портов и кораблей[3]; борьба с самодельными взрывными устройствами, способы их обнаружения, уничтожения или нейтрализации[4]; обнаружение и меры защиты от химического, биологического, радиоактивного и ядерного оружия[5]; разработка технологий для разведки, наблюдения, рекогносцировки и обнаружения объектов[6]; утилизация взрывоопасных предметов[7]; разработка технологий защиты от нанесения ударов из бомбометов[8]; защита объектов жизнедеятельности[9]; разработка нелетальных средств[10]. Результаты работ по перечис-

---

[1] Основные усилия в данной области направлены на оснащение самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и контроля управляемой инфракрасной системой противодействия. Функцию ведущей страны по данной инициативе выполняет Великобритания.

[2] Деятельность на данном направлении сосредоточена на усовершенствовании возможностей по обнаружению реактивных гранатометов и другого оружия класса "земля — воздух", противодействию этим средствам и обеспечению усиленной защиты экипажей, пассажиров и летательных аппаратов. Руководство данной инициативой осуществляет Болгария при поддержке Греции.

[3] Предусматривается использование сенсорных заграждений, электрооптических детекторов, средств быстрого реагирования и подводных автоматов. Работой руководит Италия при поддержке Центра подводных исследований НАТО.

[4] В работе задействована промышленность ряда государств — членов НАТО, а также Промышленно-консультативная группа НАТО. Руководство работами осуществляет Испания.

[5] Это направление ставит как оборонительные цели (обнаружение, защита, деконтаминация), так и цели наступательного характера (возможность нанесения высокоточных дистанционных ударов). Руководит работой Франция. В работе также принимает активное участие Чешская Республика.

[6] Целью этого направления является разработка и усовершенствование устройств для ранней идентификации террористов и их деятельности. Руководит работой Германия.

[7] Это направление имеет целью улучшить технические и оперативные возможности НАТО и подготовку групп, занимающихся утилизацией взрывоопасных предметов, а также ликвидацию последствий взрыва. Работой руководит Словакия с участием Франции.

[8] Предусматриваются разработка и применение новых и перспективных технологий для обнаружения позиций бомбометов и оперативного нанесения ответного удара с максимальной точностью по самим позициям или по выпущенным снарядам. Работами руководят совместно Нидерланды и Норвегия.

[9] Этот проект приобретает все большее значение и направлен на защиту объектов жизнедеятельности, личного состава и гражданского населения стран НАТО. Проект непосредственно связан с другими инициативами, такими как защита портов, технологии для разведки, наблюдения, рекогносцировки и обнаружения объектов-террористов и технологии защиты от нанесения ударов из бомбометов. В октябре 2009 г. состоялись учения "БЕЛКОУСТ-2009", в которых отрабатывались элементы программы в условиях "многовекторной" обстановки, сочетающей в себе ряд угроз.

[10] Это направление предусматривает разработку и возможность использования вооруженными силами НАТО нелетальных средств в ходе ответных действий войск в целях снижения побочных потерь как со стороны войск, та и со стороны гражданского населения. Руководит работами Канада.

ленным направлениям носят конфиденциальный характер и в открытой печати не публикуются.

7. Проект "Планирование использования гражданских служб в чрезвычайных ситуациях", который сопряжен с проектом "Борьба против терроризма" и в рамках которого значительное место уделяется ликвидации последствий террористических актов. Два учения, проведенных в России (в Богородске в 2002 г. и в Калининграде в 2004 г.), а также учения, состоявшиеся в Монтелибретти в Италии (2006 г.), способствовали выработке конкретных рекомендаций по ликвидации последствий. Очередное командно-штабное учение проведено в Норвегии в 2009 году. Проект носит постоянный характер.

8. Проект "ПРО ТВД" (проект по противоракетной обороне театра военных действий) начался с 2003 года. По данному проекту было проведено три командно-штабных учения: первое — в США в марте 2004 года, второе — в Нидерландах в марте 2005 года и третье — в России в октябре 2006 года (на территории 1-го НИЦ 4 ЦНИИ Минобороны России). В январе 2008 года в Германии в рамках этого проекта было проведено командно-штабное учение на базе компьютерного моделирования. В принципе, по мнению многих экспертов, усилия, предпринимаемые в настоящий момент НАТО и Россией в области ПРО на ТВД, могли бы стать моделью для возможного российско-американского сотрудничества по ПРО и заложить основу для более интегрированного и всеобъемлющего подхода к вопросу о создании новой архитектуры ПРО в Европе, включая вопрос об отношениях НАТО с ОДКБ[1].

9. Проект "Нераспространение ОМУ". Этот проект существует давно, и в связи с увеличением количества вопросов, связанных с нераспространением оружия массового уничтожения (ОМУ), диалог по ним постоянно расширяется. К примеру, с 2007 года в ходе совместного обсуждения угроз распространения ОМУ и вызовов в данной области особое внимание стало уделяться распространению баллистических ракет и ядерному терроризму.

10. Проект "Вопросы ядерного оружия". В рамках этого проекта экспертами СРН был разработан глоссарий терминов, что важно для одинакового понимания сущностного наполнения того или иного термина в ядерной и других областях, особенно в ходе обмена мнениями по вопросам военных доктрин и стратегий. Кроме того, в ходе выполнения

[1] ОДКБ еще в 2004 г. направило в Брюссель обращение об установлении контактов между союзами, однако ответа до сих пор не последовало. В начале 2010 г. Россия в лице Министра иностранных дел С. Лаврова и Полномочного представителя Российской Федерации в ООН В. Чуркина в очередной раз обратила внимание руководства НАТО на желательность взаимодействия с ОДКБ, особенно в Афганистане.

этого проекта с участием России проведено несколько полевых учений по реагированию на инциденты с использованием ядерного оружия. По состоянию на текущий момент такие учения проведены в России (2004 г.), в Великобритании (2005 г.), Соединенных Штатах (2006 г.) и Франции (2007 г.). Россия, безусловно, заинтересована в развитии этого направления сотрудничества, учитывая возрастающие угрозы ядерного терроризма.

11. Проект "Поисково-спасательные операции на море", работа по которому интенсифицировалась после подписания рамочного соглашения о сотрудничестве в данной области в феврале 2003 году. В июне 2005 года Россия приняла участие в самых крупномасштабных поисково-спасательных учениях в истории НАТО "Сорбет Рояль", а в 2008 году — в еще более масштабном учении "Болд Монарх" по поиску и спасению экипажей подводных лодок, в ходе которого была продемонстрирована возможность стыковки российского подводного спасательного аппарата с подводными лодками стран НАТО.

12. Проект "Инициатива по сотрудничеству в воздушном пространстве", направленный на укрепление транспарентности, предсказуемости и усовершенствование коллективных сил и средств, необходимых для противодействия террористической угрозе в воздухе. Работу по технической реализации российского компонента Системы наблюдения возглавляет Госкорпорация по организации воздушного движения под руководством Федеральной аэронавигационной службы. Российский компонент системы был разработан и поставлен концерном "Алмаз-Антей" (один из субъектов ВТС, имеющий право торговли В и ВТ на внешних рынках). Первое информационное соединение между системами наблюдения России и НАТО было установлено 12 декабря 2007 года, что является исторической вехой в развитии сотрудничества с НАТО. На 2008 год планировались совместные системные испытания разработанных средств и дальнейшая отработка совместных действий между Норвегией, Польшей, Турцией и Россией[1], после чего (в 2009 г.) систему планировалось передать в пользование операторам стран-участниц. Но августовский кризис 2008 года затормозил реализацию этого проекта.

---

[1] Система, предусматриваемая инициативой, состоит из четырех пунктов, расположенных в России, и четырех — в странах — членах НАТО. Объекты находятся как на крайнем севере Европы — в Бодо (Норвегия) и Мурманске (Россия), так и на юге — в Анкаре (Турция) и Ростове-на-Дону (Россия). Координационный центр НАТО располагается в Варшаве (Польша), а Российский — в Москве. На пунктах системы будут работать операторы, которым предстоит обеспечивать индикацию воздушной обстановки и голосовую связь между объектами.

13. Проект "Оборонная реформа и сотрудничество", направленный на обмен конструктивным опытом по проблемам реформирования организаций оборонно-промышленного комплекса в России и странах НАТО. В рамках этого проекта с января 2005 года проводится комплексное "Исследование сотрудничества между Россией и НАТО в области оборонной промышленности, исследований и технологий". Отчеты по результатам двух этапов исследования были опубликованы в июне 2007 года, а рекомендации и идеи по дальнейшей работе обсуждаются в рамках СРН.

14. Проект "Сотрудничество по Афганистану". Реализация пилотного проекта СРН по обучению и подготовке персонала из Афганистана и стран Центральной Азии по борьбе с наркотиками началась в декабре 2005 года и достаточно успешно продолжается. Россия принимает активное участие в реализации этого проекта, и НАТО в последнее время проявляет все большую заинтересованность в этом.

15. Проект "Наземные транзитные перевозки для обеспечения деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане (МССБ)", осуществление которого начато в марте 2008 года, то есть после того как была достигнута договоренность о транзитных перевозках через российскую территорию невоенных грузов НАТО, государств — членов НАТО и других стран, принимающих участие в деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане в соответствии с резолюцией СБ ООН № 1386. Реализации этого направления сотрудничества СРН придается особое внимание, поскольку евроатлантическая безопасность и международная безопасность в целом тесно связаны с будущим Афганистана. В настоящее время в деятельности МССБ участвуют около 40 государств. Реально Россия начала принимать участие в этом проекте с весны 2009 года, когда были осуществлены первые транзитные перевозки американских грузов через российскую территорию. В июле 2009 года, в ходе визита Б. Обамы в Москву, были достигнуты договоренности о расширении транзита грузов МССБ через российскую территорию, что было зафиксировано в совместном заявлении[1].

* * *

Подводя итог рассмотрению основных направлений военно-политического сотрудничества, следует поставить вопрос: можно ли считать развитие партнерства между Брюсселем и Москвой успешным?

---

[1] См.: Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента США Б. Обамы по Афганистану. Москва, 6 июля 2009 г. (http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219076.shtml)

Ответ очевиден: пока "в сухом остатке" не так много, как хотелось бы, но не так мало, если учесть, что начинали даже не с нуля, а с накопленного десятилетиями негативного потенциала взаимного недоверия. Сегодня отношения между Россией и НАТО, несмотря на многие сохраняющиеся противоречия, далеки от времен холодной войны, когда между ними практически не велось нормального диалога.

По словам В.В. Путина, сказанным им на встрече с журналистами после Будапештского саммита (4 апреля 2008 г.), "для России политическая важность НАТО возрастает. Североатлантический союз на сегодняшний день является одной из немногих международных организаций, которой удается совмещать разнообразный спектр задач и миссий в условиях глобализирующегося мира. Объективно альянс является важным фактором на мировой арене и в евроатлантическом пространстве. Многие страны НАТО — наши близкие, а то и непосредственные соседи. Таким образом, надо сотрудничать с НАТО в том объеме и по тем вопросам, которые выгодны нам с точки зрения наших национальных интересов и где у нас есть общие интересы".

Возобновление отношений России и НАТО (после августовских событий 2008 г.) относится к апрелю 2009 года, когда было обнародовано знаковое Заявление о безопасности Североатлантического союза по итогам заседания альянса в Страсбурге/Келе 4 апреля 2009 года.

Однако официальной датой восстановления военно-политического сотрудничества России и НАТО можно считать 4 декабря 2009 года, когда состоялась первая (после августовского кризиса) министерская встреча и были приняты важные решения, определяющие взаимоотношения России и НАТО на ближайшую перспективу. Во-первых, была согласована Программа работы СРН на 2010 год[1]. Программа носит всеобъемлющий характер и включает сотрудничество по Афганистану, борьбу с терроризмом, противоракетную оборону, чрезвычайное гражданское планирование и гражданскую оборону, научное сотрудничество, общественную дипломатию и многие другие области (предусматривается возобновление сотрудничества практически по всем вышеперечисленным и ранее приостановленным проектам). Во-вторых, министры одобрили комплекс мер, направленных на совершенствование методов работы самого СРН и призванных сделать его политически

[1] План сотрудничества по военной линии между Россией и НАТО на 2010 г. утвержден 26 января в Брюсселе на заседании Военного комитета НАТО на уровне начальников Генеральных (Главных) штабов, включает более 30 мероприятий (российскую сторону представлял начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Николай Макаров). Дополнительно см:
http://www.roe.ru/news/lenty/lenta_10_01_26.html

еще более значимой структурой. В-третьих, министры иностранных дел "нажали на кнопку старта" для проведения совместного обзора общих вызовов безопасности XXI века, который должен быть подготовлен к концу 2010 года.

В первой половине 2010 года Россия и НАТО также рассчитывают согласовать проект новой стратегической концепции альянса. Практическое сотрудничество между Россией и НАТО начнется с проведения совместных военных учений, которые уже запланированы на 2010 год.

В целом появившиеся положительные признаки и происходящая в настоящее время трансформация НАТО создают предпосылки для появления новых форм военно-политического сотрудничества, включая военно-техническое, и расширения взаимодействия в сфере оборонных технологий, которые России следовало бы всячески поддерживать и развивать.

Военно-техническое сотрудничество России со странами НАТО и перспективы его развития

Следует сразу же оговориться, что пока Россия прямых продаж вооружения и военной техники (В и ВТ) в НАТО не осуществляет, но если рассматривать эту проблему через призму двухсторонних отношений с государствами, входящими в НАТО, то следует заметить, что межправительственные соглашения о ВТС Россия имеет почти с половиной членов альянса, среди которых Германия, Греция, Испания, Италия, Турция, Франция и большая часть государств, ранее входивших в Варшавский договор, для которых СССР был монопольным поставщиком В и ВТ (Болгария, Польша, Словакия, Чехия и другие). Есть соглашения о ВТС и с некоторыми странами, которые только планируется в ближайшие года принять в НАТО, например с Македонией.

Несмотря на наличие соглашений о ВТС, в целом экспорт российского оружия в страны НАТО незначителен, да и эти небольшие объемы идут в основном в бывшие страны Варшавского договора в виде поставок запасных частей и комплектующих изделий для производства ВВТ советского образца[1].

[1] По оценкам экспертов, поставки в В и ВТ в страны НАТО колеблются в пределах 1—5 % от общего объема военного экспорта, который в 2009 году составил 8,5 млрд. долларов.

Однако политически мотивированное стремление стран Восточной Европы поскорее избавиться от советского вооружения и провести перевооружение своих национальных армий по натовским стандартам ведет к быстрому сокращению даже этих небольших рыночных ниш. В какой-то мере с этими странами удается поддерживать отношения в сфере ВТС за счет предложений по модернизации В и ВТ российского производства и поставке новых вооружений в счет погашения советской задолженности. В свое время (в начале 1990-х годов) такие соглашения были заключены с Венгрией (осуществлены поставки 28 истребителей МиГ-29 и вооружения к ним, 75 бронетранспортеров БТР-80 и БТР-80А, ПТРК "Метис-М" и другого имущества), с Финляндией (поставлены 84 БМП-2 и ПТУР к ним, 18 самоходных пушек 2С5 калибра 152 мм, три дивизиона ЗРК "Бук-М1", ПЗРК "Игла" и некоторое военное имущество), со Словакией (поставлены 14 истребителей МиГ-29 и вооружение к ним, 4 вертолета Ми-17, произведен ремонт и модернизация 12 истребителей МиГ-29). Несколько позже аналогичные соглашения были заключены с Чехией (2004 г.) и Хорватией (2006 г.). В счет погашения задолженности Чехии поставлены 10 вертолетов Ми-35М и 16 Ми-171Ш, а Хорватии — 10 вертолетов Ми-171Ш[1]. Политическая мотивация к закупке российского вооружения в определенной мере сохраняется у Сербии, хотя ее потребности в вооружениях незначительны (достигнуты договоренности на ремонт и модернизацию пяти истребителей МиГ-29 и двух транспортных самолетов Ан-26).

Поскольку вооружения стран Центральной и Восточной Европы характеризуются наличием еще большого количества В и ВТ советского производства, не полностью исчерпаны возможности модернизации этой техники, тем более что их переход на западные образцы, обусловленный вступлением в НАТО, из-за отсутствия необходимых финансовых средств будет носить длительный характер. Естественно, в первую очередь речь идет самолетах МиГ-21, МиГ-29, Су-22, вертолетах Ми-17, Ми-24 и Ми-35. Не полностью исчерпаны и такие формы сотрудничества с этими странами, как сервисное обслуживание, участие в организации ремонта и модернизации (включая создание совместных предприятий), а также поставки вооружений с использованием новых гибких форм расчетов (офсет, государственный кредит и другое).

---

[1] Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Анализ рынков. Под ред. А.Л. Рыбаса// Москва, Наука, 2008. С. 92—94.

Но даже если брать страны бывшего Варшавского договора, ВТС осуществляется далеко не всеми. К примеру, полностью свернуто ВТС с Албанией, несмотря на значительные накопления устаревшего вооружения советских времен (этой стране поставки В и ВТ на безвозмездной основе осуществляют в основном США, Италия и Германия); с Болгарией (последние идентифицированные поставки из России танков и бронетехники относятся к 1995—1996 гг.); Словенией; с Румынией (последние небольшие поставки относятся к 1993—1995 гг.); с Польшей, которая из стран бывшего Варшавского договора перевооружается наиболее быстрыми темпами, закупая по разным схемам современные В и ВТ западного производства).

Среди стран Западной Европы ВТС с Россией осуществляют только некоторые из них (Греция и союзное с ней государство Кипр, а также Турция). Это страны, которые по разным причинам стремятся к диверсификации источников закупки вооружений либо заинтересованы в приобретении некоторых видов В и ВТ по меньшей цене, чем им предлагают США и другие страны НАТО.

К примеру, за последнее десятилетие в Грецию (соглашение о ВТС заключено в 1955 г.) были поставлены ЗРК "Тор-М1" и "Оса-АКМ", ПТРК "Корнет-Э", УАС "Краснополь-М", три малых десантных корабля на воздушной подушке проекта 12322. С конца 2007 года подготовлен контракт о поставке порядка 420 единиц БМП-3М, который по состоянию на май 2010 года еще не подписан, а с учетом финансового кризиса, вероятнее всего, в ближайшие год-два и не будет подписан. Для обслуживания поставленной техники в 2006 году в Греции создано совместное российско-греческое предприятие "Рособоронсервис-Хеллас", которое до настоящего времени к реальной работе не приступило.

Кипру поставлены танки Т-80У, БМП-3, ЗРС-300ПМУ-1, "Бук-М1-2", "Тор-М1", вертолеты Ми-35П М-17 и другое военное имущество. В марте 2010 года стало известно о намерениях Кипра купить у России 41 подержанный танк Т-80У с поставкой их до середины 2011 года. Вероятность реализации этих намерений близка к нулю.

С Турцией имеются контракты на поставку БТР-80 (основные поставки произведены в 1991—1994 гг.) и ПТРК "Корнет-Э". Кроме того, Россия регулярно участвует в турецких тендерах на закупку В и ВТ, но реальные договоренности минимальны[1].

[1] Более подробно виды поставляемых Россией В и ВТ в разные страны, начиная с 1992 года, представлены в открытом режиме в Регистре ООН по обычным вооружениям.

В целом попытки России выйти на рынки наиболее развитых стран Западной Европы пока не имеют особого успеха и вряд будут иметь в обозримом будущем. Практически не осуществляется ВТС с такими странами НАТО, как Бельгия, Великобритания (безрезультатные консультации по вопросам ВТС продолжаются с 2004 г.), Германией (окончательно сотрудничество было свернуто в 2003 г. после передачи Польше состоявших на вооружении ВВС ФРГ 24 истребителей МиГ-29[1]), Данией, Исландией, Испанией[2], Италией[3], Люксембургом, Нидерландами, Норвегией, Португалией[4], Швейцарией, Швецией, Канадой и США[5].

Несколько обособленное место в сотрудничестве с Россией занимает только одна страна НАТО — Франция, которая активно сотрудничает с Россией в области совместных военных НИОКР. Лидирующее значение в этом плане занимают французские компании Thales и Sagem, которые довольно интенсивно участвуют в разработке своих электронных систем наведения для установки их на экспортные образцы российской техники. В частности, французские электронные системы устанавливаются на истребители Су-30МКИ, поставляемые в Индию, и на МиГ-29 для Алжира. Тепловизиционные камеры французского производства устанавливаются на танки Т-80У, поставляемые Кипру, танки Т-90С, поставляемые Индии, и БМП-3, поставляемые в ОАЭ. Также проводились совместные работы (с МБК "Факел") по созданию ЗУР вертикального пуска для ЗРК Crotale NG, по интеграции ракет MICA (с МБК "Радуга") в системы вооружения истребителей Су-30МКИ (для индийских вари-

---

[1] Наиболее крупным соглашением последних лет стал контракт 2003 г. на запуск космическими войсками России пяти немецких спутников радиолокационной разведки.

[2] Известно лишь о некоторых контактах российских и испанских фирм на уровне совместных разработок в рамках НИОКР военного назначения. К примеру, ФГУП "Рособоронэкспорт" и компания Indra разрабатывают авиационный лазерный комплекс MANTA противодействия ракетам ПЗРК.

[3] С Италией ведется сотрудничество между оборонными компаниями в рамках НИОКР. Такие совместные разработки проводились в 1990-е годы между ОАО "ОКБ имени Яковлева" и итальянской компанией "Aermacchi" над учебно-тренировочным самолетом Як-130. В последние годы ЦКБМТ "Рубин" ведет совместно с итальянским судостроительным холдингом Fincatieri разработку неатомной подводной лодки проекта S1000 для экспорта в третьи страны.

[4] Известно о закупках в России гражданской техники — вертолетов Ка-32А, которые используются для тушения пожаров. Кроме того, Португалия арендует у России самолет-амфибию Бе-200 для этих же целей.

[5] Известно, что в 1993—1999 гг. США по контракту с российской компанией ГНП" "Звезда-Стрела" (ныне входит в состав корпорации "Тактическое ракетное вооружение") было закуплено 13 ракет-мишений, имитирующих советские (российские) сверхзвуковые противокорабельные ракеты. Известно также о многочисленных закупках единичных образцов достаточно современных В и ВТ (чаще через Украину и Белоруссию) в целях выработки мер противодействия.

антов истребителей) и некоторые другие. Активно прорабатывается вопрос о совместных проектах в области создания беспилотных летательных аппаратов.

Еще более активные военно-технические связи развиваются между Россией и Францией в отношении закупок французских комплектующих изделий и некоторых видов В и ВТ в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации. Так, в 2007 году Россия впервые закупила во Франции 100 тепловизиционных камер Thales Catherine FC для установки на танки Т-90М, закупаемые Минобороны России, а ФГУП "ПО "Уралвагонзавод" заключило с группой Sagem соглашение о совместном производстве подвесных контейнеров целеуказания Damocles для самолетов ВВС России и тепловизиционных станций Matiz для российской бронетехники[1]. Более того, Россия и Франция вышли на завершающую стадию переговоров по вопросу закупки у Франции вертолетоносцев "Мистраль" для Вооруженных Сил России, что является беспрецедентным шагом во взаимоотношениях с одной из стран НАТО и, по сути, изменяет стратегические подходы России к обеспечению современным вооружением своих национальных сил[2].

Эти намерения России вызывают обеспокоенность как членов НАТО, так и российского экспертного сообщества. В связи с этим Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен выразил надежду, что при продаже Францией России вертолетоносцев "Мистраль" будут соблюдены все международные правила и нормы, и Россия не будет использовать приобретаемую военную технику против кого-либо из стран-соседей. При этом он подчеркнул, что НАТО не играет в этой сделке никакой роли и президент Франции заранее не ставил ее в известность о готовящейся сделке. Недовольны переговорами и США[3]. Неоднозначно реагируют на сделку военные эксперты России, полагая, что закупка ВМФ России вертолетоносца "Мистраль" означает не только зависимость от инфраструктуры французской системы оружия данного корабля, но и перевод на технологические стандарты НАТО всего состава корабельной ударной группировки, без сбалансированности ко-

---

[1] Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Анализ рынков. Под ред. А.Л. Рыбаса// Москва, Наука, 2008. С. 112—113.

[2] Ранее в России, как известно, существовал жесткий запрет на использование импортных комплектующих для В и ВТ, производимых для собственной армии, и уж тем более не допускалось использование готовых видов вооружения и военной техники импортного производства.

[3] 30 марта 2010 г. замгоссекретаря США Джеймс Стайнберг высказал сомнения в "продуманности этого решения", а еще раньше (в декабре 2009 г.) шесть американских сенаторов-республиканцев призвали Париж отказаться от этой сделки с Москвой, утверждая, что она вызывает негативную реакцию соседних с Россией стран и ряда членов НАТО. (См. Время новостей от 31 марта 2010 г.)

торой французский вертолетоносец становится круизным лайнером. В то же время российский Президент назвал будущую сделку "символом доверия между нашими странами". По его словам, она открывает для России возможность "получить те объекты, которые сегодня у нас отсутствуют и которые мы хотели бы создавать в кооперации с другими странами"[1].

* * *

В целом, несмотря на скромные результаты ВТС со странами НАТО, перезагрузка отношений Россия — НАТО, начавшаяся в сентябре 2009 года и продолжающаяся в настоящее время, внушает определенный оптимизм, свидетельством чему является первая в истории СРН презентация директора ФСВТС России М. Дмитриева по вопросам возможных направлений практического сотрудничества в сфере ВТС[2]. Более того, появились предпосылки для развития ВТС не только со странами, входящими в НАТО, но и с организациями, непосредственно входящими в структуру НАТО. Речь идет о выстраивании нормативно-правовой базы и о начале конкретного взаимодействия по целому ряду направлений. В основу такого сотрудничества, с одной стороны, должна быть заложена политическая ответственность государств за поставки вооружений в регионы, где существуют политические режимы с агрессивными планами, межконфессиональные и межэтнические конфликты, с другой стороны — реальная необходимость в ВТС применительно к активизации совместных усилий по Афганистану. Кроме того появилась настоятельная потребность во взаимной адаптации и совмещении ряда тактико-технических требований при производстве и применении В и ВТ.

Несколько позже и более детально перспективы российско-натовского сотрудничества в сфере ВТС были рассмотрены на Конференции национальных директоров НАТО по вооружению, которая состоялась в Брюсселе 15—16 октября 2009 года. В ходе конференции обсуждались не только перспективные направления сотрудничества России с НАТО в сфере ВТС, но и перечень практических мер на следующий год и ближайшую перспективу.

При этом, по словам директора ФС ВТС России М. Дмитриева[3], "речь идет уже не только об авиационной технике для Афганистана, но

---

[1] Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров от 1 марта 2010 года (см.: http://news.kremlin.ru/transcripts/7006/print)

[2] Из стенограммы совместной пресс-конференции Постоянного представителя при НАТО Д. Рогозина и директора ФС ВТС России М. Дмитриева, 30 сентября 2009 г. (см.: http://natomission.ru/print/47/150/2009-10-09)

[3] См.: http://www.roe.ru/news/lenty/lenta_09_10_09.html

и об участии России в технологической программе борьбы с терроризмом, включая разработку и внедрение средств детекции и нейтрализации взрывных устройств".

Обсуждался также вопрос о совместной разработке тяжелого тактического транспортного вертолета (Россия предложила разрабатывать новую тяжелую машину на базе Ми-26). Планируется расширить сотрудничество между Россией и НАТО в области стандартизации и каталогизации В и ВТ. Открываются определенные перспективы по кооперации в ходе утилизации военной техники, вооружения и боеприпасов.

И хотя конкретных практических результатов работ по этим темам пока нет, сам факт обсуждения таких проектов имеет большое позитивное значение. При развитии ВТС с НАТО потенциально у России появится возможность расширить свое присутствие на рынках стран Центральной, Восточной и отчасти Западной Европы. Сохранение части восточноевропейских рынков за счет модернизации В и ВТ советского и российского производства, находящегося у некоторых стран НАТО, в свою очередь создаст дополнительные возможности по расширению доступа России к ряду современных военных технологий как путем их покупки, так и при проведении совместных НИОКР. Сегодня для России это исключительно важно, поскольку она существенно отстала в своем технологическом развитии.

Среди потенциально новых форм ВТС с НАТО — не только расширение возможностей по транзиту грузов в Афганистан, но и возможные военные поставки и обслуживание военной техники советского и российского производства для афганской армии, включая выполнение Россией контрактов на обслуживание вертолетов и обучение кадров для афганской армии[1]. В неофициальных беседах российские представители дипломатических и промышленных кругов дают понять, что Москва уже вносит значительный вклад в стабилизацию и реконструкцию Афганистана. Так, Россия списала 10,38 млрд. долларов долга, оказала гуманитарную помощь на 70 млн. долларов, готовит афганских наркополицейских и предоставляет странам НАТО право транзита грузов для коалиции. Москва, в частности, заявляет о готовности восстановить в Афганистане около 140 важных инфраструктурных объектов, которые в свое время создавал СССР, рассчитывая, что работы оплатят из средств международной помощи. Россия готова также вооружать афганскую ар-

[1] 31 марта 2010 г. состоялся телефонный разговор между Президентом России Д. Медведевым и главой Афганистана Х. Карзаем. В ходе диалога подчеркивалась готовность развивать сотрудничество как в двустороннем формате, так и солидарно с усилиями всего международного сообщества по противодействию терроризму (http://www.garant.ru/news/237160/)

мию, если в НАТО будет принято соответствующее политическое решение.

Итогом предварительных переговоров и консультаций по затронутым вопросам стало подписание рамочного договора о военном сотрудничестве между Россией и НАТО на уровне начальников генштабов, которое состоялось 26 января 2010 года на заседании СРН, что, безусловно, является прорывным шагом не только в деле восстановления работы СРН, но и появления новых перспективных форм этого сотрудничества[1].

Перспективы военно-политического и военно-технического сотрудничества России и НАТО

Если их рассматривать в политической плоскости, то совершенно очевидно, что России следовало бы предпринимать все усилия к расширению своего участия в работе различных институтов НАТО, в том числе и невоенных (например, под эгидой ООН участвовать в выработке предложений по правовым вопросам использования силы в военных конфликтах, в изучении эффективности миротворческих операций, профилактике, в гражданском чрезвычайном планировании и др.), что способствовало бы сближению позиций по многим вопросам международной безопасности и росту взаимного доверия. В этом же контексте несомненный интерес представляет развитие отношений России с ЕС, многие из членов которого одновременно являются и союзниками по НАТО (из 27 государств, входящих в ЕС, 21 одновременно является членом НАТО). Перспективным направлением партнерских отношений России с НАТО и Евросоюзом могла бы стать практическая реализация идеи параллельных процессов: трансформация НАТО, становление оборонной составляющей Евросоюза и существенное углубление партнерства с Россией в рамках формирования единого общеевропейского пространства безопасности, включая практическую реализацию инициативы России в отношении нового договора об общеевропейской безопасности.

Безусловно, что позитивность дальнейших отношений между Россией и НАТО в решающей мере будет зависеть от содержания и направленности трансформации альянса, но в любом случае для России сейчас важно не упустить появившиеся возможности и перспективы для строительства новой системы безопасности в Европе и для всего комплекса отношений на континенте.

---

[1] 5 мая 2010 г. начальники генштабов России и НАТО утвердили детальную программу практического военного и военно-технического сотрудничества.

В качестве практических и достаточно перспективных направлений сотрудничества России и НАТО в сфере ВТС можно рекомендовать следующие.

1. Создание совместных конструкторских бюро и предприятий по производству перспективных образцов В и ВТ, в которых заинтересованы страны НАТО и Россия (авиастроение, военно-морская техника, зенитно-ракетные комплексы) и продажа их в третьи страны. Такие организации целесообразно было бы создавать на территории России, что приведет не только к притоку инвестиций и возрастанию занятости в ОПК, но, главное, к интеграции российских В и ВТ в европейские рынки и повышению конкурентоспособности российского оружия.

2. Создание совместных предприятий (СП) по обеспечению послепродажного сервисного и технического обслуживания поставляемых Россией В и ВТ с использованием ряда комплектующих изделий из стран НАТО. Такие СП целесообразно создавать на территориях стран, куда поставляется российская военная техника с иностранными комплектующими, что позволит оперативно решать вопросы обслуживания и ремонта и, как следствие, "привязать" таких покупателей к российской технике[1].

3. Совместное участие в тендерах по выбору перспективных образцов вооружения и военной техники для национальных вооруженных сил третьих стран.

4. Модернизация вооружения и военной техники российского (советского) производства под стандарты НАТО с целью повышения эффективности его боевого применения и продления срока эксплуатации, а также внедрение более привлекательных для потенциальных партнеров форм расчетов за поставленную или модернизированную военную технику (льготное кредитование, офсетные программы).

5. Урегулирование лицензионных правоотношений со странами Центральной и Восточной Европы на производство В и ВТ советского периода и возобновление производства модернизированных образцов по российским технологиям. Это направление имеет особое значение, поскольку потери России от незаконного производства В и ВТ по ранее переданным лицензиям бывшим странам соцлагеря исчисляются десятками миллиардов долларов. Только от нелицензионного производства

[1] В настоящее время на территории Европы имеется только два таких СП: российско-германское предприятие "МАПС" по техобслуживанию самолетов типа МиГ-29 и российско-греческое СП "Рособоронсервис-Хеллас" по комплексному сервисному послегарантийному обслуживанию ранее проданной техники и поставке запчастей.

автомата Калашникова Россия ежегодно теряет порядка 2 млрд. долларов[1].

6. Разработка совместных программ в области утилизации вооружения и военной техники российского (советского) и европейского производства, выводимого из состава вооруженных сил этих стран, и использование богатого опыта России в этих вопросах.

7. Объединение усилий России и стран НАТО по выработке согласованных действий по принципам торговли обычными вооружениями и сокращению нелегальной торговли оружием, которая приобретает все более угрожающий характер, включая существующие риски по доступу террористов к наиболее опасным видам оружия (ПЗРК, боевым взрывчатым веществам, ракетам и т.д.).

Вопрос о контроле над торговлей оружием, разработке и соблюдении определенных принципов в этой области далеко не простой, поскольку затрагивает одновременно как коммерческую сторону, так и вопросы национальной безопасности. Именно поэтому договариваться здесь весьма трудно, но необходимо. Нахождение взаимоприемлемых решений в данной области может способствовать урегулированию региональных конфликтов, возрастанию доверия между государствами и укреплению безопасности.

8. Установление сотруднических отношений между НАТО и ОДКБ.

Сдерживающими моментами в расширении сотрудничества России со странами НАТО в области ВТС по всем перечисленным направлениям могут быть сугубо российские проблемы, связанные с падением качества производимых вооружений и одновременным ростом цен на нее, а также с нарастающим технологическим отставанием российских В и ВТ от мирового уровня.

Предлагаемые меры по расширению сотрудничества России со странами НАТО в сфере ВТС носят дискуссионный характер, но в целом перспективы России в сфере ВТС со странами НАТО во многом будут зависеть от действий самой России и от возможности выхода России

---

[1] С 1955 г. до начала 1990-х гг. странам Восточной Европы в рамках СЭВ передано более 2000 лицензий и комплектов технической документации на производство В и ВТ, в том числе более 600 лицензий Болгарии, более 400 лицензий Венгрии, более 300 — Румынии, более 300 — Чехословакии, более 200 — Польше. До 1975 г. лицензии передавались безвозмездно, срок их действия и объемы производства В и ВТ не устанавливались. В рамках заключенных межправительственных соглашений по организации на территориях этих стран производства советских образцов В и ВТ страна брала на себя обязательства не поставлять производимую военную технику ПВН в третьи страны без согласия СССР (России), что не соблюдается. Россия с 2001 г. пытается привести производство В и ВТ по российским технологиям в законное русло, но пока безуспешно (только с Венгрией в 2005 г. удалось урегулировать лицензионные правоотношения путем заключения соответствующего межправительственного соглашения).

на рынки оборонной продукции Европы, что требует принятия необходимых политически гибких решений на высоком уровне.

А.А. Аслаханов. Спасибо Наталья Ивановна, за интересную информацию, которая заставляет о многом задуматься. Очень основательный доклад, который, думаю, будет внимательно изучен и использован соответствующими ведомствами, а также экспертами.

Вопросы к Наталье Ивановне, пожалуйста.

С.В. Кортунов. Наталья Ивановна, вопрос мой такой. Наше военно-политическое руководство приняло решение делать проект истребителя пятого поколения самостоятельно, но, может быть, есть некоторые возможности для интеграционных проектов с западными странами, в частности со странами — членами ЕС?

Н.И. Калинина. Разработка самолета пятого поколения ведется у нас в сотрудничестве с Индией. Недавно мы предложили Бразилии принять в этом участие. Бразилия сначала собиралась у нас кое-что купить, потом мы сказали, что мы технологии Бразилии не продадим, а продадим только изделия. Бразилия на это ответила: либо вы нам даете технологии, и мы покупаем у вас кое-что, либо мы не покупаем ничего. Тогда мы им кинули другую "морковку": предложение присоединиться к разработке самолета пятого поколения, и в этом случае они будут располагать на паритетных началах и технологией по производству. Бразилия на это предложение пока не ответила.

Что касается европейских стран. Европейским странам мы не предлагали участвовать в разработке самолета пятого поколения, но, думаю, без Франции, без их комплектующих, нам все равно не обойтись. То ли мы будем просто закупать комплектующие, как закупаем сейчас, то ли нам придется иначе решать вопрос, если мы этим самолетом собираемся оснащать собственную армию.

Теперь по срокам. Ожидается, что самолет пятого поколения будет запущен в производство не раньше 2017 года, причем первое изделие этого самолета будет у Индии, а не у России.

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Петр Григорьевич.

П.Г. Белов. Наталья Ивановна, Вы действительно верите, что поставка российского оружия в Афганистан выгодна, что мы наживемся на этом? Вы можете привести фамилии лиц, которые высказываются за это? И не убого ли наше рублевое мышление? А где геополитический эффект?

Вы знаете, как на это отреагирует исламский мир. Если мы пошлем туда оружие... Помню, коллега Дворкин здесь уже предлагал послать туда лишние якобы танки... Давайте рассуждать геополитически. Мы

остаемся на том же уровне, на котором нами уже сделаны ошибки, или, чтобы их исправить, будем переходить на новый уровень?

Н.И. Калинина. По Афганистану. Это вопрос настолько чувствительный... Конечно, не хотелось бы наступать второй раз на грабли.

Мне кажется, это вопрос больше политический, чем вопрос о конкретных мероприятиях. Да, мы разрешили перевозить через нашу территорию грузы стран НАТО, которые идут в Афганистан. Мы им дали тропы для прохождения в Афганистан — воздушные и наземные.

Готовы ли мы сами туда снова войти? Наши официальные лица постоянно говорят, что воинский контингент, то есть живых людей, мы туда никогда не пошлем. А вопрос техники обсуждаем.

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Ваш вопрос.

Т.Г. Пархалина. У меня такой вопрос, в котором есть частичный ответ на замечание нашего коллеги о том, что невозможно сотрудничество между различными военно-промышленными комплексами. Но оно уже идет.

Известно, что был определенный момент в нашем военно-техническом сотрудничестве с Китаем, когда Китай поставил условие: мы у вас будем покупать комплектующие в том случае, если они будут производиться по натовским стандартам. И мы пошли на это. Идет стандартизация вооружений. В области военного сотрудничества мы работаем сейчас над оперативной совместимостью, а оперативная совместимость неизбежно повлечет за собой и эту стандартизацию в области военно-технического производства.

Наталья Ивановна, как Вы оцениваете перспективу развития отношений в этом направлении?

Н.И. Калинина. Да, идет совмещение стандартов, у нас в рамках уже всех разработок идет адаптация к натовским стандартам. Ряд военных делает вид, что этого нет, но это есть. Многие наши оборонные предприятия, которые выпускают продукцию на экспорт, уже давно живут по натовским стандартам, то есть выпускают технику для зарубежных стран в соответствии с натовскими требованиями. В основном наше — это металл, крылья, там характеристики наши, но двигатели для многих самолетов не российские, не говоря уже о вертолетах — вертолетные двигатели у нас вообще не производятся. Ряд западных стран, Китай, Индия, все требуют параметры исключительно натовские. Хорошо, что наши общие параметры позволяют оснащать наши изделия европейскими комплектующими с их стандартами.

По Китаю. В отношении Китая мы долгое время придерживались такой политики: мы продаем изделия, но не продаем технологии, учи-

тывая скрытые нюансы в политике. Но впоследствии Китай поставил условие: либо он покупает изделия с лицензией на производство, либо он не покупает ничего. Мы стали продавать изделия с лицензией. Но, как правило, эти соглашения срываются. Скажем, речь идет о закупке 100 танков, закупается 20, после этого находится повод для того, чтобы приостановить поставки. Дальше эти танки слегка модернизируются, а потом китайцы выпускают их под своим брендом. Скандальный вариант — с самолетом Су-27, который они слегка переделали и выпускают уже под своим брендом. Он продается в Пакистан, во многие страны с тревожными режимами, но китайцы отказываются признавать то, что они клонировали наш самолет. Правда, два года назад нам удалось заключить с ними соглашение о защите прав интеллектуальной собственности. После заключения этого соглашения клонировать наши изделия им будет сложнее. Но там нарастают другие глубинные противоречия.

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

М.В. Фомин. Мой вопрос больше к Татьяне Глебовне, но, возможно, и Наталья Ивановна захочет его прокомментировать. В связи с приходом нового премьер-министра Кэмерона в Великобритании озвучили план по строительству двух авианосцев тяжелого класса.

Получение опыта управления таким соединением и кораблем происходит на всех возможных театрах военно-морских действий. Соответственно, заход корабля даже в Средиземное море внесет определенную напряженность в ситуацию в этом районе. Например, когда проходят ежегодные учения "Балтопс" в Балтийском море, на Балтийском флоте объявляется боевая тревога. Пока это только планы, но это грозит усилением напряженности в сфере евробезопасности, не говоря уже о глобальной безопасности.

Хотелось бы услышать ваше мнение.

В.М. Соловьев. Давайте зададим все вопросы. Пожалуйста, Михаил Геннадьевич.

М.Г. Денисов. Я хотел бы задать вопрос всем докладчикам. Здесь ставится ряд серьезных, принципиальных вопросов. Понимаете, можно долго рассуждать о школах, о прозападных или антизападных настроениях, но есть факты, которые отрицать невозможно. Например, то, что в нашей стране от наркотиков умирают 100 тысяч человек в год, 80 тонн наркотиков проникает на нашу территорию. Границы практически нет, если называть вещи своими именами.

На этом фоне чудовищно звучат заявления западных представителей и руководителей международной операции в Афганистане о том, что они не собираются бороться с производством наркотиков в Афгани-

стане. Это можно расценивать как полное нежелание учитывать интересы России.

Второй момент — то, что происходит на Кавказе и что в 2008 году привело к прямой агрессии небольшого государства против Южной Осетии и Абхазии. Только благодаря решительным действиям России ситуация некоторым образом изменилась. И когда мы заявляем о том, что очень политизирован вопрос отношений России и НАТО... Понимаете, он не то что политизирован, мы все время балансируем на грани прямого вооруженного конфликта.

В.М. Соловьев. Михаил Геннадьевич, сформулируйте, пожалуйста, вопрос.

М.Г. Денисов. Вопрос очень простой. Я хотел бы услышать комментарий уважаемых докладчиков по поводу того, как они видят перспективы, особенно если будет продолжаться эскалация напряженности на Северном Кавказе. Как мы знаем, многие страны НАТО являются официальными поставщиками вооружения для режима Саакашвили, который не скрывает своих агрессивных намерений по отношению к определенным территориям, то есть к признанным уже республикам, и по отношению к России.

А.Б. Подцероб. У меня вопрос к Наталье Ивановне. Это касается нашего сотрудничества со странами Запада, странами НАТО. Вот сотрудничаем с Францией, оснащаем нашу военную технику теми комплектующими, что они производят. Не засовываем ли мы голову в пасть ко льву? И если такое сотрудничество будет расширяться, не попадем ли мы в зависимость от Запада в этом отношении?

Не получится ли так, что против нас будут введены какие-то санкции — в связи с нашей политикой в Закавказье, на Северном Кавказе или потому, что у нас чьи-то права нарушаются? Санкции будут введены, и как мы тогда будем производить собственное вооружение?

В.М. Соловьев. Еще, пожалуйста, вопросы.

С. Головачев. Насколько я понимаю, сегодняшнее заседание посвящено военным и военно-политическим аспектам безопасности. А стоит ли в проект будущего договора включать невоенные аспекты, скажем экологическую безопасность? Потому что понятно, что это не только вред, наносимый окружающей среде, это прямые экономические потери. Это ресурсная безопасность в широком контексте — не только поставки нефти и газа с Ближнего Востока, это возобновляемые источники энергии, питьевая вода, лес и так далее. А информационная безопасность, безопасность интеграции различных культур в условиях глобализации и усиления миграционных потоков, что для Европы край-

не актуально (Швейцария, Германия). Как вы считаете, нужно ли посмотреть на это более глобально?

В.М. Соловьев. Теперь ответы на вопросы.

Пожалуйста, Татьяна Глебовна.

Т.Г. Пархалина. Попытаюсь ответить на ряд вопросов.

Что касается военных планов нового правительства Великобритании. Надо сказать, консерваторы всегда приходили с такими новыми планами. Далеко не всегда они реализовывались, не будем забывать, в каком состоянии находится экономика Великобритании, там положение ненамного лучше, чем в экономике Греции. Не исключаю, что в долгосрочной перспективе они начнут строительство этих двух военных кораблей. Но после продления договора по Севастополю мы тоже говорим о том, что будем вести строительство кораблей нового поколения. Является ли это угрозой европейской безопасности? Я считаю, идет естественный процесс, все строят новые корабли — Индия, многие другие страны. Идет развитие ВПК каждой страны. Я бы такие проекты военного строительства все-таки не рассматривала с точки зрения будущих угроз европейской безопасности. Многое будет зависеть от уровня наших отношений с Евроатлантикой. Сможем ли мы выйти на новые меры доверия на данном этапе? Я так вижу это. Здесь коллеги говорили, что мы все время балансируем с НАТО на грани войны, говорили о возможных санкциях. Исключено это, господа. Никаких санкций к нам страны НАТО применять не хотят, не будут и не могут.

И мы в настоящее время не балансируем на грани войны. Хотя, конечно, надо различать декларативный уровень политики и реальный уровень политики. По причинам внутриполитического характера у нас на декларативном уровне алармизм часто присутствует в гораздо большей степени, чем в практике реального сотрудничества. Никакой балансировки на грани войны нет, ни о каких санкциях речи быть не может. То, что происходит в последние месяцы, это новая волна в отношениях России и Запада, это перезагрузка по всем направлениям... И в отношениях России и НАТО перезагрузка началась после перезагрузки российско-американской. Совпадение неслучайное. 17 сентября 2009 года Обама объявил об отказе от планов по размещению элементов ПРО в Чехии и Польше, а 18 сентября Расмуссен выступил с первой публичной речью, полностью посвященной России, где сказал о необходимости новой стратегии в отношении России, об учете интересов безопасности России и так далее.

И вопрос был: нужно ли включать элементы мягкой безопасности в это предложение. Я была подключена к процессу консультаций, орга-

низованных МИД, несколько экспертов были подключены. Мы предлагали как раз включить и аспекты мягкой безопасности... В таком виде это не будет принято, и Кремль уже это понимает. Президент Медведев несколько раз сказал: "Мы понимаем, что это площадка для обсуждения и приглашение к обсуждению". Так что это неизбежно произойдет.

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Наталья Ивановна.

Н.И. Калинина. Начну с последнего вопроса. Почему не развиваются другие направления сотрудничества России и НАТО, а только военный аспект? Это не так. В рамках НАТО существует две программы: первая программа — "Во имя мира" и вторая — "Наука ради мира и безопасности". И в рамках программы "Наука ради мира и безопасности" сотрудничество ведется с 1992 года. Россия участвует более чем в 2000 различных мероприятий этого плана. Вот сейчас начался проект "Создание прототипа международного ситуационного центра в случае экотерроризма". То есть вопросы экологии, оценки риска, последствий аварий, даже в Чернобыле, как уроки на будущее, совместное рассмотрение новейших достижений в области материалов и технологий для микронаноустройств, датчиков, пусковых механизмов. Это поле очень широкое. И любой российский исследователь может на конкурсной основе принять участие в проектах, которые проводятся в рамках этой программы. На сайтах натовских все это есть.

Очень серьезный вопрос: не сует ли Россия голову в пасть ко льву? Начинается более тесное сотрудничество, которое носит односторонний характер, то есть мы начинаем закупать технику у стран НАТО. Насколько мы будем зависимы и к чему это может привести, если будут введены какие-либо санкции? Когда мы говорим о военно-техническом сотрудничестве, то имеем в виду не просто закупки, а совместные разработки, совместное производство, оснащение этой техникой той страны НАТО, которая с нами сотрудничает. Если будет взаимоответственность, взаимообязанности, если они не могут выпустить свою технику без наших изделий, а мы не можем выпустить технику без их комплектующих, тогда можно говорить о сотрудничестве и безопасности, относительной, конечно. Именно в таком плане было в свое время построено сотрудничество у нас со всеми странами СНГ, на площадке СНГ. И оно, кстати, продолжается на уровне кооперации оборонно-промышленного комплекса. Ежегодный оборот составляет порядка 17 тысяч изделий.

Мы сегодня об этом не говорили, поскольку другая тема, но мы ни танк, ни самолет, ни любое другое изделие без участия Украины, Белоруссии и ряда других стран выпустить не можем. И они не могут выпус-

тить ничего без того, что мы им поставляем в виде сырья, комплектующих.

С моей точки зрения, это, конечно, опасно, и это потенциальная угроза для национальной независимости. Все зависит от того, при каких условиях Россия начнет такое сотрудничество и насколько она останется независимой. С точки зрения военно-технического сотрудничества я полагаю, что Россия два года назад сделала исключительно опрометчивый шаг — введена поправка в закон о военно-техническом сотрудничестве и в соответствующий указ. Теперь у нас только одно предприятие — Рособоронэкспорт — имеет право поставлять на экспорт конечную продукцию, производимую более чем 700 предприятиями. Все остальные предприятия, так называемые субъекты ВТС, могут либо поставлять запчасти, либо осуществлять ремонтно-сервисное обслуживание. Вот когда у нас один поставщик, тогда введение санкций против этого единственного предприятия полностью блокирует все военно-техническое сотрудничество. Против Рособоронэкспорта Соединенные Штаты, кстати, неоднократно вводили санкции, связанные с поставками в Иран, в Сирию, Ливию и так далее.

Но были еще 22 субъекта, которые поставляли конечную продукцию — "МиГи", "сушки", танки и так далее. А теперь только одно предприятие может поставлять изделия на экспорт. Например, в ЕС ввели в 1989 году санкции относительно запрета поставок вооружений в Китай, которые действуют до сих пор. И Китай во многом сотрудничает с нами по той причине, что не может купить европейскую технику.

В таком же состоянии сейчас находится Россия. Как это случилось, не мне судить, но такая угроза на сегодняшний день реально существует.

Относительно политизированности отношений России и НАТО, возможности конфликта и поведения в дальнейшем. Ситуация с Грузией.

Мы, говоря о европейской безопасности, совсем забыли, что существует ООН, Совет Безопасности. Этот основной международный инструмент поддержания мира и безопасности не должен упускаться из виду, когда мы говорим и о взаимоотношениях России и НАТО.

Относительно общей тенденции возрастания региональных конфликтов. Да, эти тенденции наблюдаются. Мы о них вспоминаем, когда они касаются сопредельных территорий, либо бывших союзных республик. Сегодня говорим о Киргизии, и Россия начинает активно заявлять, что нет механизма предотвращения конфликтов, что надо не допускать дестабилизующего накопления вооружений.

Но юридического понятия "дестабилизующее накопление вооружений" не существует ни в системе ООН, ни в каких-либо международ-

но-правовых документах. И поэтому каждая страна оценивает эту дестабилизацию исходя из своих национальных интересов.

Мы видели, что в Грузии накапливается вооружение, но не говорили о дестабилизующем накоплении. Только после конфликта мы предложили через систему ООН ввести санкции — эмбарго на поставки вооружения в Грузию. То есть эти вопросы очень непростые, но их можно рассматривать и обсуждать только в совокупности, а не отдельными элементами.

По поводу вооружения Великобритании говорить не буду, поскольку один или два авианосца в принципе погоды не делают.

В.М. Соловьев. Спасибо.

Завершаем заседание. Позволю себе сделать короткое заключение.

Хотелось бы отметить профессионализм и углубленность содержания каждого выступления.

Тема европейской безопасности сама по себе настолько широка и многогранна, что на одном заседании даже затронуть все ее аспекты не представляется возможным.

Важное значение в этом контексте имеет и цивилизационный момент, связанный с чисто историческими традициями взаимоотношений России, Российской империи, Советского Союза с европейскими государствами, в целом с Европой.

Естественно, мы не можем забывать, что Европа для всего мира была и продолжает оставаться своего рода вулканом, и если в ней будет "извержение", то это может не только повлиять на ход всемирной истории, но и положить конец этой истории! И в контексте того, что сегодня прозвучало, с учетом достижений в развитии вооружений и политической обостренности многих аспектов безопасности в Европе, следует сделать вывод, что это может произойти.

На мой взгляд, настало время (а мы живем в переходный период, я имею в виду и мир в целом, и Европу) уходить от стандартных подходов в мышлении, носителями которых мы были и еще во многом остаемся. Если нам это не удастся, то, по сути, наступит катастрофа, чего не желает ни одна, ни другая сторона.

Все, что происходит в рамках переговорных процессов в Европе, в том числе в контексте проекта нового договора о европейской безопасности, который был нами предложен, как бы подтверждает: идет диалог, поиск путей нахождения ответов на угрозы, которые еще вчера невозможно было представить и осознать! Хотелось бы выразить признательность за понимание, которое прозвучало сегодня в выступлениях.

Хочу также поблагодарить докладчиков и всех, кто принял участие в обсуждении этой сложной тематики.

Окончательных ответов на большинство поставленных вопросов нет. От результата поиска ответов на них будет во многом зависеть судьба отношений, которые складываются в Европе XXI века. Мы видим международно-правовое несовершенство, которое не дает возможности не только заставить кого-то действовать в рамках международного права, но даже апеллировать к нему, потому что есть такие области правового вакуума, по которым пока даже дискуссий не ведется. Но жизнь заставляет нас говорить и с потенциальными противниками, и с бывшими противниками и находить модус вивенди для того, чтобы дальше жить, чтобы выживать.

Хотел бы проинформировать вас, что здесь присутствует уважаемый нами Алексей Борисович Подцероб, посол, имеющий уникальный опыт работы в арабских странах. На днях состоялась презентация его книжки "Бескрайние просторы Сахары". Она издана под эгидой Российского общества солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки и Ассоциации российских дипломатов.

Хотелось бы высказать пожелание от имени всех присутствующих, чтобы Алексей Борисович на одном из заседаний рассказал об основном содержании книги.

А.Б. Подцероб. Спасибо за теплые слова.

В.М. Соловьев. Спасибо всем за работу.

5. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 28 МАЯ 2010 ГОДА

5.1. НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СНВ

(Из стенограммы заседания от 28 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги, добрый день!

Сначала коротко доложу о результатах вчерашнего форума, посвященного 65-летию создания Организации Объединенных Наций. В работе форума принимали участие представители Организации Объединенных Наций, работающие в Москве и регионах России. По оценке участников, встреча прошла на высоком информационном и интеллектуальном уровне, принято решение подготовить и направить поздравление Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций и ее сотрудникам и поблагодарить за ту работу, которую они проводят.

Переходим к обсуждению первого вопроса повестки дня. Владимир Зиновьевич Дворкин сделает доклад на тему "Настоящее и перспективы СНВ".

В.З. Дворкин. Тема доклада — "Настоящее и перспективы СНВ".

1. Новые параметры и ограничения. Новый договор по СНВ, как и опубликованный американский Обзор ядерной политики, свидетельствуют о позитивных сдвигах за прошедший год в стратегических отношениях двух ядерных сверхдержав. В то время как подписанное в июле 2009 года на саммите в Москве "Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений" свидетельствовало не только об определенном прогрессе в начавшемся стратегическом диалоге России и США, но и о значительных проблемах, которые предстояло решить. Эти проблемы были связаны не только с известными разногласиями между Россией и США по вопросам ПРО, по оснащению стратегических носителей обычными высокоточными зарядами на стратегических носителях, с наличием возвратного потенциала американских СНС после выполнения условий

нового договора. В США и России существуют круги, которым тесный стратегический диалог сторон представляется не соответствующим интересам национальной безопасности. Достаточно упомянуть о резких протестах в США в связи с решением Президента США Обамы сократить на 14 процентов расходы на ПРО, подтвердить отказ на продолжение программы НИР RRW по новым боезарядам и так далее. В России также существует позиция, в соответствии с которой США втягивают российские СЯС в процесс ядерного разоружения с целью достижения абсолютного военного превосходства за счет многократного превосходства в силах общего назначения. Эти разногласия привели к широкому начальному диапазону по стратегическим носителям (500—1100 ед.) и боезарядам (1500—1675 ед.).

В результате значительных усилий сторон отмеченные препятствия на пути к новому договору по СНВ удалось преодолеть. Полное его название — Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (далее — Договор).

Параметры и условия Договора, подписанного президентами России и США 8 апреля в Праге, достаточно широко обсуждаются в экспертном сообществе, дискуссии будут продолжаться и после вступления его силу.

В отличие от своего предшественника новый Договор в соответствии со статьей II в качестве основных ограничений содержит только допустимые пределы по боезарядам на развернутых носителях (1550 ед.), по количеству развернутых носителей (700 ед.) и суммарному количеству развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, БРПЛ и ТБ (800 ед.). Никаких ограничений на структуры и подуровни ядерных триад сторон нет. Существенные изменения (статья III) по сравнению с Договором СНВ-1 претерпели правила засчета боезарядов: их количество определяется по реальному оснащению МБР и БРПЛ независимо от числа посадочных мест на платформах разведения, а любое количество КРВБ на ТБ считается за один боезаряд. Для вывода из числа развернутых подводных ракетоносцев нет необходимости не только "выдергивать" из них пусковые установки ("трубы), но и полностью вырезать ракетные отсеки, что было определено условиями предыдущего договора. Достаточно удалить крышки пусковых установок, связанных с ними обтекателей и, если возможно, газогенераторов (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 1).

Для исключения из засчета СНВ подводной лодки, если все ее пусковые установки переоборудованы таким образом, что из них не могут

запускаться БРПЛ (например, при переоборудовании их для запуска крылатых ракет), достаточно продемонстрировать факт переоборудования способом, который может быть избран стороной, осуществляющей переоборудование (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 7).

Новый Договор не накладывает никаких ограничений на модернизацию и замену стратегических наступательных вооружений. Необходимо лишь уведомить о новом типе МБР и БРПЛ, который отличается от ранее заявленного типа техническими характеристиками хотя бы по одному признаку: количеству ступеней, типу топлива, по длине ракеты (без головной части), длине первой ступени, диаметру первой ступени более чем на 3 процента (Протокол, гл. I, п. 42). Это дает значительно большую свободу для модернизации и изменения боевого оснащения ракет по сравнению с условиями Договора СНВ-1.

Еще до начала и в процессе переговоров одна из проблем заключалась в американских планах по оснащению БРПЛ и МБР высокоточными неядерными боезарядами. Как следует из текста Договора, США согласились включать ракеты с таким оснащением в суммарное допустимое количество стратегических вооружений. Это означает, что в планы США не входит развертывание неядерных БРПЛ и МБР в таком количестве, которое могло бы заметно снизить ядерный потенциал СНВ.

Значительные изменения произошли в согласованных сторонами системах инспекций и уведомлений. Интенсивность инспекций снизилась с 28 до 18 в год, и они разделены на два типа. Первый тип включает в себя инспекции по подтверждению данных о количествах и типах развернутых и неразвернутых вооружений, по количеству боезарядов на развернутых МБР и БРПЛ, а также по количеству вооружений на развернутых ТБ. Ко второму типу относятся инспекции по проверке данных о количествах, типах и технических характеристиках неразвернутых вооружений и фактов о переоборудовании или ликвидации вооружений, а также для подтверждения того, что ранее заявленные объекты не используются в целях, нарушающих положения Договора.

В соответствии с главой IV Протокола значительно сокращен объем уведомлений относительно текущих исходных данных о состоянии стратегических вооружений, об их передвижениях, об инспекционной деятельности: 42 вида уведомлений вместо 152 по Договору СНВ-1.

Длительные дискуссии о необходимости обменов телеметрической информацией завершились тем, что стороны согласились предоставлять магнитные ленты с записями измеряемых в полете параметров не более

чем при пяти пусках ракет ежегодно, при том что каждая сторона сама выбирает конкретные пуски, по результатам которых она предоставляет необходимые данные. Это позволило полностью снять озабоченность российской стороны, связанную с тем, что только в России проводятся летные испытания новых МБР и БРПЛ, данные по которым необходимо передавать другой стороне, в то время как в США новых разработок в ближайшей перспективе не ожидается. Вместе с тем в такой позиции есть определенный недостаток: в США планируются летные испытания БРПЛ и МБР с неядерными высокоточными боезарядами, и информация по характеристикам такого типа боевого оснащения могла бы оказаться полезной для российских специалистов.

Если в соответствии с Договором СНВ-1 действовали 39 согласованных заявлений, часть которых накладывала жесткие ограничения на модернизацию российских МБР, то в новом Договоре остались только 10 (Протокол, гл. IX), и связаны они в основном только с инспекционной деятельностью, процедурами показов вооружений, включая осмотры пусковых установок БРПЛ, переоборудованных под крылатые ракеты, а также с традиционным запретом на скоростное перезаряжание (пятое согласованное заявление).

Представленный выше обзор статей нового Договора и Протокола к нему, конечно же, не охватывает многих положений и особенностей, которые потребовали глубокой проработки в процессе переговоров и будут иметь значение в процессе выполнения всех установленных ограничений, условий и правил. Рассмотрены только основные положения и ограничения, отличающие новый Договор от Договора СНВ-1. Можно отметить, в частности, заметное повышение степени взаимного доверия, что позволило значительно уменьшить запреты и ограничения на стратегические вооружения, сократить инспекционную деятельность и тому подобное.

Вместе с тем новый Договор продемонстрировал важнейшую особенность и совпадение ядерной политики Москвы и Вашингтона — отсутствие намерений осуществлять в обозримой перспективе реальные сокращения своих стратегических вооружений ниже уровня, зафиксированного еще в 2002 году в московском договоре по СНП (1700 — 2200 боезарядов). В этом отношении можно проследить устойчивую позицию как Администрации Президента США Б. Обамы, так и предыдущей администрации Д. Буша. В октябре 2008 года Госдеп США представил в МИД России документ под названием "Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по укреплению транспарентности и доверия в отношении сокращения

стратегических наступательных ядерных потенциалов". В проекте договора, представленного уходящей администрацией, предлагалось сохранить предельный уровень боезарядов до 1700—2200 единиц в течение 10 лет после вступления его в силу, а основной упор был сделан на систему контроля.

Пониженный уровень боезарядов по пражскому Договору демонстрируется, по существу, всего лишь изменением правил засчета боезарядов на бомбардировщиках. Если принять, что на 56 развернутых американских ТБ Б-52 реально могут быть размещены 1120 КРВБ (боезарядов), а по правилам условного засчета в Договоре СНВ-1 — 672 боезаряда, то теперь их остается 56. Таким же путем реальное количество боезарядов (более 850) на 77 развернутых российских ТБ типа Ту-160 и Ту-95мс превращается в 77 боезарядов.

Однако, несмотря на такие новшества, за ними стоят определенные соображения, имеющие оперативно-стратегические и экономические основания. То обстоятельство, что стороны согласились как бы понизить "вес" ТБ, может объясняться представлениями об их роли в стратегических операциях ядерной триады при обмене массированными ядерными ударами, которые рассматривались как основная форма подобных операций в период холодной войны. Задачи ТБ всегда считались не вполне определенными до, в процессе и после массированных ударов МБР и БРПЛ.

Возможно, позиция Администрации Президента США Б. Обамы по дальнейшим сокращениям СНВ и переговорам по этой проблеме с Россией соответствует тому, что изложено в опубликованной в "Нью-Йорк Таймс" 11 апреля этого года статье Д. Шульца и У. Перри. Среди прочего речь в ней идет о том, что прежде чем договариваться с Россией о новых сокращениях стратегических вооружений, необходимо решить задачу объединения усилий в сфере ПРО в формате США—Россия—НАТО. В статье также предлагается параллельно вести консультации по ТЯО и обычным вооружениям в Европе, по проблемам Ирана и Северной Кореи, но на первом месте — ПРО.

2. Как избежать нового кризиса. Отступивший кризис между Россией и США по отношению к ПРО в Европе после решения Администрации Президента США Б. Обамы по новой четырехэтапной архитектуре ПРО вполне может вернуться в еще более острой форме после приобретения морской системой с противоракетами типа "Стандарт-3" и их наземными аналогами стратегического потенциала к 2020 году. В соответствии с этой архитектурой на четвертом этапе до 2020 года планируется

дальнейшая модернизация перехватчика СМ-3 (Блок IIB), который будет способен поражать боезаряды МБР.

При этом на всех четырех этапах предполагается модернизация систем боевого управления и наведения. Ожидается, что за счет повышения скоростных характеристик противоракеты (планируется увеличить диаметр и массу топлива второй ступени) будет обеспечена способность поражать иранские ракеты средней и межконтинентальной дальности на активном участке траектории при размещении кораблей системы Иджис в Средиземном море.

К настоящему времени нет окончательной определенности с размещением в Европе не только наземного варианта противоракет СМ-3 (Румыния, Болгария), но и радаров Х-диапазона (сантиметрового). Нельзя исключать, что эти радары могут быть размещены в Турции, Грузии и в странах Восточной Европы. Но в любом случае эти радары будут единой составной частью общей системы ПРО на территории США и Европы, включающей радары системы раннего предупреждения о ракетном нападении, и в этом качестве всю эту систему будут рассматривать с точки зрения угрозы российскому потенциалу ядерного сдерживания.

Оценки способности американской системы ПРО в Европе по перехвату иранских ракет представлены в совместных материалах российских и американских экспертов в выпуске Института Восток — Запад ("Ядерный и ракетный потенциал Ирана"). Показано, что для перехвата одного боезаряда иранской ракеты потребуется в среднем 5 противоракет.

Нет никаких сомнений в том, что российские МБР и БРПЛ оснащены значительно более эффективными комплексами преодоления ПРО, которые разрабатывались в течение нескольких десятков лет и всегда находились и продолжают находиться в стадиях модификации и адаптации к перспективным системам ПРО. Именно поэтому планируемая к развертыванию новая архитектура ПРО США не окажет практического влияния на потенциал ядерного сдерживания России.

Гипотетически опасность для России может возникнуть только в случае массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата ракет и боезарядов на всех участках траектории их полета, что связано с возвратом к ядерному противостоянию и новой гонке вооружений. Однако вероятность такого радикального обострения отношений между Россией и США находится на неразличимом уровне.

Вместе с тем при одностороннем развертывании ПРО США в Европе в соответствии с новой архитектурой, объявленной Администрацией Президента США Б. Обамы, вполне возможен новый противоракетный кризис в отношениях двух государств, аналогичный тому, что имел место до пересмотра предыдущих планов развертывания третьего района ПРО в Польше и Чехии. Тем более после принятия деклараций о стратегическом сотрудничестве, включающем сотрудничество и в сфере ПРО, а также увязке стратегических наступательных и оборонительных вооружений в новом Договоре по СНВ. Не допустить разрастания подобного кризиса можно только встречными шагами, направленными на тесное сотрудничество в сфере европейской и глобальной ПРО.

Президент Б. Обама и руководство Пентагона уже неоднократно заявляли о готовности к сотрудничеству с Россией в сфере ПРО. Так, например, во время визита Президента Б. Обамы в Москву он заявил следующее: "Я хочу работать совместно с Россией над новой архитектурой ПРО, которая даст нам боўльшую безопасность. Но если исчезнет угроза, связанная иранской ракетно-ядерной программой, то не станет и причины для развертывания системы ПРО в Европе. Это отвечает нашим взаимным интересам". Более осторожно об этом говорят в российском руководстве.

Принятые руководством России и США решения о сотрудничестве в сфере ПРО пока выполняются только при оценке и согласовании вероятных ракетных угроз. Вполне можно предположить, что процесс подобного согласования будет продолжаться достаточно долго. Российские специалисты будут отодвигать во времени возможности создания Ираном и Северной Кореей ракет повышенной дальности, поскольку эти страны используют старые советские технологии. Американские оценки будут базироваться на данных об использовании в этих странах более современных технологий, полученных из других государств.

При этом следовало бы учесть то, что совсем недавно такие оценки уже были выполнены вполне компетентными российскими и американскими специалистами в упомянутом проекте Института Восток — Запад, в котором представлены детальное состояние и перспективные разработки северокорейских и иранских баллистических ракет и ракет-носителей космических аппаратов.

В Москве высокие гражданские и военные чиновники крайне осторожно относятся к углублению сотрудничества по ПРО из-за устойчивого недоверия и опасения утраты чувствительных технологий. Однако

российское технологическое отставание оставляет мало шансов для подобной утраты, а сотрудничество, наоборот, дает возможность приобретения новых знаний и технологий.

Между тем возможности России по полноценному сотрудничеству со временем как минимум не увеличиваются. Если раньше можно было утверждать об опережающих российских разработках в создании скоростных ракет-перехватчиков за счет более совершенных рецептур твердого топлива, то вряд ли это актуально в настоящее время ввиду интенсивных американских работ, направленных на создание перехватчиков ракет на активном участке траектории.

Однако значительные возможности сохраняются в сфере информационных средств ПРО. По оценкам американских независимых экспертов, интеграция систем предупреждения о ракетном нападении России и США повышает эффективность обнаружения пусков ракет и ракет-носителей на 30—70 процентов. Еще более глубокое сотрудничество может быть реализовано при развертывании низкоорбитальной космической информационной системы глобальной ПРО, космические аппараты которой могут быть выведены на орбиты с требуемой высотой и наклонением конверсионными "тяжелыми" ракетами по российско-украинскому проекту "Днепр".

Для защиты объектов на территории России в объединенной системе ПРО могут быть использованы комплексы типа С-400 и перспективные системы С-500.

Преодолевать имеющиеся препятствия целесообразно в первую очередь восстановлением тех элементов сотрудничества, которые утрачены в последние годы. Прежде всего необходимо безотлагательно реанимировать проект Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого принято 12 лет назад президентами России и США, и намерение сделать это повторили президенты обеих стран на встрече в Москве в 2009 году. Параллельно с этим следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий. При этом, как показал опыт проведения совместных учений, разграничение зон ответственности не должно представлять сколько-нибудь значительной проблемы.

Перечисленные шаги способны не только исключить вполне вероятный новый противоракетный кризис в отношениях России и США, но и оказать решающее влияние на трансформацию ситуации взаимного ядерного сдерживания двух ядерных сверхдержав, которая препятст-

вует полноценному сотрудничеству в противодействии новым реальным угрозам региональной и глобальной безопасности.

А.А. Аслаханов. Спасибо, Владимир Зиновьевич.

Какие есть вопросы? Пожалуйста.

В.И. Ковалев*, Академия военных наук.*

Владимир Зиновьевич, у меня возник ряд вопросов. Первый вопрос. Вы совершенно правильно заметили, что, согласившись на ограничение в числе носителей неядерного оснащения МБР и БРПЛ, американцы, в общем, не делают особой ставки на эти виды вооружений.

Как Вы думаете, нет ли у них случайно туза в рукаве? И в достаточно обозримом будущем не появятся ли внеконвенциональные системы, обладающие контрсиловыми возможностями, которые будут значительно более эффективны, чем эти БРПЛ и МБР, в неядерном оснащении?

Не получится ли , что сокращение числа носителей будет вроде как не очень полезно в условиях проявления таких новых, внеконвенциональных контрсиловых систем?

Второй вопрос. У вас были фразы об увязке наступательных оборонительных вооружений. Скажите, пожалуйста, в каких юридически обязывающих формулировках эта увязка присутствует в новом Договоре?

Третий вопрос — по поводу телеметрии. Скажите, пожалуйста, какие конкретно параметры или статьи Договора контролируются путем передачи телеметрии?

Четвертый вопрос. В свое время Вы выдвинули положение о том, что важная роль СЯС состоит в сдерживании от возврата к гонке вооружений. Сейчас видно, что деградация СЯС России привела к выходу США из договора по ПРО. Скажите, пожалуйста, не будет ли этот Договор стимулом для дальнейшего наращивания темпов технологической гонки вооружений в других сферах?

Пятый вопрос. Вы говорили о том, что целесообразно объединение усилий по совместной ПРО. Совместная ПРО — это сейчас вроде как некая линия Мажино, с помощью которой богатый Север хочет отгородиться от бедного Юга, от его проблем. И сейчас нам советуют занять соответствующие позиции на этой линии Мажино. Не будет ли здесь каких-то политических трудностей для России, то есть не будет ли Россия лишена возможности политического маневра? Например, если Запад захочет денуклеаризировать какие-то страны, демократизировать их — у них принято это делать посредством крылатых ракет, авиации и так далее. Не втянемся ли мы автоматически в эти конфликты? Не сни-

зятся ли наши возможности повести себя стратегемно в этом деле? Оно нам вообще надо? Какая лучшая стратегема для российского народа — номер 9 — наблюдать за пожаром с противоположного берега, либо номер 11 — сливовое дерево (то есть Россия) засыхает вместо персикового (то есть западной цивилизации)?

И последний вопрос. Демобилизационная стратегия — это пример Троцкого, когда он пытался удержать страну от вовлечения в продолжение Первой мировой войны: ни мира, ни войны, армию распустить. Какая стратегия более эффективна для России и вообще в соответствии с какой стратегией эти новые разоруженческие соглашения идут?

В.М. Соловьев. Спасибо большое. Здесь целый ряд вопросов выходит за пределы тематики, которую озвучивал Владимир Зиновьевич, носит военно-политический и общий геостратегический характер. Это отдельная тема. Думаю, Владимир Зиновьевич не должен втягиваться в полемику по этим вопросам.

Еще есть вопросы? Нет.

Слово — Владимиру Зиновьевичу Дворкину.

В.З. Дворкин. Высокоточное оружие — это отдельная тема. У нас оно всегда рассматривается как дестабилизирующий фактор в ядерном балансе Российской Федерации (и прежде Советского Союза) и США. Но, на мой взгляд, этот дестабилизирующий фактор у нас преувеличивается.

Высокоточного оружия, помимо баллистических ракет с высокоточным оружием и обычным оснащением, мало, существенного контрсилового потенциала для поражения наших ядерных сил оно не представляет, но есть большое количество высокоточных крылатых ракет, которые действительно могут поражать цели, в том числе наши стратегические цели.

Но этот вопрос следует рассматривать с точки зрения возможных сценариев поражения.

Что такое поражение высокоточным оружием нашего ядерного потенциала? Это означает длительную войну с мерами противодействия. Невозможно сосредоточить все корабли с крылатыми ракетами, бомбардировщики и повести их так, чтобы быстро покончить с нашим ядерным потенциалом. Это выходит за рамки оперативно-стратегических возможностей. Кроме того, еще в Советском Союзе существовало положение, что если в ходе обычной войны поражена какая-то часть наших ядерных сил, то мы вынуждены отвечать ядерным ударом. И это наши контрпартнеры и оппоненты знали.

Теперь в нашей доктрине записано, что Россия оставляет за собой право на применение ядерного оружия в условиях, когда речь идет о существовании государства. Раньше была формулировка: в критических для своего существования условиях. То есть совершенно понятно, что если начнется поражение наших стратегических вооружений, значит, сценарий предусматривает полную победу над Россией. И никогда наш вероятный противник не пойдет на это, понимая, что в ответ на применение высокоточного обычного оружия он получит ядерный удар.

Представления о допустимом ущербе настолько изменились со времен Макнамары и Андрея Дмитриевича Сахарова, что сейчас недопустимы одиночные ядерные взрывы на территории США или Европы, поэтому не надо преувеличивать этот фактор преобладания США в высокоточном оружии. Можно, конечно, сидеть в изоляции и заниматься мобилизацией всех сил, но это мы уже проходили. И чем все это кончилось — известно.

По ПРО. Считаю, что нам надо объединять усилия в этой области с учетом того, что по сравнению с прошлым веком ситуация сильно изменилась и глобализация пронизала все сферы жизни.

Вот так я отвечу на эти вопросы.

П.Г. Белов. Я тоже хотел бы сделать сообщение по первому вопросу.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

П.Г. Белов. Я хотел бы принять участие в обсуждении договора СНВ-3, который имеет много неясных и спорных моментов.

В преамбуле есть несколько совершенно необоснованных утверждений, и эти меры, наоборот, разрушают стабильность и безопасность. Но я сделаю акцент на противоракетной обороне и той телеметрии, о которой говорил генерал Дворкин.

Есть в тексте договора статья IX, состоящая из двух предложений. Я подозреваю, что там был еще подтекст, но он был оборван благодаря вмешательству наших президентов, которые, как уже говорил генерал Дворкин, заявили публично, что они лучше других разобрались...

Протокол вроде бы должен внести ясность, что же тут такое, что такое "первоначальное движение", что такое "последующий полет". Подчеркивается, что вроде бы количество пусков, которое будет обеспечено, не более пяти, будто мы будем больше делать в год.

Далее, пункт 3. Устанавливаются условия, порядок обмена, объем представляемой информации определяется положением о телеметрии, которое является неотъемлемой частью протокола и которого нет. Я бы просил парламентариев разобраться. Это не может быть секретным.

Странным мне представляется шестое согласованное заявление, что обмен позволяет упрочить новые стратегические отношения и не подрывает потенциал. Обратите внимание, как четко прописана в пункте 2 телеметрия. Если какая-то сторона решит, что информация неясна или неполна, она потребует разъяснения, даже пояснения, почему такое и прочее.

А сейчас я перейду непосредственно к ПРО. Обратите внимание, вот американская ПРО против баллистических ракет, полет которых подобен камню. Как нам заявляли ранее, прорвать американскую ПРО можно несколькими способами. Первый и самый надежный способ, который реализуется, это массовый запуск большого числа реальных и ложных блоков. Он ослепляет и не позволяет отделить реальные блоки от ложных. Именно это и подорвало так называемую стратегическую оборонную инициативу.

Другой способ. Вот тут планирование вроде бы боевого блока. Что-то похожее на то, как бросают камень вдоль поверхности воды, и он отскакивает, тут тоже не предсказать... Но это не реализовано даже в Соединенных Штатах. То есть попытки создать планирующее боевое оснащение безуспешны.

Третий способ. Вроде бы мы совершим непредсказуемый маневр. Вверху показано, что траектория может быть расширена, и это может ввести в недоумение те противоракеты, которые обозначены в правой части, те, что стоят на Аляске и в Калифорнии.

Но есть еще и четвертый способ обеспечить радиопрозрачность боевого оснащения — окутать, допустим, плазмой. Но ведь Соединенные Штаты все это понимают. Посмотрите на их усилия: они "обложили" левый нижний угол района запуска наших новых ракет как с подводных лодок, так и баллистических ракет, установив радар в Варде. Далее, в правой нижней части, показано, что они установили два радара в Тихом океане.

Если первый радар отслеживает всю информацию о запуске, используя сигнатурно-разведывательные комплексы, то правые радары принимают информацию о падении в районе Камчатки и поэтому способны вычислить возможный маневр. Такой маневр не может быть случайным, произвольным, не может быть сколь-нибудь ограниченным.

Хотел бы напомнить, что в свое время СССР обладал так называемыми глобальными ракетами, которые могли "бросать" боевое оснащение через Южный полюс. Те новые ракеты, которые создаются, имеют вес чуть больше тонны, и не трудно, имея данные о баллистических

производных, сколько один метр в секунду дает отброс... Имея данные об оснащении топливом, удельной тяге, можно прикинуть, что такой разброс не может быть сколь-нибудь существенным. Зная типовые траектории, получив их и уточнив с помощью телеметрии, Соединенные Штаты заблаговременно подготовят набор полетных заданий и встретят наши ракеты.

Я уж не говорю о той перспективе, которая создана благодаря объединению противовоздушной и противоракетной обороны.

Соединенные Штаты понимают, что человечество вступило в период борьбы за ресурсы. Восходящая линия показывает, как растет численность населения, а ниспадающая — как исчезают невозобновляемые природные ресурсы. У Соединенных Штатов "золотой запас" жизни, и они будут пытаться сохранить его любыми средствами.

Есть мнение, что привычные энергоносители иссякают. Замены нефти нет, и пусть кто-то объяснит, чем это можно заменить. Есть комментарии, касающиеся тех изменений природно-климатического характера, которые делают лишь Россию привлекательной во всех отношениях. Ресурсная и территориальная привлекательность поставит ее на острие нового передела, борьбы за ресурсы. И с учетом планов развития вооружений посмотрите, как у нас снижается количество носителей межконтинентальных баллистических ракет, я имею в виду только РВСН, потому что морская компонента у нас фактически уничтожена, в том числе благодаря присутствующим здесь.

А что же у нас есть? Что же это за малые ракеты, которые называют ракетами XXI века, и которые не имеют аналогов? Да, они не имеют аналогов, но не из-за того, что никакая другая страна не может их создать. Посмотрите в верхнюю часть. Это пушка на телеге. Эту пушку-телегу легко уничтожить одним выстрелом. Замаскировать ее совершенно невозможно.

Посмотрите нижнюю часть — так называемая "Булава" и прочее. Кстати, вторая картинка показывает американский прототип нашего "Тополя". У него совершенно иная компоновка, совершенно иная скорость, он закрыт бронещитами. Я утверждаю, что все "Тополи" будут уничтожены по естественным причинам, после 2015 года Россия остается без многозарядных шахтных ракет, и тогда будет установлен новый мировой порядок.

Вопрос о стратегическом вооружении жизненно важный для России. Это единственное, что сдерживает противника. После 2015 года будет установлен новый мировой порядок. Я просил бы наших парламентариев иметь это в виду.

А.А. Аслаханов. Петр Григорьевич, Вы сейчас проинформировали нас о драматической ситуации. Это Ваш анализ, Ваши выкладки, Ваше мнение. А к чему тогда все эти соглашения, договоры, если через 10—15 лет американцы в области вооружений оторвутся от нас так далеко? А мы что, останемся с этой техникой, которая не выполняет своего прямого назначения? Не думаю.

Ф.И. Ладыгин. Я хотел бы поблагодарить Владимира Зиновьевича за тот доклад, который он сделал.

Мы сегодня обсуждаем новый договор по СНВ. И именно сегодня Президент вносит договор на ратификацию в Госдуму. Мне кажется, задача Экспертного совета заключается в том, чтобы высказать какие-то рекомендации относительно договора.

Безусловно, договор содержит целый ряд положительных моментов, о чем Владимир Зиновьевич Дворкин говорил, но имеет и отрицательные моменты, связанные с тем, чего нам не удалось добиться. К числу положительных моментов можно отнести то, что уменьшилось количество инспекций. Мы, по-моему, уже с 1994 года из-за отсутствия средств не проводили никаких инспекций на территории США. Соединенные Штаты были у нас, а мы у них — нет.

Другой момент. В договоре записано, что теперь нужно засчитывать не по тем правилам засчета, которые были предусмотрены в договоре СНВ-1, а по реальному количеству. Это значит, что не по посадочным местам. Вообще раньше были ограничения: если мешает количество боеголовок, то количество посадочных мест должно быть существенно уменьшено.

Теперь этого нет. То есть, по существу, в договоре предусмотрено, что Соединенные Штаты будут иметь возможность посадить большое количество боеголовок. Это, безусловно, плохо.

Далее. Здесь много говорилось о противоракетной обороне. Хочу заметить, что в договоре практически нет ничего по договору о противоракетной обороне. Этому не нужно удивляться. Ведь и в договоре СНВ-1 было упоминание договора по ПРО лишь в качестве одностороннего заявления. Наверно, года два мы бились над тем, чтобы туда включить даже одностороннее заявление о Договоре по ПРО. Тем не менее Соединенные Штаты вышли из того договора.

Конечно, было бы желательно, если бы американцы пригласили нас обсуждать эти проблемы. Может быть, когда-то нас и пригласят на обсуждение этих проблем, но я глубоко убежден в том, что никогда мы не будем равными партнерами в этих дискуссиях.

Означает ли это, что, договор не нужен? Нет. Я придерживаюсь той точки зрения, что договор нужен, и если бы у меня, как у члена Экспертного совета спросили, нужно ли ратифицировать договор, я ответил бы, что нужно.

Наши переговорщики добились на переговорах максимума возможного. Это все-таки двусторонние переговоры. Хлопанье дверьми, что применялось в советское время, когда Советский Союз был второй сверхдержавой, никогда не приводило ни к чему положительному... После этого мы возвращались на переговоры и на худших позициях заключали соглашения.

Мне представляется, что мы должны рекомендовать законодательным органам ратифицировать этот договор, одновременно сделав достаточно взвешенное, продуманное сопровождение. Но это сопровождение должно в обязательном порядке выполняться.

Когда американцы вышли из договора по ПРО, даже еще до этого, я обратился к депутатам Государственной Думы: "Друзья мои, посмотрите, какое решение вы приняли, когда ратифицировали договор СНВ-1". А там записано, что в таком-то случае Госдума говорит Президенту: "Вы должны сделать это, это и это". Они ничего этого не сделали. Поэтому взвешенное разумное разъяснение того, при каких условиях этот договор для нас перестает действовать, должно быть предпослано ратификации этого договора. Но договор должен быть ратифицирован, это мое глубочайшее убеждение.

А.А. Аслаханов. Безусловно, договор должен быть ратифицирован. Но есть некоторые сомнения, которые были высказаны Петром Григорьевичем Беловым, и нельзя их отбрасывать.

П.Г. Белов. Хочу зачитать некоторые соображения о том, что можно было бы включить в закон о ратификации договора. Это пишет наш коллега Сергей Тарасович Борисков. "Договор подписан, что дальше? ... Как поступать России? Сразу отказаться от договора? Вариант разумный, но не единственный. Не отказываясь от идеи взаимных сокращений, Госдума может предложить идею новации договора СНВ-3". Далее: "Какие могут быть принципы и условия новаций? Если Государственная Дума решит его ратифицировать, то здесь есть варианты. Итак, первый вариант новации..." Далее приводится пример того, как в свое время ратифицировал договор СНВ-2 Конгресс Соединенных Штатов. "Можно было бы говорить об обязательствах администрации по осуществлению эффективной программы по поддержанию запаса. Можно было бы оговорить условия о выходе из договора". Все эти моменты надо учесть. Да, я согласен с Федором Ивановичем, договор нужно ра-

тифицировать. Но надо четко оговорить, при каких условиях мы можем выйти из договора. Так действуют в любом правовом государстве.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

Из зала. Федор Иванович Ладыгин сказал гораздо меньше того, что он знает на самом деле. Он в свое время руководил рабочей группой, которая готовила обоснования по договору СНВ-1. Он верно указал на то, что нас беспокоит, — это возвратные потенциалы (дополнительные посадочные места). И американцы имеют возможность нарастить больше тысячи боеголовок в случае разрыва отношений. Другое дело, что прогнозировать такой разрыв вряд ли кто-нибудь сегодня захочет.

То, что связано с телеметрией, о чем господин Белов тут говорил, значительно легче и спокойнее воспринимается, и это безобидно по сравнению с тем, что было в СНВ-1. Кстати, то, чего нет в договоре, содержится в технических приложениях к договору, которые пока имеются только на английском языке. Там есть все разъяснения, это обычная практика.

В части взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений там есть только один юридически обязывающий пункт. Преамбула действительно юридически ни к чему не обязывает, а вот внутри договора есть пункт, который запрещает переоборудование шахтных пусковых установок баллистических ракет в пусковые установки для противоракет. Кстати, очень многие вопросы контроля там оговорены для того, чтобы облегчить процедуру ратификации договора в США. Там противников договора гораздо больше, чем у нас, и противников грамотных. Сейчас уже Обаму вовсю ругают за то, что он согласился не переоборудовать шахтные пусковые установки баллистических ракет в шахтные пусковые установки противоракет.

Федор Иванович Ладыгин совершенно правильно сказал о том, что нужно какие-то дополнительные условия оговорить в законе о ратификации. Надо делать так, как американцы. Вот чего они сейчас требуют? В законе о ратификации будет обязательное условие, касающееся финансирования и развития трех американских ядерных лабораторий. Нам нужно записывать не те эфемерные положения, о которых господин Белов говорил, а примерные объемы в госпрограмме вооружения, которые необходимы для новых ракетных комплексов, в частности "Тополь-М" с СРЧ. Вот такие вопросы нужно записывать, и это было бы вполне правильно.

Господин Белов говорил также про какие-то планирующие блоки... Ни у кого их нет. Господин Белов просто не знает, что еще в Советском Союзе испытывались планирующие блоки, нужны они только для того,

чтобы преодолевать космические эшелоны противоракетной обороны, больше ни для чего. Если бы у американцев были космические рубежи, тогда, может быть, надо было бы возвращаться к этому.

А по поводу того, что они обложили нас со всех сторон и задавят все наши средства, так это плод воспаленного воображения и некомпетентности. Что такое "четырехэшелонная ПРО США", которую они планируют создать? Американские эксперты рассчитали, что, если у Ирана будут ракеты большой дальности с самыми примитивными средствами преодоления, это тоже будет создавать помеху для противоракетной обороны. Надо представлять, что такое радары Х-диапазона, это трехсантиметровые радары, которые могут заметить ложные цели, но отличить от боеголовки не могут, и дистанции в 800 километров недостаточно для того, чтобы произвести прицельный пуск. Так вот, в лучшем случае, чтобы одну иранскую ракету сбить, нужно пять противоракет типа СН-3. Можете сравнить с нашими средствами преодоления, которые уже 50 лет разрабатываются и совершенствуются.

Поэтому то, что господин Белов говорил, не должно вызывать тревоги, и не надо дописывать что-то к предложениям Экспертного совета, потому что такие предложения моментально разобьются квалифицированными специалистами, и мы окажемся в неудобном положении.

А.А. Аслаханов. Нам нужно тогда принять решение. Стоит нам давать рекомендации от имени Экспертного совета по ратификации договора? Как вы считаете?

Из зала. У нас есть много специалистов в этой области. Тут дьявол кроется в деталях, именно в технических деталях, а не в политических. Давайте мы их пригласим и поговорим не торопясь. Вопрос касается судьбы страны.

В.М. Соловьев. Я хотел бы высказать свое мнение, которое основывается на тех многочисленных переговорных процессах, в которых мне приходилось принимать участие. Господину Белову, кстати, не следует представлять себя как единственного защитника интересов безопасности России и ставить под сомнение высокий профессионализм переговорщиков — они тоже патриоты нашей страны и заботятся о поддержании на должном уровне ее национальной безопасности. Уже не первый раз Вы с такими комментариями выступаете.

Хотелось бы также коротко сказать о тех восьми вопросах, прозвучавших вначале. Некорректны некоторые из них, поскольку сравнивать тот исторический период с нынешним геополитическим положением России не просто непрофессионально, а скандально непрофессиональ-

но. Почему не взять Брестский мир, когда Ленин вынужден был пойти на значительные уступки для того, чтобы сохранить то, что принесла революция?

Необходимо иметь в виду, что геополитически Россия не может противостоять Соединенным Штатам в плане технического соперничества, да это и ни к чему. Другое дело что у России открывается огромное поле возможностей для разного рода дипломатических маневров, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества, где военное сотрудничество набирает определенные темпы. Есть ряд и других вариантов. Мне думается, многое из того, о чем я сказал, связано с определенным, скажем так, некорректным поведением. Профессионального подхода я там не увидел.

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги, каждый эксперт имеет право высказывать свою точку зрения. Не будем подвергать людей обструкции за это.

А по итогам всех выступлений, мы должны принять какое-то решение, которое соответствовало бы истине, интересам дела и интересам государства. Тема эта очень сложная. Мы прекрасно понимали: в этой дискуссии по ПРО и по договору каждый будет пытаться тянуть одеяло на себя. Тем не менее мы медленно идем к тому, чтобы осознать: это в интересах нашего государства. Если мы договор подпишем, у нас будет моральное право требовать от других ядерных стран придерживаться тех же принципов, которых придерживаемся мы.

5.2. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИИЯ

(Из стенограммы от 28 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Переходим ко второму вопросу — "Российско-американские отношения: их состояние и перспективы развития". Сергей Вадимович Кортунов уже выступал в прошлом году по этой теме. Попросим его проинформировать нас, что нового в наших взаимоотношениях с США и каковы дальнейшие перспективы.

С.В. Кортунов. Действительно, я уже делал доклад примерно год назад по российско-американским отношениям. Если коротко сказать, что изменилось с тех пор, то практически ничего. Я считаю, что договор о сокращении стратегических наступательных вооружений — это большое достижение российской дипломатии. Действительно, было сделано максимум того, что возможно. И я не согласен с американским сенатором Либерманом, который сказал: "Договор хороший, но он не нужен". Я считаю, что он нужен. Владимир Зиновьевич Дворкин очень четко показал, что это договор не о разоружении, не о сокращении и не об ограничении, а, по существу, это договор, который фиксирует реальное положение дел и те тенденции, которые естественным образом складываются в ядерном балансе двух стран по мере истечения сроков эксплуатации ядерных вооружений. Но главная ценность договора, с моей точки зрения, состоит в том, что договор возвращает наши отношения в военно-политической области в международно-правовое поле. Дело в том, что после истечения срока действия договора СНВ-1 мы провалились в международно-правовой вакуум. И новый договор выводит нас из этого состояния. Как профессиональный дипломат в прошлом и как специалист в области российско-американских отношений считаю, что это чрезвычайно важно. Другой вопрос, влияет ли этот договор в положительном плане на характер российско-американских отношений. Нет, не влияет. На этапе заключения договора высказывалась такая точка зрения, что договор станет локомотивом российско-американских отношений и радикально изменит к лучшему эти отношения. Этого не произошло и не произойдет, в этом тоже надо отдавать себе отчет.

На днях я участвовал в международной конференции, которая касалась внешней политики США после прихода к власти Барака Обамы.

На ней выступил французский посол, который спел панегирик Обаме: мол, внешняя политика Америки радикально меняется, Обама — это радикальный реформатор в вопросах как внутренней, так и внешней политики, перезагружаются российско-американские отношения, и Франция это приветствует. Затем выступил первый секретарь Посольства США и сказал: "Все это очень хорошо, но есть одна маленькая поправка. Внешняя политика США не изменилась и не изменится. Все, как было, так и будет". Ничего себе заявление, да? По существу, это идет вразрез с заявлением самого Президента США. Но эта точка зрения, естественно, санкционирована Вашингтоном. И по поводу так называемой перезагрузки, которая якобы произошла в наших отношениях, не надо питать никаких иллюзий. Те президентские комиссии, которые были созданы, это тоже шаг в правильном направлении. Но мы не видим результатов деятельности этих комиссий. Я просто не слышал о каких-то успехах, о каких-то договоренностях, которые были достигнуты за этот год. Значит, комиссии эти не работают. Это первый момент.

Второй момент. Возникает вопрос, почему российско-американские отношения развиваются зигзагообразоно? Почему в них нет стабильности, которая есть в американо-китайских отношениях? Американо-китайские отношения чрезвычайно стабильны. Наши же отношения с Америкой развиваются зигзагообразно. Мы последовательно в течение каждого президентского цикла проходим четыре фазы. В начале президентского цикла— эйфория, разговоры о стратегическом союзе между Америкой и Россией, завышенные ожидания, это первая фаза. Вторая фаза — разочарование. Когда становится ясно, что ожидания были завышены, наступает разочарование. Третья фаза — охлаждение, это происходит где-то в середине президентского цикла. И последняя фаза — это если не холодная война, то холодный мир. Затем все повторяется.

Это мы наблюдали в периоды правления и Горбачева, и Бориса Николаевича Ельцина, и Владимира Владимировича Путина. И вот сейчас, в период президентства Дмитрия Медведева, мы видим, что прошли фазу эйфории и сейчас неуклонно движемся к разочарованию, за которым последует охлаждение. Вот заколдованный круг российско-американских отношений, он, к сожалению, повторяется снова и снова.

В чем здесь причина? Я глубоко убежден, что причина состоит в том, что у российско-американских отношений просто нет должного

экономического фундамента. Такой фундамент существует у американо-китайских отношений. Мы прекрасно знаем, что в Китае работают сотни миллиардов американских инвестиций. Наш же торговый оборот с Соединенными Штатами составляет не больше 10 млрд. долларов, а в ходе кризиса он, по-моему, снизился до 6 миллиардов. Это, конечно, не соответствует ни потенциалу американской экономики, ни потенциалу нашей экономики. Вот о чем прежде всего нужно думать, наполнять российско-американские отношения экономическим содержанием. Тогда мы выйдем из этого порочного круга повторения циклов: от эйфории до холодной войны. Это второй момент.

Третий момент. Понятно, что стратегического союза между нашими странами быть не может, и ставить такую задачу перед нашими дипломатами просто некорректно, недальновидно и даже контрпродуктивно. Могут ли быть отношения равноправного партнерства? По всей вероятности, отношений реального равноправного партнерства быть не может. Конечно, американцы подпишут любые политические декларации, в которых будет провозглашено равноправное партнерство и даже союз. Но в реальности отношений равноправного партнерства быть не может, поскольку мы находимся в разных весовых категориях. Возможно лишь асимметричное взаимодействие в тех сферах, где наши национальные интересы совпадают.

Чтобы проиллюстрировать разницу весовых категорий, приведу некоторые цифры. Очевидно, что американские позиции в мире в последнее время несколько ослабли, но это не означает, что американцы находятся в стратегическом упадке. А вот Россия находится в стратегическом упадке, в состоянии регрессии. Соответственно, американцы могут экспортировать свои ценности за рубеж, а мы не можем создать привлекательную модель развития даже для своих соседей. США являются безусловным лидером мировой экономики. Напомню некоторые цифры. Соединенные Штаты занимают первое место по размерам валового внутреннего продукта, это 14,5 трлн. долларов, или 22 процента мирового валового внутреннего продукта, если считать по паритету покупательной способности. Они занимают третье место в мире по размерам ВВП на душу населения, после Норвегии и Люксембурга. Они занимают второе место в мире по обеспеченности природными ресурсами (кстати говоря, на первом месте — Россия). У них первое место в мире по расходам на науку, на НИОКР. Это 342 млрд. долларов, то есть более 30 процентов мировых расходов на науку. На США приходится 44 процента нобелевских премий в области науки, 29 процентов экономиче-

ски активного населения Соединенных Штатов имеет высшее образование. Расходы на образование составляют 7,7 процента от ВВП. У нас — 1 процент. Расходы на здравоохранение — 14 процентов от ВВП. Они занимают первое место в мире по производительности труда и по всем глобальным индексам конкурентоспособности, третье место в мире — по показателям качества жизни (после двух скандинавских стран), первое место в мире — по объему внешней торговли (это почти 4 трлн. долларов). У них первое место по экспорту высокотехнологичной продукции (40 процентов от мирового вала), первое место в мире по зарубежным инвестициям, по импорту капитала. Стоимость американских активов за рубежом — 17,5 трлн. долларов, а стоимость иностранных активов в США, то есть это зарубежные инвестиции, — более 20 трлн. долларов. 2369 американских ТНК существуют в мире, причем из 100 крупнейших ТНК 25 — американские. Здесь уже говорилось, что половина всех военных расходов мира — американские.

В этих условиях нельзя помышлять не только о стратегическом союзе с Соединенными Штатами, но и о равноправном партнерстве, хотя, подчеркиваю, юридически равноправие будет, конечно, декларировано.

Теперь о том, как американцы выходят из кризиса. Не следует думать, что кризис серьезно ослабляет позиции Соединенных Штатов. На укрепление доллара они уже потратили 1 трлн. долларов. Нельзя даже предполагать, что, например, Китай когда-нибудь сравняется с Соединенными Штатами по политическому, военному влиянию и даже по экономической мощи. Никогда большой ВВП Китая не сравнится с ВВП США по качеству.

Американцы в ходе кризиса сделали ставку на новое международное разделение труда. Это три локомотива новой экономики: наука, образование и здравоохранение. В Китае ничего похожего на американскую науку, образование и здравоохранение нет и в ближайшее время не предвидится. Китайская наука — это наука второго эшелона. Она отстает пока даже от российской науки. А без фундаментальных знаний инновации невозможны. Соответственно, инновационный тип развития Китаю не грозит. Американцы же являются бесспорным лидером в области инновационного развития. Китай даже близко не может подойти к США по уровню производительности труда и по отдаче. Даже у Японии, кстати говоря, эти показатели значительно ниже, чем у США.

Главный критерий — это интенсивная или экстенсивная экономика. Этот критерий определяет лидерство США в мире и будет определять его как минимум еще лет 50. Китай — это всего лишь сборочный цех США, который создает имитационную экономику. Она не содержит в себе элементов нового технологического уклада. Китай никогда не догонит США.

Какой вывод напрашивается в связи с этим для нашей внешней политики? Нельзя и помышлять о стратегическом союзе. Надо прекрасно понимать, что с американцами единственный возможный вариант — это асимметричное взаимодействие в тех сферах, где наши интересы совпадают. Я насчитал шесть таких сфер, хотя, наверное, можно насчитать и больше.

Первая сфера — это стабилизация мирового порядка. Хотя есть точка зрения, что американцы проводят политику управляемого хаоса и, соответственно, заинтересованы в дестабилизации, скажем, Центральной Азии и так далее. Но я убежден, что именно эта сфера является той приоритетной сферой, где наши интересы совпадают.

Вторая сфера — это противодействие новым вызовам и угрозам. Я не буду это расшифровывать.

Третья сфера — это сдерживание других центров силы, включая Китай.

Четвертая сфера — это комплекс проблем международной безопасности, включая региональные конфликты.

Пятая сфера — это контроль над диффузией военной силы в широком понимании, не только нераспространение ядерного оружия, но и ограничение обычных вооружений.

Шестая сфера — это энергетическая безопасность.

Это главные сферы, где нам следует работать. Кстати говоря, по этим сферам созданы подкомиссии в рамках большой российско-американской президентской комиссии, но, как я уже сказал, они не работают.

И последнее, что я хочу сказать. Российско-американские отношения, как, впрочем, раньше советско-американские, к сожалению, определялись и определяются в основном негативной повесткой дня. Это вопросы международной безопасности, разоружения, нераспространения и так далее. Все это очень важно, но это негативная повестка дня. Нужна новая, позитивная повестка дня.

А как она может быть построена? Это в первую очередь крупные двусторонние экономические проекты, то есть экономическое сотрудничество. Но это сотрудничество сдерживается в первую очередь нынешним состоянием экономики России. Поэтому дать импульс эконо-

мическому сотрудничеству — это прежде всего наша основная внутренняя задача, проблема нашей внутренней политики. Американские инвестиции никогда не пойдут в Россию, если в России будет сохраняться лишь подобие рыночной экономики, я уже не говорю об экономике инновационного типа, которую в ближайшее время нам, к сожалению, не удается создать.

А.А. Аслаханов. Да, радоваться нечему. Очень интересная информация. Ситуация, действительно, безрадостная. Американцы умеют организовать дело, прагматичны, всегда ищут новое и поддерживают новаторов. У них на науку, образование огромные деньги выделяются, в каждом институте есть центры, где студенты активно трудятся над разработкой и освоением нанотехнологий. В этой области вторыми идут японцы, третьими — китайцы. В перспективе мы имеем шансы войти в пятерку. Но сейчас по всем параметрам они нас обгоняют и считают, что мы не можем претендовать на равное партнерство.

Спасибо, Вы сказали много нового, сделали интересный анализ.

Переходим к вопросам.

Пожалуйста.

В.З. Дворкин. Я благодарен Сергею Кортунову за столь яркое, реалистичное выступление. Вопрос у меня такой. Экономическое сотрудничество и политическое очень тесно завязаны. Я согласен, что нет основы экономических взаимоотношений. Но смотрите, что сейчас получилось. Завязли соглашения в ядерной сфере, которая миллиардами долларов оперирует с двух сторон...

Только что сенаторы сказали: нет, это нам не годится. Они могли бы промолчать 90 дней, и соглашение вступило бы в силу. Нет, говорят, это не годится, потому что Россия сотрудничает с Ираном, поставляет вооружение. Чистая "завязка" политики и экономики. Как тут быть? Очень яркий образ заколдованного круга, но, может быть, все-таки можно как-то из него выйти. Вот сейчас мы поссорились с Ираном. Ахмадинежад уже вовсю ругает Россию за то, что мы поддержали резолюцию о санкциях. Но тут что-то налаживается — послали своих специалистов в Южную Корею для того, чтобы разобраться, действительно ли торпеда кимчеыровская, хотя по всем данным кимчеыровская. Может быть, все-таки есть надежда на то, что не настолько исторически зациклено все это?

С.К. Ознобищев. Я тоже благодарен Сергею Вадимовичу Кортунову. Мне кажется, что образ зацикленного круга все-таки внушает надежду. Это как заводить мотоцикл: каждый раз мы пытаемся завести этот мотоцикл, он потарахтит, проедет и останавливается. Но внушает на-

дежду то, что мы каждый раз снова пытаемся это делать. Расходимся, потом снова сходимся. Это говорит о том, что на самом деле в политических классах есть понимание того, что друг без друга мы не можем. Америке вроде как это не нужно, однако они идут на эти переговоры. Значит, не хотят они жить в условиях ничем не регламентированной гонки вооружений даже с таким слабым, условным противником, как Россия. Это нас объединяет. Накоплены горы оружия, и Соединенные Штаты прекрасно понимают, что без России они не способны эффективно бороться с терроризмом, бороться против других глобальных угроз, решать проблему нераспространения. Критикуют нас за нашу позицию в отношении Ирана. Нам не нравятся их действия в Ираке, и многим не нравятся. Но все понимают, что надо как-то коррелировать свои действия. Россия является все-таки мировым центром, а это предполагает, что без корреляции решений мирового уровня с Россией невозможна их эффективная реализация на мировой арене. Вот это понимание в Вашингтоне есть, оно не всегда четкое, но оно есть. Именно поэтому мы будем снова мотоцикл заводить, уже когда придет следующий Президент.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

А.Г. Коваленко. Сергей Вадимович, это действительно потрясающее сообщение. То что обсуждалось где-то в кулуарах, высказано открыто, понятно. Но встает вопрос: а что же делать? А где же наше место?

Я согласен с тем, что таким импульсом к движению вперед могут стать экономические отношения. Ну, Сергей Вадимович, всем известно, кем управляется финансовая система мира. Мы помним прогнозы относительно кризиса, о том, что он должен был быть в прошлом году. Кто его оттянул? Никто не хочет признать, что есть определенные неэкономические, нефинансовые рычаги регулирования, которые используются Соединенными Штатами Америки и всей мировой системой. И вопрос ведь в чем? Все экономические проекты будут рассматриваться с точки зрения того, выгодны они Соединенным Штатам или нет, и условия, наверное, будут диктовать они. И что мы можем сделать? Те же инновации во многих случаях базируются на каких-то идеях, разработанных в Соединенных Штатах нашими же учеными. Некоторые политики предлагали создать какой-то экономический и финансовый союз для баланса вот этой имеющейся финансовой системы. Насколько эти идеи могут быть продуктивны?

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Алексей Борисович.

А.Б. Подцероб. Мы прослушали действительно великолепный доклад, и я полностью согласен с его основными положениями.

Когда я думаю о прошлом, то удивляюсь не тому, что мы не выдержали соперничества с Соединенными Штатами, а тому, что мы столько десятилетий сумели продержаться.

Что касается сегодняшней ситуации, то она абсолютно ясна. И ясно, что равноправного партнерства между нами быть не может, это обусловлено объективными факторами.

Но можно ведь схему наших отношений с американцами рассматривать и в другом ключе, в плане обычных правил геополитической игры, игры наций, которая всегда строится по схеме "сотрудничество — друг соперничества". Что я имею в виду? В наших отношениях с американцами присутствовали, присутствуют и будут присутствовать три аспекта.

Первый — это когда наши интересы в какой-то сфере не совпадают и мы вынуждены соперничать (та же проблема ПРО, например) или противодействовать американцам.

Второй — это когда наши интересы совпадают (скажем, по Ближнему Востоку) и мы сотрудничаем в решении какой-то проблемы.

И третий — это когда для нас не имеет значения то, что делают американцы. Возьмем для примера какую-то гипотетическую ситуацию — например, политику Соединенных Штатов в отношении Коста-Рики.

А если взять проблему международной безопасности, в том числе региональные конфликты, то ведь в этом отношении мы с американцами сотрудничаем, и сотрудничаем достаточно эффективно. Ирак был исключением, но сейчас мы начинаем совершенно явно переходить к взаимодействию и на иракском направлении.

Есть ближневосточное урегулирование, по которому мы взаимодействуем. Да, разница в точках зрения всегда остается, но общий-то вектор взаимодействия... Есть Афганистан, есть Судан (я беру только мусульманский мир). Не кажется ли Вам, что такая точка зрения тоже имеет право на существование и что при оценке наших отношений с Соединенными Штатами нужно исходить и из этой схемы: "сотрудничество — друг соперничества", поскольку эта схема продолжает работать, кто бы ни приходил к власти и какие бы ни были у нас надежды на того или иного президента?

В.М. Соловьев. Михаил Геннадьевич Денисов.

М.Г. Денисов. Сергей Вадимович многие годы наблюдает за полетом "американского орла" и его мнение очень весомо, его нужно философски осмысливать.

Вопрос у меня такой. Совсем недавно весь мир трясло, как в лихорадке, от политики Буша, его команды, от бесконечной "игры мус-

кулами", от бряцания оружием. Обаме сразу дали Нобелевскую премию мира, мне кажется, потому, что мир был настолько счастлив, когда избавился от Буша, что Обаме и трех премий мира было бы мало. Уже в ходе избирательной кампании представители Демократической партии начали набирать очки, сначала Хиллари Клинтон, а затем Барак Обама.

Нет ли на республиканском фланге попыток реставрации того, что было при Буше? Как Вы считаете, Обама будет переизбран? И нет ли на республиканском фланге новых фигур, которые могли бы изменить достаточно взвешенный демократический курс на более агрессивный?

А.А. Аслаханов. Есть еще вопросы? Пожалуйста.

П.Г. Белов. Я признателен Сергею Вадимовичу за его доклад, но вместе с тем хотел бы упрекнуть его в излишнем "диком материализме" и в некоей непоследовательности, которая, в общем-то, формирует чувство безысходности. Я понял, что Сергей Вадимович уже смирился с тем, что наши "успехи" во внутренней и внешней политике обусловлены в том числе отсутствием сколько-нибудь серьезного концептуально-методологического и научного обеспечения как в сфере национальной безопасности, так и в международной политике.

Не могли бы Вы сказать, действительно ли наш МИД — единственный МИД в мире, который не имеет своей научной организации, равно как и Совет Безопасности. Российская академия наук также не имеет с своей системе института, который комплексно занимался бы проблемами обеспечения национальной безопасности, а имеющийся Центр исследования проблем безопасности РАН состоит из двух сотрудников. Различные сферы безопасности рассматриваются соответствующими институтами, а системно никто этим не занимается.

А.А. Аслаханов. Сергей Вадимович, Вам "набросали" вопросов...

С.В. Кортунов. Да, огромное спасибо за вопросы. Значит, мой доклад действительно вызвал интерес. И сама тема, конечно, вечная и вечно новая, поэтому правильно, что как минимум раз в год мы эту тему обсуждаем, поскольку появляются все-таки новые нюансы.

Был вопрос: "Есть ли надежда на преодоление цикличности наших отношений?" Надежда, конечно, всегда есть, особенно в начале цикла, в стадии эйфории.

Но при прохождении этого цикла, мне кажется, мы несколько дольше задержались в стадии хороших отношений, чем это было раньше. Скажем, в президентском цикле Буша этот период был короче. Поэтому есть надежда, что период потепления отношений будет удлиняться с каждым циклом и мы все-таки не будем доводить дело до фар-

совой холодной войны, как это произошло в 2006 году. Известная речь Президента Путина в Мюнхене — это был пик охлаждения наших отношений.

Вообще должен сказать, что стоит в стратегическом плане посмотреть и проанализировать, кто для нас является лучшим президентом — Буш или Обама. Буша я назвал бы четырежды Героем Российской Федерации, поскольку Буш сделал четыре важные вещи: он поссорился с Западной Европой, установил достаточно прохладные отношения с Китаем, поссорился с исламским миром и поднял цены на нефть. Все эти шаги были выгодны России. Поэтому Буш — это четырежды Герой Российской Федерации.

Из зала. Война в Ираке.

С.В. Кортунов. Война в Ираке, война в Афганистане, где американцы делают нашу работу. Впервые в истории вообще и в отечественной истории не русский солдат используется для решения чужих проблем, а американский солдат. И чем дольше они в Афганистане будут сидеть, тем лучше. Чем дольше они будут в Ираке сидеть, тем лучше.

А вот если Обама действительно выведет войска из Ирака, а затем и из Афганистана, тогда нам мало не покажется. А самое главное Обама сейчас замиряется с мировым исламом, в том числе с радикальной его частью. Для чего это нужно? Это прекрасно пояснил Бжезинский, который является советником Обамы. Кто-то считает, что Бжезинский — это отставной козы барабанщик, но это не так. Бжезинский по-прежнему влияет на принятие решений. И именно он определил, что цель Соединенных Штатов — установить партнерские отношения с мировым исламом. Для чего? Это понятно — для противостояния другим геополитическим центрам силы, в том числе России. Бжезинский также заявил, что ради ислама Соединенные Штаты должны пожертвовать Израилем.

Из зала. Он сказал, что будут сбивать израильские самолеты, если они полетят на Иран.

С.В. Кортунов. Да, вот та "морковка", которую американцы могут предложить исламу, в том числе его радикальной части. Поэтому если рассуждать в стратегическом плане, то следует отметить, что при демократах возникли достаточно опасные тенденции, и надо еще подумать, кто же для нас лучше.

Можно ли ожидать возвращения республиканцев? Безусловно. Ведь успехов у Обамы ни во внутренней, ни во внешней политике нет, кроме нового договора по СНВ. В ноябре предстоят промежуточные выборы в Конгресс. Совершенно очевидно, что демократы их проиграют. Ну, не

проиграют, но в Конгрессе их будет меньше. Сейчас в Конгрессе из 100 сенаторов 58 демократов, и этого недостаточно для ратификации нового договора, это не квалифицированное большинство. А если Обама не пролоббирует этот договор в ближайшее время и дотянет до промежуточных выборов, тогда на договоре можно будет поставить крест (не сомневаюсь, что наш парламент ратифицирует этот договор). И коль скоро позиции Обамы стремительно ослабляются, во внутренней и внешней политике успехов нет, то, скорее всего, его ждет поражение в 2012 году. Поэтому республиканцы вернутся, но это не значит, что наши отношения ухудшатся. Вообще с республиканцами мы всегда договаривались по большему числу вопросов, в том числе по разоружению, чем с демократами. Поэтому я убежденный сторонник республиканцев, и я болел за Маккейна, как это ни странно. А при Обаме проявляются достаточно неприятные и опасные аспекты американской внешней политики, которые надо учитывать.

Что касается Ирана, то действительно есть позитивные сдвиги. Наша позиция по Ирану, я считаю, крайне непоследовательна и не отвечает нашим национальным интересам, во всяком случае так было до последних дней. И это имеет прямой выход на российско-американские отношения. У меня всегда складывалось ощущение, что Иран нам нужен просто для "распальцовки" с американцами, и больше ни для чего. Это некий козырь, джокер. Поэтому на всех этапах мы упираемся в эту проблему.

Хотел бы поддержать идею о том, что сотрудничество — друг соперничества. Совершенно ясно, что мы никогда не будем союзниками, мы по объективным причинам будем соперничать, просто по законам геополитики мы будем соперничать на постсоветском пространстве. И здесь большое значение имеет потенциал "мягкой силы", о чем писали американцы. Мы, конечно, чудовищно проигрываем американцам по потенциалу "мягкой силы". Я не буду расшифровывать эту мысль, но это совершенно очевидно. Даже на постсоветском пространстве мы проигрываем американцам по потенциалу и эффективному применению "мягкой силы". А нарастить потенциал "мягкой силы" можно только одним способом — создать привлекательную модель развития, другого способа нет. Если мы создадим такую модель, то получим возможность экспортировать эту модель за рубеж, что и делают американцы в отношении своей модели. Не нужно думать, что в ходе кризиса они потеряли потенциал "мягкой силы". Ничего подобного.

И последний вопрос — о роли США в мировой финансовой архитектуре. Да, эта роль является определяющей, ключевой.

Я не могу себе представить, что в ближайшие 50 лет кто-нибудь начнет эмитировать другую мировую резервную валюту, а не доллар США. Через Вашингтон и Нью-Йорк ежедневно проходит примерно 5 трлн. долларов по различным сделкам, а на долю Москвы в мировом обороте финансовых средств приходится меньше процента (0,3 процента). О каком мировом финансовом центре в Москве может идти речь? Кому этот центр нужен? Ясно, что единственное место, где этот центр может быть создан, это Пекин, но китайцы делают все, чтобы он там не возник.

Поэтому американцы будут по-прежнему эмитировать доллар, и доллар останется мировой резервной валютой в ближайшие 50 лет. А их позиции эмитента мировой резервной валюты подкрепляются их военной машиной. Известно, что американский военно-морской флот сильнее, чем следующие за ним по боевой мощи 13 флотов других стран вместе взятые. Вот позиции мирового эмитента. При этом 11 флотов из этих 13 являются флотами союзников Соединенных Штатов. Положение дел в мире именно такое.

Поэтому мы по-прежнему будем сотрудничать с американцами, мы как бы обречены на взаимодействие с ними по ключевым вопросам, в первую очередь в сфере международной безопасности. Но и элемент соперничества, наверное, нельзя исключать, в особенности если Россия снова станет сильной и создаст привлекательную модель развития, что позволит ей экспортировать эту модель по крайней мере в соседние страны.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.И. Алдонясов. Содержание той информации, которую нам представил докладчик, можно было бы охарактеризовать как пессимистический прагматизм. Этот пессимизм опирается на огромный массив информации, которой владеет Сергей Владимирович Кортунов, ведущий специалист в области российско-американских отношений.

Фактически мы обречены быть такой квазибанановой республикой.

То есть Соединенные Штаты Америки — это абсолютный лидер. Причем на какой период? На весь XXI век, на XXII век, до Второго пришествия Иисуса Христа, так сказать, до скончания света? Мне кажется такой вывод не совсем адекватен идущим в мире сложным политическим и геополитическим процессам.

История знает по крайней мере три периода любой могучей имперской системы, потому что империи были самые крупные системы. Я в свое время написал книгу "Император всея земли, или За кулисами нового мирового порядка". Там я затрагиваю некоторые аспекты

этой темы, но в основном она была посвящена Бушу. То, что сейчас делает Обама, это фактически продолжение той политики, которая базируется на стратегии национальной безопасности (текст стратегии я перевел и дал в приложении к этой книге, где расписана стратегия XXI века).

То, что сказал Сергей Владимирович Кортунов, это в какой-то мере "озвучка" американской стратегии. Суть ее очень проста. В XXI веке ни одна страна в мире не будет представлять угрозу для лидерства Соединенных Штатов Америки. Причем это лидерство очень подробно расписано по всем блокам: это либерализм, демократия, рыночная экономика, инструменты управления всеми процессами в мире, военный блок, экономический блок, финансовый блок, информационный блок, культурологический блок и так далее. То есть Соединенные Штаты Америки — это абсолютный диктатор глобализма. И все это пронизывается идеей монополярного мира. Но дело в том, что в последнее время идея однополярного мира отвергнута. Господствует модель многополярного мира, и появление этой многополярной конструкции уже ставит под сомнение амбициозные планы американцев — осуществлять свою политику абсолютного лидерства, потому что она органично связана с идеей монополярного мира.

Если мы поддадимся этой абсолютистской идее американского лидерства, тогда нам действительно делать нечего и мы должны смириться. Россия, защищая свои интересы, воевала с Западом, Югом, Востоком и так далее. Вся история России — это история борьбы. Это наша историческая сущность. И если мы сами сделаем, так сказать, обрезание политической воли, то есть встанем на путь пессимистичного прагматизма — мы слабые, нам не надо рыпаться, — тогда это одна политика.

Если мы поставим традиционные исторические российские планки гораздо выше, а об этом заявляют и Кремль, и наше Правительство, если у страны есть свои амбиции, то тогда это будет совершенно другая политика. И наша задача — разобраться, так ли силен враг, о котором нам сегодня подробно рассказали.

Надо найти уязвимые места у США и их союзников и детальнейшим образом проанализировать, как пробить там бреши. Потому что любая система не вечна, тем более геополитическая, политологическая или социологическая, у каждой системы есть слабые места. Наша задача — не воспевать сильные стороны противника, а изучать его слабые места и там наносить удары. Поэтому предлагаю посвятить одно из заседаний анализу слабых мест нашего друга-противника — мы ведь уже как бы не

враги, у нас нет идеологического противостояния, мы с ними как бы в одном лагере.

На самом-то деле все не так. Бешеными темпами идет гонка вооружений, и нас опять втягивают в нее. Этот хитрый прием является продолжением холодной войны номер один, а я неоднократно говорил, что нас втягивают в холодную войну номер два. Но стыдно дважды наступать на одни и те же грабли, потому что один раз мы проиграли и потеряли все: идеологию, систему управления, науку, образование, нравственность — из-за того, что пошли по пути, который нам навязали. Это был план Даллеса. То есть холодная война была долговременным уничтожением мощи России. Сейчас мы пытаемся как бы играть с ними, но это же игра кошки с мышкой. Здесь совершенно новые стратегии нужны. Может быть, в более закрытой форме обсуждать такие стратегии, потому что ту открытость, которую нам навязали, противник использует в своих интересах. Найти слабые места у противника — это стратегическая задача. Сдаваться нам, я считаю, пока еще рано. Мы не такой народ, чтобы сдаваться. Еще повоюем.

5.3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЛИЯНИЕ: НОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ

(Из стенограммы заседания от 28 мая 2010 года)

А.А. Аслаханов. Третий вопрос нашей повестки дня — "Международное влияние: новые центры силы". Докладывает Максим Витальевич Фомин.

М.В. Фомин. Уважаемые коллеги! Я понимаю, что вы устали, поэтому скажу, как сказал английский король Генрих VIII своей шестой жене: я вас надолго не задержу.

Сначала вводные слайды. Население Земли. Джон Тантон в свое время сделал блестящий доклад по изменению динамики населения Земли и во многом предопределил эту динамику. К 2019—2020 годам население Земли увеличится почти на 2 миллиарда, 8 миллиардов людей будут жить на планете.

Этот слайд был в свое время сделан "Рэнд Корпорейшн" для конференции "Всемирные демографические тенденции".

Выявлено несколько демографических тенденций. Это возрастные проблемы Северной Америки, Европы, Японии, проблемы окружающей среды, вопросы здоровья населения, рост мегагородов (15-миллионник — это уже небольшой город по сравнению с мегагородами), проблемы миграции части молодого населения, скажем так, не совсем развитых территорий (Латинская Америка, Африка и Ближний Восток).

Карта голода. По оценкам ФАО ООН, примерно 1 миллиард человек живет на 1 доллар в день, это, конечно, чрезвычайно много. Но, по оценкам того же ФАО ООН, к 2020 году 2 миллиарда человек будут жить на 1 доллар в день, а это уже четверть населения мира, и эти люди живут в самых проблемных точках мира — это Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка.

Вода как источник конфликтов — следующая глобальная проблема. Красным обозначены те территории, в которых эти конфликты уже имеются, а желтым — это бассейны рисков: Латинская Америка, Африка. Всего 10—15 африканских стран полностью решают проблему водообеспечения своего населения. Это и проблема Оби, которая в перспективе ждет нас из-за загрязнения ее значительной части и нерешенных проблем с очисткой сточных вод.

Все эти проблемы способствуют социальной нестабильности, которая, в свою очередь, подрывает политическую безопасность тех или иных стран.

Представлена карта рисков. "Контрл-риск-групп", одна из ведущих компаний мира, неправительственная организация, ежегодно обновляет свою карту рисков, в частности на форуме в Давосе они представляли следующие основные риски.

Это обвал цен на активы, бюджетный кризис, замедление развития экономики Китая, хронические болезни, пробелы в международном управлении, это ООН. ООН — во многом неработающая организация, которая не способствует урегулированию проблем, которая не то чтобы стоит в стороне от проблем, но которую игнорируют.

Карта вооруженных конфликтов. Лондонский институт стратегических исследований ежегодно обновляет эту карту. По сравнению с прошлым годом карты конфликтов изменились, в основном конфликты идут в таких зонах: пояс экватора, пояс основных ресурсных территорий мира и смещаются в сторону Индийского океана.

Отсюда индекс государственности. В свое время МГИМО сделал политический атлас современности под редакцией профессора Мельвеля, индекс государственности трактуется как индекс субъектности, принятия решений, суверенности тех или иных государств.

Я отметил эти карты в качестве понятийной базы доклада. Полисубъектная мировая среда постоянно изменяется. Субъектный игрок — в некоторых интерпретациях, актах международных отношений его способности адекватны внутренней и внешней рефлексии, способности к целеполаганию, целедостижению. Бессубъектный игрок — игрок, утративший качества субъекта. И, соответственно, конфликт — это уже столкновение тех или иных жизненных установок, крайний способ взаимодействия вышеозначенных игроков.

Кроме того, в докладе будет упоминаться геоэкономическая структура, которая определяется экономическим весом субъектов международных отношений, полюс глобальный, региональный — это субъект в геоэкономическом пространстве, отличающийся от других субъектов превосходством своей экономической мощи в два раза и более, так называемый закон полюса в трактовке профессора Аршина.

Геостратегическая структура определяется уже не через полюса, а через категорию силы, формирующей центры силы.

И, наконец, центры силы — это субъекты, имеющие возможность подчинить деятельность других субъектов собственным национальным интересам, в зависимости от сферы распространения могут быть локальными, региональными, глобальными. Типы центра силы: экономический, политический или военно-стратегический.

На самом деле в настоящее время уже достаточно тяжело выделить тот или иной тип силы, потому что центр силы определяется комплексно, и его воздействие на соседей, на акторов международных отношений также комплексно.

Есть индекс потенциала международного влияния, просчитанный в свое время. Вот его структура: доля в мировом ВВП, в мировом экспорте, финансировании ООН, уставный капитал МВФ, членство в Парижском клубе, постоянное членство в ООН, расходы на оборону, ядерное оружие, авиация четвертого поколения и выше, численность регулярной армии, население в процентах от общемирового, нобелевские премии и постоянное размещение за рубежом военных контингентов.

Да, этот индекс отражает степень влияния, и тут на первом месте США. Но для расчета центра силы, думаю, не совсем правильно будет его использовать, так как мировой порядок значительно изменился с 2008 года, с начала кризиса. Мы пришли к такой структуре расчета индекса силы. Это доля в мировом ВВП, доля в мировом экспорте, золотовалютные резервы, бюджетный дефицит, военный потенциал, наличие или разработка средств доставки ЕБП и противоракетной обороны. Наличие авиации четвертого поколения и выше, развитие научных и внедренческих центров, ядерные и альтернативные энергетические разработки, численность населения, продовольственная безопасность и обеспеченность водой. В плане разработки индекса центров силы такая структура, на наш взгляд, наиболее объективно определяла бы центры силы.

Существуют так называемые новые и старые центры силы, я специально выделил пока США, страны БРИК и Японию. Почему эти страны? Эти страны, помимо того что обладают значительным международным влиянием, золотовалютными резервами, армиями, продолжают укреплять свой внешнеполитический потенциал.

Что имеется в виду? Превращение субъекта полюса в центр силы предполагает у него наличие внешнеполитического потенциала, объем которого должен превосходить внешнеполитический потенциал как минимум в четыре раза, то есть отношения определяют закон центра силы. То есть в случае если у вас это соотношение присутствует, ваша мощь трансформируется в центр силы.

В свою очередь, отмечается определенное превращение в центр силы Великобритании, Турции, возникают и некоторые региональные центры силы, например, в Африке — ЮАР и Нигерия, можно отметить появление линейки центра силы — Египет, достаточно мощный рывок Индонезии, значительный рывок Канады и Венесуэлы. Кроме того,

также отмечается приращение с точки зрения центра силы Ирана и Аргентины.

Некоторые промежуточные выводы. В современном мире уровень субъектности обратно пропорционален уровню угроз и прямо пропорционален качеству жизни. Международное влияние непосредственно связано с уровнем субъектности или суверенности. И самое серьезное препятствие на пути обеспечения качества жизни собственного населения — это внешние и внутренние угрозы.

В рамках того или иного сценария изменения миропорядка возможно доминирование некой центровой угрозы, через которую происходит определение того или иного сценария изменения миропорядка. Если мы говорим о циничном сценарии борьбы за ресурсы, то возникновение угроз либо выделение их на мировой арене и, соответственно, возникновение в информационной среде неких "вбросов" происходит в той или иной последовательности. Но, на мой взгляд, в настоящее время происходит формирование нового миропорядка, и это является само по себе действительно самой корневой, главной угрозой человечеству.

В качестве примера — карта однополярного мира. Еще в 1975 году Збигнев Бжезинский в своей программной статье для "Нью-Йорк таймс", а потом в книге "Великая шахматная доска" определил место России в мире как "большое черное пространство", "черная дыра". Нельзя сказать, что мы там находились достаточно долго, но в то же время нельзя сказать, что мы там не находились. Вспомните 1990-е годы, когда потеря значительного внешнеполитического потенциала и потеря значения центра силы если не завели нас в "черную дыру", черное пространство, то вплотную подвинули к ней.

Рассмотрим сценарий в рамках "большой двойки" — G-2.

Совокупный бюджетный дефицит США в ближайшие 10 лет составит примерно 9 трлн. долларов. В то же время государственный долг США уже к 2013 году вырастет до 75 процентов ВВП. В это же время в Китае золотовалютные запасы составляют больше 2 триллионов и начинают подбираться к 2,5 трлн. долларов. Объем вложений в государственные ценные бумаги балансирует на грани 700 миллиардов (зависит от необходимых золотовалютных операций). В это время в США происходит рост сбережений населения, сопровождаемый падением потребления. В Китае — государственное стимулирование внутреннего спроса и рост потребления.

Можно ли говорить о такой конструкции в принципе? На наш взгляд, нет. Почему? Потому, что роль Китая как всемирного цеха уже больше его не удовлетворяет. В последнем заявлении КПК было сказа-

но, что Китай идет в сторону развития научно-внедренческих центров, развития технологий и сбалансированной цепочки — от фундаментальной науки до производства готовых изделий с высоким процентом добавленной стоимости. Это говорит о том, что Китай кардинально меняет свою стратегию с точки зрения развития производительных сил.

Таким образом, различного рода спекуляции (если помните, в прошлом году появлялись такие наименования, как G-4 (Китай, Америка, Евросоюз и Япония) или новая G-8), на наш взгляд, не совсем состоятельны. Почему? По той простой причине, что в 1960-х годах была разработана теория оптимальных валютных зон будущим нобелевским лауреатом Робертом Манделлом.

Она говорит о том, что одним из критериев введения единой валюты, основой союза разных стран должен быть схожий характер бизнес-циклов в этих странах. Можно ли говорить, что характер бизнес-циклов в США и Китае одинаков? Нет. Если одна страна будет находиться в состоянии рецессии, а другая будет в этот момент расти, то общая денежная политика приведет либо к усугублению рецессии в одной стране, либо к ускорению инфляции в другой. А кризис показал: Еврозона теперь включает экономически очень разные страны, что стало не абстрактной, а вполне конкретной проблемой.

Перед нами фактически еще одно проявление того, что можно назвать политической трилеммой мировой экономики: экономическая глобализация, демократия и существование национальных государств несовместимы. Одновременно могут существовать только два пункта из трех, то есть демократия великолепно уживается с национальным суверенитетом, если исключить глобализацию. Если мы стремимся к глобализации, сохраняя национальное государство, мы должны избавиться от демократии. Если же мы желаем демократию наряду с глобализацией, придется отказаться от национального государства и прийти к наднациональному управлению.

В качестве примера — всемирные демографические тенденции. К 2020 году в значительной части развитых стран свыше 15 процентов населения будет старше 65 лет. Это влечет за собой что? Падение производительности труда, выплаты по социальным обязательствам и значительное изменение социальной политики. Если мы говорим о Китае, то введение каких-то социальных обязательств пока там не планируется. Индия говорит об изменении социальной политики очень осторожно, поскольку понимает, что исполнять их в полном объеме она просто не сможет.

Далее — усиление концентрации: капитал — производство — потребление. Слайд называется "Безответственность крупнейших компаний мира". Почему? Сейчас объясню. Долгое время интересы капитализации любой компании, корпорации превалировали над показателями производительности труда, устойчивости производства и объема дивидендов — фундаментальными экономическими показателями. Более того, капитализация ставилась во главу угла, по ней оценивалась эффективность менеджмента.

Отсюда максимальная концентрация производства в руках нескольких глобальных игроков, невозможность закрытия неэффективных предприятий и готовность включения неэффективных предприятий в крупные холдинги как фактор расширения рынка и снова капитализации. Сразу после окончания кризиса уже звучали голоса о том, что надо снова проводить IPO и снова увеличивать капитализацию.

В качестве примера возьмем проблему продовольственной безопасности. На экране вы видите мировые пшеничные пояса. Основные глобальные центры производства пшеницы сосредоточены в руках десяти так называемых глобальных биржевых сырьевых игроков, среди которых даже не транснациональные корпорации, а транснациональные группы, такие как "Нобле", "Луис Дрейфус", "Карпил" и так далее. А вот это — основные центры потребления. Можно с уверенностью утверждать, что те и другие находятся в одних и тех же руках. То есть происходит фактически "замыкание пространства". Эти компании могут в одно мгновение изменить структуру потребления — либо увеличить, либо уменьшить поставки, либо вообще их прекратить.

Такая же ситуация на товарных рынках сои и масличных культур. На экране показаны основные товарные потоки. То же самое происходит с углем, с черными металлами, с алюминием, цветными металлами. То есть основные сырьевые биржевые товары контролируются небольшим количеством транснациональных групп.

Таким образом, происходит прививание новых стандартов потребления и "замыкание пространства", то есть сосредоточение и единое централизованное управление цепочками производство — логистика — реализация в рамках не корпораций, а именно транснациональных групп, и создание либо дефицита, либо переизбытка сырья, продукции, капитала и рабочих мест.

В качестве примера — глобальный дисбаланс. Он был уже отмечен в свое время в работах Владимира Мау и Сергея Гуриева. Если 100 лет назад движение капитала происходило из центра развитых стран на периферию, то в настоящее время развивающиеся рынки стали центрами

сбережения, а США и другие развитые страны — центрами потребления.

В результате сложился режим, противоположный модели глобализации рубежа XIX—XX веков. И формирование конструкции, которая считалась на протяжении нескольких десятилетий основой устойчивости мирового роста, завершилось финансово-экономическим кризисом.

В качестве примера — рост ВВП в мире. Рост показало незначительное количество стран. Основные значения были отрицательные, рост фактически приходился на страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки (примерно на 2 процента). Хотя в некоторых странах Африки был зафиксирован рост до 8—9 процентов. О чем это говорит? Это говорит о том, что сложилась некая отрицательная зона роста ВВП в мире, в которой наибольшим образом конфигурировался мировой кризис.

В то же время возникла так называемая зеленая зона, в которой отмечался рост. Но нужно понимать, что этот рост сопровождался тем, что там изменялись затраты потребления. Пример. ЦК КПК выпустило постановление о том, что каждому школьнику полается один стакан молока в день. В течение двух недель рухнул мировой рынок молока, потому что Новая Зеландия теперь ориентируется только на Китай. Кстати, мы должны сказать спасибо за это китайцам, у нас поднялось в цене цельное молоко, у нас производители стали продавать молоко по нормальной цене.

То же самое происходит с изменением структуры потребления продуктов питания. Изменение структуры питания — это хорошо, но, с другой стороны, изменяются стандарты потребления. Невозможно купить "мерседес", если ты не в состоянии его обслуживать. Рано или поздно ты расстанешься с "мерседесом" и останешься еще должен банку.

Именно это происходит сейчас в странах зеленой зоны роста. Поэтому при следующей волне кризиса, которая, по некоторым оценкам, ожидается в 2019—2020 годах, "зеленая зона" может трансформироваться в "красную зону". Рост бюджетных дефицитов, рост неплатежей по кредитам, неустойчивость валют приведет к тому, что именно там сконцентрируется новый основной кризисный центр.

Далее. Происходит, к сожалению, инспирирование кризисов, конфликтов и войн. На многих картах многополярного мира отмечается дуга нестабильности.

О чем это говорит? Это говорит о том, что ситуация действительно управляемая и внедряемая.

В качестве примера — особое китайское большое пространство. На ваших экранах так называемый эллипс конфликтов, который находится по периметру Китая.

Есть дуга нестабильности в Африке, которая отделяет большое исламское пространство от экваториальной Африки. Таким образом, на этих примерах показывается, что в случае наступления тех или иных кризисных ситуаций их достаточно легко перевести в разряд конфликтов, в том числе военных.

10 стран самого молодого населения мира. Эти страны находятся в основном в беднейших районах Африки и Латинской Америки. Это основные возможные, по некоторым докладам, будущие страны рекрутирования наемников для боевых действий, потому что это беднейшие страны.

Итак, есть новые и старые центры силы. Можно ли отнести к ним Россию? Да, но только в том случае, если будет происходить наращивание внешнеполитического потенциала, потому что в настоящее время мы, к сожалению, по многим показателям проигрываем.

Например, по некоторым оценкам, потенциальная мощь турецкого флота выше Черноморского флота в три-четыре раза.

Мы здесь уже говорили о британских планах по строительству авианосцев. Это повлечет за собой не только рост экономики, но и изменения в структуре промышленности.

Япония медленно, но верно наращивает свой внешнеполитический потенциал прежде всего через различные внешнеполитические программы, участие в международных организациях и укрепление своей военной мощи. Самое главное — как обеспечить структурную стабильность новой международной системы в условиях, когда обострение конкуренции сопровождается углублением взаимной зависимости.

А.А. Аслаханов. Вопросы к докладчику, пожалуйста.

Из зала. Максим Витальевич, Вы делаете количественные оценки степени конфликтности или степени угроз? Я был на Вашем выступлении в Институте философии. Я задавал этот вопрос. За это время Вы сделали что-нибудь в плане количественных оценок? Потому что перечислять какие-то тенденции надо, но без количественной оценки это как-то "провисает"...

М.В. Фомин. В свое время в одном из докладов была озвучена методология подсчета влияния конфликтных ситуаций на Россию через подсчет индекса. Причем в докладе указывалось, что, возможно, не все озвученные конфликты произойдут, но если произойдут именно те, которые мы отметили через подсчет индекса, то они будут иметь основное

влияние на Россию. Поэтому количественные оценки были сделаны еще тогда.

Сбылись ли прогнозы? К сожалению, да. В своем докладе мы отмечали нестабильность ситуации в Киргизии, в некоторых африканских странах. Это подтвердилось.

А.А. Аслаханов. Максим Витальевич, Вы говорили о проблеме питьевой воды и одновременно о проблеме загрязнения воды. Думаю, это беда не отдельных государств, а многих. Не исключено, что из-за воды будут войны, и это приведет к переделу территорий. Эта проблема остро стоит в государствах Средней Азии — Таджикистане, Туркмении, Узбекистане.

Китай строит гидроэлектростанции и каналы от рек, которые протекают по его территории. Вода этих рек является питьевой водой для Индии и других государств. И проблему загрязнения Оби вы затронули.

М.В. Фомин. Проблему загрязнения Оби эксперты "Рэнда" отмечают в первую очередь. Дело в том, что мы не используем свои же собственные научные разработки по очистке сточных вод и вообще воды. Их используют в основном наши западные коллеги.

"Рэндовцы" при подсчете индекса "водных войн" пришли к выводу, что ситуация настолько кризисная, что там могут возникать различные конфликты.

Что же касается конфликтов, кризисных ситуаций в Средней Азии, то, очевидно, придется мировому сообществу договариваться о некоторых принципах разумности потребления воды, потому что это будет основной ресурс. И уже сейчас многие азиатские страны посматривают на наш Байкал, потому что это такой лакомый кусок.

Поэтому придется этот вопрос, очевидно, выносить на специальную конференцию, если не на саммит, с участием глав государств, чтобы решать эту проблему превентивно.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

С.К. Ознобищев. Очень интересный был доклад. Что Вы можете сказать более или менее конкретное на будущее? Какие опасности угрожают России?

М.В. Фомин. На самом деле все те угрозы, которые угрожают многим странам, прежде всего угрожают и России. Например, снижение численности населения — это общеочевидная ситуация. Понятно, что без высокоэффективной армии и системы управления государством мы не сможем должным образом реагировать на кризисные ситуации и на вызовы.

То, что сейчас с государством происходит, это ситуация переходного периода. Вроде бы хотим реформировать армию, но побаиваемся, хотим изменить систему управления государством, но тоже настороженно к этому относимся. Поэтому вызовы глобальные — это прежде всего те два, которые я уже назвал: будет ли у нас армия адекватная той ситуации, которая ожидает нас уже в среднесрочной перспективе, и будет ли соответствующая система управления государством, способная обеспечить развитие производительных сил, приток в страну необходимых финансовых средств.

И еще один вызов, о котором сейчас много говорят, хотя простому народу он кажется надуманным. Развитие производительных сил должно идти по пути внедрения наукоемких технологий, что сейчас делает Сингапур. Я не говорю, что Россия должна жить, как Сингапур, на патенты. Но рано или поздно страна либо станет потребителем новых технологий и будет платить огромные суммы роялти, либо она пойдет в ногу со всем мировым сообществом.

А.А. Аслаханов. Спасибо за обстоятельный доклад. Мы получили очень важную информацию по интересующим нас проблемам, которая значительно расширила наш кругозор.

6. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 25 ИЮНЯ 2010 ГОДА

6.1. РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОД СОБЫТИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(Из стенограммы заседания от 25 июня 2010 года)

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги, начинаем работу. По теме "Российско-израильские отношения, их влияние на ход событий на Ближнем Востоке" доклад сделает председатель Совета Ассоциации российских дипломатов Погос Семенович Акопов.

П.С. Акопов. Спасибо, Асламбек Ахмедович.

Уважаемый председатель, дорогие коллеги! Все вы понимаете важность и обширность темы "Российско-израильские отношения. Их влияние на ход событий на Ближнем Востоке". Чтобы ее охватить, нужно сделать несколько докладов.

Я изложу свое видение этой проблемы, пытаясь опираться на факты.

Сначала я хотел бы сделать небольшой исторический экскурс. В Палестине еврейская община, хотя и сильно поредевшая после крестовых походов, проживала испокон веков. Худо-бедно евреи и арабы уживались между собой. Конечно, между мусульманским большинством и иудейским меньшинством существовали конфессиональные и бытовые "перегородки" в рамках повседневного общения, но, наверное, в меньшей мере, чем в странах христианской Европы. Во всяком случае, эти перегородки не воспринимались такими жесткими и трудно преодолимыми, какими они представляются сегодня, после более чем 60-летнего отчуждения, войн, религиозной и этнической ненависти. У истоков этого конфликта лежит прежде всего антисемитизм христианской Европы. В XIX веке он вызвал к жизни протестное движение еврейских интеллектуалов, отвергавших дискриминацию евреев в странах их проживания, не принимавших путь решения еврейского вопроса через ассимиляцию и выдвинувших в качестве альтернативы идею создания евреями

собственного государства. Основателем этого движения был австрийский журналист Теодор Герцель. Вместе с группой своих единомышленников он в 1897 году провел съезд в Базеле, на котором была создана Всемирная сионистская организация. Первоначально ее деятельность была сфокусирована на том, чтобы, заручившись поддержкой какой-либо европейской страны, склонить Османскую империю, турецкого султана к предоставлению Палестине — исторической родине евреев — автономии в рамках Османской империи для образования там еврейского национального очага. Однако их обращение к главам и министрам иностранных дел Австрии, Британии, Германии и России не дали результатов, эти страны их не поддержали. Тем не менее на уровне еврейского населения Европы лозунг возвращения в Сион был подхвачен. И с начала XX века начинается эмиграция первых еврейских колонистов в Палестину. Причем в этом потоке пионеров сионистской колонизации Палестины численно доминировали выходцы из Российской империи. Имена их известны, это были отцы-основатели государства Израиль Давид бен Гурион, Хайм Вайсман, Леви Эшкол, Голда Меир, Шимон Перес, Моше Даян, Ионахим Бегин, Шак Шамир и многие другие. Таким явочным порядком еврейское население Палестины начало быстро расти.

Второй важной вехой в истории сионистского движения стала так называемая Декларация Бальфура, которая считается официальным обещанием, данным Англией руководству Всемирной сионистской организации, содействовать созданию в Палестине национального очага для еврейского народа. Оно было оформлено в виде письма тогдашнего министра иностранных дел Бальфура на имя английского банкира Ротшильда. Подоплекой этого считают тот факт, что Англия тогда остро нуждалась в кредитах и после этого письма получила большие кредиты от финансовых домов, принадлежавших тогда евреям.

Следующим шагом стало направление Всемирной сионистской организацией в феврале 1919 года в адрес Верховного совета Антанты, проводившего Парижскую мирную конференцию, меморандума, в котором были расшифрованы географические рамки национального очага еврейского народа. Помимо собственно Палестины в эти рамки входили вся долина реки Иордан, Голанские высоты, Южный Ливан до реки Литании, часть Синайского полуострова до линии Эль-Риш и Акаба. Очерченная территория "Земли Израилевой" стала затем программой территориальных притязаний государства Израиль, причиной не прекращающихся до сих пор войн между евреями и арабами. Объективно практическая реализация целей сионистского движения ставила под

удар интересы проживавших в Палестине арабов, будь то мусульмане или христиане. По существу, конфликт между коренным населением и эмигрантами был уже запрограммирован.

В апреле 1920 года на конференции в Сан-Ремо Верховный совет Антанты предоставил Англии мандат на управление Палестиной, который был затем утвержден вновь созданной Лигой Наций. Со вступлением мандата в силу англичане приступили к выполнению обещания, зафиксированного в Декларации Бальфура, с их помощью темпы еврейской эмиграции в Палестину резко возросли. Только за период с 1919 по 1932 год в страну въехало около 120 тысяч евреев (в основном из Европы). Палестинские арабы пытались протестовать против Декларации Бальфура, против сионистского проекта как такового и против практики насильственного сгона арабов с их земель. История Палестины с 1920 по 1947 год — это цепь непрерывных демонстраций, забастовок, восстаний и других акций. Восстания, однако, решительно подавлялись английскими войсками, а также военизированными организациями еврейских поселений. К 1930 году Англия была вынуждена констатировать, что масштабы еврейской эмиграции не соответствуют экономическим возможностям Палестины. Англия попыталась несколько дистанцироваться от сионистского движения и приняла решение о введении квоты на еврейскую эмиграцию. Наложила, так сказать, ограничение на скупку сионистскими фондами земель в некоторых зонах Палестины.

Новая линия Лондона вызвала в сионистском движении острое недовольство, переросшее после Второй мировой войны в прямые военные действия и теракты против английской администрации. Настроив против себя арабов, с одной стороны, и отказавшись поддерживать в полном объеме сионистов, с другой, Англия в середине 1940-х годов оказалась не в состоянии управлять далее Палестиной и передала проблему на рассмотрение только что созданной Организации Объединенных Наций. В итоге длительных дебатов Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла 29 ноября 1947 года резолюцию под № 181-2 о прекращении английского мандата и разделе Палестины на два самостоятельных государства — арабское и еврейское. За это решение проголосовали 33 государства, в том числе США и СССР, 13 были против, в том числе все арабские страны — члены ООН и Китай, 10 стран, в том числе Англия, воздержались. Вечером 14 мая 1948 года, в день окончания британского мандата, лидеры Всемирной сионистской организации и еврейской общины Палестины провозгласили государство Израиль.

Советский Союз внес особый вклад в создание государства Израиль, об этом убедительно свидетельствуют документы, раскрывающие позицию СССР по палестинской проблеме в ходе ее рассмотрения в Организации Объединенных Наций.

Я хочу зачитать одно из выступлений Андрея Андреевича Громыко, возглавлявшего советскую делегацию на этой Генеральной Ассамблее, с тем чтобы подтвердить твердость и последовательность позиций СССР в вопросе о создании государства Израиль. Вот что говорил Громыко: "Еврейский народ понес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию, их трудно выразить рядами сухих цифр о жертвах, понесенных еврейским народом от фашистских оккупантов, на территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти полному физическому уничтожению. Общее число погибшего от фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в шесть миллионов человек. (Эта цифра потом уточнялась. Есть там небольшие отклонения, но в целом она тогда выдержала критику.) Только полтора миллиона евреев остались проживать в Западной Европе. Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжелом положении, в котором очутились массы еврейского народа после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств к существованию. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств к существованию, в поисках убежища, большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц и все продолжают терпеть лишения". Далее Громыко говорил: "Организации Объединенных Наций не может и не должна равнодушно наблюдать такое положение, ибо это было бы несовместимо с высокими принципами, провозглашенными в ее уставе, принципами, предусматривающими защиту прав человека независимо от его расы, религиозных убеждений и пола. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь. Необходимо проявить заботу о неотложных нуждах народа, перенесшего тяжелые страдания в результате войны, развязанной гитлеровской Германией. Это является долгом объединенных наций". Громыко подчеркнул: "Опыт прошлого, особенно за период Второй мировой войны, показал, что ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу, защиту его прав и самого его существования от насилия со стороны гитлеровцев и их союзников. Это тяжелый факт, но, к сожалению, как и все факты его необходимо признать".

В завершение своего выступленияГромыко сказал: "То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилия со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления". "Отрицание такого права за еврейским народом, — заключил Громыко, — нельзя оправдать, особенно учитывая все то, что он пережил за Вторую мировую войну". Эта речь Громыко, естественно, была составлена на основе директив, полученных из Москвы. Эту позицию советская делегация в ООН отстояла и добилась принятия решения, которое отвечало чаяниям еврейского народа. Спустя два года после принятия и оглашения декларации независимого государства, 14 мая 1948 года, министр иностранных дел Временного правительства Израиля Шер Ток направил Министру иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову телеграмму, в которой, в частности, говорилось: "От имени временного правительства Израиля я прошу Правительство Союза Советских Социалистических Республик официально признать государство Израиль и его временное правительство.

Я смею надеяться, что признание государства Израиль будет иметь место в ближайшее время. И я уверен, что оно укрепит дружественные отношения между Советским Союзом и его народами, с одной стороны, и государством Израиль и еврейским народом Палестины, с другой стороны. И что это признание будет служить также делу мира и справедливости в международных отношениях.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам чувство глубокой благодарности и признательности еврейского народа Палестины, которое разделяют евреи всего мира, за ту твердую позицию, которую заняла делегация СССР в ООН, направленную в пользу установления суверенного и независимого положения, несмотря на все трудности, за выражение искреннего сочувствия страданиям еврейского народа в Европе под пятою фашистских палачей и за поддержку того принципа, что евреи Палестины являются нацией, имеющей право на суверенитет и независимость".

В ответной телеграмме Молотова от 18 мая 1948 года говорилось: "Настоящим сообщаю, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик приняло решение об официальном признании государства Израиль и его временного правительства.

Советское Правительство надеется, что создание еврейским народом суверенного государства послужит делу укрепления мира и безопас-

ности в Палестине и на Ближнем Востоке, и выражает уверенность в успешном развитии дружественных отношений между СССР и государством Израиль".

Таким образом, Советский Союз, последовательно отстаивавший право Израиля на самостоятельное существование, оказался в числе первых государств, признавших его и установивших с ним дипломатические отношения, которые в силу обстоятельств за прошедшие 62 года дважды прерывались. Первый раз в 1953 году, всего лишь на пять месяцев, в связи с тем, что в советской миссии разорвалась бомба, но отношения были восстановлены в июле 1953 года. Сразу после восстановления дипотношений миссии были преобразованы в посольства, но о возврате к прежней атмосфере доброжелательности уже не могло быть и речи.

Второй раз дипотношения между СССР и Израилем были разорваны в июне 1967 года. Многие связывают это с тем, что будто бы Советский Союз проводил исключительно проарабскую политику, направленную против Израиля, и что деятельность советской дипломатии носила односторонний, предвзятый характер; что именно Советский Союз способствовал периодическому перерастанию конфликта на Ближнем Востоке в военные действия.

Я со всей ответственностью, с глубокой убежденностью хочу сказать, что это не так. И у меня для этого есть достаточно оснований, поскольку я более 50 лет связан с работой на Ближнем Востоке. Из них 25 лет я проработал в арабских странах и по долгу службы проводил в жизнь идеи советской внешней политики.

Советский Союз исходил из того, что, если создается Израиль как еврейское государство, то должны быть такие же права и у палестинского народа. Это не проарабская и не произраильская политика, это политика объективная и принципиальная. Иначе складывается парадоксальная ситуация, когда один народ получил возможность создать свое государство, а другой народ такой возможности не имеет. Более того, ему не дает тот народ, который получил эту возможность. Такое возможно.

Да, было принято решение о создании двух государств и определена территория и для палестинцев, и для Израиля.

Но когда одному народу дают осуществить свои права, а другой не имеет такой возможности, это всегда и везде приводит к конфликтам обычно кровавым и всегда трудно преодолимым. Этому много примеров. Советская дипломатия с самого начала стремилась не допустить

возникновения самой причины для последующего конфликта. К сожалению, к нашему мнению не прислушались ни арабы, ни евреи.

Вы помните, что арабы не признали это решение и начали войну.

Арабы не признали государство Израиль, Израиль не признал права палестинцев, не признал Организацию освобождения Палестины, единственного законного представителя палестинского народа. Одним из наиболее острых моментов этой долгой кровавой истории была война 1967 года.

Многие полагают, что войну начал Израиль, однако есть и те, кто считает, что израильский удар спровоцировали сами арабы, в частности, египетский лидер Гамаль Абдель Насер, который опирался в этом вопросе якобы на поддержку Советского Союза. Ситуацию, сложившуюся в те дни, нужно оценивать объективно и с учетом всего комплекса причин, которые привели к вспышке военных действий.

Действительно, на волне подъема арабского национализма в Египте и в некоторых других арабских странах усилились настроения в пользу возврата захваченных Израилем в 1948 году в первой арабо-израильской войне земель с помощью силы. Некоторые вообще призывали сбросить Израиль в море, в том числе Каддафи.

В Израиле, в свою очередь, растущую поддержку получали идеи дальнейшего оттеснения, изгнания палестинцев с занимаемых ими территорий в интересах реализации планов создания "Великого Израиля".

Что касается разговоров о том, что якобы имело место подталкивание Советским Союзом Египта, арабов в целом к войне с Израилем, то хочу с полным основанием заявить, что это является мифом. Да, военное, военно-техническое сотрудничество с Египтом и некоторыми другими арабскими странами в тот период времени стало налаживаться. Это факт, но факт, не имеющий отношения к вопросу о принятии арабами решения ударить по Израилю.

Советская военно-техническая помощь не выходила за рамки частичного подтягивания военного потенциала Египта к израильскому. Полагаю, что сегодня можно было бы приоткрыть некоторые дипломатические тайны того времени, в том числе драматического периода, предшествующего началу военных действий на Ближнем Востоке.

Сошлюсь на содержание переговоров советских руководителей с военным министром Египта Шамсом Бадраном, который приехал в конце мая 1967 года в Москву с секретной миссией, доставив послание Насе-

ра. Насер поручил ему добиться от советского руководства поддержки его намерений нанести первым удар по Израилю.

По поручению Политбюро ЦК КПСС главу военного ведомства Египта принял Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. В переговорах участвовали помимо Косыгина тогдашний замминистра Владимир Семенович Семенов, заведующий отделом стран Ближнего Востока Алексей Дмитриевич Щиборин и ваш покорный слуга как советник МИДа.

Переговоры шли ежедневно и длились почти целую неделю. Каждый день военный министр докладывал о ходе этих переговоров Насеру. Он вновь и вновь получал указание добиваться согласия советского руководства на упреждающий удар Каира. Косыгин от имени Политбюро с первой же встречи в твердой, категорической форме заявил, что советское руководство не может одобрить такой шаг, что, начав первым войну, Египет будет агрессором, что Советский Союз не может поддержать агрессию, ибо это противоречит основополагающим принципам внешней политики страны.

Косыгин отметил, что войной нельзя решить ближневосточную проблему, что новое столкновение приведет лишь к эскалации насилия, а это может поставить вопрос о вовлечении в конфликт великих держав. Он заявил, что СССР категорически против такого развития событий, против своего непосредственного участия в военных действиях. Советский Союз слишком долго воевал в условиях, когда у него не было другого выхода, выбора. Он знает цену войны и твердо придерживается курса на предотвращение военных конфликтов. Я с полной ответственностью заявляю, что на протяжении всех переговоров Председатель Совета министров однозначно занимал именно такую позицию. В последний день своего пребывания в Москве Бадран сообщил, что Насер просит Политбюро еще раз рассмотреть его просьбу. В ответ на это Косыгин заявил, что ему поручено от имени Политбюро сообщить египетскому руководству и передать лично Насеру, что изложенная ранее советская позиция является неизменной. Бадран передал все это в Каир. Перед отъездом он сообщил Косыгину, что Президент Египта Насер, учитывая мнение советских руководителей, принял твердое решение не начинать первым войну. И 28 мая 1967 года Бадран отбыл в Каир.

А 5 июня Израиль первым нанес удар по аэродромам Каира, Александрии и других городов Египта, а также Сирии и Иордании, вывел из строя практически все взлетно-посадочные полосы и большую часть авиации и начал крупномасштабную военную кампанию. Советский

Союз употребил весь свой политический вес и престиж для того, чтобы удержать арабов от развязывания губительной для них и для дела мира в регионе войны. Эта дипломатическая задача была выполнена. Но трудно было предвидеть, что Израиль усмотрит в этом признак слабости арабов, в особенности Каира, и использует это для того, чтобы самому нанести удар по Египту и другим арабским странам с далеко идущими целями. И эти цели намного превосходили по своим масштабам стремление ослабить военную машину арабов.

Советское руководство заняло тогда принципиальную позицию. Оно сразу же предупредило Израиль, а также Соединенные Штаты о разрушительных последствиях войны, требуя в неоднократных официальных заявлениях Правительства Советского Союза прекращения военных действий. Трижды вызывали израильского посла, вручали эти послания, но ни на одно послание ответа не получили.

Тель-Авив уповал на военные успехи и не реагировал на демарши Москвы. С учетом опасности действий Израиля не только для региона, но и для безопасности всего мира, Москва приняла решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем. Это был беспрецедентный шаг, но он был адекватен серьезности положения.

Некоторые эксперты полагают, что это был неверный шаг. Споры шли и до сих пор идут. Думаю, что этим шагом Советский Союз стремился воздействовать на Израиль и тех, кто его поддерживал, с целью прекращения военных действий. И если бы не решительные демарши Москвы, неизвестно, не пошел ли бы Израиль в своих действиях дальше.

Но не только этим объясняются мотивы СССР. Советское руководство отдавало себе отчет в том, что именно Москва удержала Насера от превентивного удара по Израилю. В этом плане мы несли определенную моральную ответственность перед египетским президентом и должны были хотя бы продемонстрировать поддержку и солидарность с ним. Наконец, существует такое понятие, как политический престиж великой державы.

Позиция Тель-Авива, не реагировавшего на политические акции Москвы, подрывала авторитет СССР, с чем советское руководство согласиться не могло. Следовательно, такая акция, как разрыв дипломатических отношений с Израилем, полностью отвечала реалиям того времени, соответствовала особенностям сложившейся обстановки.

Хотелось бы подчеркнуть, что в основе принятия Москвой решения разорвать отношения с Тель-Авивом лежали именно упомянутые причины, а не якобы негативное отношение к Израилю.

Прошло более 60 лет. Развитие событий показало, что военным путем ближневосточный узел проблем решить нельзя. Более того, состояние вооруженной конфронтации на Ближнем Востоке привело к тому, что этот регион стал генератором напряженности, источником распространения радикальных идей экстремизма и терроризма.

Очевидно, что основой для урегулирования ближневосточной проблемы были и остаются резолюции Совета Безопасности ООН, которые предусматривают вывод израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий, обеспечение законных прав арабского народа Палестины на самоопределение, вплоть до создания собственного государства, предоставление права палестинским беженцам на возвращение, гарантии безопасности и мирного сосуществования всех государств региона, включая Израиль.

Без справедливого урегулирования не будет мира на Ближнем Востоке. Арабо-израильский узел мечом не разрубить. С учетом этих соображений и возникших новых обстоятельств в 1987 году были возобновлены отношения с Израилем по консульской линии, а в октябре 1991 года они были восстановлены в полном объеме. В декабре 1991 года были открыты посольство Израиля в Москве, а российское — в Тель-Авиве.

Важным фактором двусторонних отношений является наличие в Израиле огромной общины выходцев из нашей страны — более 1 миллиона человек.

В настоящее время между двумя странами поддерживается активный политический диалог. Сложилась практика, вообще-то говоря, беспрецедентная, регулярных политических консультаций, обмена делегациями на разных уровнях, в том числе на уровне президентов и министров, визитов, подписания различных соглашений, в том числе и в области военного сотрудничества, в торгово-экономической области, в области консульской деятельности, безопасности и так далее.

Ведутся переговоры по подписанию новых соглашений. Более 20 соглашений между Израилем и Россией подписано на сегодня.

Хотел бы еще напомнить, что 28 декабря 2008 года израильские власти официально перерегистрировали Сергиевское подворье в Иерусалиме, символ российского присутствия на Святой земле, как собственность Российской Федерации. Конечно, большая заслуга в этом Сергея Степашина, председателя Императорского православного палестинского общества.

Товарооборот между нашими странами в 2008 году достигал 2,7 млрд. долларов, сегодня он снизился до 1,5 миллиона в связи с кризисом, но имеет тенденцию к повышению.

Израиль проявляет растущую заинтересованность в развитии экономических связей с Россией, особенно в области алмазного дела.

Заметные успехи достигнуты в области освоения космоса. С помощью российских ракетоносителей на орбиту были выведены израильские спутники в 1998, 2000, 2003, 2004, 2006 и 2008 годах.

Что касается вопроса о влиянии советско-израильских, российско-израильских отношений на ход событий на Ближнем Востоке, то следует отметить, что они, бесспорно, оказывали влияние, но объективная оценка степени этого влияния требует конкретно-исторического подхода. На различных этапах это влияние носило неодинаковый характер.

На первом этапе, после образования государства Израиль, они активно влияли на процессы, происходящие в регионе. Советский Союз и Израиль тесно сотрудничали, Израиль более или менее прислушивался к мнению нашей страны.

На втором этапе, с середины 1950-х годов, особенно после тройственной агрессии 1956 года против Египта, когда Израиль примкнул к англо-французским войскам, отношения СССР и Израиля резко обострились, влияние советско-израильских отношений на ход событий на Ближнем Востоке серьезно ослабло. И это влияние практически свелось на нет после войны 1967 года. И лишь с середины 90-х годов прошлого века кривая пошла вверх. Сегодня эти отношения оказывают огромное влияние на вопросы, связанные с урегулированием ближневосточного конфликта. Можно констатировать, что российско-израильские отношения играют на Ближнем Востоке позитивную, стабилизирующую роль.

А.А. Аслаханов. Спасибо, Погос Семенович, за интересный доклад.

Пожалуйста, Виктор Петрович.

В.П. Кондрашев. Недавно, в 2008 году, вышла в свет книга "Кто и как изобрел еврейский народ". Ее написал Шломо Занд. У нас она опубликована малым тиражом. Израильский профессор на вопрос, считать ли Израиль светским или религиозным государством, дает ответ: Израиль — это не светское, а религиозное государство, идеология которого — объединение всех евреев мира.

Помните, у Пушкина написано: "Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам..." Кто такие хазары? Хазария — средне-

вековое государство VII—X веков, существовавшее на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа.

Князь Владимир отказался принять иудаизм, более того, он повел борьбу с Хазарией. В конце концов хазары были разбиты, а их столица, которая находилась в устье Волги, была затоплена Каспийским морем.

Влияние Хазарии было огромным, были моменты, когда хазары пробивались к Абхазии и вели там кровопролитные бои, чтобы подчинить ее себе.

Я ставлю вопрос про Абхазию, поскольку занимаюсь этой проблемой. Написаны уже книги по поводу конфликта Грузия — Абхазия. Я считаю, что это конфликт между Грузией (в скобках: Израиль номер два) и Абхазией. Грузия заселена была переселенцами-евреями двумя потоками — теми, которые непосредственно из Палестины пришли, и переселенцами из Испании. Поэтому вся политика Грузии свидетельствует о том, что она исповедует принципы иудаизма, которые заключаются в двух ключевых словах: "перехватить" и "вплести" в свою историографию.

Еще один момент. Конечно, Палестина имела границы, у них было государство до 1948 года. А евреи присутствовали там в виде разрозненных племен, и они хотели, чтобы им дали очаг на этой территории. А вылилось все в то, что фактически получили воинственное государство с сионистской идеологией сплочения евреев всего мира.

А противостояние России и Хазарии — это противостояние христианства и иудаизма при благосклонной роли мусульман. Мы говорим, что в мусульманстве есть радикальные течения, а надо говорить о радикализме иудаизма, в том числе и для Северного Кавказа, не забывая, конечно, о некоторых течениях в мусульманстве.

А.А. Аслаханов. Спасибо. Есть вопрос у коллеги Подцероба.

А.Б. Подцероб. Мне хотелось бы дополнить доклад.

Почему Израиль был создан? За созданием Израиля стояли в первую очередь Соединенные Штаты. Они правильно рассчитали, что Израиль будет противовесом английскому влиянию на Ближнем Востоке (англичане в это время поддерживали арабские страны). Кстати говоря, наша позиция в поддержку Израиля в первый период его существования объясняется сходными причинами: мы считали, что Израиль превратится в плацдарм советского влияния на Ближнем Востоке.

А теперь перейдем к современности: как влияют наши отношения с Израилем на ситуацию на Ближнем Востоке? С позиционной точки

зрения мы находимся в очень выгодной ситуации. У нас отличные отношения со всеми участниками конфликта: с Израилем, Сирией, "Хезболлой", ХАМАСом, Ираном, Египтом и с Иорданией. Это ставит нас в уникальное положение. Наша принципиальная позиция хорошо известна: мы за справедливое решение конфликта, основанное на выполнении резолюции Совета Безопасности, реализации мадридских принципов и арабской мирной инициативы. Решение должно быть справедливым, потому что никакое иное решение не приведет к миру. Справедливое решение — это прежде всего создание двух государств: наряду с Израилем создание палестинского государства.

Теперь о том, какова наша позиция в плане тактики, как наши отношения с Израилем влияют на ситуацию на Ближнем Востоке. Можно сказать, что мы по дипломатическим каналам (достаточно посмотреть заявление Андрея Нестеренко, выступления Лаврова) проводим политику довольно активного давления на Израиль по следующим направлениям: прекращение поселенческой деятельности, недопустимость попыток изменения статуса Иерусалима и прекращение блокады сектора Газа. Мы считаем, что именно эти три момента препятствуют нормализации ситуации на Ближнем Востоке. Но при этом полностью на проарабскую позицию мы не переходим, наша позиция носит сбалансированный характер. Например, мы предпочитаем в настоящее время не высказываться по вопросам о границе, о том, как решать проблему беженцев, по проблеме Восточного Иерусалима. Приносит ли наша позиция дивиденды? Да, приносит. Вот сейчас стоял вопрос о непрямых переговорах между Палестинской национальной администрацией и Израилем. Насколько я знаю, мы принимали активное участие в том, чтобы содействовать началу этих переговоров, работали и с палестинцами, и с израильтянами.

И палестинское руководство официально выразило благодарность российскому руководству за ту активную и эффективную роль, которую сыграла российская сторона в начале непрямых переговоров. Я думаю, что это очень высокая оценка того, что мы делаем.

Таким образом, контакты с Израилем играют стабилизирующую роль, как и в целом наша позиция по Ближнему Востоку, поскольку она носит объективный характер, ориентирована на установление на Ближнем Востоке прочного и справедливого мира. Вот в этом, как мне кажется, и заключается влияние наших отношений с Израилем на развитие обстановки на Ближнем Востоке.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.И. Королев. Появляется некая двойственность в отношении к этой проблеме, причем она историческая. Советский Союз менял свое отношение к арабо-израильской проблеме, и сейчас это одна из фаз постоянно меняющейся ситуации.

Я написал две книги, посвященные этой проблеме. Одна из них называется "Битва за Иерусалим, или Ядерный Армагеддон". Это самый острый и трагический вариант развития событий, который может ожидать Ближний Восток в ближайшие 5—15 лет. То есть я просматриваю все варианты, все сценарии, но не исключаю, что эта вялотекущая, страшно противоречивая, не имеющая, на мой взгляд, мирного способа решения проблема в конечном счете не прорвется, как ужасный ядерный нарыв.

Вторая книжка — "Кровь на Святой земле". Здесь было сказано, что Израиль — государство религиозное, но есть другая точка зрения — что это не религиозное государство. Я подробнейшим образом все это рассматриваю, анализирую понятия сионизма, гиперсионизма, ультрасионизма, универсионизма. В современном Израиле существует масса школ, направлений, представляющих разные точки зрения, поэтому терминологически надо быть очень аккуратными.

Уже голосование по решению Генеральной Ассамблеи ООН (33 страны — "за"; 13 стран, в том числе все арабские страны, — "против", 13 стран воздержались) показало, что тут имеет значение и религиозно-библейский аспект. И когда тут говорят о том, что здесь религия ни при чем, я не могу с этим согласиться. Как раз весь секрет этой проблемы — и в Коране, и в Библии, и в Торе.

Не подняв этих вопросов, ничего нельзя понять. Семитизм и антисемитизм, сионизм и антисионизм, люди меняют свои точки зрения... В нашей стране сионизм раньше официально рассматривался как каббалистическая, человеконенавистническая идеология, сейчас мы изменили подход. В общем, то, что вчера было черным, стало белым, а белое стало сегодня черным. Так где же правда-то?

В Дурбане (за две недели до печальных событий 2001 года в Нью-Йорке, когда были взорваны башни-близнецы) проходила международная конференция, посвященная расизму. Там присутствовало около 150 стран, и почти все они сионизм заклеймили как расовую теорию. Только представители двух стран — Соединенных Штатов Америки и Израиля — демонстративно встали при голосовании и покинули зал заседания.

И при этом Израиль и Соединенные Штаты, используя все каналы — международные, юридические, информационные, идеологиче-

ские, используя еврейскую гигантскую диаспору, могущественные еврейские организации, которые опутали весь мир, такие как Всемирный еврейский комитет, Всемирный еврейский конгресс, Всемирный совет еврейских общин, — навязывают миру свою позицию.

В Иерусалимской библиотеке имеется полтора миллиона книг, посвященных проблеме сионизма. А мы пытаемся эту проблему решить до конца.

Я считаю, что эта проблема на самом деле относится к разряду неразрешимых, то есть нельзя решить ее мирным путем. Почему? Потому, что противоречие заложено в ее основание. Это так называемый эдипов комплекс. Палестинские арабы и евреи — исторически двоюродные братья. У них был один отец, но евреи его называют Авраам, а мусульмане — Ибрагим. Но матери у них были разные. Еврейский народ ведет свою родословную от Сарры (причем до принятия Завета она была Сарой) и Авраама (до принятия Завета — Аврам). Со времени принятия Завета начинается история еврейского народа, и первым евреем был Авраам. Кстати, мусульмане не считают его евреем, а считают первым мусульманином. Так что уже здесь идет борьба.

Арабы ведут свою родословную от служанки, рабыни Агарь (агаритяне). Агарь родила Исмаила, родоначальника арабов. 12 арабских племен пошли в Аравию и там дождались прихода Магомета. Это VI—VII века. Ислам — религия, которая, по сути дела, перехватила инициативу и поставила себя впереди иудаизма. Исторически он был позднее, а с точки зрения трактовки, интерпретации...

И проблема Иерусалима лежит здесь. Надо знать, что такое Земля обетованная, что такое пещера Махпела, надо знать всех святых и пророков — еврейских, арабских, христианских, все это там, на одной маленькой территории.

Израиль, с моей точки зрения, есть геополитически сверхвзрывчатый регион, хотя территория всего 20 тыс. кв. километров. Больше половины территории — пустыня Негев. Расстояние от Тель-Авива до Иерусалима — 60 километров. И вот на территории примерно в 10 тыс. кв. километров (сравните: территория Москвы — 45 тыс. кв. километров) сейчас живут 7,5 миллиона человек, в том числе арабы и палестинцы. Здесь и ядерная проблема, потому что Израиль спекулирует тем, что у него 200—300 ядерных боеголовок, но официальные лица не подтверждают и не отрицают наличие ядерного оружия у Израиля. С этим связана и проблема Ирана. То есть это сгусток противоречий, все сходится в Иерусалиме.

Когда было принято решение о создании Государства Израиль, это была "кровавая тема" — как поделить Иерусалим. Он является святыней и для иудеев, и для христиан, и для мусульман. В центре Иерусалима есть Харам аш-Шариф (Храмовая гора). На Храмовой горе находятся две арабские святыни — Аль-Акса и Куббат ас-Сахра. И тут же находится Стена Плача, куда евреи со всего мира приезжают молиться. А где их храм? Храма нет.

Поэтому у евреев одна из проблем — воссоздание своего храма. А он как раз должен стоять там, где находятся арабские мечети.

Представьте себе, как схлестываются там две религии, на которые работают гигантские силы мира, миллиарды людей. На Храмовой горе находится Краеугольный камень, на котором Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаака.

По мусульманской традиции на крылатом коне Аль-Бураке Магомет совершил ночное путешествие из Мекки в Иерусалим и именно с этой скалы вознесся на небо к престолу Аллаха.

Поэтому никакие переговоры здесь ничего не дадут. А Россия запуталась в этом вопросе, признав, по сути дела, полулегальный сионизм. Из России в 1970-е годы с приходом Андропова потек тонкий ручеек эмигрантов-евреев. Они уезжали в Израиль и в Соединенные Штаты. В наше время были полностью открыты шлюзы, и сейчас там 1 миллион наших соотечественников. Поэтому мы повязаны с Израилем...

Здесь невероятно путаная позиция. Россия была до Первой мировой войны государством с самым многочисленным еврейским населением — 6 миллионов человек. Была черта оседлости, корни еврейского вопроса идут оттуда.

Еврейский вопрос сыграл свою роль в гибели царского самодержавия, в революции, в приходе к власти Гитлера. Еврейский вопрос — это суперглобальный вопрос. Сейчас государством с наибольшей численностью евреев являются Соединенные Штаты Америки, это около 6 миллионов человек.

В Израиле сейчас проживают примерно 7,5 миллиона человек, среди них 19 процентов — арабы. Поэтому вопрос о том, каким должно быть это государство, — суперсложный вопрос.

Сионизм в 1945 году был взят на вооружение американским империализмом, и когда был опущен железный занавес, началась холодная война, велась секретная операция Даллеса, сионизм использовался как могущественное политическое оружие против коммунизма.

Роль Сталина в образовании Государства Израиль является фундаментальной. Но его обманули, потому что те могучие еврейские силы, которые работали и за рубежом, и у нас, обещали, что Израиль будет социалистическим государством. И Сталин на это дело пошел.

Сионизм — очень непростое явление, надо с геополитической точки зрения к этому вопросу подходить.

В Вашем докладе не сказано о роли Соединенных Штатов Америки. А я считаю, что это искажение главного вопроса. Роль Соединенных Штатов в создании Израиля была фундаментальной. А мы временно вошли в этот союз, думая, что переиграем их. Но как только Израиль был создан, евреи (я имею в виду сионистов) сразу переметнулись в тот лагерь, и у нас испортились отношения.

Так что это проблема вечная. На сегодняшний день мы запутались окончательно. Потому что осуждать Израиль или поощрять его... То есть работает квартет, мы входим в этот квартет: Соединенные Штаты Америки, ООН, Евросоюз и Россия. На глазах у всего мира произошло преступление — израильский спецназ захватил "Флотилию свободы", которая направлялась с гуманитарным грузом в сектор Газа. Но Израиль выходит сухим из воды. Почему? Из-за противоречивости ситуации. И пока не будет решен вопрос в международном плане...

Преступление было совершено в нейтральных водах, израильский спецназ осуществил, можно сказать, бандитскую вылазку и убил безоружных людей. Турция, выступив против этой акции, разорвала чудовищную завесу молчания, и Эрдоган здесь продемонстрировал определенную принципиальность. К чему это приведет, другой вопрос.

Складывается такое впечатление, что на международном уровне ведется отчаянная борьба между Израилем и Турцией за Соединенные Штаты Америки. И перед Бараком Обамой стоит очень острый вопрос: кого выбрать? Выберет ли он ислам, являясь Бараком Хусейном Обамой, или будет традиционно придерживаться произраильской, проееврейской просионистской позиции, которую проводили все президенты Соединенных Штатов Америки, включая Буша, это ключевой вопрос.

Израиль напуган реакцией мира на этот акт, они уже ослабили режим пропуска гуманитарной помощи для сектора Газа. Это величайшая победа международной законности, потому что проблема Газы — это серьезнейшая проблема.

Из зала. У меня короткий вопрос к Погосу Семеновичу Акопову.

Можете ли Вы подтвердить, что в срыве поставок Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300 решающую роль сыграли угрозы Ирану, что если Россия это сделает, то суда, которые повезут эти ЗРК, будут уничтожены Израилем. До этого может дойти?

П.С. Акопов. Я не специалист по Ирану, не могу ничего Вам сказать конкретно. Но если говорить о влиянии наших отношений с Израилем на развитие событий в регионе, могу прямо сказать: действительно, наши отношения с Израилем таковы, что мы считаемся с мнением Израиля по этим вопросам, и если Израиль поставил вопрос так (хотя у меня нет такой информации), мы могли бы учесть его мнение, как сегодня учли позицию США. Президент договорился с Обамой по иранским вопросам. То же самое могло быть и с Израилем.

И ничего здесь удивительно нет, поскольку этот вопрос затрагивает интересы Израиля, а следовательно, и наши, у нас сейчас такие отношения. Поэтому не исключаю, что мы несколько отступили от своей позиции, которую прежде занимали по Ирану.

Что касается С-300, то это комплексы оборонительные, никакого отношения к нападению не имеют.

А.А. Аслаханов. Уважаемые коллеги, заканчиваем обсуждение первого вопроса.

6.2. ЗАГАДКИ АФРИКАНСКОГО РОГА, ИЛИ ПИРАТЫ XXI ВЕКА

(Из стенограммы заседания от 25 июня 2010 года)

А.А. Аслаханов. Переходим ко второму вопросу — "Загадки Африканского Рога, или Пираты XXI века". Вячеслав Иванович, пожалуйста.

В.И. Алдонясов. Итак, общее описание проблемы. Атаки пиратов в водах вблизи Африканского Рога, включая нападение на корабли, плавающие под флагами различных государств мира, в том числе Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, России, Китая, Японии и других, вновь приковали внимание мирового сообщества к проблеме пиратства в этом регионе.

Международное морское бюро, базирующееся в Лондоне, зарегистрировало в 2008 году 111 атак в водах, примыкающих к Африканскому Рогу. Это вдвое больше аналогичных атак в 2007 году. 14 сентября 2009 года Государственный департамент США сообщил о 156 атаках, имевших место в этом регионе с января 2009 года, в ходе которых было произведено 33 захвата заложников.

Район, в котором главным образом происходят пиратские нападения, находится в Аденском заливе между побережьем Йемена и северным побережьем Сомали с распространением этих действий на его восточное побережье. Однако в июле 2009 года Генеральный секретарь ООН выступил с предупреждением, что в результате присутствия кораблей ВМФ различных стран мира в этом регионе пираты изменили свою тактику, расширив территорию своих атак за счет более отдаленных районов Индийского океана вплоть до Сейшельских островов, используя при этом более совершенное оружие и снаряжение.

Атаки пиратов продолжают угрожать коммерческому судоходству и препятствуют транзиту судов между Восточной Африкой и Африканским Рогом в период регионального гуманитарного кризиса, который эксперты считают самым тяжелым после 1984 года.

Этот рост пиратских атак вблизи Африканского Рога непосредственно связан с нестабильностью в Сомали и отсутствием правовых норм в разорванной войной стране. Отсутствие функционирующего правительства в Сомали, обладающего полнотой власти на всей территории страны, остается единственным и самым большим вызовом региональной безопасности, и это обеспечивает свободу действий тем силам, которые участвуют в пиратстве вдоль побережья Сомали.

Некоторые эксперты утверждают, что из-за отсутствия властей, которые должны обеспечивать режим безопасности на побережье и в территориальных водах Сомали, там процветают незаконное международное рыболовство и торговля по демпинговым ценам, что, в свою очередь, подрывает перспективы улучшения экономического положения многих сомалийцев, но стимулирует при этом экономические и политические интересы некоторых групп населения, задействованных в пиратской деятельности.

Очевидным мотивом для многих активных групп сомалийских пиратов является материальная выгода. Выкуп за освобождение заложников, который выплачивается сомалийским пиратам и тем, кто их поддерживает, оценивался в 2008 году в диапазоне от 30 до 150 млн. долларов. Коммерческий характер пиратства осложняет борьбу с этим явлением и продолжает подрывать безопасность в этом регионе.

Совет Безопасности Организации Объединенных Наций выпустил в 2008 году четыре резолюции (№ 1816, № 1838, № 1846 и № 1851), направленные на усиление международного противодействия пиратским вылазкам вблизи Африканского Рога.

В настоящее время резолюция № 1851 предоставляет международным морским судам законное право на проведение антипиратских операций в территориальных водах Сомали, включая береговую линию с согласия переходного федерального правительства Сомали.

Резолюция № 1872 от 26 мая 2009 года разрешает членам ООН принимать участие в обучении и оснащении сил безопасности переходного федерального правительства Сомали в соответствии с резолюцией № 1772 от 2007 года.

В январе 2009 года была сформирована многосторонняя контактная группа по борьбе с пиратством вне побережья Сомали с целью координации антипиратских действий.

Военно-морские силы Соединенных Штатов, НАТО, Евросоюза и других стран мира, в том числе России, в настоящее время осуществляют патрулирование в водах вблизи Сомали в координации с действиями экспедиционных сил, возглавляемых Соединенными Штатами, а также участвуют в операции "Аталанта" под эгидой Евросоюза.

В ответ на непрекращающиеся действия пиратов в районе Африканского Рога Соединенные Штаты вновь заявили о своей заинтересованности в том, чтобы удерживать лидерство в деятельности по контролю и противодействию морскому пиратству в мире. Так, в последнее время некоторые члены Конгресса США выразили озабоченность по поводу угроз, обусловленных этим явлением. Президент Обама заявил, что его

администрация преисполнена решимости препятствовать росту пиратства в регионе Африканского Рога. Администрация Обамы эскизно озвучила свою политику возможного ответа на угрозу пиратства и обещала продолжить работу с учетом многосторонней координации и усиления механизмов, созданных в период президентства Джорджа Буша.

Большинство экспертов, в том числе американских, занимающихся проблемой морского пиратства, верят, что восстановление правительственного правления в Сомали является единственной гарантией того, что пиратство не будет сохраняться в качестве одной из глобальных угроз.

Откликаясь на сложность и актуальность проблемы морского пиратства, Конгресс США 111-го созыва рассмотрел целый ряд вариантов, относящихся как к угрозам, обусловленным пиратством, так и к причинам, порождающим это явление.

Конгресс также рассмотрел политику Соединенных Штатов в плане пересмотра характера военных операций и дипломатических усилий и использования военной мощи США и иностранной помощи.

Какова же реакция других стран, в том числе России, на данную проблему? Чтобы взвешенно ответить на этот вопрос, полезно привести некоторые примеры пиратских нападений в районе Африканского Рога и кратко коснуться особенностей международного права по морскому пиратству.

Из хронологии последних событий. 5—7 мая 2010 года, Индийский океан, Военно-морские силы России.

7 мая 2010 года российские СМИ со ссылкой на источник в Минобороны сообщили, что пираты, захватившие танкер "Московский университет" с экипажем из России, не смогли добраться до берега и предположительно погибли. Танкер с грузом нефти, шедший под либерийским флагом и направлявшийся в Китай, 5 мая сего года был захвачен пиратами в Аденском заливе. На следующий день российский противолодочный корабль "Маршал Шапошников" освободил судно, при этом был убит один из захватчиков и еще десять были задержаны. Никто из российских членов экипажа судна не пострадал.

По сообщению представителя Минобороны полковника Алексея Кузнецова, морские пехотинцы с российского корабля применили оружие при задержании пиратов, при этом один из захватчиков был убит.

"Задержанные пираты находятся на танкере под охраной моряков с большого противолодочного корабля "Маршал Шапошников", — добавил полковник Кузнецов. В Минобороны уточнили, что оружие было применено после того, как пираты не ответили на ультиматум с предложением освободить танкер добровольно.

Российская компания-судовладелец "Новошип", базирующаяся в Новороссийске, также подтвердила захват судна, заявив, что танкер под флагом Либерии был захвачен группой пиратов 5 мая в открытом море в сотнях миль от побережья Сомали. Все 23 члена экипажа судна — граждане России. Моряки забаррикадировались в машинном отделении и почти сутки не пускали туда пиратов, что облегчило операцию по освобождению судна. Управлять танкером самостоятельно пираты не могли.

Благодаря грамотным и своевременным действиям капитана танкера Юрия Тульчинского и возглавляемого им экипажа пираты не смогли взять в заложники ни одного члена судовой команды и дать ход судну после более чем 20-часовой осады, — заявил представитель "Новошипа".

"Маршал Шапошников" охранял танкер, направлявшийся с грузом нефти в Китай, на одном из отрезков пути, а когда стало известно о нападении пиратов, вновь направился на сближение с ним. Компания "Новошип", которой принадлежит судно, выразила искреннюю благодарность командованию Военно-Морского Флота России и личному составу большого противолодочного корабля Краснознаменного Тихоокеанского флота "Маршал Шапошников", выполнившего задачу в лучших традициях российских военных моряков, — говорилось в заявлении "Новошипа".

Экипажу действительно удалось спрятаться в закрытом машинном отделении и там отсидеться до подхода военных. Это тактика укрытия в труднодоступных местах не в первый раз спасает экипаж и судно, как прокомментировал эти события эксперт по мореходству Михаил Войтенко, находившийся в то время в Бангкоке.

Что же делать с пиратами? Различные мнения. Сразу же после успешной операции 5 мая 2010 года по освобождению экипажа российского танкера и нейтрализации сомалийских пиратов с участием большого противолодочного корабля "Маршал Шапошников" официальный представитель Следственного комитета России при прокуратуре Российской Федерации Владимир Маркин заявил, что задержанных пиратов планируется доставить в Москву для привлечения к уголовной ответственности. "На борту танкера работает военный следователь, который проводит первоначальные следственные действия, направленные на сбор доказательств по уголовному делу", — пояснил представитель Следственного комитета.

Накануне Следственный комитет возбудил уголовное дело по факту захвата танкера "Московский университет" по статье "Пиратство" Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако за два дня до празднования 65-летия Победы, то есть 9 мая, российское Министерство оборо-

ны объявило, что захваченные сомалийские пираты, которые участвовали в нападении на танкер "Московский университет", отпущены на свободу.

В отличие от мнения Следственного комитета и Министерства обороны Российской Федерации судья Международного трибунала Организации Объединенных Наций по морскому праву Анатолий Колодкин считает, что Россия имеет право судить на своей территории сомалийских пиратов. Так где же должно вершиться правосудие над морскими пиратами?

Отвечая на вопрос о том, что́ российские власти будут делать с захваченными пиратами, эксперт Михаил Войтенко предположил, что российские власти могут передать их властям Сейшельских островов, хотя имеют право судить их в России. В настоящее время обсуждается вопрос о Сейшельских островах в качестве места, где планируется учредить специальный суд для подозреваемых в пиратстве. ООН готова оказать финансовую поддержку этому трибуналу.

Как сообщило управление ООН по наркотикам и преступности, расположенное в Вене, суд на Сейшелах предназначен в первую очередь для подозреваемых в пиратстве, пойманных Военно-морскими силами Евросоюза в зоне сомалийского пиратства. Однако российский эксперт Михаил Войтенко сомневается в том, что угроза уголовного наказания даже в России отпугнет других пиратов.

Пираты, которые участвуют в рискованных захватах, идут на это не от хорошей жизни, и им российская тюрьма наверняка покажется раем по сравнению с тем, что творится в самом Сомали. Они, наверное, впервые в жизни будут уверены, что их и накормят, и они будут в тепле, и даже время от времени смогут помыться, заявил эксперт.

Однако, несмотря на высказывания экспертов, события развивались по другому сценарию. 7 мая российские власти отпустили пиратов, сославшись на отсутствие юридических оснований для предъявления им обвинений. По словам военных, пиратов разоружили, отобрали средства навигации, высадили на надувную лодку и отправили в свободное плавание. Сообщалось, что сигнал с их судна пропал с радаров кораблей через час после этой операции.

На пресс-конференции 11 мая посол Сомали в Москве Мохаммед Хандули заявил, что у сомалийских властей пока нет данных о судьбе захвативших танкер пиратов. По словам посла, в Сомали по факту захвата "Московского университета" возбуждено уголовное дело: найдем живыми — будем судить, но у нас нет средств искать их в море.

Хандули одобрил действия российских властей в отношении пиратов и отметил, что Сомали не будет предъявлять претензий, если выяснится, что они погибли. Кроме того, он заявил о поддержке российской инициативы по созданию международного трибунала для суда над пиратами.

Так что же делать с пиратами, под чью юрисдикцию они подпадают?

По словам командира отряда кораблей Тихоокеанского флота Ильдара Ахмерова, операция по освобождению танкера длилась всего 22 минуты, и ее успех был предопределен внезапностью. Судьба захватчиков решилась не сразу. Как пояснил президент Ассоциации международного морского права Анатолий Колодкин, решение отпустить пиратов может принять командир задержавшего их военного судна по согласованию с властями своей страны.

К сожалению, в настоящее время юридических правил судебного преследования пиратов, действующих в районе Сомали, не существует. Таким образом, они не подпадают под юрисдикцию какого-либо государства и международного права, заявили в Минобороны. МИД России пояснил, что злоумышленников могут передать властям одной из стран этого региона, как это было в предыдущих случаях, когда российские военные корабли захватывали пиратов.

Эти события не остались без внимания Президента России Дмитрия Медведева. Заслушав отчет Министра обороны о проведенной операции, Президент сказал: "Мы, конечно, будем разбираться с пиратами по всей строгости военно-морских законов". Остается открытым вопрос: почему же пиратов сначала взяли, а потом отпустили?

Не менее решительными действиями отличился британский фрегат "Четем", флагман патрульных сил НАТО в этом районе Мирового океана. Фрегат уничтожил две пиратские моторные лодки в районе Восточной Африки. 14 мая вертолет, поднявшийся в воздух с борта фрегата, заметил в 150 милях от танзанийского побережья судно, тащившее на буксире два быстроходных бота. За судном в течение ночи велось наблюдение с борта патрульного самолета, действовавшего с военно-морской базы Евросоюза на Сейшельских островах.

Согласно пресс-релизу и данным Королевского военно-морского флота утром следующего дня морские пехотинцы провели хорошо спланированную операцию. В результате боты были потоплены, десять сомалийцев сдались в плен. Командир фрегата "Четем" капитан третьего ранга Саймон Хангинтон выразил удовлетворение тем, что его корабль сумел сорвать планы пиратской группы захвата торговых судов, действующей в сомалийском бассейне. Он добавил: "Это однозначно демон-

стрирует готовность и решимость блока НАТО вести борьбу против пиратства в этом регионе".

Россия активизировала свою позицию по проблемам морского пиратства. В апреле 2010 года Россия поставила в ООН вопрос о создании специального суда для сомалийских пиратов. Вопрос организационной структуры этого суда предлагалось передать в ведение Генсека Организации Объединенных Наций. Постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин внес проект резолюции, в которой Пан Ги Муну предлагалось в течение трех месяцев представить Совбезу ООН доклад о различных вариантах укрепления международной юридической системы с тем, чтобы покончить с безнаказанностью пиратов. Надеемся, что в ближайшем будущем решение этого вопроса будет найдено.

Отсутствие такого органа дипломат назвал слабым звеном в борьбе с пиратством. Несмотря на совместные усилия нескольких государств по патрулированию Аденского залива, пиратство продолжает процветать. В 2009 году сомалийские пираты захватили 47 судов, более 100 членов экипажей до сих пор удерживаются в заложниках.

В настоящее время проблемой борьбы с пиратством у берегов Сомали занимается специальная контактная группа Организации Объединенных Наций. Ее участники склоняются к мнению, что наиболее реалистичным вариантом было бы создание для таких дел палаты при суде одной из стран региона.

Постоянный представитель Японии при ООН Юко Такасо, председательствовавший в то время в Совбезе, сказал, что первые отклики на инициативу России в целом положительные. В то же время некоторые члены Совбеза считают, что проблему пиратства нельзя рассматривать в отрыве от ее причин, от нестабильной ситуации в Сомали.

Было заключено соглашение с Кенией, по которому захваченные в море пираты привлекаются к суду в Момбасе. Такое соглашение Кения заключила с Великобританией, ЕС, США, Канадой, Данией, Китаем, Индией. Однако затем кенийское руководство заявило, что не справляется с притоком задержанных из-за перегруженности своих судов и тюрем. В ответ Кения получила финансовую и другую помощь пропорционально количеству дел по пиратству.

Пытаясь не допустить захвата судов, группа военных кораблей ряда стран, включая Россию, уже больше года патрулирует Аденский залив у побережья Сомали. Нередко пиратов удается задержать, однако передать их в руки правосудия до сих пор оказывается проблематичным с юридической точки зрения.

По словам Чуркина, сразу возникают проблемы с определением юрисдикции или несовместимостью законодательных норм заинтересованных стран.

Дело в том, что Сомали не имеет единой централизованной власти с 1991 года, когда был свергнут президент Мохаммед Сиад Барре. Исламисты, занявшие юг Сомали, ведут борьбу с признанным международным сообществом переходным правительством, контролирующим район столицы Могадишо. В раздробленном Сомали пиратство стало настоящей индустрией.

О позиции Президента России. 14 июля 2009 года Президент России Дмитрий Медведев предложил создать международный суд над пиратами. Об этом он заявил на встрече с военными моряками в Сочи, уточнив, что ранее уже давал Генпрокуратуре поручение выяснить возможности воплощения своей инициативы в жизнь. Президент, в частности, сказал: "В середине века их бросали за борт, но сегодня для цивилизованных людей это неприемлемо. Надо предавать их суду".

На этой встрече Дмитрий Медведев вручил государственные награды 15 военнослужащим, участвовавшим в борьбе с пиратами в Индийском океане. Так, 29 апреля 2010 года, противолодочный корабль "Адмирал Пантелеев" задержал судно с 29 сомалийскими пиратами на борту.

По словам Президента, российские военные корабли продолжают патрулировать у берегов Сомали, где с октября 2008 года в составе международных военно-морских сил они обеспечивают безопасность гражданских и торговых судов. Однако, как отметил Президент, ситуация в Аденском заливе, к сожалению, не улучшается, а ухудшается.

По мнению Дмитрия Медведева, существует несколько вариантов решения участи захваченных морских пиратов, однако не все они одинаково эффективны. К примеру, можно сдавать их сомалийским властям, но результат будет нулевым, если они на следующий день возьмутся за старое. Вообще то, что пираты так долго и безнаказанно действуют у берегов Сомали, есть показатель коррупции и попустительства властей.

Другая возможность — выдавать пиратов тем странам, суда которых были захвачены. Однако, заметил Дмитрий Медведев, не все страны, возможно, захотят ввозить преступников на свою территорию. Самым приемлемым вариантом российский лидер считает создание международного суда.

Относительно позиции других государств. Проблема борьбы с морскими пиратами обсуждалась на недавнем саммите "Большой восьмерки" в итальянском городе Аквилле. Страны-участницы еще раз подтвер-

дили готовность к всестороннему сотрудничеству в вопросе обеспечения безопасности морских судов.

Аденский залив — один из самых загруженных районов международного торгового судоходства. За первую половину 2009 года у сомалийского побережья произошло больше захватов судов, чем за весь 2008 год. Новые нападения были совершены, несмотря на усиленное патрулирование морских вод в этом районе кораблями международной коалиции. В патрулировании вод вблизи сомалийских берегов принимают участие более десятка стран.

Итак, перед международным сообществом стоит проблема: пиратов отпустить — нельзя — судить. Где поставить запятую? Перед "нельзя" или после? Кто даст правильный ответ? И готово ли экспертное сообщество конструктивно откликнуться на предложение Президента России?

Несколько слов из истории пиратства. Пиратство как явление насчитывает более трех тысяч лет. В исторических хрониках есть масса информации о пиратских действиях, причем это исторические хроники самых разных стран и цивилизаций, — Древней Греции, Рима, Восточной Европы, Китая, Японии и других регионов.

Пиратство процветало и в районе Черного моря.

Пиратством занимались в XVI веке японцы. Территория их активных пиратских действий охватывает огромный регион, включая Корейский полуостров и фактически все побережье Китая вплоть до Хайнаня и Индокитая.

Пиратство немыслимо без морского судоходства. Наиболее напряженные морские пути современного морского судоходства — это Атлантика, это морской трансферт между Европой и североамериканскими странами, Тихоокеанский бассейн, путь через Гибралтар и через Суэцкий канал, через Аденский залив, Индийский океан и через Малаккский пролив до Китая.

Район Африканского Рога. На территории Сомали раньше существовали итальянская и британская колонии, и все эти "мины", заложенные в период колониальных войн, нельзя не учитывать, изучая современное состояние этого региона. Здесь нужен серьезный геополитический подход, чтобы за акциями плохо одетых пиратов видеть существо дела.

Что же сейчас происходит в Сомали, почему оно разодрано в результате клановых разборок, в результате ожесточенных этнических и религиозных столкновений? На сегодняшний день оно занимает непонятные геополитическую и юридическую позиции. Есть провозглашен-

ное переходное федеральное правительство, которое контролирует только район Могадишо. Но Сомали — огромная территория с протяженной береговой линией, это более 1,5 тыс. километров. В основном это пустынная территория, но с анклавами плотного расселения. Примерно 9 миллионов человек живут на этой огромной территории. Страна разодрана на отдельные территории, в ряде территорий образованы свои правительства, опирающиеся на военизированные племенные группировки.

Президент одного из таких образований — Пунтленда — Абдирахман Мохаммед Мохаммуд. У них даже есть свой герб, но официально они не признаны. Они не признают полностью правительство, которое сидит в Могадишо.

Пунтленд — это очаг наиболее интенсивных пиратских действий. Это самая плотно населенная часть Сомали, здесь располагаются основные порты, откуда пираты осуществляют свои набеги и куда пригоняют захваченные в плен корабли. Здесь же они содержат захваченных в плен членов экипажей.

Пиратство в прибрежной зоне Сомали привело, в частности, к тому, что стали резко сокращаться рыбные ресурсы, а местные жители — это в основном рыбаки. В условиях резкого истощения рыбных запасов они столкнулись с серьезными проблемами нехватки продовольствия. К тому же этот регион оказался очень привлекательным для бесчисленного количества рыболовецких судов из разных стран мира, и сомалийцы воспринимают их как нежеланных гостей. Поэтому именно из рыбаков ведется вербовка в ряды пиратов.

Пиратство представляет угрозу поставкам гуманитарной продовольственной помощи под эгидой ООН, поскольку этот район уже на протяжении многих лет страдает от засухи, от других стихийных бедствий, результатом чего является массовый голод. В Сомали официально страдает от голода около 4 миллионов человек. Поэтому туда направляются транспорты с продовольствием под флагом ООН, но пираты препятствуют их прохождению. Так что здесь происходит очень сложное наложение проблем.

Существует сложно организованная преступная сеть. Официально насчитывается свыше 1 тысячи членов вооруженных преступных группировок. В 2008 году ими было совершено 50 атак, 25 захватов, за это они получают 10-кратные выкупы по страховке. Судоходные компании ведут переговоры с представителями пиратов о выплате денежного выкупа, а некоторые компании оплачивают расходы по обеспечению защиты кораблей.

Зона пиратских действий. Как развивалась зона активности сомалийских пиратов по времени? Первоначальная зона (2007 год) простиралась на расстояние менее 200 миль. Кстати, 200 миль — это так называемая эксклюзивная экономическая зона по международному морскому законодательству. В 2008 году она расширилась уже до 445 миль. В 2009 году это уже 1000 миль, в 2010 году она достигла 1364 морских миль, то есть это гигантский район.

Через Аденский залив за год проходит около 16 тысяч судов. Залив является фактически южными воротами Суэцкого канала и представляет собой один из важнейших международных торговых путей. После падения режима Сиада Барре в 1991 году в Сомали не сформировалось надежно функционирующее центральное правительство. При поддержке Эфиопии переходное федеральное правительство Сомали первоначально контролировало только некоторые районы южного Сомали со своей базы в Байдоа.

Остается открытым вопрос о территории, находящейся под полным контролем правительства. Пункт Лэнд на севере Сомали, являющийся убежищем пиратов, провозгласил себя в 1998 году полуавтономным государством, однако номинально находится под контролем переходного правительства в Могадишо. Сомали-Лэнд провозгласило свою независимость после свержения сомалийского военного диктатора Сиада Барре в 1991 году.

Согласно годовому отчету Международного морского бюро в Лондоне за 2008 год произошло 92 атаки в Аденском заливе, 19 атак вблизи побережья Сомали, 42 захвата кораблей, взяты в плен 815 членов экипажей. Общая сумма выкупа оценивается в 18—30 млн. долларов. В 2006—2009 годах идет нарастание атак: с 239 в 2006 году до 406 в 2009 году.

Каждая атака осуществляется с целью захвата корабля и получения выкупа. При захвате судна и экипажа пираты используют автоматическое оружие и гранатометы типа РПГ. Пираты угоняют захваченные суда в порты на побережье Сомали и требуют выкуп за освобождение судна и экипажа. Размер выкупа обычно составляет 0,5—2 млн. долларов наличными. Условия передачи выкупа обычно обсуждаются в ходе прямых переговоров между судовладельцем и пиратами, но иногда при участии посредников.

Захват кораблей осуществляется хорошо вооруженными пиратами с использованием малоразмерных фибергласовых лодок, оснащенных подвесными моторами мощностью от 85 до 150 лошадиных сил. Лодки нигде не зарегистрированы и плавают без флага какой-либо страны.

При организации атак используются корабли-матки, несущие на своем борту самих пиратов и их лодки. Корабли-матки — это захваченные ранее рыболовные суда среднего размера, которые могут приближаться к кораблям-жертвам, не вызывая каких-либо подозрений. Корабль-матка позволяет пиратам атаковать корабли далеко от побережья.

На кого и как нападают пираты? Это корабли торгового флота, круизные корабли и паромы, даже корабли военно-морского флота. Как осуществляется атака? Пиратские лодки на большой скорости настигают тихоходное судно, осуществляют шумовую атаку либо используют гранатометы, огнестрельное оружие с целью запугивания членов экипажа. Деморализованный экипаж не препятствует высадке пиратов на борт судна.

Приведу пример, когда эсминец ВМС США "Коул" подвергся атаке смертников из "Аль-Каиды". Это произошло в 2000 году в Йемене, примерно за полгода до событий в Америке 2001 года. Это была как бы разминка. То есть мировую общественность предупреждали: ждите в будущем такие атаки.

Другой пример. Ракетная атака "Хезболлы" на корабль Военно-морского флота Израиля "Ханит" в 2006 году. Это было в начале второй ливанской войны, когда боевики "Хезболлы", используя иранское ракетное оружие, расстреляли один из лучших израильских корветов.

Далее. Чем вооружены пираты? Это самое обычное оружие: автоматы, гранатометы.

Теперь подходим к самой сложной, самой запутанной проблеме — проблеме международного морского права.

За основу я взял положения Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, так называемое UNCLOS-1982 в отношении пиратства. Это уникальный документ, который надо детальнейшим образом изучать. Именно он будет положен в основу решений по борьбе с морским пиратством.

Конвенция ООН по морскому праву, принятая в 1982 году, представляет собой рамочный правовой документ, на основании которого государства обладают юрисдикцией в отношении незаконной деятельности на море. С 5 февраля 2009 года 156 стран мира и Евросоюз являются членами этой конвенции, они подписали ее и ратифицировали.

Большинство стран в регионе Аденского залива приняли эту конвенцию, в том числе Сомали, Йемен и Кения. Все страны, имеющие военные корабли в этом регионе, являются членами конвенции за исключением Соединенных Штатов, что очень важно.

Статьи конвенции ООН, касающиеся пиратства, совпадают с аналогичными статьями Конвенции об открытом море, подготовленной в 1958 году. Ключевая статья 58 (пункт 2) говорит о том, что положения о пиратстве применимы в исключительной экономической зоне. Исключительная экономическая зона — это 200-мильная зона.

Вот выжимка из ключевой статьи этого UNCLOS, статьи 100 "Обязанность сотрудничать в пресечении пиратства". В ней говорится, что все государства должны сотрудничать в максимально возможной степени в пресечении пиратства в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства.

Примечание: эта обязанность распространяется также на пиратство в исключительной экономической зоне согласно статье 58 (пункт 2) UNCLOS.

Статья 101. "Определение пиратства". Я буду передавать основной смысл статей.

Под пиратством понимается любое из указанных ниже действий:

a) любые незаконные акты насилия, или захвата, или акты мародерства в отношении экипажа или пассажиров частного корабля и осуществляемые, во первых, в открытом море против другого корабля;

во-вторых, против какого-либо корабля в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

b) любой акт добровольного участия в операции, выполняемой каким-либо кораблем, при наличии сведений о том, что этот корабль пиратский;

c) любой акт провоцирования или умышленного содействия в совершении актов, описанных в параграфах "a" и "b". Примечание: пункт 2 статьи 58 говорит о том, что статья 101 также применима к 200-мильной исключительной экономической зоне.

Определение пиратского корабля (статья 103): корабль считается пиратским, если он преднамеренно используется лицами-пиратами под их доминирующим контролем для совершения одного из актов, указанных в статье 101. Корабль также считается пиратским, если он был использован для совершения любого подобного акта, пока находился под управлением лиц, виновных в этом действии.

Право досмотра (статья 110): 1. военный корабль, который встречает в открытом море какое-либо иностранное судно, не имеет права на его досмотр при отсутствии достаточных оснований подозревать, что: a) судно занимается пиратством;... d) судно имеет непонятную национальную принадлежность. 2. В случаях, предусмотренных в пункте 1, военный корабль может приступить к проверке законности плавания судна

под своим флагом. С этой целью с военного корабля может быть послана шлюпка под командованием офицера для досмотра подозреваемого судна. Если после проверки документов подозрение остается, то смотровая команда может продолжить дальнейшую проверку на борту судна с максимально возможной тщательностью.

Статья 105: захват пиратского корабля или самолета. В открытом море любое государство может захватить пиратский корабль или какое-либо судно, используемое в пиратских целях и под контролем пиратов, и арестовать всех лиц на этом судне и имеющуюся на судне собственность.

Судебные органы того государства, которое осуществляет захват, могут принять решение о мере наказания арестованных. Они могут также определить, какие действия должны быть применены в отношении арестованного судна или собственности, с учетом прав третьих лиц, действуя в духе доброй воли.

Статья 107 — корабли и самолеты, предназначенные для захвата в случае пиратских действий.

Захват в связи с пиратством может осуществляться только военными кораблями или военными самолетами либо другими кораблями или самолетами, которые имеют четкие внешние знаки, позволяющие опознать их как состоящие на государственной службе, и уполномочен для таких целей.

Все это прописано, все вроде бы есть. Вступление в юридическую силу Конвенции ООН по морскому праву произошло 16 ноября 1994 года. Конвенцию ратифицировали 160 стран, а также государство Нил (крошечное государство), острова Кука (это карликовые острова) и Евросоюз. Страны, подписавшие, но еще не ратифицировавшие конвенцию, это Афганистан, Бутан, Бурунди, Камбоджа, Центрально-Африканская Республика, Колумбия, Эль-Сальвадор, Эфиопия, Иран, КНДР, Ливия, Лихтенштейн, Малави, Нигер, Руанда, Свазиленд, Таиланд, Объединенные Арабские Эмираты, Соединенные Штаты Америки. Страны, еще не подписавшие конвенцию, это Андорра, Азербайджан, Эквадор, Эритрея, Израиль, Казахстан, Киргизия, Перу, Сан-Марино, Таджикистан, Турция, Туркмения, Узбекистан, Венесуэла. Единственное не голосовавшее государство — это город-государство Ватикан.

Среди стран, которые подписали ее, но не ратифицировали, самая крупная — Соединенные Штаты Америки. Это дает им возможность делать все, что угодно. Среди тех, кто еще не подписал конвенцию, Азербайджан и Турция.

Так какие же проблемы существуют? В территориальных водах какой-либо страны не может быть пиратства?

Положения о пиратстве не применимы в отношении нападения на суда в районах, находящихся под суверенитетом прибрежных государств: порты, внутренние воды, территориальные воды. Это двенадцатимильная особая зона. Архипелажные воды — это отдельный разговор.

Нападение в районах, находящихся под суверенитетом какого-либо государства, классифицируется как вооруженный разбой против судов. Не пиратство, а вооруженный разбой. Там идет другая статья. В районах, находящихся под суверенитетом какого-либо государства, ни одно другое государство не может арестовывать суда или осуществлять над ними юрисдикцию без согласия прибрежного государства.

Вторая проблема: можно ли осуществлять захват пиратских судов в территориальных водах? Иностранные корабли не имеют права посещать, досматривать или захватывать пиратские корабли, находящиеся под суверенитетом прибрежных государств. Иностранные корабли могут преследовать пиратские корабли, занимающиеся пиратством, в исключительной экономической зоне, но они лишаются такого права, когда подозреваемый корабль входит в территориальные воды какого-либо государства.

Далее. Иностранные корабли не могут захватывать пиратские корабли или арестовывать пиратов в территориальных водах другого государства без согласия этого государства.

Третья проблема. Досмотр корабля-матки, кто имеет право осуществлять? Здесь тоже не все ясно. Если иностранный военный корабль подозревает, что какое-то судно в исключительно экономической зоне Сомали является кораблем-маткой, которое может быть использовано для пиратских целей, то военный корабль имеет право осуществить досмотр такого судна согласно статье 110 UNCLOS.

Военный корабль может проверить наличие и соответствие флага. Если флаг отсутствует или вызывает подозрение, тогда военный корабль может осуществить досмотр корабля с целью проверки судовых документов. Если на борту подозреваемого корабля обнаружены вооруженные люди и лодки, тогда этот корабль может быть определен как пиратский корабль-матка, подлежащий захвату. Если обнаружено, что корабль-матка был предварительно захвачен пиратами, тогда лица, управляющие этим кораблем, могут быть арестованы по обвинению в пиратстве.

Четвертая проблема — захват пиратских лодок. Если иностранный военный корабль встречает какую-то лодку в исключительной экономи-

ческой зоне Сомали, в которой находятся вооруженные лица, лестницы или абордажные крюки для высадки на корабль-жертву, тогда военный корабль может реализовать свое право досмотра этой лодки при условии, что на лодке отсутствует флаг и в отношении лодки имеется подозрение, что она может быть использована как пиратское судно.

Военные корабль может захватить пиратский корабль, а также конфисковать или уничтожить военное снаряжение или оборудование. Однако могут возникнуть трудности по обвинению лиц, находящихся на борту лодки, в пиратских действиях.

Пятая проблема — захват ранее захваченных пиратами кораблей. Если какое-то судно, захваченное пиратами, остается под их контролем, тогда это судно считается пиратским кораблем. В открытом море в любой исключительной экономической зоне иностранные военные корабли имеют право захватывать ранее захваченные пиратами корабли и арестовывать пиратов.

Однако иностранные военные корабли обычно не переправляют их владельцам и не захватывают захваченные до этого пиратами корабли с учетом следующих причин: из-за опасений в отношении гарантий безопасности членов экипажа, корабля и груза, из-за проблемы ответственности за смертельные случаи и повреждения; из-за противоречивых интересов различных посредников, связанных с захваченным кораблем, включая государство, под флагом которого плавает захваченный корабль, собственников судна, операторов, а также государств, гражданами которых являются захваченные члены экипажа.

Шестая проблема — юрисдикция пиратства. Статья 105 говорит о том, что пираты должны быть подвергнуты судебному разбирательству и наказанию по решению суда государств, совершивших арест пиратов. Часто возникают проблемы в судебном преследовании пиратов из-за недостатка или отсутствия доказательств и свидетелей, подтверждающих акт пиратства.

В конвенции ООН UNCLOS отсутствуют требования к государствам по установлению юрисдикции в отношении пиратства в открытом море или в исключительной экономической зоне. В конвенции ООН отсутствуют требования к государствам по экстрадиции или судебному преследованию пиратов, находящихся на их территории. В конвенции отсутствует положение о взаимной юридической помощи в судебном преследовании пиратов.

Проблема седьмая — национальные законы по вопросам пиратства. Здесь полный разнобой. Многие государства не обновляли свои законы по вопросам пиратства после ратификации конвенции ООН UNCLOS.

В уголовных кодексах таких государств могут отсутствовать соответствующие статьи в отношении пиратства. Определения пиратства в местных уголовно-процессуальных кодексах могут отличаться от определения в статье 101 конвенции ООН.

Национальные законодательства могут не давать своим судам юрисдикцию в отношении актов пиратства в открытом море или в пределах исключительной экономической зоны, совершаемых иностранными гражданами против иностранных кораблей.

Пример — национальное законодательство Дании. Буквально два дня назад в Роттердаме закончился суд, который впервые в мировой истории вынес вердикт по осуждению пиратов, захваченных ранее датскими военными кораблями, присудив им от пяти до десяти лет тюрьмы. А до этого они были в полной растерянности. Датский военный корабль арестовал пиратов в 2008 году, но тут же их освободил, поскольку Дания не обладает юрисдикцией по судебному преследованию пиратов. 2 января 2009 года военный корабль Дании арестовал пиратов, которые пытались захватить в Аденском заливе голландское грузовое судно, шедшее под флагом Голландских Антил. 16 января 2009 года датское правительство заявило, что пираты для проведения расследования будут переданы в судебные органы Нидерландов, поскольку атакованное торговое судно было зарегистрировано на территории Голландских Антил.

Еще один пример — национальное законодательство Кении, страны, которая граничит с Сомали на юге. В 2006 году в Кении были приговорены к семи годам заключения десять сомалийских пиратов, которые были захвачены на индийском судне морпехами с корабля Военно-морских сил США.

Статья 69 уголовно-процессуального кодекса Кении гласит: любой человек, который в территориальных водах страны или в открытом море нарушает международное право, виновен в пиратстве. Этот случай означает, что кенийский суд дает свободную интерпретацию устаревшему домашнему закону по вопросам пиратства.

Законы по вопросам пиратства в большинстве стран устарели и часто противоречат Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. В большинстве стран отсутствуют законы, позволяющие квалифицировать пиратство как преступление, если иностранные подданные захватывают иностранный корабль в территориальных водах другого государства, поскольку общепринято, что национальные законы не обладают экстерриториальным действием.

Поэтому атаки на корабли в территориальных водах какого-то государства обычно квалифицируются как преступления, находящиеся в

юрисдикции этого прибрежного государства. В интересах международного сообщества предлагается обновить и согласовать свои национальные законодательства по вопросам пиратства и вооруженных грабежей морских судов.

Как Россия защищается от пиратства? Россия имеет юрисдикцию в отношении пиратов, захвативших судно российской компании с российским экипажем в силу части третьей статьи 12 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Статья 105 Конвенции ООН по морскому праву позволяет российскому правосудию судить пиратов. Но пиратские процессы — это большие хлопоты. Возникает конфликт интересов между следователями и судовладельцами. Первые заинтересованы в проведении максимально возможного количества следственных мероприятий, вторые — в скорейшем продолжении плавания и выполнении заключенных контрактов. Это отдельная проблема, но она одна из важнейших.

Так кому выгодно пиратство в целом? Здесь я представил схему, в которой обозначены владелец судна и фрахтователь, покупатель товара, страховая компания, кредитор, банк, владелец товара, и вот в нее вклинивается блок под названием "Пираты".

В свою очередь, пираты, а именно пираты Африканского Рога, имеют тесные связи с федеральным правительством Сомали и с главарями местных кланов. И вот в этот огромный регион вклинивается Организация Объединенных Наций — через продовольственную программу и не только. Дальше — НАТО, Соединенные Штаты Америки (о них вообще отдельный разговор). Дальше — антипиратские миссии, в которых участвуют Евросоюз, другие страны, в том числе Россия.

Центральное место я отвожу Соединенным Штатам Америки. Это один из важнейших блоков, без учета влияния которого вообще нельзя понять проблему международного пиратства.

Соединенные Штаты Америки являются единственной страной в мире, которая имеет региональные командования. Весь земной шар поделен Пентагоном на 6 военных округов.

Район Африканского Рога входит в зону ответственности CENTCOM, которая идет от южных границ Российской Федерации, включает в себя все центральноазиатские республики, Афганистан, Иран и другие страны Ближнего Востока, Персидского залива, упомянутый район Африканского Рога и примыкающие к нему африканские государства, в том числе Египет, Судан, Кению, Эфиопию, Сомали и Танзанию.

На другой схеме показано, где американцы имеют свои военные базы. В Испании, например, есть мощнейшая военно-морская база в Рота, где дислоцируются американские подводные лодки. Они влезли и в Киргизию. События, которые там происходят, нельзя анализировать, не учитывая этого фактора. У них в Манасе теперь есть военно-воздушная база.

Тот закон, о котором мы говорим, контролирует, помимо CENTCOM, Пятый флот ВМС США.

Весь мир находится под полным контролем Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки, их шести флотов.

Пятый флот как раз занимается вопросами пиратства. Штаб-квартира Пятого американского флота находится в Бахрейне (город Манама).

Кстати, в 2007 году некоторые наши видные политологи, включая Леонида Ивашова, предрекали, что будет ядерный конфликт США и Израиля с Ираном. Они исходили из того, что в Персидском заливе была сконцентрирована мощная авианосная группировка Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки. Но Ивашов ошибся, война не началась.

Итак, пираты против мирового сообщества — кто же победит? Перечислим силы, которые занимаются этой проблемой. Это береговая охрана Сомали, но она слабенькая. Далее — резолюции ООН, они каждый месяц принимаются. Закончилась объединенная спецоперация военно-морских сил, в которой принимали участие порядка 36 кораблей. Сейчас идет объединенная спецоперация, в которой участвует порядка 45 кораблей.

Евросоюз отдельно проводит свою операцию "Аталанта", там корабли 16 стран. Далее — действия независимых государств. Помимо этих сил Китай, Иран направили туда свои корабли. Россия уже 3—4 раза направляла туда отряды своих кораблей.

Вроде бы там яблоку негде упасть, везде плотно стоят военно-морские группировки. Но это огромная территория, поэтому на единицу площади недостаточно кораблей. Тогда что, все флоты мира надо направить туда? Вот это, кстати, вызывает определенные подозрения относительного того, что же на самом деле там происходит, за кем гоняются эти корабли.

Организована система конвоев, военные корабли встречают в определенном месте торговые суда и ведут этот караван. Представляете, какая должна быть организация, чтобы корабли вовремя встретились, и какие убытки понесут компании в ином случае.

Наконец, разработка интегрированной системы связи. Я приведу резолюцию Совбеза ООН № 1838: "Действуя на основании главы 7 Устава Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности вновь подтверждает, что он осуждает и порицает всякое пиратство и вооруженный разбой на море в отношении судов у побережья Сомали; призывает государства, которые заинтересованы в обеспечении безопасности морской деятельности, принять активное участие в борьбе с пиратством в открытом море у побережья Сомали, в частности путем развертывания военных кораблей и военной авиации в соответствии с международным правом, нашедшим отражение в Конвенции по морскому праву."

Как мы знаем, под американским флагом в этом районе ходят современные ракетные корабли, которые разрабатывались отнюдь не для охоты за утлыми фибергласовыми лодками, а совсем для других целей. И возникает вопрос: что, эти цели исчезли?

Одновременно здесь подвизаются некие международные организации, которые тоже находятся под контролем американцев. Одна из них — "Марло" — находится в Бахрейне. Они капитанам кораблей раздают такие рекомендации: в случае опасности информируйте "Марло"; для получения помощи используйте такие-то частоты, для экстренного контакта используйте телефон такой-то, можете передать по e-mail; в Аденском заливе перемещайтесь в транзитном коридоре, установленном на данный период, сверьте его координаты с данными, которые имеются в "Марло"; осуществляйте транзит с максимальной скоростью, передвигайтесь ночью, соблюдайте максимальный режим наблюдения; в случае атаки увеличьте скорость до максимума, меняйте курс, чтобы волной эти лодки перевернуть; используйте брандспойты высокого давления, осветительные флэш-ракеты, звуковые сигналы тревоги; обязательно оповестите военно-морские силы в этом регионе. Вот такие очень ценные советы.

Что хотелось бы сказать в заключение. Сомалийская территория Аденского залива является особой зоной из-за общего числа нарушений законности и правопорядка на территории Сомали и недостаточных возможностей у переходного правительства Эфиопии по охране территориальных вод страны.

Некоторые меры по борьбе с пиратством вблизи побережья Сомали являются беспрецедентными — например, меры, санкционированные Советом Безопасности как в отношении территориального моря, так и на самой территории Сомали. Резолюция Совета Безопасности ООН содержит предложения по обеспечению гарантированных мер безопас-

ности, не рекомендованных, однако, для других регионов Мирового океана и не распространяющихся на фундаментальные принципы в сфере юрисдикции мирового судоходства.

Несмотря на предпринятые действия, до настоящего времени остается трудной задачей преследовать и подвергать суду подозреваемых в пиратстве, особенно в случае атак в пределах территориальных вод Сомали. В качестве базового документа по вопросам юрисдикции, экстрадиции и уголовного преследования следует использовать Протокол о пресечении незаконных действий против безопасности морского судоходства 1988 года или Конвенцию о заложниках 1979 года.

В каждом регионе мира должны ратифицировать и исполнять соответствующие конвенции, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года, и протокол за 2005 год. Необходимо срочное внесение поправок в общее национальное законодательство, касающееся правонарушений в сфере мореплавания, включая пиратство, вооруженный разбой против кораблей и нарушений протокола о пресечении незаконных действий против безопасности морского судоходства.

А вот как видится эта проблема из Вашингтона: "Морские угрозы многочисленны и сложны. (Так они констатируют.) Абсолютно необходима международная кооперация. (Правильно.) Требуются все механизмы национальной и международной мощи. Борьбе с пиратством — приоритет. (А вот здесь осторожно.) Пиратство не просто угроза, это угроза мировому порядку (внимание!), и последующее развитие пиратства непредсказуемо. Прогресс уже виден (внимание!), однако на данный момент враг остается еще очень изобретательным". (Потрясающая формулировка.) Это из официальных американских источников.

А теперь видение проблемы морского пиратства из России. При отсутствии действенных международных правовых основ борьба с морским пиратством будет напоминать сражение с ветряными мельницами. В мае 2010 года Президент России Дмитрий Медведев предложил мировому сообществу заняться решением этой проблемы, разработать международную правовую базу по борьбе с угрозами, которые несет в себе пиратство. Ведь до сих пор представители очень многих государств, не понаслышке знающие, каким злом является пиратство, не могут использовать в борьбе с ним адекватные политические и правовые средства. Вопрос в том, готово ли экспертное сообщество конструктивно откликнуться на предложение Президента России.

А.А. Аслаханов. Подготовлено решение Экспертного совета по этому вопросу. Зачитаю текст.

"Заслушав и обсудив доклад члена Экспертного совета Вячеслава Ивановича Алдонясова "Загадки Африканского Рога, или Пираты XXI века", Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам, руководствуясь Положением об Экспертном совете, принял следующее решение.

Учитывая предложение Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, сделанное в мае сего года в адрес федеральных министерств и других заинтересованных компетентных организаций, по разработке законодательных предложений о морском пиратстве, считать вопросы и предложения, представленные В.И. Алдонясовым, актуальными и требующими специального рассмотрения.

С этой целью Экспертный совет считает целесообразным создание инициативной рабочей группы для подготовки предложений о морском пиратстве для их рассмотрения и утверждения председателем Комитета Совета Федерации по международным делам М.В. Маргеловым."

Вопросы руководства, состава, полномочий рабочей группы предлагаю обсудить в рабочем порядке.

Из зала. Американцы сейчас штампуют десятками, если не сотнями, беспилотные летательные аппараты. 24 часа в сутки они находятся в воздухе. С "беспилотника" курицу можно увидеть, я уж не говорю о пиратах. На Сейшелах — мощнейшая военно-морская база Евросоюза. И они там играют в какие-то непонятные игры. Говорят, что не заметили, откуда появились пираты. Кого они обманывают? Это похоже на то, как ловят бен Ладена девять лет. 150 тысяч человек у них в Афганистане, все пещеры за это время можно было бы обойти...

А.А. Аслаханов. Коллеги, как договорились, рабочую группу мы создадим.

Спасибо за работу. До свидания.

7. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 29 ОКТЯБРЯ 2010 ГОДА

7.1. 65-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ООН: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(Из стенограммы заседания от 29 октября 2010 года)

В.М. Соловьев. Уважаемые коллеги, начинаем заседание Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам.

Прежде чем мы приступим к работе, я с прискорбием должен вам сообщить, что из жизни ушел Сергей Вадимович Кортунов — заместитель председателя Экспертного совета, долгое время работавший с нами, вложивший свои интеллектуальные силы и организаторский талант в то, чтобы работа Экспертного совета, ее результаты были замечены и оценены.

Предлагаю почтить светлую память Сергея Вадимовича вставанием. *(Минута молчания. Все встают.)* Прошу садиться.

Разрешите перейти к сегодняшней повестке дня. Рассматриваем тему "65-летие образования ООН: региональный и универсальный подходы к обеспечению безопасности. Перспективы взаимодействия".

Первый докладчик — Геннадий Михайлович Гатилов, директор Департамента международных организаций МИД России. Очень квалифицированный, профессиональный специалист, хороший человек, что в нынешней ситуации немаловажно!

И другой докладчик — мой давний товарищ и коллега, директор Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве Александр Семенович Горелик.

Геннадий Михайлович, пожалуйста.

Г.М. Гатилов. Тема нынешнего заседания весьма актуальна. ООН — это всемирная организация, универсальная. Региональные организации также имеют свою нишу, свои преимущества, поэтому в по-

следнее время активно обсуждается вопрос о том, как совместить возможности ООН и региональных организаций.

Прежде всего речь пойдет о подходах к таким проблемам, как поддержание мира, стабильности в мире.

Глобальный характер современных угроз и вызовов, формирование коллективных подходов, необходимых для их эффективного преодоления, требуют наращивания взаимодействия Организации Объединенных Наций с региональными и субрегиональными организациями в соответствии с Уставом ООН, в частности с главой VIII Устава, которая называется "Региональные соглашения".

ООН и региональные организации призваны гармонично дополнять друг друга, используя свои объективные сравнительные преимущества. Применительно к ООН это прежде всего универсальный характер организации, универсальность ее членства, деятельности и всемирно признанная легитимность. Региональные организации, в свою очередь, обладают лучшим знанием местных проблем, обстановки в пределах зон своей ответственности и в целом ряде случаев отработанными превентивными и миротворческими механизмами.

И в условиях растущей востребованности такого разделения труда между ООН и региональными организациями и объединениями, естественно, незыблемой остается закрепленная в Уставе ООН ведущая роль Совета Безопасности в вопросах поддержания международного мира и безопасности. Это относится в первую очередь к обязательному санкционированию и контролю за региональными и коалиционно-миротворческими операциями, предусматривающими применение силы.

В последние годы организациями и многими региональными и субрегиональными объединениями проделана достаточно большая работа по предотвращению и урегулированию кризисных ситуаций и постконфликтному восстановлению. Разрабатываются новые, более эффективные механизмы обеспечения международной и региональной стабильности. Совет Безопасности ООН в соответствии с Уставом возглавляет эту работу.

Опыт урегулирования различных кризисных ситуаций позволяет сделать несколько основополагающих выводов.

Первый и главный состоит в том, что современные конфликты не имеют силовых решений. К этому выводу уже, по-моему, подошло все международное сообщество. Решение следует искать прежде всего в политико-дипломатической плоскости через вовлечение конфликтующих сторон в диалог и поиск взаимоприемлемых вариантов урегулирования конфликта, причем без изоляции кого бы то ни было. К чему приводит

односторонний разрыв согласованных миротворческих форматов и применение силы, мы все убедились в августе 2008 года.

Второй вывод. Нельзя экономить на инвестициях в миротворчество — материальных, интеллектуальных, в раннее предупреждение конфликтов, а также в укрепление потенциала ООН в области превентивной дипломатии и посредничества.

Хорошо известно, что предотвращение конфликтных ситуаций обходится намного дешевле их последующего урегулирования. И в связи с этим активной поддержки заслуживает деятельность региональных центров ООН по превентивной дипломатии, существующих региональных организаций и объединений, занимающихся содействием мирному разрешению споров и предотвращением трансграничных угроз безопасности.

Третий вывод. Успех ооновских миротворческих и миростроительных усилий на Ближнем Востоке, в Афганистане, Африке, на Гаити, в Восточном Тиморе и в других местах кроется в способности учитывать интересы и приоритеты принимающей стороны. Любое содействие международного сообщества не должно навязываться.

Четвертый вывод. Современные конфликты требуют комплексных стратегий и всеобъемлющих решений, основанных на: единстве целей; предсказуемости их материально-технического и финансового обеспечения; эффективном сочетании военных и гражданских стабилизационных действий, тесной координации; учете регионального контекста и максимальном задействовании потенциала региональных организаций опять же на основе главы VIII Устава ООН.

В последнее время заметно активизировались контакты между Секретариатом ООН и региональными организациями. Ежегодно Генеральный секретарь ООН проводит встречи с руководством региональных организаций, в ходе которых обсуждаются вопросы миротворчества, рассматриваются пути сотрудничества, определяются области деятельности, которые требуют улучшения, включая повышение уровня координации и связей между соответствующими межправительственными органами и секретариатами, а также рассматривается вопрос о необходимости большей четкости в посреднических механизмах. Существуют определенные договоренности о расширении сотрудничества в области миростроительства, о чем я скажу ниже.

Главное, на мой взгляд, то, что повестка дня сотрудничества между ООН и региональной организацией "Партнеры" становится все более масштабной. Сейчас уже к миротворческим и миростроительным задачам добавляются противодействие распространению оружия массового

уничтожения, незаконным потокам легкого и стрелкового оружия, разрешение других дестабилизирующих трансграничных проблем, а также такие актуальные вопросы, как борьба с наркотрафиком и организованной преступностью.

Применительно к нашим вопросам большим потенциалом обладает активно налаживающееся сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Организацией Договора о коллективной безопасности (далее — Организация, ОДКБ). Созданная в 2002 году ОДКБ делает все для обеспечения прочной безопасности в своей зоне ответственности. Только за последнее время президентами стран — участниц Организации были приняты решения о создании эффективного антикризисного потенциала ОДКБ, для чего из элитных частей вооруженных сил, правоохранительных органов и министерств по чрезвычайным ситуациям государств-членов сформированы Коллективные силы оперативного реагирования. Они предназначены для локализации военных и пограничных конфликтов, противодействия организованной преступности, включая наркотрафик, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Сейчас в рамках ОДКБ идет интенсивная работа по созданию собственного миротворческого потенциала, который может быть задействован в том числе в операциях ООН по поддержанию мира.

Николай Николаевич Бордюжа находился в сентябре в Нью-Йорке и провел весьма успешные переговоры с руководством Секретариата ООН, с Генеральным секретарем ООН. В ходе этих встреч обсуждались вопросы повышения эффективности сотрудничества между секретариатами ОДКБ и ООН, прежде всего применительно к вопросам поддержания мира и стабильности.

Надо сказать, что ОДКБ вносит весомый вклад в международные усилия по постконфликтному обустройству Афганистана, нейтрализации исходящей с его территории наркоугрозы.

ОДКБ успешно взаимодействует с Управлением ООН по наркотикам и преступности. Речь идет об обмене информацией, участии в оперативно-профилактической операции ОДКБ "Канал", нацеленной на борьбу с наркотрафиком. В 2009 году в этой операции приняли участие как антинаркотические структуры государств — членов ОДКБ, так и уполномоченные представители органов еще 14 государств, в том числе Афганистана, Болгарии, Китая, Германии, Венесуэлы, Польши, Соединенных Штатов Америки, Турции и ряда других, а также ряд международных организаций, таких как ОБСЕ, и подразделения финансовых разведок государств — членов Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Такие скоординированные меры позволили задержать в ходе двух этапов операции более 100 тонн наркотиков. А всего за период проведения операции "Канал" с 2003 года антинаркотическими ведомствами изъято 220 тонн наркотиков.

Проведение операции "Канал", как и содействие государств — членов ОДКБ транзиту грузов для международных сил содействия безопасности в Афганистане, можно назвать примером эффективного взаимодействия государств — членов Организации в сфере противодействия вызовам и угрозам безопасности, исходящим с территории Афганистана.

Основой деятельности ОДКБ в сфере борьбы с терроризмом является глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Утвержденный в рамках ОДКБ план коллективных действий государств — членов ОДКБ по реализации глобальной контртеррористической стратегии Организации предусматривает целый комплекс мероприятий организационного, нормотворческого, практического характера, направленный на повышение уровня координации деятельности государств-членов в борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом.

Возвращаясь к теме наркотрафика, которая для нас является одной из самых важных и актуальных применительно к Афганистану, хотел бы отметить, что недавно руководителем Управления ООН по борьбе с наркотрафиком, организованной преступностью был назначен российский гражданин — Юрий Викторович Федотов. Это кадровый дипломат, который хорошо разбирается во всех хитросплетениях ооновской бюрократии, обладает значительным экспертным потенциалом в области многосторонней дипломатии в целом.

Хочу надеяться, что такое назначение позволит нам еще больше укрепить сотрудничество между ОДКБ и Управлением по наркотикам ООН, найти сферы более активного сотрудничества между двумя организациями в целях решения наркотической проблемы, которая уже стала квалифицироваться как представляющая собой угрозу международному миру и безопасности.

Шанхайская организация сотрудничества также вносит серьезный вклад в обеспечение стабильности и безопасности в Евразийском регионе. Ее члены обозначили готовность к развитию взаимодействия с Организацией Объединенных Наций в целом ряде актуальных областей, среди которых борьба с международным терроризмом, наркотики, содействие постконфликтному восстановлению Афганистана.

Несмотря на то что ШОС является достаточно молодой организацией (образована в 2001 году), она уже стала динамично укрепляющимся и эффективным международным форумом, который создан в целях раз-

вития равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств — членов ШОС, объединенных также стремлением обеспечить мир, стабильность и процветание на обширном пространстве Евразии.

В качестве основных приоритетов для своей организации государства-члены определили обеспечение региональной безопасности: терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, оружия и трансграничная преступность. Это примерно те же задачи, о которых я говорил применительно к ОДКБ.

В этом контексте ШОС уже сегодня играет немаловажную роль в деятельности по поддержанию мира, безопасности и стабильности в регионе, по созданию необходимых благоприятных условий для устойчивого и долгосрочного социально-экономического и культурно-гуманитарного развития народов стран — участниц этой Организации. Расширяются ее связи с другими международными организациями, прежде всего с ООН.

Существует соответствующая специальная контактная группа ШОС — Афганистан. В рамках международной программы по оказанию помощи Афганистану государства — члены ШОС на двусторонней основе вносят в нее действенный вклад путем оказания экономической, гуманитарной и иной помощи стране, включая строительство энергетических объектов, дорог, больниц, школ и так далее.

Следует отметить, что общий объем безвозмездной помощи, оказанной государствами — членами ШОС Афганистану, составляет 220 млн. долларов. Кроме того, ряд государств — членов ШОС списали значительную часть внешнего долга Афганистана. Эти факты подтверждают то, что роль и значение этой региональной организации в деле укрепления мира и стабильности постоянно возрастают.

ШОС также придает приоритетное значение партнерству с ООН, которое предопределяется пониманием той важной роли, которую играет ООН в современном мире. В декабре 2009 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция о сотрудничестве между ООН и ШОС, а в марте нынешнего года — аналогичная резолюция о сотрудничестве между ООН и ОДКБ. Принятие этих резолюций является признанием возрастающей роли этих организаций в вопросах сохранения мира, укрепления безопасности и стабильности в соответствующих регионах.

В марте и апреле 2010 года вслед за принятием этих резолюций были подписаны совместные декларации о сотрудничестве между секретариатами обеих организаций и Секретариатом ООН. Подобные декларации о сотрудничестве являются документами, на основании которых и

будут развиваться практическое сотрудничество и взаимодействие между этими организациями. Таким образом, создается институционная основа для дальнейшего сотрудничества, что является тем важным результатом, которого удалось достигнуть за последнее время.

Говоря о других конфликтных регионах и роли Совета Безопасности ООН, хочу в общем плане отметить, что Совет Безопасности уделяет немаловажное значение урегулированию кризисных ситуаций на африканском континенте. Африка — это, пожалуй, основная зона действий миссии ООН по поддержанию мира. Важно в этом плане то, что Совет Безопасности не является единственным игроком на этом поле, идет наращивание опыта позитивного сотрудничества Совета Безопасности с региональными и субрегиональными партнерами в Африке.

Прежде всего нужно отметить такую региональную организацию, как Африканский союз. Конечно, потенциал этого регионального объединения еще не дотягивает до тех задач и масштаба тех проблем, которые существуют на Африканском континенте, но важно, что внимание к этой проблематике со стороны этой региональной организации постоянно повышается. Африканский союз начал заниматься разработкой всеобъемлющей архитектуры мира и безопасности на континенте. И главное, что его задачи, а это профилактика, посредничество и разрешение конфликтов, а также миротворчество и миростроительство, рассматриваются в качестве необходимых инструментов в деле поддержания международного мира и безопасности. В этом африканцы опираются на опыт и потенциал Организации Объединенных Наций и других региональных организаций.

Проблема миротворческой миссии Африканского союза как региональной организации состоит главным образом в отсутствии необходимых финансовых ресурсов и технических возможностей. И здесь Организация Объединенных Наций и другие международные партнеры африканцев оказывают Африканскому союзу достаточно эффективную и своевременную помощь и поддержку, когда по мандату Организации Объединенных Наций они осуществляют свои операции или действия, направленные на поддержание международного мира и безопасности на Африканском континенте.

Таким образом, происходит своеобразное разделение труда: африканцы предоставляют свои людские ресурсы (вооруженные формирования, например), а международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций и других партнеров, которые располагают более широкими возможностями, оказывают им логистическую, материальную и финансовую поддержку.

Миротворческая деятельность Африканского союза наглядно демонстрирует востребованность метода рационального задействования потенциала региональных организаций. Наряду с миротворческим направлением сейчас стоит задача наращивания потенциала Африканского союза в области посредничества и превентивной дипломатии.

Главная тенденция, которая сейчас вызревает и укрепляется в сознании международного сообщества, — это то, что деятельность по поддержанию мира должна опираться на миростроительство, с тем чтобы не допустить возобновления кризисов и конфликтов. Поэтому важно, чтобы миссии по миростроительству в постконфликтных странах все больше включали в себя программы помощи восстановлению политических, юридических, социально-экономических институтов и институтов безопасности.

Россия также участвует в укреплении миротворческого потенциала Африканского союза. В российских профильных учебных заведениях осуществляются программы подготовки местных кадров для африканских миротворческих операций, в частности полицейских специалистов.

Говоря о других регионах, необходимо выделить Европейский союз, который в настоящее время проводит 11 операций по урегулированию кризисов и работает в тесном контакте с ООН в восьми крупных кризисных районах в Европе, Африке, на Ближнем Востоке и в Афганистане. В ряде случаев ЕС стал преемником миротворческих операций ООН, в частности, он вносит вклад в стабилизацию ситуации на Балканах. И главная цель ЕС на этом направлении — обеспечить интеграцию стран этого региона в Европейский союз, что достаточно успешно осуществляется.

Кроме того, Евросоюз поддерживает высокий уровень своего участия в миротворческих операциях в Африке.

Были развернуты две военные операции в Демократической Республике Конго в поддержку миссии ООН, и в настоящее время ЕС работает с ООН и правительством Конго с целью осуществления реформы сектора безопасности.

Евросоюз также помогал Африканскому союзу в Дарфуре по просьбе ООН, развернул операцию в Чаде, которую сейчас заменила миссия ООН в Центрально-Африканской Республике и Чаде. То есть достаточно плотное и эффективное сотрудничество ООН и Евросоюза позволяет решать задачи стабилизации обстановки в тех или иных конфликтных регионах.

Несколько слов о сотрудничестве ООН с НАТО. Поскольку НАТО не рассматривает себя в качестве региональной организации, то не было и резолюций Генеральной Ассамблеи ООН о сотрудничестве между ООН и НАТО. В 2008 году они подписали совместную декларацию о сотрудничестве между секретариатами двух организаций. Натовцы, работая с сотрудниками Секретариата ООН над текстом документа, добились того, что в этом документе нет никаких ссылок на главу VIII Устава ООН, которая посвящена региональным организациям.

Вместо этого была включена размытая формулировка о том, что их сотрудничество опирается на Устав ООН и некие международно признанные гуманитарные принципы и директивы.

В набор приоритетов сотрудничества с подачи НАТО была включена тема защиты гражданских лиц. В Секретариате ООН было достаточно серьезное сопротивление этой формулировке, поскольку они понимали, что Брюссель и Вашингтон хотели бы разделить с ООН ответственность за множащиеся потери среди гражданского населения в Афганистане, где НАТО по мандату Совета Безопасности ООН проводит крупную миротворческую операцию под названием "Международные силы содействия безопасности".

Процедура подписания меморандума между НАТО и Секретариатом ООН проходила в обстановке если не секретности, то закрытости. В то время Генерального секретаря ООН подвергали жесткой критике за то, что он предварительно, до подписания этой декларации не провел консультации с государствами-членами. Это обычная процедура, она соблюдалась при заключении соответствующих меморандумов и с ОДКБ, и с ШОС.

Тем не менее НАТО активно сотрудничает с ООН в области кризисного реагирования. За последние годы существенно расширились как география, так и сфера этого сотрудничества. И теперь оно уже не ограничивается Балканами, как в 1990-е годы, и не ограничивается исключительно предоставлением услуг в области так называемой физической безопасности. Если в Косово и Афганистане разделение труда осуществляется по классической схеме, то есть НАТО отвечает за безопасность, а ООН за политическую и гуманитарную деятельность, то в Ираке, например, натовская миссия во взаимодействии с миссией ООН задействована в реформе сектора безопасности. В Пакистане НАТО выступила в нетрадиционной для себя области участника ликвидации последствий землетрясения в 2005 году и недавнего наводнения в этой стране.

В целом в сферу взаимодействия с региональными организациями помимо Секретариата ООН вовлекается все больше других ооновских

структур. Прежде всего это Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (при устранении последствий стихийных бедствий в Пакистане), Всемирная продовольственная программа ООН, когда боевые корабли НАТО предоставляют военное прикрытие ее конвоям при доставке гуманитарной помощи в связи с угрозой пиратства у берегов Сомали. НАТО и ООН сотрудничают в оказании содействия третьим организациям, как в случае с Африканским союзом, который участвует в миротворческих операциях в Судане и Сомали.

Общая проблема, которая стоит перед НАТО и ООН, лежит в области стратегического планирования — это дефицит материально-технических ресурсов, достоверной развединформации, центров подготовки миротворцев.

Проблема состоит еще и в том, что сами натовцы, которые обладают большей подготовкой в данных областях, не горят желанием делиться с ООН своими возможностями даже в ситуациях, когда они действуют по мандату Совета Безопасности ООН.

Но в целом сотрудничество носит достаточно разносторонний и практический характер. И таким организациям, как ОДКБ и ШОС, еще предстоит поработать над тем, чтобы выйти на столь же высокий уровень сотрудничества и взаимодействия с ООН.

Важную роль в нахождении мирных путей решения многочисленных проблем соответствующих регионов призваны сыграть такие организации, как Лига арабских государств, Организация Исламская конференция, АСЕАН, Организация американских государств. Происходит развитие взаимодействия с ООН в соответствии с главой VIII ее Устава и такой структуры, как ОБСЕ.

Мы убеждены, что движение навстречу друг другу региональных партнеров и ООН будет продолжаться. С одной стороны, региональные и субрегиональные организации должны, видимо, более активно предлагать задействовать их ресурсы и сравнительные преимущества для целей Организации Объединенных Наций. А с другой стороны, организация и сама должна уделять больше внимания повышению координации и взаимодействия с этими структурами, разумеется, при соответствующем разделении труда и сохранении прерогатив ООН и ее Совета Безопасности в области поддержания международного мира и безопасности.

В.М. Соловьев. Большое спасибо, Геннадий Михайлович.

Попрошу выступить Александра Семеновича Горелика, рассказать нам, как с точки зрения ООН видятся перспективы ее сотрудничества с региональными структурами в плане безопасности, и не только безопасности, но и в более широком контексте.

А.С. Горелик. Я постараюсь сосредоточиться на универсальных подходах к обеспечению безопасности и сотрудничества в широком плане.

Вокруг понятия "global governs" ("руководство мировыми делами", "глобальное управление") ныне ведется достаточно широкая дискуссия. Причем такой угол зрения не тождествен привычному термину "международные отношения" и даже понятию "всемирное правительство". Этот угол зрения по-новому поворачивает споры о справедливом мировом порядке (зададимся, кстати, вопросом: возможен ли он?) или эффективном мировом порядке (вот это уже "теплее").

Концепция руководства мировыми делами сигнализирует о серьезном переосмыслении прежних подходов, а нужда в этом становится все более очевидной по мере дальнейшего углубления процессов глобализации, осознания общих проблем и ограниченности прогресса человечества. В качестве другой важной причины нужно назвать трансформацию привычного государства и появление на международной арене разного рода образований, обнаруживающих волю к участию в мировых делах. Еще одним важным обстоятельством является метаморфоза, которую претерпевала традиционная дипломатия в последнее время, все более подпадавшая под влияние концепции и практики многосторонности.

Вместе с тем понятие "управление — руководство" в отличие от слова "отношение" указывает на существование замысла выстраивать нынешние процессы в своего рода волюнтаристском ключе и не удовлетворяет принципам созидательного хаоса.

Пусть не все согласны сегодня с таким подходом, пусть кто-то считает, что это есть попытка выдавать желаемое за действительное. Однако в ООН исходят из того, что проектный элемент всегда присутствует в любом целенаправленном действии, как индивидуальном, так и коллективном. Решения, релевантные для всего мира, могут быть приняты различными способами, но они должны быть кем-то приняты.

Похоже, постепенно складывается согласие, что управление означает функцию не только и не столько правительств, сколько обществ в широком смысле этого слова. В этом смысле важно абстрагироваться от теории заговора и вообще от вопроса о том, кто управляет миром, и сконцентрироваться на теме, как управляется мир. Такой взгляд гораздо полнее охватывает реалии сегодняшнего мира как сети акторов, находящихся друг с другом одновременно в отношениях сотрудничества, поисков партнеров, переговоров, торгов и, наконец, конкуренции. В таком мире режимы действия, взаимодействия и противодействия сплетены в единое целое.

Международные организации выглядят выпуклыми элементами такого механизма управления. И в первом ряду по-прежнему расположена Организация Объединенных Наций, имеющая универсальный характер, уникальную легитимность и реальный механизм принятия решений. Одни из этих решений имеют обязательный характер, таких меньшинство. Другие — это, по существу, рекомендации, нацеленные на поиск выходов из проблем, а также и на то, чтобы просто оказывать влияние на ход дел. При этом постановка вопроса в разрезе всемирного правительства, как я уже говорил, практически исключена сегодня, а позиционирование себя в контексте управления — руководства нормально и естественно.

Конечно, это не то, чего хотели бы радикальные глобалисты. Вопрос о глобальной власти сегодня не стоит, но в трех сферах всемирной повестки дня — безопасность, экономика и культура в широком смысле слова — ООН реально работает для консолидации международного сообщества.

Нынешние механизмы — "восьмерка" и "двадцатка" — имеют к данной теме прямое отношение, причем под определенным углом зрения, то есть если смотреть из Штаб-квартиры ООН, не слишком важно, о каком институте мы говорим и как складывается соотношение сил между "Большой восьмеркой" или "Большой двадцаткой". Главное — как деятельность этих неформальных вроде бы институтов влияет на повестку дня всемирной организации.

Конечно, согласие считать процесс "Большой двадцатки" главной формой международного экономического сотрудничества (а такова была формулировка саммита в Питтсбурге в сентябре прошлого года) это есть признак крупного сдвига в мировых делах. По существу, налицо если не глобальный консенсус, то почти консенсус, означающий, что вопросы мирового хозяйства больше не могут быть отданы на откуп узкому элитному клубу развитых держав.

Но в интересующем нас контексте важно и другое. Уже раздаются голоса о том, чтобы "двадцатка" выходила за пределы экономической и финансовой повестки дня, занималась проблемами миропорядка, включая окружающую среду и даже безопасность. А отсюда, хотим мы этого или не хотим, рукой подать до постановки вопроса о взаимодополняемости "Большой двадцатки" и ООН или даже о вызове, который первая бросает второй.

В кругах ООН в Нью-Йорке это уже не отвлеченная концептуальная тема, причем не только в рамках Второго комитета Генассамблеи ООН (экономические и социальные вопросы), но и на фоне обсуждений по-

литических проблем. Как практически всегда бывает в почти 200-сторонней организации, мнения уже разделились. Если для одних "двадцатка" — это новый элемент общей картины, с которым надо ладить и искать единые подходы, то другие ревностно относятся к прерогативам ООН.

Возникла даже неформальная группа глобального управления, которая согласовала довольно логичные взгляды на феномен "двадцатки". В значительной степени они, как мне кажется, близки подходу Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна.

Выделим несколько тезисов. Тезис первый: "двадцатка" должна укреплять, а не подрывать ООН. Это логично.

Тезис второй: Генсекретарь должен быть не статистом на встречах группы "двадцати", а полноценным участником. Вообще-то начиная с времен Кофи Аннана ооновское руководство довольно последовательно лоббирует свою повестку дня накануне и в ходе встреч в верхах. Генсекретарь, используя разные формы (публикация открытого письма "восьмерке", а теперь "двадцатке" накануне саммитов, присутствие на самих встречах, серия статей и четкая акцентировка приоритетов при контактах с прессой), пытается аккуратно, но настойчиво "прессинговать" мировых лидеров, призывая их более плотно заниматься борьбой с нищетой в мире, вопросами изменения климата, наиболее опасными конфликтами и тому подобным.

Тезис третий: процесс "двадцатки", а уж тем более "восьмерки" должен быть более прозрачным, консультационным и "включающим". Полузакрытый клуб не может игнорировать всемирные организации, и пора определиться с механизмами вовлечения в процесс большинства членов Генассамблеи, многие из которых чувствуют уязвленность от своей периферийности. Не может быть и речи о том, говорят сторонники этой точки зрения, чтобы 192 члена Генеральной Ассамблеи принимали на веру решения "двадцатки". Консультации на предмет предлагаемых решений должны иметь место при подготовке к саммитам. Кроме того, после встреч в верхах и Генеральный секретарь, и государство — хозяин форума "двадцатки" поступят умно, если детально "пробрифингуют" рядовых членов ООН о принятых решениях и новых обстоятельствах.

Но это еще не все. В Генассамблее есть настрой на то, чтобы региональные объединения — Африканский союз, АСЕАН и другие — приглашались на встречи "двадцатки". И не для галочки, а чтобы в том или ином виде быть приобщенными к процессу принятия решений.

Одним словом, ООН как наиболее универсальная и легитимная международная организация не может быть отстранена от набирающего

вес процесса "Группы двадцати". Другое дело, что сама Генассамблея, да и организация в целом должны быть более сплоченными и деятельными. Но это уже иная тема.

В.М. Соловьев. Большое спасибо. Думаю, мы получили хороший интеллектуальный заряд для раздумий по разного рода сюжетам, — участие ООН в поддержании мира и безопасности, сотрудничество с региональными организациями.

Те, кто судит о деятельности этой организации, предъявляют порой претензии по поводу того, что ООН не вмешивается более активно в процессы поддержания стабильности в различных частях мира. И есть ряд случаев, особенно на региональном уровне, когда, казалось бы, более активное, предметное вмешательство Организации Объединенных Наций способно было бы затушить конфликт либо ограничить его рамки.

Организация Объединенных Наций возникла, как вы прекрасно знаете, в результате самой кровопролитной в истории Второй мировой войны. Она продукт большой политики и до сих пор им остается. Организация Объединенных Наций — это межгосударственный, межправительственный орган, эффективность которого во многом зависит от того, как складываются отношения между основными игроками на международной арене и теми странами, которые хотят занять более весомое, чем сегодня, место в международной табели о рангах. Организация Объединенных Наций — это такой орган, который постоянно находится в движении, в развитии и без которого, по сути, нельзя представить нормальное развитие ни одной страны! Прошу вас эту мысль иметь в виду.

Переходим к вопросам.

Пожалуйста.

В.П. Кондрашев. В Вашем обширном докладе, Геннадий Михайлович, не затронута очень важная тема — сотрудничество Абхазии и России. Этой проблематикой я занимаюсь уже несколько лет в рамках нашего Экспертного совета. Здесь есть определенные достижения. Занимается ли сейчас ООН этой проблематикой и в каком плане? И не намерена ли Организация Объединенных Наций вернуться к истокам конфликта Грузии и Абхазии с учетом того, что были представлены, будем говорить, ничтожные документы?

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Геннадий Михайлович.

Г.М. Гатилов. Что касается того, занимается ли сейчас ООН этим вопросом. ООН вовлечена в так называемые женевские дискуссии. Они проходят один раз в два-три месяца, и ООН — часть этого процесса,

этого механизма. Смысл всех женевских дискуссий — диалог между грузинскими, абхазскими и югоосетинскими представителями при посредничестве России, Евросоюза, ОБСЕ и ООН. С этой точки зрения они в курсе событий, знают, о чем идет речь. Естественно, никто их не уполномочивал давать какие-то рекомендации и направлять этот процесс. Они просто способствуют этому процессу со стороны ООН.

Вы упомянули о том, что принимались резолюции по Грузии. Да, это была ооновская операция, которая осуществлялась там вплоть до грузинской агрессии. Но речь шла только об операции в Абхазии, тогда никаких ооновских миротворцев в Южной Осетии не было. А после агрессии операция была свернута.

Мы предлагали продлить ее действие, но уже на новой основе, с учетом новых реалий, но не получилось, потому что западные партнеры, когда мы обсуждали проект соответствующей резолюции, пытались все время насытить ее положениями, которые подтверждали бы территориальную целостность Грузии, что ни для нее, ни для абхазов было неприемлемо. Сейчас там никаких миротворцев нет. Единственный аспект — это то, что ООН участвует в женевских дискуссиях.

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

А.Г. Коваленко. У меня два вопроса. Первый вопрос. Давно ведутся дискуссии о расширении Совета Безопасности, каковы перспективы такого расширения? И если это произойдет, какие страны могут туда войти? И какие возможны последствия в глобальной политике?

И второй вопрос. Мы видим, что Европейский союз набирает не только экономическую, но и политическую силу, возможен ли в перспективе выход Европейского союза как единой политической единицы на арену ООН, не заместит ли ЕС в Организации Объединенных Наций те страны, которые в него входят?

Г.М. Гатилов. Что касается Совета Безопасности, то дискуссия не только по его расширению, но и по реформе Совета Безопасности идет уже 15 лет. Безрезультатно. Потому что нет согласия между государствами, между основными группами государств, какие государства войдут в состав так называемого обновленного Совета Безопасности.

Главные претенденты на постоянную прописку в Совбезе — это Германия, Япония, Индия и Бразилия. Им противостоит группа так называемых объединившихся ради консенсуса. Это тоже влиятельные страны — Италия, Пакистан, Аргентина, которые считают, что не надо расширять Совет Безопасности в категории постоянных членов, а нужно расширить его только в категории непостоянных членов с возможной пролонгацией их пребывания в Совбезе на четыре — шесть лет.

И идет такое противостояние уже который год между двумя основными группировками. Прогресса никакого нет. Каждый год предпринимаются попытки как-то сдвинуть эту проблему с мертвой точки, но пока ничего не получается и в обозримом будущем вряд ли что-то получится.

Наша позиция достаточно проста и понятна: мы в принципе считаем, что Совбез должен более адекватно соответствовать сложившимся геополитическим реалиям, в нем должны быть более широко представлены страны других регионов — африканского и азиатского, в частности. Но делать это нужно только на основе самого широкого согласия государств-членов. Понятно, что 100-процентного согласия в жизни в принципе не бывает, но хотя бы что-то близкое к этому.

Вот на этой позиции мы работаем с другими государствами-членами. Мы готовы рассматривать любые варианты реформы Совета Безопасности, но только такие, которые получили бы самую широкую поддержку государств-членов.

И, разумеется, незыблемым для нас является сохранение права вето нынешних пяти постоянных членов Совета Безопасности. Но, в общем-то, активно вопрос об ущемлении прерогатив нынешних постоянных членов Совета Безопасности никто не ставит.

По ЕС могу сказать следующее. Они активизировали попытки поднять свой уровень представительства в Организации Объединенных Наций после заключения Лиссабонского договора. Последняя попытка была предпринята два месяца назад, в сентябре, когда они пытались протащить соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи, смысл которой — повышение статуса ЕС в работе организации и попытка поставить представителей ЕС как бы на один уровень с главами государств — членов ООН. То есть они хотели выступать в общей дискуссии наряду с главами государств, участвовать в подготовке проектов резолюций, вносить поправки и так далее.

В принципе кое-что из этого они делают. Короче говоря, у них на этот раз не получилось.

И возникает вопрос о том, как быть с представительством в Совете Безопасности, если вдруг им удастся договориться о том, что ЕС представляет все государства Евросоюза. И некоторые государства такие идеи высказывают. Сейчас в Совет Безопасности входят Англия и Франция. Но коль скоро страны ЕС имеют единую внешнюю политику, и ЕС готов представлять все государства, то нужно им предоставить одно место в Совете Безопасности.

Но это вызывает жесткое сопротивление со стороны Франции и Англии, которые категорически отвергают эту идею.

А.Г. Коваленко. То есть фактически они в этом случае потеряют свои места?

Г.М. Гатилов. Конечно.

А.Г. Коваленко. То есть сталкивание европейской идеи с национальными?

Г.М. Гатилов. Да. Но я думаю, что ничего из этой затеи не выйдет, потому что и Англия, и Франция своими полномочиями в Совете Безопасности вряд ли поступятся в пользу единого представительства ЕС.

В.М. Соловьев. Владимир Евгеньевич, пожалуйста.

В.Е. Лепский. У меня два вопроса.

Первый вопрос такой. Заслуги ООН в части предотвращения распространения и использования различных видов оружия массового поражения известны. А вот как обстоят дела с таким скрытым, неявным видом оружия массового поражения, как технологии управляемого хаоса, идеи которого были разработаны Збигневом Бжезинским, а затем Стивеном Манном. Они были успешно применены в России, на Украине, в Грузии, Косово, Ираке. Вот ставит ли ООН вопросы о том, как человечество могло бы предотвращать такого рода воздействия, которые в чистом виде являются оружием массового поражения, потому что разваливают концепции бытия, разваливают устройство страны и приводят к последствиям не менее значимым, чем другие виды оружия массового поражения?

Г.М. Гатилов. Теория управляемого хаоса как таковая официально, сколько мне известно, в органах ООН не рассматривалась, публичных дискуссий на эту тему нет. Две вещи в связи с этим можно упомянуть.

Первый аспект. Есть достаточно новая концепция, которая позволяет рассматривать безопасность не в традиционном военно-политическом ключе, а в совершенно разных ипостасях. Это концепция, которая мне кажется достаточно многообещающей, — концепция человеческой безопасности, или безопасности человека.

Она наполнена известным содержанием, есть доклады на этот счет, есть дискуссии. Посыл ее, насколько я помню, состоит именно в том, чтобы вывести дискурс за пределы привычного военно-политического формата и внести в дискуссию новые аспекты, чтобы посмотреть, как же в начале XXI века складывается ситуация, какие элементы на нее влияют.

Полагаю, тот вопрос, который Вы имеете в виду, можно рассмотреть в рамках этой концепции.

Второй аспект. Россия на протяжении уже несколько лет настойчиво вносит на рассмотрение Генеральной Ассамблеи проект резолюции

об информационной безопасности. Сначала это воспринималось скептически, казалось, что тема несколько искусственная. Но в связи с развитием мировой информационной сети, когда угрозы в сети стали не умозрительными, а реальными, наш проект резолюции хорошо проходит, уже создана группа экспертов, которая работает над соответствующими рекомендациями, готовится доклад Генсекретаря и так далее. Так что эта идея овладевает умами международного сообщества.

Концепция безопасности человека продвигается целым рядом стран. В целом вроде бы неплохая идея — обеспечить безопасность человека. Но все-таки Россия, и целый ряд других стран считают, что здесь нужно определить какие-то критерии безопасности, сферу действия концепции, чтобы впоследствии ее нельзя было использовать для вмешательства во внутренние дела государств.

Китайцы, по-моему, первые противники. Вы знаете их отношение к правам человека, поэтому они здесь очень твердую позицию занимают. Видимо, нужно добиваться того, чтобы прийти к общему пониманию и выработать общеприемлемые понятия.

В.Е. Лепский. Спасибо.

И второй вопрос. Сегодня есть достаточно четкое осознание того, что причина последнего финансово-экономического мирового кризиса не только в финансово-экономическом механизме. Остро стоят проблемы мироустройства, вопросы о том, кто управляет миром, о формах жизнедеятельности на планете, которые могли бы как-то гармонизировать мир. Уже ясно, что нельзя редуцировать детерминацию развития человечества к финансово-экономическим механизмам и к устройствам типа капиталистического или какого-то иного. Ставит ли ООН проблемы разработки форм жизнедеятельности, которые привели бы человечество к большей гармонии и предотвратили мировые кризисы, которые возникают и будут возникать, если мы останемся рабами финансово-экономического детерминизма?

А.С. Горелик. В ООН действительно ведется в этом плане достаточно широкая и полезная, на мой взгляд, дискуссия.

Последний финансово-экономический кризис опять поставил вопрос о том, каковы должны быть измерители успеха. Традиционный, привычный "аршин" — ВВП или ВНП — все больше подвергается критике. Стоит задача найти более точные, более объективные инструменты для того, чтобы измерять успех или неуспех того или иного общества. Программа развития ООН уже довольно давно выдвинула очень прогрессивный, интересный показатель — индекс человеческого разви-

тия. Измеряемые этим индексом показатели государств в значительной степени не совпадают с теми, что получаем, используя показатель ВВП.

Хочу обратить ваше внимание на доклад Программы развития ООН, который вышел только неделю назад, это доклад о человеческом развитии, о развитии человека в Российской Федерации, новый. Его посыл состоит в том, чтобы посмотреть на развитие в России не с точки зрения ВВП, а с точки зрения качества развития человеческого потенциала. И там есть целый ряд интересных замечаний, рекомендаций.

Главная из этих рекомендаций сводится к тому, что России нужно переосмыслить взгляды на ценность человеческой жизни, на проблемы демографии и прочее.

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

С.К. Ознобищев. Уважаемый Геннадий Михайлович, вначале Вы произнесли любимую нами формулу, которую мы все душой поддерживаем и поддерживали еще и в советские времена, что нет военных решений для безопасности. А как тогда быть с военной операцией в Афганистане, которую мы всячески поддерживаем? Понятно, что с помощью американцев и натовцев мы обеспечиваем безопасность собственной границы и решаем в первую очередь собственные задачи.

И второй вопрос. Каковы перспективы освоения космического пространства вне милитаризации? Это российско-китайский проект, его будущее и так далее. Есть какие-то шаги навстречу нам со стороны американцев, других западников?

Г.М. Гатилов. Если говорить конкретно по Афганистану, то там идет борьба с терроризмом. Борьба с терроризмом — это не борьба с политическими группировками, которые противостоят друг другу и которые, с нашей точки зрения, сами должны договориться о будущей ситуации в стране. В последнее время мы весьма активно говорим об идее национального примирения в Афганистане. Но, разумеется, это не распространяется на борьбу с террористами "Аль-Каиды" и "Талибана", с которыми международное сообщество совершенно справедливо ведет борьбу. Естественно, мы эту борьбу поддерживаем и вносим свой вклад в нее.

Относительно того, что нет военного решения... По-моему, уже и американцы пришли к такому выводу, поскольку все активнее идут разговоры о выводе американских военных формирований оттуда и о передаче всей власти афганцам. Уже все убедились, что в Афганистане военного решения быть не может, и стабилизация в стране возможна только при активном участии самих афганских сил.

Что касается космоса. Наш с китайцами проект несколько лет назад был внесен, каждый год мы его вносим, в этом году тоже внесли. Мы очень рассчитывали на то, что в этом году американцы изменят свою позицию и поддержат наш проект.

И на то были основания. Но, судя по последней информации, они пока не готовы поддержать этот проект. Видимо, что-то у них там не срабатывает, кто-то выступает против.

Но все равно этот проект будет принят. Жаль, конечно, что одна из крупнейших держав как бы дистанцируется от него. Но процесс-то все равно будет развиваться в этом направлении.

В.М. Соловьев. Вячеслав Иванович, пожалуйста.

В.И. Алдонясов. У меня вопрос по поводу региональных универсальных подходов к обеспечению безопасности и перспектив взаимодействия.

Главная задача ООН — это мучительная проблема поддержания мира и безопасности во всем мире. Есть и другие организации, которые решают ту же самую задачу, это НАТО, Евросоюз, до распада Советского Союза — Варшавский Договор, сам Советский Союз. В настоящее время это ШОС, ОДКБ и прочие.

Получается прелюбопытная вещь: одни и те же задачи решают разные организации. Но эти организации отличаются по иерархии, Организация Объединенных Наций занимает высшее место в этой иерархической системе.

И вот у меня вопрос: а каково реальное соотношение миротворческих, миростроительных и силовых потенциалов этих организаций, которые решают в принципе одни и те же задачи? И здесь мы видим дикое несоответствие. Казалось бы, есть суперглобальная система — Организация Объединенных Наций, имеющая свои миротворческие силы, свои финансы, свои представительства во всех регионах.

И есть такая организация, как НАТО, которая намного превосходит ООН по всем показателям (по финансам, по военному потенциалу, по расширяющемуся присутствию по всем мире).

Получается невероятное противоречие. То есть более высокая по иерархии организация, которая признана решать глобальные проблемы, менее способна на это, у нее меньше сил. Более того, она зависит от финансовых поступлений тех стран, которые как раз и спрятались в военно-политический союз НАТО и решают свои сугубо ведомственные задачи, но уже покушаются и на глобальные.

Яркий пример — это их присутствие в Афганистане. Какое отношение имеет Афганистан к североатлантическому сообществу географически? Никакого. Африка какое имеет отношение к НАТО?

Мне кажется, что здесь какое-то вопиющее несоответствие.

Г.М. Гатилов. Я бы так ответил. Да, у НАТО большой потенциал, есть опыт проведения различного рода силовых операций. Но то, что они теперь все больше начинают обращаться в ООН, говорит о том, что им нужна поддержка и других игроков, в частности Организации Объединенных Наций. И та операция, которая проводится ими в Афганистане, это силовая операция, ООН оказывает им другого рода поддержку.

Организация Объединенных Наций, со своей стороны, понимает, что в одиночку тоже не может справиться с тем объемом задач, которые стоят перед международным сообществом, и она вынуждена опираться на региональные организации, это НАТО, ЕС, в меньшей степени другие региональные организации.

А почему бы ООН не привлекать НАТО, если есть на это согласие обеих сторон, и есть возможности. Задача состоит в том, чтобы направить их усилия в необходимое русло, а это трудно, потому что у НАТО свои задачи, главным образом военно-политические. Но все же раньше о сотрудничестве НАТО с ООН и речи не шло, а сейчас мы уже имеем и представительство, натовский офис в Секретариате ООН. Они подписали меморандум о сотрудничестве, то есть, мне кажется, процесс идет как раз в направлении объединения усилий.

В.И. Алдонясов. А конечная цель какая? Ликвидация НАТО? Зачем тогда НАТО существует, если есть ООН? Они решают одни и те же задачи — борьба с наркотиками, борьба с терроризмом. При этом НАТО решает свои сугубо эгоистические, ведомственные задачи, но не решает глобальные задачи.

Г.М. Гатилов. Они пытаются решать свои задачи (и это естественно) как военно-политический блок.

В.И. Алдонясов. Как в частности, они борются с наркобизнесом?

Г.М. Гатилов. С наркобизнесом ситуация сложная. Мы их неоднократно — и через ООН, и по другим каналам — пытались призвать к тому, чтобы они более активно вели борьбу с наркобизнесом, с наркоиндустрией, с наркопосевами, но следует отметить, что это не входит в мандат той операции, которую они проводят в Афганистане.

В.И. Алдонясов. Но НАТО никакого отношения к Афганистану не имеет. Почему они там присутствуют и куда смотрит ООН?

А.С. Горелик. Можно я отвечу? Два коротких замечания. Первое замечание — относительно международного права и взаимоотношений между глобальной организацией и региональными.

Многосторонняя операция, которую Вы называете натовской, в Афганистане ведется с разрешения Совета Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН регулярно принимает резолюции, которые создают международную правовую базу для этой операции.

И второе замечание. По численности общего персонала, который поставлен под голубой флаг, ООН сегодня по-прежнему является вторым игроком после Соединенных Штатов Америки. За пределами американской территории пока еще американский контингент самый большой в мире. Второй по численности идет уже Организация Объединенных Наций с ее голубыми касками, дальше НАТО.

Г.М. Гатилов. Дело в том, что ООН не проводит силовые операции в отличие от НАТО. Весь контингент ООН, операции ООН — миротворческие.

В.М. Соловьев. Что значит миротворческие? Значит, на то было согласие сторон, состоящих в конфликте. В этом состоит и самая большая проблема. Не забывайте, что сама Организация Объединенных Наций — это участок глобальной политической игры между основными игроками на международной арене. Это субъект межгосударственных отношений. Каковы эти отношения, такова и эффективность ООН.

Пожалуйста, вопрос.

В.П. Аверчев. К вопросу о "двадцатке", которая, по сути, является чрезвычайно рыхлым образованием, у них даже своего секретариата нет. И тем не менее такая нервическая реакция со стороны ООН: и нас включить, и региональные организации, требования транспарентности и так далее.

Эта нервическая реакция, на мой взгляд, свидетельствует о том, что опять выходит на поверхность более реликтовая, условно говоря, геополитика великих держав, которые оформляют свои решения через так называемые легитимные структуры. Мы с тем же самым сталкиваемся в Европе, когда на встречу "тройки" (Россия, Германия, Франция) — точно такая же нервическая реакция со стороны ЕС, США и так далее. Означает ли это, что при современной глобальной перестройке мирового порядка возникает ощущение если не потери легитимности этих традиционных институтов, то по крайней мере появления неких структур, которые, не обладая легитимностью, имеют более высокую эффективность и фактически возвращают нас к какому-то более традиционному типу регулирования мирового порядка?

Это вопрос Александру Семеновичу. И чисто технический вопрос: этот доклад Программы развития ООН, который Вы упомянули, вывешен где-нибудь на сайте?

А.С. Горелик. Да, на сайте ENDP. Он есть на английском и на русском языках, очень интересный доклад.

В принципе с Вашим посылом я согласен. Замечу лишь, что "нервическая реакция" в значительной степени исходит от государств среднего политического и экономического веса и от мелких государств. Они чувствуют себя, конечно, обделенными, в то время как большие державы представлены везде, от Совета Безопасности до "восьмерки" и "двадцатки". В "двадцатке" есть и новые, растущие державы.

И недаром координатором тех текстов, которые появляются в Генеральной Ассамблее, является такое государство, как Сингапур. Вот эти государства особенно остро чувствуют свою отстраненность от того, что происходит.

Н.Г. Багдасарьян. У меня вопрос к Александру Семеновичу в контексте его замечания о триаде "безопасность — экономика — культура" и в контексте предстоящего обсуждения книги Кортунова "Какая Россия нужна миру". Ведется ли какая-либо проработка в рамках подведомственной вам организации стратегии формирования, скажем так, правильного образа России?

А.С. Горелик. Вопрос не ко мне. Могу только сказать, что в рамках ООН есть попытки написания разных стратегий. Одна из достаточно интересных — это ооновская большая инициатива, которая называется "Альянс цивилизаций". В ней речь идет о том, как бы так обустроить всемирное сосуществование, чтобы убрать конфликтный потенциал между христианским Западом и мусульманским Востоком. Там есть концептуальные элементы, с которыми я рекомендую Вам ознакомиться. В отношении России — это вопрос к российской стороне.

В.М. Соловьев. Пожалуйста, Ваш вопрос.

И.С. Яценко. На саммите в Лиссабоне в ноябре будет утверждена новая военно-политическая концепция развития НАТО до 2020 года, подготовленная под руководством Мадлен Олбрайт, Збигнева Бжезинского и других вечных врагов России.

У меня такой вопрос. Каковы перспективы сотрудничества НАТО и России в свете этой новой концепции и поездки нашего Президента в Лиссабон? А также каковы последствия этого сотрудничества, в частности, в отношении Афганистана, Белоруссии. Недавно Белоруссия заключила первый договор о военном сотрудничестве с Литвой — членом НАТО.

Г.М. Гатилов. Это немножко не в нашей компетенции, потому что проблематикой НАТО занимается другой департамент — Департамент общеевропейского сотрудничества.

Я могу только сказать, что перспективы сотрудничества, в частности применительно к Афганистану, у нас есть. Вы знаете, что было подписано соглашение о транзите невоенного имущества в Афганистан. Сейчас идут переговоры по подписанию соглашения в отношении возврата имущества из Афганистана. Хочу подчеркнуть, что у нас есть общая цель — борьба с терроризмом в Афганистане, борьба с наркоугрозой, что для нас сейчас особенно актуально.

Поэтому в этом плане у нас перспективы сотрудничества есть. Вы знаете, что после августа 2008 года все было заморожено, сотрудничество практически прекратилось. Сейчас идет процесс восстановления этих отношений. И встреча в Лиссабоне, в которой будет участвовать наш Президент, свидетельствует о том, что есть желание с обеих сторон как-то нормализовать отношения.

Все-таки есть в нашем взаимозависимом мире те угрозы и те вызовы, с которыми лучше бороться совместно, там мы можем найти точки соприкосновения со всеми партнерами, включая НАТО.

В.М. Соловьев. Еще вопрос, пожалуйста.

А.Г. Коваленко. Вопрос к Александру Семеновичу. В начале выступления у Вас была фраза: справедливость в мировых делах. На Ваш взгляд, в ООН что преобладает — партнерство или конкуренция? И можно ли вообще говорить о справедливости в мировых делах?

А.С. Горелик. Вопрос философский, хотя абсолютно оправданный.

Мне кажется, в современных условиях попытки ООН обеспечить бóльшую справедливость в мировых делах, обеспечить солидарность стран через оказание внешней помощи, через регулирование конфликтов — это архиактуальное и правильное занятие. Но мы живем в мире, который не идеален.

Сегодняшнее обсуждение показывает, что все-таки ООН как глобальная организация, замешанная на идеализме и прагматизме, свою функцию как может выполняет. В то же время есть региональные достаточно замкнутые клубы, которые более успешны, — Европейский союз, НАТО и так далее. Они вбирают в себя государства со схожим уровнем развития, со схожими политическими, социальными системами, поэтому им гораздо проще решать свои внутренние проблемы.

А.Г. Коваленко. Конкуренция и партнерство — чего больше?

А.С. Горелик. Поровну. Когда как.

В.М. Соловьев. Геннадий Михайлович, хотите что-либо добавить?

Г.М. Гатилов. Приведу конкретный пример, когда стандарты ЕС расходятся со стандартами ООН, и это вредит общему делу. Возьмем, например, санкции против Ирана. В резолюции ООН по Ирану есть набор конкретных мер, которые вводятся для укрепления санкционного режима. После того как эта резолюция была принята, США в одностороннем порядке утверждают свои национальные законы, санкционные меры, которые идут гораздо дальше тех мер, которые согласованы на уровне международного сообщества в лице Совета Безопасности. Евросоюз также принимает решение, в целом идущее в русле американского. Получается, что стандарты и критерии Евросоюза выходят за рамки согласованных решений международного сообщества. Зачем же мы на уровне ООН, его Совета Безопасности долгие месяцы согласовываем пакет санкционных мер в отношении Ирана, а когда нам это удается сделать, принимаются решения, которые, по существу, перечеркивают решение, принятое Советом Безопасности, и вводят так называемые односторонние санкции, которые затрагивают интересы третьих стран? У нас уже были такие случаи, когда исходя из резолюции Совета Безопасности мы имели право направить соответствующий груз в Иран, но он был перехвачен в Германии под тем предлогом, что он подпадает под европейский набор санкций. Из-за этого возникают всякого рода проблемы.

В.М. Соловьев. Спасибо большое. Сегодня мы заслушали подробную информацию о работе ООН по обеспечению безопасности, ценные размышления представителя МИД России и директора Информационного центра ООН по самому широкому кругу проблем.

Заключительное слово Геннадия Михайловича Гатилова.

Г.М. Гатилов. Мне кажется, что нет необходимости подводить итоги. У нас, на мой взгляд, состоялось достаточно продуктивное обсуждение. И я благодарен за те вопросы, которые были мне заданы. Они свидетельствуют о том, что есть интерес к проблематике ООН, к тому, чем занимается организация и каким образом мы могли бы использовать ее потенциал в наших интересах.

В.М. Соловьев. Александр Семенович, пожалуйста.

А.С. Горелик. Я тоже считаю, что обсуждение этого вопроса было продуктивным. И если вы интересуетесь проблемами международной безопасности, окружающей среды, прав человека и так далее, можете дать свои электронные координаты нам, и мы будем вам присылать самые свежие доклады, публикации, исследования Организации Объединенных Наций. Уверен, они будут вам интересны.

В.М. Соловьев. Хотелось бы сделать короткое заключение. Мы не должны забывать: мы сегодня имеем такой разнообразный, многоплановый мир благодаря в том числе Организации Объединенных Наций.

Никто сегодня не вспомнил 1960-е годы, процесс деколонизации. Именно Организация Объединенных Наций поставила в повестку дня этот вопрос. В итоге на политической карте мира появились десятки новых государств. ООН приняла их в свои ряды, под крыло международного права, дала им соответствующий статус. Без этого мы имели бы еще более сложную картину мира, еще больше трудностей, проблем и конфликтов, чем сегодня. Появление десятков новых государств, позволило сбалансировать мир, позволило нам сегодня говорить не о двуполярном или триполярном мире, а о многополярности нашего мира, о том, что существует глобальная безопасность. И не существует сегодня в мире игрока, который единственно своей волей, политической и военной силой всех остальных выстроил бы, как говорится, во фрунт. Есть общая воля, которую в первую очередь выражает Организация Объединенных Наций.

Хотел бы поблагодарить всех за активное участие в заседании. До встречи в конце ноября.

8. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 26 НОЯБРЯ 2010 ГОДА

8.1. ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ШВЕЙЦАРИИ

(Из стенограммы заседания от 26 ноября 2010 года)

В.М. Соловьев. Доброе утро! Первый вопрос повестки дня — "Приоритеты внешней политики Швейцарии". Предварительно было распространено выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Швейцарии в России господина Вальтера Гигера. С выступлением ознакомился председатель Комитета Совета Федерации по международным делам господин М.В. Маргелов. Текст выступления был распространен на последнем заседании Совета Федерации. Обращаю внимание на методологию изложения господином Гигером темы внешней политики Швейцарии. Хотелось бы отметить неразрывную взаимозависимость между внутренней и внешней политикой в докладе посла. Это объясняет наличие консолидации швейцарского общества. Следует отметить сложившуюся исторически исключительность положения Швейцарии.

Швейцария внесла огромный вклад в то, что мы прожили почти 70 лет без мировой войны. Любой серьезный политолог, политик, дипломат осознает роль Швейцарии, ее политики нейтралитета в поддержании стабильности в мире в целом. Это и пример того, как можно в течение длительного времени отстаивать интересы собственной страны и одновременно вносить огромный вклад в международную стабильность и безопасность.

Мне доставляет большое удовольствие представить вам Чрезвычайного и Полномочного Посла Швейцарии в России Вальтера Бруно Гигера, который является одним из наиболее опытных дипломатов этой страны. Предоставляю ему слово.

В.Б. Гигер. Дамы и господа! Я очень благодарен организаторам заседания за то, что пригласили меня поговорить о приоритетах швейцар-

ской внешней политики в меняющемся мире. Спасибо за хорошие слова в адрес Швейцарии, хотя не знаю, можем ли мы действительно гордиться состоянием сегодняшней мировой политики.

Швейцарская конституция предусматривает пять основных задач швейцарской внешней политики. И, как мне кажется, эти основные внешнеполитические задачи являются практически одинаковыми для всех стран.

Это обеспечение независимости страны, рост благосостояния людей, обеспечение прав человека и принципов демократии, способствование мирному сосуществованию народов и содействие сохранению природных ресурсов. У нас четыре основополагающих принципа внешней политики. Первый из них вам хорошо знаком — это нейтралитет нашей страны. Второй — наша универсальность. Третий — наша солидарность. Четвертый принцип — наша постоянная готовность к решению любых международных проблем.

Новые вызовы — это глобальные сдвиги в расстановке экономических и политических сил, необходимость укрепления межгосударственного сотрудничества и последствия этих сдвигов для внешней политики.

Какие будут последствия для нашей внешней политики? Каким будет новый мировой порядок? Какие решения и подходы позволят Швейцарии эффективно противостоять новым вызовам, отстаивать свои интересы и способствовать поиску решений международных проблем, соблюдая при этом постоянный нейтралитет? Ключевым понятием для нас является диалог. Вы знаете, что Швейцария является мультикультурной, мультирегиональной, мультирелигиозной конфессиональной страной, и мы можем сохранить единство страны, только если все стороны будут постоянно находиться в диалоге друг с другом. Мы представляем в принципе маленькую модель всего мира. На международной арене диалог сегодня является не самым популярным инструментом. Напротив, складывается прямо противоположная ситуация: все время принимаются односторонние решения, обсуждение значимых проблем происходит без участия наиболее заинтересованных сторон, и нередко важные аспекты и точки зрения остаются без должного внимания.

Может, именно потому в мире столько проблем, что многие отказываются от диалога.

Теперь о главных сферах швейцарской внешней политики, о том, как мы имплементируем наши подходы. Я хотел бы привести два примера — это наша политика в отношении Европейского союза и в отно-

шении России. Будучи ближайшим соседом и крупнейшим экономическим партнером Швейцарии, Европейский союз представляет собой важнейшее направление нашей внешней политики. Роль ЕС в отношениях со Швейцарией будет лишь возрастать по мере расширения его географических границ и политической компетенции.

Швейцария решила отказаться от вступления в Евросоюз. Мы идем, как мы говорим, по двустороннему пути. В течение многих лет Швейцария стремилась укрепить взаимоотношения с Евросоюзом и для этой цели заключила с единой Европой целый ряд двусторонних соглашений. 20 из них считаются ключевыми, а остальные (более 100) имеют статус второстепенных. Приведу несколько примеров действующих соглашений.

Самым важным является Соглашение о свободной торговле, а также Соглашение о транспорте и о свободном передвижении людей в рамках Шенгенского и Дублинского соглашений, в силу которых Швейцария является полноправным участником процесса свободного передвижения людей внутри европейского пространства. Также хотелось бы упомянуть Соглашение о сотрудничестве в сфере исследований. Мы также готовим сейчас новые соглашения — например, в сфере земледелия, агросфере.

На сегодняшний день мы можем сказать, что товары, люди, услуги и капитал могут свободно передвигаться между Швейцарией и Евросоюзом.

Хотя мы не являемся членом Евросоюза, мы тем не менее стараемся влиять на принятие решений в ЕС путем лоббирования при подготовке решения.

Швейцария является членом ряда европейских организаций — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейской ассоциации свободной торговли и Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН).

Швейцария — нейтральная страна, поэтому не входит в НАТО, но она участвует в программе НАТО "Партнерство во имя мира".

Как видите, у нас существуют очень интенсивные отношения с Евросоюзом во всех сферах наших общих интересов.

Мы также имеем тесные связи с Россией. Правительство Швейцарии считает укрепление и углубление наших взаимоотношений с Россией одним из своих стратегических приоритетов. Такая политика основывается на нашей уверенности в том, что Россия приобретает все большее влияние на мировой арене и в дальнейшем будет все активнее

продвигать свои интересы в вопросах безопасности и сотрудничества в Европе.

Швейцария входит в число десяти самых крупных инвесторов в России, а Россия занимает все более важное место в качестве инвестора в Швейцарии. Роль России становится все более значительной в секторе энергетики Швейцарии. Около 25 процентов всего газа и нефти, которые используются в Швейцарии, поставляются из России. Наше сотрудничество все больше углубляется.

7 ноября 2010 года был подписан меморандум о сотрудничестве между двумя нашими странами. В рамках этого меморандума сейчас проходят консультации, охватывающие 20 разных секторов. Это, например, проблемы внешней политики, взаимоотношения между двумя нашими странами, отношения с Европейским союзом, а также транспортная политика, сельское хозяйство (речь идет о страховой сфере в сельском хозяйстве), энергетическая политика, финансы.

Интенсивность и регулярность наших контактов подтверждается на самом высоком уровне. В прошлом году впервые в истории Президент России посетил Швейцарию, а в этом году состоялся ответный визит Президента Швейцарии в Россию, в город Сочи, где произошла встреча двух президентов. Я знаю, что и в следующем году контакты на этом уровне продолжатся.

Тесные взаимоотношения между Швейцарией и Россией стали одной из причин обращения России к Швейцарии с просьбой представлять ее интересы в Тбилиси после разрыва дипломатических отношений с Грузией.

В начале октября 2008 года после получения соответствующего запроса с российской стороны Швейцария высказала принципиальное согласие представлять интересы России в Грузии при условии, что Грузия не откажется от передачи Швейцарии соответствующих полномочий по защите своих дипломатических интересов.

Грузия, в свою очередь, обратилась к Швейцарии с аналогичной просьбой представлять ее интересы в России. А это значит, что я, как посол, представляю не только Швейцарию, но также и Грузию. Но моя роль ограничивается передачей сообщений из одной страны в другую.

Мы сформулировали особые направления секторальной (отраслевой) политики. В частности, это относится к международной финансово-экономической, климатической, энергетической политике, к международной политике в области здравоохранения, разоружения и нераспространения всех видов ядерного оружия, в области безопасности и

так далее. Для нас, как для маленькой нейтральной страны, политика в сфере разоружения и нераспространения ядерного оружия является очень важной.

Мы поддерживаем все шаги, направленные в сторону разоружения и нераспространения ядерного оружия, а также обыкновенного оружия. Что касается нашей внешнеэкономической политики, то для нас важна свободная торговля в сфере не только экспорта, но и импорта.

Что касается отношений между Швейцарией и ООН, то мы очень гордимся тем, что на данный момент представитель Швейцарии является председателем Генеральной Ассамблеи ООН.

Для нас очень важно укрепление международной роли Женевы, которая является одной из мировых столиц межгосударственного сотрудничества.

Хотелось бы сделать некоторые выводы. Я считаю, что Швейцария является лучшим примером "мягкой силы" с активной позицией. Мы чувствуем свою ответственность и занимаем ту позицию, что нужно путем диалога способствовать решению международных проблем. И мы считаем, что сильная внешняя политика возможна только при сильной дипломатии. С помощью сильной дипломатии мы можем отстаивать свои национальные интересы и способствовать решению международных проблем.

В.М. Соловьев. Большое спасибо, господин посол. Ваше выступление — свидетельство того, что вы являетесь достойным представителем швейцарской дипломатии. Наличие у страны сильной дипломатии — это один из вопросов, который постоянно находится в центре внимания и российского руководства. Сильная профессионально подготовленная дипломатия вносит неоценимый вклад в отстаивание национальных интересов, в развитие международного диалога.

Отстаивание национальных интересов, ведение международного диалога — это две основные мысли, которые вы донесли до нас.

Пожалуйста, вопросы.

А.Г. Коваленко. Господин посол, спасибо Вам за такое интересное выступление. Я хотел бы задать Вам пару вопросов. Первый вопрос связан с нейтралитетом вашей страны. Это действительно исторический феномен, что в течение большого исторического периода такая маленькая страна, как Швейцария, соблюдает международный нейтралитет в его сущностном содержании.

Казалось бы, соблюдение нейтралитета — это очень дорогое удовольствие. А ведь в стране нет газовых, нефтяных месторождений, нет сырьевой экономики, которая позволила бы "мускулами" подтверждать

свой нейтралитет. И нет также колоссального объема вооружений. Хотя, может быть, финансовые инструменты будут посильнее, чем все мною перечисленные.

Не могли бы Вы рассказать, что является основой нейтралитета, который позволил вам и во времена Второй мировой войны, и сейчас оставаться нейтральной страной? И каковы перспективы продолжать оставаться нейтральной страной, осуществляя при этом тесные связи со всем остальным миром?

И второй вопрос. Во время Второй мировой войны с финансовой точки зрения вы также оставались страной, которая хранила финансовые секреты (я имею в виду банки). Что подвигло швейцарские банки под давлением Соединенных Штатов и некоторых других стран открывать информацию о вкладчиках в банках?

В.Б. Гигер. Конечно, это почти чудо, что наша страна смогла так долго сохранять свой нейтралитет. В принципе наш нейтралитет восходит еще к Вестфальскому миру 1648 года. Вы знаете, государство в принципе функционирует, как и люди. Если ведешь добродетельную жизнь, то только в своих интересах, для самосохранения.

Если бы мы участвовали в европейских войнах прошлого, то Швейцарии сегодня просто не существовало бы. Но начиная с Венского конгресса, на котором Россия сыграла важную роль в признании нейтралитета Швейцарии, мы очень строго придерживаемся нашего нейтралитета.

Это нейтралитет, который закреплен в международном праве. Согласно ему нейтральная страна не участвует ни в каких военных действиях. И политическая сторона нейтральности, нейтралитета означает, что наша страна принимает абсолютно все меры к тому, чтобы не попасть в военный конфликт.

Мы ведем активную политику по сохранению мира, стараемся внести свой вклад в мирное разрешение конфликтов по всему миру. И именно это является для нас гарантией того, что нас не вовлекут в военные конфликты. Например, услуги, которые мы оказываем сейчас России и Грузии, это как раз результат нашей политики нейтралитета.

Наше вступление в ООН, которое произошло в 2002 году, является следствием нашей политики нейтралитета, потому что на сегодняшний день ООН является лучшим гарантом мирного разрешения конфликтов. Это означает, что в нашем мышлении концепция нейтралитета развивается. Швейцария не может остаться нейтральной, находясь в стороне от объединенного мира, когда какие-то "государства-подлецы" нападают

на другие. Именно поэтому мы участвуем в режиме санкций, когда принимаются соответствующие решения ООН. Одним словом, политика нейтралитета на сегодняшний день является нашей миротворческой политикой.

По второму вопросу. Швейцария не отказалась от банковской тайны. Швейцария просто согласилась с положением пункта 26 соглашения о двойном налогообложении в контексте рамочного договора с ОБСЕ. Это положение предусматривает, что если возбуждается дело, то это происходит в стране происхождения денежных средств. Допустим, у вас деньги в Швейцарии. Российские налоговые органы не могут к нам прийти и спросить: господин икс игрек имеет деньги в Швейцарии? Сначала налоговые органы России должны возбудить уголовное дело в отношении подозреваемого, после этого отправить соответствующий запрос о правовой помощи в Швейцарию. Мы проверим, соответствует ли возбужденное дело нашим стандартам правового государства. Если это так, то мы готовы давать информацию.

Швейцарское правительство придерживается ясной позиции. Неважно, от кого запрос — от США, России, Германии или какой-либо другой страны, просто так мы информацию о лицах не передаем. Впрочем, у нас очень строгое законодательство по предотвращению отмывания денег у нас в Швейцарии. Если, допустим, вы хотите открыть счет в Швейцарии и разместить там деньги, вы не можете просто прийти в банк с кейсом, полным наличных денег. Вы должны банку объяснить, откуда эти деньги, как вы стали их владельцем. По швейцарскому законодательству банки обязаны задавать соответствующие вопросы. Они отвечают за то, чтобы не брать "черных", то есть не декларированных, денег. Швейцарская финансовая площадка является достаточно сильной для того, чтобы принимать только "чистые" деньги и не работать с "грязными" деньгами. Но банковская тайна при этом остается в силе. Пока клиент уважает и соблюдает законы страны своего происхождения, он может совершенно не бояться, что Швейцария передаст какую-то информацию о нем.

В.М. Соловьев. Еще вопросы, пожалуйста.

И.С. Яценко. В докладе господина посла указывается, что одним из четырех основополагающих принципов политики Швейцарской Конфедерации является готовность способствовать решению любых проблем. Наверное, имеется в виду готовность Швейцарии сотрудничать со всеми государствами в экологической сфере, сохранении окружающей среды, сохранении и использовании воды как наиболее важного продукта в современном мире?

В.Б. Гигер. Я отвечу на это замечание. Это не совсем так. Под термином "готовность" понимается то, что мы всегда готовы помочь третьим странам в решении каких-то проблем. Это является выражением также универсальности нашей внешней политики. Это значит, что мы со всеми странами стараемся поддерживать дипломатические отношения. У нас очень плотная сеть посольств, у нас есть посольства во всех странах Центральной Азии. Действует также принцип солидарности. Он касается, например, участия страны в усилиях мирового сообщества по решению каких-то проблем в сфере защиты окружающей среды, загрязнения нашей планеты. Также международное сотрудничество в помощь развивающимся странам. Также любые меры для того, чтобы предотвратить конфликты в силу возрастающей разницы благосостояния жителей нашей планеты.

Примером нашей готовности может служить положительный ответ на запрос России и Грузии представлять их взаимные интересы.

В.М. Соловьев. Еще есть вопросы? Пожалуйста.

П.С. Золотарев. Господин посол, спасибо за краткий, но очень информативный доклад. Два вопроса. Первый. Миграционные потоки в Европу для Швейцарии представляют какую-то проблему или нет? И второй вопрос. Международный терроризм для Швейцарии представляет какую-либо угрозу либо швейцарский нейтралитет позволяет нейтрализовать эту угрозу?

В.Б. Гигер. Спасибо за эти два интересных вопроса. Сначала о миграционных потоках. 20 процентов всего населения Швейцарии — это иностранцы. Это значит, что миграционные потоки оказывают большое влияние на нас. Но мы являемся страной, которая и в прошлом, и теперь нуждается в иностранной рабочей силе. Наше членство в Шенгенском и Дублинском соглашениях является подтверждением того, что мы прекрасно осознаем, что являемся частью европейского сообщества. Это значит, что мы должны решать проблемы миграционных потоков совместно с другими государствами. Мы предложили России начать диалог о миграционных потоках. Россия все больше становится транзитной страной для международных мигрантов. Как раз в этой сфере, я думаю, был бы полезен обмен опытом между нашими странами. Очень надеюсь, что в следующем году мы получим положительный ответ российской стороны.

Международный терроризм, конечно, касается всех нас. Было бы наивно рассуждать так: мы нейтральная страна, поэтому к нам террористы не придут. В этой сфере мы тесно сотрудничаем с другими странами, в том числе с Россией. И мы хотим внести свой важный вклад в эту

борьбу, не допустив, чтобы швейцарская финансовая площадка была использована террористами. Вы видите, что невозможно сохранить нейтралитет, находясь между террористами и странами мирового сообщества.

В.М. Соловьев. Еще, пожалуйста, вопросы.

А.Г. Коваленко. С вашей точки зрения, существует ли возможность для какой-то страны в этих условиях провозгласить себя нейтральной, как и Швейцария?

В.Б. Гигер. С одной стороны, почему бы другой стране не стать нейтральной, как Швейцария, и вести миротворческую политику. С другой стороны, я не верю, что Швейцария либо какая-то иная страна может быть образцом для других. У всех своя история, у нас разные соседи, разный состав населения, экономические условия, менталитет народа.... Мы всегда осознавали тесную взаимосвязь между сохранением нейтралитета, отказом от участия в войнах и наличием сильной армии.

Наш нейтралитет нам удалось сохранить во время Второй мировой войны в том числе потому, что у нас была достаточно обороноспособная армия. И как раз сейчас в Швейцарии ведется большая дискуссия о численности нашей армии, о том, сколько у нее должно быть оружия, чтобы страна пользовалась уважением и могла сохранить свой нейтралитет.

Вывод такой: конечно, каждая страна может идти по пути миротворчества, пытаться мирным способом решать проблемы с третьими странами и вносить свой вклад в решение проблем других стран, но как она будет это делать, каждая страна должна определить самостоятельно.

В.М. Соловьев. Господин посол, Ваше заключительное слово.

В.Б. Гигер. Хотелось бы еще раз поблагодарить вас за приглашение на это заседание и за интерес к моей стране. Если у вас возникнут какие-то вопросы по швейцарской внешней политике, я всегда в вашем распоряжении. Что касается мандата по поддержанию отношений с Грузией, то у нас одна цель. Мы хотели бы, чтобы как можно быстрее завершился этот этап и Россия с Грузией могли бы общаться без посредничества Швейцарии.

В.М. Соловьев. Спасибо Вам за работу, которую Вы проводите в интересах России. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что Вы являетесь единственным послом, который приглашается на заседание нашего Экспертного совета. Мы и в дальнейшем намерены приглашать швейцарского посла на наши заседания.

Благодарим Вас, что Вы нашли время с нами активно пообщаться, высказать Ваши суждения по поводу того, что происходит в мире, в отношениях между нашими странами. Хотелось бы от имени всех участников заседания пожелать успехов в работе вашему посольству, вашей дружественной к России стране.

В.Б. Гигер. Спасибо большое.

В.М. Соловьев. Хочу сказать, что в докладе швейцарского посла красной нитью проходит мысль, что национальные интересы страны, ее народа должны стоять во главе угла ее политики.

Отрадно отметить то, что официальный представитель государства начинает свое выступление с цитирования положений Конституции своей страны. И вся история этой страны весьма необычна и поучительна в плане того, как эта страна сохранила свой суверенитет и национальную идентичность.

8.2. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЛОКОМОТИВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

(Из стенограммы заседания от 26 ноября 2010 года)

В.М. Соловьев. Приступаем к обсуждению второго вопроса повестки дня. Пожалуйста, Владимир Евгеньевич Лепский.

В.Е. Лепский. Уважаемые коллеги, мой доклад немножко выпадает из рамок традиционных докладов. Обычно у нас поднимаются темы либо региональные, либо касающиеся отношений с отдельными странами. У меня доклад глобальный, он ориентирован на национальные интересы России, на то, как нам самоопределяться в этом мире.

Я постараюсь построить его методологически четко, провести анализ той ситуации, в которой мы находимся в связи с процессами глобализации, зафиксировать вызовы, систематизировать их и попробовать найти какие-то адекватные ходы для движения в будущее.

Лучший прогноз будущего — это проектирование будущего. Поэтому я предложу проект, который, с моей точки зрения, может способствовать становлению России, как сильной мировой державы, продвинуть нас в инновационном развитии и модернизации, где мы пока буксуем.

Я буду рассказывать и демонстрировать слайды. Начну с того, что такое проблематизация. Проблематизация — это не только фиксация точек разрыва, каких-то вызовов, которые возникают у нас в связи с познанием реальности или попытками продвижения куда-то с учетом этого познания, это одновременно поиск возможных ответов. Проблематизация без поиска ответов — это не проблематизация. Это первый момент.

И второй момент — это фиксация исторического процесса, связь этих вызовов, проблем в историческом, культурологическом аспектах.

Понимание культуры. Мне ближе понимание культуры как предельной общности всех основных слоев исторического процесса, экономических, социально-политических и других.

Почему важен культурологический аспект? Дело в том, что, фиксируя разрывы и находясь в поиске адекватных ответов на них, мы неминуемо сталкиваемся с тем, что той культуры, которая сложилась на данный момент, недостаточно для преодоления этих разрывов. И возникает необходимость совершенствования, доработки этой культуры.

Еще один важный момент проблематизации — проблематизация должна быть персонифицированной. Проблематизация в отрыве от

лица, которое берет на себя ответственность и миссию по решению проблем, которые требуют адекватного реагирования, это не проблематизация.

Многие мировые ученые, которые занимаются вопросами будущего, фиксируют, что наступил момент макросдвига, как говорит Эрвин Ласло, или разрыв системы ценностей, как говорит Турчин, кибернетик, известный прогнозист. То есть мы находимся в точке макросдвига.

Следующий слайд. Почему-то пошла сдвижка у слайдов.

Академик Никита Моисеев сказал, что человечество действительно на краю гибели.

Что говорят мировые политики? То же самое. В январе на Всемирном экономическом форуме Саркози сказал, что человечество находится в состоянии шизофрении, что надо искать новые модели, что капитализм сегодня не выполняет своих функций, не является локомотивом в будущее.

Саркози также сказал, что нельзя исходить из того, чтобы быстро получить прибыль, то есть фактически призывал к социальности в бизнесе.

То же самое говорит Обама. Он объявил "крестовый поход" на банки как основу капиталистического образа жизни. Сегодня Обаму многие в Америке называют коммунистом. Статьи и выступления Обамы и Саркози достойны передовиц газеты "Правды" советского периода в отличие от выступлений наших руководителей.

Какие же основные вызовы глобализации? Я выделил шесть вызовов.

Первый — управление мировым сообществом в интересах отдельных субъектов через финансовый механизм. Этот механизм понятен — деривативные пирамиды, доллар, который не подкреплен материальными и нематериальными активами. Это ясно.

Второй вызов — массовое разрушение субъектности развития стран, которые пытаются выйти на курс развивающихся стран. Устранение конкурентов в сфере развития высоких технологий. Это четкий процесс, в котором участвуют прежде всего Соединенные Штаты Америки и ряд других стран.

Третий вызов — нарастание тенденции организованного сокращения численности населения в странах, не включенных в круг избранных.

Четвертый — снижение социокультурного разнообразия мирового сообщества.

Пятый вызов — слабая защищенность от технологических вызовов XXI века.

Шестой — низкая степень субъектности развития человечества для решения проблем, которые возникают перед человечеством.

Вот шесть вызовов, которые, на мой взгляд, являются одними из ключевых сегодня и на которые надо искать ответы.

О том, что произошло с финансовыми пирамидами и дутым долларом, говорили многие в мире. Наш ученый Панарин предсказал, что этот тип монетарной философии как нельзя лучше пригоден для оправдания того, что сегодня творится в открытом, не защищенном суверенитетом, границами мире. Это по поводу финансов.

Второй вызов — массовое разрушение субъектности развития, устранение конкурентов. Почему это происходит? Дело в том, что сегодня доходы от высоких технологий сравнялись с доходами от энергосырьевых ресурсов. В ближайшие пять — семь лет доходы от высоких технологий в десятки раз превысят сырьевые доходы. Поэтому стремление хозяев мира — "опустить" все страны, кроме своих ближних, в энергосырьевую сферу, а в высокие технологии не пускать.

Что для этого делается? Запущены финансовые, кредитные механизмы, когда, например, дают большие кредиты странам, и они фактически разворовываются, если коррупция имеет место, как у нас в России, а потом страны попадают в зависимость.

Силовое воздействие: Югославия, Ирак, Афганистан и другие страны. И самое тонкое воздействие, которое практически не контролируется мировым сообществом, — это технологии "управляемого хаоса" для разрушения субъектности развития. Сильнейший механизм, фактически это оружие массового поражения.

Откуда возникла концепция "управляемого хаоса"? Сложилось понимание того, что обычные силовые методы, ядерное оружие уже не столь значимы (для сдерживания — значимы, но для прямого воздействия уже не значимы), потому что, во-первых, появилось ядерное оружие у ряда других стран, а во-вторых, есть вероятность выхода его из-под контроля и появления у террористов.

Родилась идея "мягких" воздействий, "мягких" разрушений, еще Бжезинский эти идеи высказывал. Идеологами были американские ученые. А вот технологом стал Стивен Манн из Института Санта-Фе. Он также был дипломатом, работал в ряде регионов, в том числе в странах, соседствующих с Россией.

Каковы основные идеи технологии "управляемого хаоса"? Осуществлять разрушение за счет четырех основных положений. Это либераль-

ная демократия, вывод государства из системы управления, поддержка рыночных реформ. Причем каких реформ? В России это были реформы в соответствии с представлениями о них, сложившимися 150 лет назад. Это также повышение жизненных стандартов у части населения, расслоение населения и, самое главное, вытеснение ценностей и сложившейся идеологии, ломка концепции бытия, которая сложилась у этих народов.

На эту тему у меня написана статья в последнем номере журнала "Информационные войны", выпускаемого Академией наук и Академией военных наук. Там расписаны технологии "управляемого хаоса" как оружия разрушения субъектности развития на примере России. Введена модель субъектов развития, показано, как по всем параметрам шло планомерное разрушение субъектности развития.

Третий вызов — нарастание тенденции организованного сокращения численности населения в странах, не включенных в круг избранных.

Какими методами это осуществлялось? Силовыми методами и неолиберальными реформами. Ведь главная причина повышения смертности в России связана не с алкоголем, не с болезнями, а с потерей веры в завтрашний день. Это доказано достаточно убедительно в работах Игоря Гундарова и в ряде других работ. Мы потеряли уверенность в завтрашнем дне, поэтому и рождаемость ниже, и вымирание идет, депрессии, суициды.

Четвертый вызов — снижение социокультурного разнообразия мирового сообщества. Культурное многообразие — это ресурс постиндустриального развития: чем больше разнообразия в мире, тем больше мы готовы к ответу на неожиданные ходы и вызовы, к творчеству, созиданию, развитию. Вообще во всем мире (биоценозы, техноценозы, социокультурные ценозы) есть определенные кривые разнообразия. И навязывание, например, демократии по-американски восточным странам ведет к терроризму, к очагам нестабильности, которые потом погасить очень сложно.

Пятый вызов — слабая защищенность от технологических вызовов XXI века. Напомню, что самые яркие достижения рождались не в крупных фирмах, а вне их контроля, в малых группах. Например, персональный компьютер придумала не фирма IBM, а "два инженера в гараже", условно говоря, с наличным капиталом в несколько тысяч долларов. Сегодня, когда мир входит в шестой технологический уклад, когда нано-, био-, когно-, инфотехнологии конвергентно взаимодействуют и могут создать невероятное оружие индивидуального действия, рассчи-

танное даже на определенные генные структуры, на отдельных представителей каких-то этносов, следует учитывать, что это может родиться не в больших структурах, и даже без их контроля, в малых группах. Сегодня купить наномикроскоп ничего не стоит, это где-то 10 тысяч долларов. И могут появиться разработки сильнее ядерного оружия, поэтому человечество должно уметь адекватно реагировать на вызовы. И критерии адекватного реагирования должны быть следующие. Это должно быть эффективное реагирование, то есть человечество должно позитивно реагировать на возможности развиваемых технологий, и наука, и общество должны быть готовы к этому. Должно быть контролирующее реагирование человечества на потенциальные угрозы от внедрения новых технологий, сегодня этого контроля практически нет, потому что сегодня "сшивка" научно-технической революции и общества потребления не заинтересовано в каком-либо контроле. Все, что придумывается, сразу идет на конвейер прибыли.

У нас очень слабые механизмы защиты. В Америке и в Европе они намного более развиты, потому что у них общество в шестой технологический уклад включается, и там гражданское общество есть. У нас в стране это все "по нулям". Когда, например, "Сколково" проектировали, то общество, науку даже не спросили, стоит ли развивать этот проект. В обществе зреет негативное отношение к этому.

Справедливое реагирование на вызовы — это готовность использовать достижения не в интересах узких групп, а в интересах широких слоев населения, всего человечества. Приведу пример. Есть такое направление — трансгуманизм, когда лучшие достижения науки используются в интересах продления человеческой жизни, для создания искусственных органов и для достижения бессмертия. Вроде бы все хорошо. Но если присмотреться внимательно, то идеи очень порочные. Ставится задача создать идеального человека, чтобы этот идеальный человек создал идеальное общество. Но так не бывает. Философия и социология говорят о том, что эти процессы должны быть взаимоувязаны.

К сожалению, трансгуманисты, автоматически работают на узкую группу лиц и на расслоение человечества, на то, чтобы какая-то узкая группа лиц при появлении новых, необычных достижений науки могла бы поработить остальную часть человечества.

Реагирование должно быть развивающим — это способность человечества создать проект своего развития и видеть любые достижения через призму этого проекта, то есть видеть их через стремление к будущему.

Человечество не имеет проекта развития своего будущего, соответственно, этот критерий тоже сегодня оказывается за пределами дости-

жимого. То есть человечество не может нормально реагировать на вызовы XXI века.

Низкая степень субъектности развития человечества. Почему человечество всё время оказывается в неожиданных ситуациях: это может быть ядерная, экологическая, демографическая, миграционная, информационная, террористическая, финансово-экономическая ситуации — и всё возникает как будто с потолка? Да потому, что человечество не является субъектом своего развития. Бессубъектность — главная болезнь России, человечества сегодня, а уж для России это характерно даже в большей степени.

То есть доминанта инновационного пути развития — это шаг в пропасть. Сегодня надо использовать не только каузальный, причинно-следственный подход — из прошлого в будущее и в настоящее, необходим еще и телеологический, то есть целевой, подход, забрасывание цели в будущее и движение к этой цели. Пока этого у человечества не просматривается.

Какие шаги человечество предпринимало для преодоления бессубъектности? Это и Лига Наций, и ООН, и СНВ, и Киотский протокол, и борьба с терроризмом. Но обратите внимание, все шаги по формирование каких-то форм субъектности человечества были связаны с преодолением угроз. Возникает угроза — она преодолевается... Других механизмов, направленных на гармонизацию, развитие, консолидацию, практически не было в масштабах человечества.

Пример. Никита Моисеев с Владимиром Александровым разработали математическую модель "ядерной зимы". Эта модель способствовала осознанию того, что ядерная война вообще бессмысленна, она всех и всё погубит. Это был большой вклад российской науки в политику и вообще в организацию мировых процессов. Так что "сборка" человечества в формировании субъектности только на угрозах — это большой негатив, потому что на самом деле "сборка" любых субъектов может осуществляться на разных основаниях.

Как работали механизмы повышения степени субъектности человечества в формировании различных международных структур? Обычно инициаторы появляются, явные или скрытые, затем включаются исследователи, которые строят прогнозные модели по заказу, и дальше это в общее поле знаний вбрасывается, и какие-то консолидационные процессы идут.

Почти всегда инициаторы имели возможность воздействовать на науку так, что она делала те модели, которые нужны были заказчикам. Например, была сделана модель потепления, так называемая хоккейная

клюшка, когда кривая потепления идет резко вверх. При любом наборе входных параметров "клюшка" получается явно заказная.

Или, например, озоновый слой. Помните, была борьба за смену фреоновых холодильников, чистый бизнес-проект. Ряд ученых поддержали эту идею, и в результате миллиарды долларов получили Соединенные Штаты и Япония. То есть манипуляции на каждом шагу.

С СНВ-2 и с СНВ-1 то же самое было. Со стороны американцев в этом процессе были задействованы тысячи высококвалифицированных специалистов, со стороны России практически никого. Там даже переводы текстов договора были разные. Разрабатывались специальные модели, как сделать так, чтобы Горбачев не потерял лицо в глазах своего народа. Красиво работали, и нам надо учиться свои интересы отстаивать не только в ходе каких-то процедур, но и проводя серьезные научные исследования, занимаясь научным обеспечением.

Итак, основные вызовы мы рассмотрели.

Каковы же адекватные ответы на эти шесть вызовов? В чем проблема адекватного реагирования?

Первое — вызовы имеют явный системный характер. То есть отдельными мерами, конечно, можно как-то гасить их, но этого недостаточно.

Второе — проблема суперсложная, и требует для своего решения системного реагирования, а не фрагментарного, как это имеет место быть.

Третье — точкой опоры для реагирования на все виды вызовов является преодоление бессубъектности развития человечества.

Четвертое — локомотивом развития человечества должны быть адекватные формы жизнедеятельности, а не финансовые экономические механизмы. Сегодня локомотивом не развития, а движения человечества являются финансовые экономические механизмы, это совершенный абсурд, и наши ведущие экономисты пришли к пониманию этих процессов. Фактически экономисты опередили философов и мыслителей, они как-то активнее работают в этом направлении, хотя этим должны заниматься и философы.

Пятое — для поиска адекватных форм жизнедеятельности нужны полигоны, инкубаторы, социогуманитарные коллайдеры. В кабинетах ответить на эти вопросы сегодня крайне сложно. Настолько сложные проблемы стоят, что нужны исследовательские полигоны.

Почему физики могут тратить миллиарды на исследование поведения частиц микромира, а те, кто в ответе за жизнь на планете, не могут создать свои полигоны для экспериментов над формами жизнедеятель-

ности, соорганизации, для решения межконфессиональных, межцивилизационных проблем и так далее?

В связи с этим у нас родилась идея альтернативной глобализации.

Запуск альтернативных механизмов глобализации — это сохранение и увеличение социокультурного разнообразия на основе высокотехнологичных средств квазиавтономных социальных образований. Я прокомментирую, почему квазиавтономные социальные образования могут сегодня служить как бы исходной точкой. Если присмотреться к ветрам, которые дуют на планете, к различным движениям, ключевым, сборочным точкам, то мы увидим, что люди сегодня не соглашаются со сложившимися условиями жизни, начинают создавать отдельные образования, ниши, свои сообщества, свои поселения, свои города. Эти квазисоциальные образования создают свои законы жизни, свое мировоззрение, свою экономику, свои финансы.

Уже можно привести в пример сотни, тысячи образований, которые отрываются от сложившейся среды человечества и ищут свои формы жизнедеятельности.

Для России это особенно важно, потому что у нас гигантские просторы, и у нас эти процессы пошли. Но если эти образования будут существовать поодиночке, то ничего хорошего не будет.

А если создать среды, которые выступят одновременно полигоном и инкубатором, где можно выращивать новые сообщества и экспериментировать над образованиями, представляющими интересы и мировоззрение разных цивилизаций, разных социокультурных образований, то можно найти новые формы, к которым потянется человечество и начнет плавно перетекать в эти формы.

Это будет и социогуманитарный коллайдер, и инкубатор одновременно. И одновременно это станет локомотивом шестого технологического уклада для России.

Примеры квазиавтономных образований есть в Шотландии (духовная община без конкретных религиозных доктрин), в Индии (Ауровиль — Город утренней зари, модель идеального общества, в котором полностью отсутствует какая-либо иерархическая структура). И таких примеров можно привести много.

В России родилось движение "родовые поместья". Есть уже некоторая законодательная основа для выделения земельных участков. Уже есть мощные поселения, причем там много интеллектуалов, кандидаты и доктора наук перебираются в эти родовые поместья, которые имеют не только сельскохозяйственную направленность. В Приволжском федеральном округе уже сложились мощные структуры, ассоциации, кото-

рые объединяют эти родовые поместья. И законодательная основа не только на федеральном, но и на региональном уровне появляется (виды поддержки, кредиты, земля и так далее). Это очень интересное движение по возрождению России.

И если государство серьезно включится в процесс создания новых сред, то надо ставить вопросы не только о земле и кредитовании, но и о создании образцовых высокотехнологичных поселений, в которых все направления шестого технологического уклада (нано-, био-, когно-, инфотехнологии) максимально присутствуют и являются локомотивом их развития. Вся строительная индустрия должна быть пересмотрена. Эти мегаполисы, деловые центры, к которым уже подъехать невозможно — это все уже вчерашний день. Сегодня надо создавать совершенно другие образования, поскольку есть хорошие информационные связи, новые возможности развития транспорта. И инновационное развитие будет более успешным в малых специализированных образованиях, чем в мегаполисах.

Вот примерная обобщенная схема этого проекта. Есть традиционная среда мирового сообщества, создается альтернативная среда квазиавтономных образований, которая является полигоном для исследования, выращивания и экспериментирования. Создается институт модераторов-исследователей, который работает с этой средой, создаются международные структуры проекта "Альтернативная глобализация". Россия с ее историческим наследием, где были и Николай Федоров с его общепланетарным мышлением, и Лев Толстой, и другие интересные идеологи философии ненасилия, могла бы претендовать здесь на лидерство. Она могла бы начать локальное взаимодействие с европейскими структурами, потому что в Европе много такого рода образований. Отдельно — с исламским миром, с Востоком, с Китаем, с Индией. И создавать такие локальные сети, которые потом плавно объединять в единое целое и фактически стать мировоззренческим лидером на планете. А мировоззренческий лидер XXI века — это лидер и финансовый, и экономический, и инновационный. То есть лидерство в XXI веке будет прежде всего мировоззренческое.

Как это связано с инновационным развитием, вообще с развитием России? С 2002 года пошли призывы руководства страны к переходу на инновационный путь развития. Как можно охарактеризовать сегодняшнее положение? Приведу цитату из Черномырдина: "Реформы находятся на таком этапе, на котором они не видны". А прошло почти 10 лет, между прочим.

На что надеется наше руководство, и осознает ли оно, насколько все это тупиковые пути? Мы провалились на уровне четвертого технологического уклада — это авиация, автомобилестроение, энергетика и так далее. Провалились полностью. Проведена деиндустриализация страны. Примером сегодняшнего состояния дел может служить такое объявление в газете: "Срочно требуется сварщик 6-го разряда не старше 75 лет". То есть у нас кадров нет. Вся система ПТУ, профтехучилищ, развалена. У нас некому на станках работать. Те, кто покупал когда-то наши электростанции, сегодня просят заменить в них турбины, а у нас уже нет возможностей сделать новые турбины.

Авиация. Мы со своими "Суперджетом" включились в борьбу на мировом рынке, где действуют "Боинг" и другие компании, и понятно, что они не заинтересованы в том, чтобы у нас своевременно вошел в строй этот самолет, поскольку сейчас мы закупаем "Боинги" у Америки. Естественно, все сроки срываются, причем наше участие в создании этого самолета — всего 20 процентов. Это что, четвертый уклад? Нужна реиндустриализация страны.

Пятый технологический уклад — микроэлектроника — у нас почти не развит, и Зеленоград сегодня находится на задворках мировых разработок микроэлектроники.

Шестой уклад — нано- и биотехнологии. Что там происходит? Технопарки уже почти перестали финансироваться, это провальный проект, потому что надо делать упор не на здания и оборудование, а на создание творческих коллективов, а уже под них делать все остальное. А тут подход совершенно неправильный.

Дальше. "Роснано". Во-первых, кто доказал, что нанотехнологии в России станут локомотивом ее развития? Во-вторых, "Роснано" как государственная структура никакого отношения не имеет к стартапу, а государство должно поддерживать именно начальные этапы разработок, потому что бизнес начальные разработки не очень поддерживает, он готовое любит поддерживать. И Чубайс поддерживает только готовое. Где здесь государство в разработке направлений?

"Сколково" — это пиар-проект в чистом виде, его главная идея в том, чтобы наши мозги включить в конечный продукт Nokia, Siemens и других фирм, а потом мы же будем покупать их продукты, оплачивая второй раз свой интеллектуальный труд. Бредовая идея, которая не согласована ни с кем в России.

Я провел работу и выяснил, что представители Высшей школы экономики, Физтеха, МГТУ, других институтов, руководители научных

центров — все высказались негативно о "Сколково". А мы продолжаем гнать этот проект и забирать деньги из научной сферы.

Вывод какой? Методологически предложения, технопарки, "Сколково", "Роснано" не вписываются ни в одну нормальную методологию инновационного развития, а методологий всего две. Одна — линейная, от фундаментальной науки к технологии. Она развалена полностью, потому что развалены российский ВПК и все НИИ. Цепочка разорвана.

А вторая методология — это средовая, когда любая точка инноваций должна поддерживаться и вести разработки. Ее тоже не существует. Ни "Сколково", ни "Роснано" к средовой парадигме не имеют отношения, то есть они ни в одну методологию не вписываются, это тупиковые ветки.

Как можно выйти из ситуации? В нашей проектно-аналитической записке одна из конструктивных идей состоит в том, чтобы предложить ввести седьмой социогуманитарный технологический уклад, то есть вытягивать страну сверху. Нужна мобилизация сил, нужна проектная идентификация страны, чтобы мобилизовать ресурсы, нужны технологии формирования элиты, сборки субъектов, работы с молодежью. Масса проблем, которые надо решать, чтобы "запустить" страну на развитие. Ничего не делается.

Среди 34 критических технологий, утвержденных Совбезом, государством, важных для России, ни одной социогуманитарной. Такое впечатление, что чистые технократы все это делали, хотя Путин и Медведев вроде имеют не техническое образование, а утверждены фактически чисто технократические проекты.

Какой main stream у нас возможен и как он связан с той идеей альтернативной глобализации, которую я сформулировал выше? Main stream для России может быть в шестом укладе только в виде биотехнологий. Это подтвердили участники международного форума "Биотехнологии и общество", доказав, что только биотехнологии могут быть main stream для России. В чем прелесть биотехнологий? Это питание, экология, "горячая" энергетика, то есть все жизненные процессы. Поэтому с нашими просторами, с идеей альтернативной глобализацией запуск биотехнологий был бы крайне важен.

А как обстоит дело в России с биотехнологиями? 34 критические технологии, из них 16 относятся к биотехнологиям. Государство практически полностью отстранилось от развития биотехнологий. Если к периоду развала СССР мы занимали 2 и 3 место в мире по биоиндустрии, то сегодня мы занимаем 73 место. Это результат полного отстранения государства от этого направления.

Сегодня стратегией развития биотехнологий в России занимается общественная организация — Общество биотехнологов России, совместно с которым наш клуб провел упомянутый форум. Общество биотехнологов разрабатывает стратегию развития биотехнологий в России, представляет ее в Госдуме, а государство ни при чем.

Доходы от биотехнологий в России сегодня — 2—3 млрд. долларов. В Индии — 50 млрд. долларов, хотя наши ресурсы: биомасса, пресная вода, квалифицированные кадры, энергоресурсы — не сопоставимы ни с какой другой страной. А мы почти не имеем доходов. Это как с лесом: мы имеем доходы 2—3 миллиарда, а Финляндия, которая таких лесов не имеет, — 50 млрд. долларов.

То есть без седьмого, социогуманитарного уклада, без социальной работы с обществом, без организации пространства доверия между государством, бизнесом и обществом ничего не сделать. Это сегодня главные проблемы. Главные проблемы не технические, главные проблемы — социогуманитарные.

Каковы позитивы проекта альтернативной глобализации для России? Поиск национальной идеи, создание экспериментальной среды, выращивание стратегических субъектов гармонизации мировых проектов, сохранение и выращивание разнообразия культур, инициирование индустрии и высоких технологических производств для обеспечения автономных поселений — это целая индустрия, это все поднимет на новый уровень развития и строительство, и альтернативную энергетику.

Повышение благосостояние народа за счет высокой производительности труда в автономных поселениях. Там производительность труда резко растет. И уже сейчас созданы автономные образования, родовые поместья, в которых производительность труда не сопоставима с обычными российскими предприятиями.

Повышение социальной стабильности за счет сокращения разрыва между бедными и богатыми. Не будем об этом говорить, в Москве показатель децильности уже до 60 доходит, хотя 5—7 — это предел.

Снижение уровня безработицы, создание возможности диверсификации и свертывания нерентабельных производств, разработка новых подходов к решению демографических проблем и создание новых механизмов управления миграционными процессами, создание условий для возврата из эмиграции соотечественников, отработка моделей поселений для освоения космического пространства. Масса проблем, которые мы могли бы решить, если бы сейчас запустили этот проект. Одновременно мы в мире имели бы хороший имидж и завоевали лидерство, а плюс мы Россию подняли бы.

Какие же актуальные проекты нужно осуществить, чтобы продвинуться в этом направлении?

Первое. Необходимо срочно поднимать философию экономики, здесь провал философии, философия практически этим не занимается. Уже создана мощная команда: экономисты, философы, несколько докторантов за это взялись, сотрудники Института философии. Мы поднимаем знамя философии экономики, чтобы не экономика, не финансово-экономическая сфера выдвигались в качестве локомотива развития, а чтобы идти вперед через формы жизнедеятельности, через новое мировоззрение, а экономика, финансы должны обслуживать эти формы жизнедеятельности.

Второе. Разработка методологии субъектно-ориентированного подхода к управлению и развитию. То есть ориентация на субъекты, а не на процессы и какие-то деятельностные вещи. На эту тему в прошлом году у меня вышла книжка "Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию" (на моем сайте она есть). Мы, Клуб инновационного развития, сегодня занимаемся средовой парадигмой. В декабре выйдет моя книга "Рефлексивно-активные среды инновационного развития". Это то, к чему "Сколково" не имеет отношения.

Какие среды надо создавать? Многие идеи возникли у меня еще в советское время, когда я занимался автоматизацией управления страной в мирное и военное время. Сегодня эти идеи пригодились в связи с современной модификацией. Идеи этой концепции в плане автоматизации управления страной были в свое время приняты и ФАПСИ, и МИДом, кстати, в МИДе эти идеи были использованы. И разработки мидовских систем учитывали эти мои идеи, а сегодня они оказались важны для решения более широких проблем.

Третье. Проблема сборки субъектов не только на угрозах. Мы выпустили книжку "Проблемы сборки субъектов в постнеклассической науке". Некоторых философов насторожило то, что слова "сборка" не было ни у Канта, ни у Гегеля, а тут вроде мы выходим с этой проблемой. Но, с другой стороны, десятки философов участвовали в создании этой книги, посчитав, что это их родная проблема. Мы будем продолжать этим заниматься. И, кстати, формирование российской элиты вписывается в рамки этой же проблемы.

Мы активно работаем с молодежью, с аспирантским корпусом, с Финансовой академией. У нас сейчас мощные команды, это сотни образованных молодых людей, мы их вводим в проектную работу. На стратегическом форуме, посвященном будущему России, молодые команды будут работать. Есть ряд других проектов.

Четвертое — это методологические проблемы инновационного развития, седьмой социогуманитарный технологический уклад. Наш клуб подготовил проектно-аналитические записки, связанные с рядом направлений.

Пятое — безопасность и развитие. Не может быть развития, если безопасность не будет его обеспечивать. Сегодня все документы, связанные с безопасностью, ориентированы и стоят на концептуальных основах времен холодной войны.

Вместе с генералом Ипполитовым год или два назад я здесь делал доклад о безопасности развития. Коробейников хотел посылать документы по этому вопросу Путину и Медведеву, не знаю, чем все это закончилось.

Идея в чем? Закон о безопасности определяет, что безопасность — это состояние защищенности от внешних и внутренних угроз. В XXI веке состояния защищенности от внешних и внутренних угроз недостаточно. Сегодня настолько динамичные процессы идут, что надо ориентироваться на что-то другое — на субъектность. Под безопасностью должна пониматься способность субъектов страны, общества и бизнеса реагировать на эти бурные изменения и способность заниматься самовосстановлением и развитием. А сегодня безопасность — это состояние защищенности. Кому это выгодно? Коррумпированным чиновникам. Потоки налажены, откаты есть. Поэтому они не дают сдвинуть дело с мертвой точки. То представление о безопасности, которое сложилось, никакого отношения к развитию не имеет. И Стратегия национальной безопасности-2020 — это совершенно несерьезный документ. Сергей Кортунов, как помню, начинал первые лекции в ВШЭ с того, что рассказывал о негативах этой стратегии. Там не то что неадекватное восприятие мира и реальности (на пятое место в мире Россию собираются вывести), там просто нет субъектов реализации этой стратегии.

То есть важнейшая проблема — пересмотр всей системы национальной безопасности. Как это сделать, мы представляем. Направления безопасности должны соответствовать не областям знаний (например, экономические, информационные, военные и так далее), а характеристикам субъектности государства, общества и бизнеса. Это совсем другие виды безопасности. Старые направления можно оставить, но должны быть и новые. А виды безопасности по областям знаний между собой не "сшиты". Это недостаточный с точки зрения научного обоснования подход.

Шестое. Проблема заключается в том, чтобы понять место России в миропроектах. Где мы вообще? Мы можем иметь свой миропроект в

мире, где конкурирующих миропроектов сегодня много? И открытые, и скрытые субъекты их производят. А если не можем, то как нам с другими миропроектантами взаимодействовать? Как учитывать свои интересы? Сегодня этот вопрос недостаточно проработан. Если мы идем в ООН, то непонятно, как с другими миропроектантами будем взаимодействовать. Кто этим будет заниматься?

Мы задумали стратегическую игру с элементами рефлексивных игр. В этой игре будут участвовать примерно 50—100 человек, в основном аспиранты, а также студенты старших курсов.

Мы запускаем в январе проект "Россия в миропроектах", который рассчитан на полгода. И желающих приглашаю. Если наш Экспертный совет сочтет возможным как-то подключиться к нему, я готов это организовать.

Седьмое — альтернативная глобализация, о чем я сегодня говорил. По мере возможности будем этот проект реализовывать, идет активная работа с Обществом биотехнологов России. Это биоэкополисы, их проектирование. Но это проблема мировая, и здесь надо как-то искать варианты сотрудничества. Она связана с шестым направлением — "Россия в миропроектах". Возможно, мы запустим этот проект в качестве пробного, как один из миропроектов России.

На этом я завершаю свое выступление.

В.М. Соловьев. Большое спасибо, Владимир Евгеньевич. Очень интересное выступление.

Пожалуйста, вопросы.

Из зала. Я помню, нас еще в школе учили анализировать положение в стране на предмет соответствия уровня развития производительных сил производственным отношениям. Можно ли сейчас говорить о несоответствии уровня развития производительных сил производственным отношениям на глобальном уровне. Это первый вопрос.

И мой короткий комментарий. По поводу бессубъектности. Я согласен с постановкой задачи.

Один из методов ее решения — линейное программирование, динамическое программирование. Видимо, действительно, степень развития знаний позволяет ставить эту цель уже в многовекторном пространстве.

По поводу биотехнологий. В Соединенных Штатах этой проблемой занимается Министерство энергетики, которое отвечало в свое время за создание атомной бомбы. Это о многом говорит.

Теперь по поводу закона о безопасности. Тут я хочу выступить в защиту действующего закона, там другое определение безопасности. Вы, видимо, взяли приведенное определение из Концепции национальной

безопасности, которую родил генерал Манилов в должности заместителя Секретаря Совета Безопасности. Там уже полный отход от действующего закона. Что интересно, у нас сейчас два юриста управляют страной, при этом полный нигилизм по отношению к действующему закону.

То определение, которое дается в законе, привязано к жизненно важным интересам страны. Может быть, оно не оптимально, но значительно ближе к реальным потребностям, чем то, которое было сформулировано позже.

Насчет стратегии безопасности. Мне дали в Аппарате Совета Безопасности проект нового закона о безопасности. Это вообще ужас. Полностью меняются приоритеты. Если в действующем законе о безопасности совершенно четко определяется приоритет — государство для личности, то в проекте нового закона четко определяется другой приоритет — прежде всего государство. И если в прежнем законе хоть какой-то алгоритм действий просматривался (хотя он никогда не реализовывался), то сейчас он вообще никакой внутренней логики не содержит.

В.Е. Лепский. Я Вам отвечу. По поводу производительных сил и производственных отношений. Вы правы, это системный мировой сбой. Он связан с тем, что произошел отрыв материальных и нематериальных активов от финансов. Как только этот отрыв произошел, говорить о производительных силах и производственных отношениях серьезно нет смысла, потому что всем управляет вот эта дутая пирамида деривативов, которые являются локомотивом движения мира. А вот производственные силы становятся непринципиальными в этих условиях, и это ужасно.

Если о России говорить, то у нас с производительностью настолько все плохо... Поэтому альтернативные высокотехнологичные образования могли бы решить эту проблему. Но за это государство должно взяться. Уже много лет Юрий Крупнов твердит о том, что надо малоэтажную Россию делать, малопоселенческую, чтобы освоить территорию. Масса наших проблем решилась бы. Но тут политическая воля нужна, тут без государства сложно, потому что нужен старт. Вместо того чтобы бросать дикие деньги в "Сколково", вы вложи́те их в подъем России, в подъем регионов, и масса вопросов снимется.

Теперь по поводу Совета Безопасности. Я с Вами совершенно согласен. Я хорошо эту тематику представляю, потому что был членом научного совета при Совбезе и вел вопросы информационно-психологической безопасности России. Команда у нас была очень сильная. Осно-

вы госполитики, законы об информационно-психологической безопасности и другие продвигали в Госдуме.

Закрыли тематику в 2000—2001 годах как ненужную, причем закрыли без обоснований. Сидела команда суперспециалистов, работала над документами, вдруг из-под стола достается документ — Основы госполитики. Кем написан, не знаем. Там сводили всю эту проблематику фактически к психушке. И естественно, пошел крен от интересов личности, общества к интересам государства. Это ненормальный крен, и он совершенно не соответствует современным мировым тенденциям и идеалам.

Так что ситуация в сфере безопасности не движется в позитивном направлении. А без изменения ситуации у нас будут большие проблемы.

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

П.Г. Белов. Владимир Евгеньевич, среди перечня вызовов у Вас не прозвучал ресурсный вызов. Правильнее говорить, наверное, о ресурсно-демографическом вызове. Итак, почему он упущен?

Второй вопрос. Упоминая о перечне критических технологий, вы привели общую цифру 34, из которых 16 — "био". Вы имели в виду перечень, утвержденный Президентом России? Тогда это говорит о том, что большое внимание уделяется этому.

Третий вопрос. Говоря об умышленном сокращении численности населения некоторых стран, Вы высветили две фотографии — это были Данилов-Данильян и Яблоков. Если можно, поясните, в чем суть их позиции.

Если говорить об общем впечатлении, то я тут пометил: мечтатель-мифотворец достоин всяческого поощрения, если понимать, что национальная идея — это мифология будущего. И я бы не согласился с тем, что действующее определение безопасности через защищенность жизненно важных интересов более удачное, потому что интересы как категория не могут быть юридически строго определены, тут можно только вести разговор. И вообще категории "интересы" не место в сфере безопасности. Хотя я полностью разделяю Вашу оценку нового законопроекта. Это полный абсурд. Там прописаны бессистемность, бесконтрольность и вседозволенность. Потому что Президент берет на себя все, но ни перед кем не отчитывается. И если на эту должность вновь приведут кандидатуру недружественные силы, это будет означать конец России.

В.Е. Лепский. По поводу того, почему я не упомянул ресурсный вызов. Что касается энергетических, сырьевых, нефтяных и газовых ресурсов, тут вопрос неоднозначный. Спорный вопрос и относительно слан-

цевых газов, тем не менее Америка в ближайшее время планирует увеличивать добычу сланцевых газов. В Польше тоже идут бурные процессы в этом отношении.

А второй важный момент — меньше будет востребована нефть в этом мире, Китай поднял мощный проект выпуска электромобилей, причем он в ближайшие год-два планирует стать мировым лидером в этой сфере. Это будут рентабельные автомобили, более рентабельные, чем бензиновые. Это будет мощнейший удар по ценам на нефть и в результате они снизятся. То есть я специально ресурсный вызов не упомянул. Что касается демографии и человеческого потенциала, численности населения, которая будет снижаться, то здесь Вы правы. Я только сказал, что осуществление этого проекта позитивно скажется в том числе на рождаемости. Но в качестве вызова я не поднимал этот вопрос. Мне было достаточно постановки этих направлений. Но относительно нефти и газа я не согласен с Вами. По прогнозам, уже через 5—7 лет резко снизятся цены на нефть и газ.

Теперь по поводу Данилова-Данильяна и Яблокова. Они с восторгом восприняли мировые идеи со всеми этими летящими вверх кривыми роста численности населения мира. Они к этой проблеме подключились через международные фонды, через, видимо, западное финансирование, но для России это было совершенно неактуально. У нас, наоборот, проблема вымирания населения. "Русский крест" уже тогда был известен. Поэтому их гражданскую позицию я не уважаю.

И по поводу категории "интересы". В моем представлении о безопасности главное не в этом, а в способности субъектов к динамическому развитию, реализации своих планов и к самовосстановлению. Это совершенно другое. Другие виды безопасности тоже нужны — онтологическая, инновационная, рефлексивная, идентификационная, коммуникативная. Вообще рождаются другие виды безопасности в контексте субъектных аспектов. А существующие на сегодня виды безопасности введены от лукавого и между собой не связаны.

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

Из зала. Я хотел бы немного подискутировать. В законе о безопасности написано: "жизненно важные интересы", а жизненно важные те, которые обеспечивают развитие личности, общества и государства. То есть они все-таки должны быть в динамике и привязаны к развитию

В.Е. Лепский. Но они не оказались в динамике в реалиях нашей жизни.

Из зала. Потому что никто этим не занимался, вот и все. Но это же не определение виновато, не подход виноват. Пусть он не оптимальный, но по крайней мере лучше...

В.Е. Лепский. Если заострить определение, то оно будет лучше работать. Хотя я не уверен, что оно вообще будет работать, потому что в наших условиях не определение, данное в законе, все решает.

Я считаю, что единственный выход для России — это диктатура развития. Не может страна из такого невероятно коррумпированного состояния выйти на путь развития без диктатуры развития. Нужен цивилизованный диктатор, опирающийся на инновационные элиты, на новый подход к формированию элит. Так называемый охранный сценарий, который сейчас работает (как продержаться и сохранить себя во власти), — это путь России в пропасть. Только диктатура развития. У России нет другого выхода.

В.М. Соловьев. Хотел бы сделать короткую ремарку в поддержку Вашего тезиса. Мы много даем хороших определений, которые не отвечают реалиям жизни. И я также внес в это определенную лепту, может быть, и не совсем бесполезную. По тому времени это был прагматический вклад в управление безопасностью, востребованный работой в Аппарате Совета Безопасности Российской Федерации. Я принимал участие в разработке концепций безопасности, в том числе тех, которые позже приобрели форму законов. Хотелось бы обратить внимание на призывы, которые звучат из уст иностранцев, участвующих в так называемых престижных форумах.

В ответ на российские заявления строить общество по примеру Германии, Франции, США они заявляют, что это вчерашний день, что это уже не работает сегодня. Мы, как они говорят, ожидаем от России нового вклада в развитие интеллектуальной цивилизации. У нас же термин "интеллектуальная цивилизация" нигде не озвучивается.

Собственно, такого рода цель провозгласили на 20-е—50-е годы XXI столетия китайцы. Они заявили, что не будут повторять то, что было, а будут пусть медленно, с ошибками, но искать то, что до них ни у кого не было!

Ваш подход совершенно адекватен требованиям времени. Это единственно перспективный подход, дающий России надежду выйти на передовые позиции в мире.

Из зала. Идея альтернативной цивилизации очень красивая, она и методологически хорошо проработана и выглядит целостной концепцией.

Есть понятие альтернативной цивилизации и есть понятие параллельной цивилизации. Мы же прекрасно понимаем, что любое действо

мудрых интеллектуалов, чуть только оно выходит за пределы локальности, власть тут же начинает давить, и вся система начинает их прессовать.

Параллельно процессы идут, то есть усиливается деградация, социально-экономическая разруха, развал образования — все это компетентностные модели. Просто страшно думать об этом. Как сделать так, чтобы эта цивилизация не была параллельной? Параллели-то не пересекаются...

В.М. Соловьев. Революций нам не надо.

Из зала. Как сделать, чтобы власть эти ростки не задушила?

В.Е. Лепский. Вопрос очень важный, серьезный, и однозначного ответа на него нет. Но есть такие ходы.

Во-первых (я считаю это своей миссией), подготовка инновационной элиты прежде всего из молодежи, которая адекватно понимала бы процессы, идущие и в России, и в мире, и могла бы стать при необходимости кадровым резервом.

Во-вторых, нужно независимо от позиции сегодняшней власти разработать какие-то проекты, которые могли бы пригодиться, если им будет дан старт в условиях, когда в стране что-то произойдет. А в стране может произойти что угодно, ведь в январе 1917 года российская интеллигенция никак не ожидала Февральскую революцию.

Я не за революции. Мне бы не хотелось повторения 1917 года, потому что мы столько потеряли тогда в плане культуры и всего прочего, и элиту потеряли — это ужасно. Но сдвиги могут произойти, потому что управление страной сегодня происходит в режиме работы по отклонениям. Работа по отклонениям в такой гигантской стране невозможна в принципе. Можно маленькой кустарной мастерской управлять по отклонениям: что-то "сбойнуло" — ты отладил. Но ведь они работают только по отклонениям, не бросая даже взгляда в будущее. А ведь лучший прогноз — это проектирование будущего, все остальные прогнозы — это худшие прогнозы. Поэтому я за проектный подход, за работу с молодежью.

Что я могу сделать? Я не революционер, я могу только готовиться к тому, что произойдут изменения, и, по моим прогнозам, должна быть цивилизованная диктатура развития. А цивилизованная диктатура — это идея создания второго контура управления страной, которую я выдвинул в 2000 году и которую одобрил Евгений Примаков. Второй контур управления должен быть государственным и подчиняться Президенту страны, чтобы не ломать прежней системы и революций не делать. Альтернативная глобализация по той же схеме построена. Это

вторая система, которой, как Вы правильно сказали, слово "параллельная" подходит больше, чем "альтернативная". Может быть, я поменяю название.

Я готовлюсь к тому, что, может быть, позитивные изменения пойдут и эти заготовки пригодятся России, а может быть, и миру, если в России не сложится...

Какова идея методологии, которую я поддерживаю. Такой ход с вызовами, с реакциями с точки зрения современного философского конструктивизма означает следующее: ты видишь дуновение и потоки в среде, точки аттрактора, которые возможны, ловишь точки бифуркации, где возможны разные сценарные ходы, и работаешь на клавишах этих точек бифуркации. Я улавливаю точки бифуркации. Вызовы, о которых я говорил, — это фактически индикаторы возможных точек развилок, и это означает, что будут искать и что-то менять. И мы должны эти точки чувствовать. Я считаю, что та модель, о которой я сказал, у человечества пойдет в любом случае, если человечество раньше не придет к какой-то глобальной катастрофе.

В.М. Соловьев. Еще есть какие-то вопросы, замечания? Нет.

Пожалуйста, Ваше заключительное слово.

В.Е. Лепский. Я хотел бы отметить несколько моментов.

Когда я говорил о том, как разваливаются субъектность и развитие, то одни из важнейших технологий достижения этого — технологии управляемого хаоса, которые применялись в России, на Украине, в Косово. Нюансы есть, но технологии общие.

В мире сегодня нет механизмов регулирования. Россия всегда выступала инициатором принятия ООН законодательных основ обеспечения международной информационной безопасности, а американцы всегда тормозили эту инициативу. Может быть, нашему совету выступить с какими-то инициативами? Я могу прислать свою статью "Технологии управляемого хаоса", которая была опубликована в последнем номере "Информационных войн". Может быть, подумаем о том, не выступить ли нам с какими-то международными инициативами по регулированию этих вопросов? Это же мягкое, скрытое вмешательство во внутренние дела государства.

В.М. Соловьев. Мы можем это сделать в форме записки на имя председателя комитета, а уж он дальше распорядится, как поступить.

В.Е. Лепский. Экспертный совет может обсудить эту тему на одном из заседаний. Я готов сделать доклад на эту тему, подготовить записку и вместе с вами доработать ее, потому что это должно быть не индивидуальное дело, а коллективное.

В.М. Соловьев. Хорошо.

В.Е. Лепский. Те проблемы, которые я представил, я сформулировал как персональную проблематизацию. Вокруг этих проблем люди агрегируются, то есть идут за нами. У нас есть Клуб инновационного развития в Институте философии РАН. Институт философии — это потрясающая структура. Там люди открыты к взаимодействию и контакту. Новую проблему "сбрасываешь", а философ говорит: "Это моя проблема. Я готов с вами работать". Любую проблему поднимешь (сборка субъекта, философия экономики), сразу человек десять подходят и говорят, что хотят с этим работать, что они тоже на эту тему думали. Так что в России мозги хорошие еще есть, и потенциал у страны есть, но хорошо бы побыстрее обрести какой-то разумный механизм управления.

В.М. Соловьев. Спасибо всем за участие в работе.

И.Е. Яценко. Владимир Михайлович, разрешите сделать сообщение?

В.М. Соловьев. Пожалуйста.

И.Е. Яценко. Уважаемые коллеги! 12—14 ноября в Киеве состоялся X Всемирный славянский съезд, на котором были представители 11 славянских государств. Братьев-славян раньше было 350 миллионов, сейчас 310 миллионов. На съезде был избран новый состав Международного славянского комитета, председателем его стал Николай Федорович Лавриненко, Украина. К Украине перешли и соответствующие полномочия.

I Всеславянский съезд состоялся 162 года назад, в 1848 году. На киевском съезде присутствовало более 350 человек.

VIII съезд состоялся в 2001 году в Москве. Сопредседателем от России был избран Геннадий Николаевич Селезнев. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы в мае следующего года создать российский славянский комитет. И нужна помощь и поддержка Совета Федерации, в частности Комитета по международным делам. Работа весьма трудная, но интересная.

От России были избраны членами президиума: от религиозных кругов — А.А. Григорович, от научной, творческой, военной, дипломатической интеллигенции — ваш покорный слуга, профессор Яценко.

Я предлагаю в план следующего года поставить вопрос о славянском единстве, о политической, социально-экономической, военной и прочих сферах сотрудничества.

В.М. Соловьев. Спасибо всем. До свидания.

9. ЗАСЕДАНИЕ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА

9.1. СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КАКАЯ РОССИЯ НУЖНА МИРУ?

(Из стенограммы заседания от 17 декабря 2010 года)

В.М. Соловьев. Разрешите начать очередное заседание Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам.

Хотел бы представить присутствующую у нас на заседании студентку Оклендского университета (Новая Зеландия), будущего специалиста в области международного права Дарью Алексеевну Коваленко. Хочу представить также включенного по просьбе председателя Комитета по международным делам в состав Экспертного совета Дениса Сергеевича Покровского, кандидата политологических наук, директора представительства компании "OPW". Недавно он защитил диссертацию на тему "Совет Федерации во внешнеполитическом процессе".

И еще одна небезынтересная информация. Это обращение Нобелевского комитета по присуждению Премии мира с просьбой выдвинуть кандидата на присуждение этой почетной премии на 2011 год. По просьбе Михаила Витальевича Маргелова довожу эту информацию до вас. Это и косвенное подтверждение определенного авторитета Экспертного совета Комитета по международным делам.

Передаю бразды правления Асламбеку Ахмедовичу Аслаханову.

А.А. Аслаханов. Переходим к обсуждению первого вопроса. Напоминаю, что наше заседание посвящено памяти С.В. Кортунова. Кто готов выступить?

В.М. Соловьев. Давайте я начну.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.М. Соловьев. Эта тема сегодня звучит в память о нашем коллеге и друге Сергее Вадимовиче Кортунове, который совсем недавно ушел из жизни. Последняя его книга посвящена тематике, которая находится в

центре внимания интеллектуального сообщества страны. Тема эта не может не волновать каждого гражданина России. События, которые сегодня разворачиваются, во многом подтверждают актуальность такой постановки вопроса, которая была сформулирована Сергеем Вадимовичем Кортуновым в его работе "Становление национальной идентичности: какая Россия нужна миру?"

Наверное, вы согласитесь с тем, что сама постановка проблемы, то, каким образом ее сформулировал автор, не делают простым делом раскрытие этой темы. То, как это было сделано Сергеем Вадимовичем, показывает глубину его взгляда на проблему. Обращаясь к подобной теме, надо обладать высоким уровнем ответственности перед страной.

Дающиеся формулировки, определения терминов "национальная идентичность", "национальная идея", заставляют убедиться в сложности проделанной работы.

Мне думается, ответы, которые даются в этой книге, показывают путь, по которому необходимо пойти руководящей элите нашей страны, чтобы правильно формулировать задачи перед общественностью, перед населением страны.

Одним из достоинств рассмотрения заявленной тематики является то, что она и в философском, и в историческом, и в концептуальном, и в экономическом плане рассматривается. То есть так, как она и должна быть рассмотрена.

Что хотелось бы отметить. В центр этой темы поставлена духовность как наиболее универсальный инструмент, без которого в реальности невозможно развитие цивилизации. Она, как напоминает Сергей Вадимович, была сформулирована еще Достоевским и должна составлять основу развития, которое приведет к качественно новому единству цивилизаций.

То, с чем в настоящее время столкнулось международное сообщество (глобализация, экономические, идеологические и духовные кризисы, охватившие в настоящее время все страны мира), подтверждает необходимость поиска нестандартных решений для выхода из этой ситуации.

Выступления руководителей нашей страны, в частности вчерашнее выступление премьер-министра Владимира Владимировича Путина, который отвечал на вопросы граждан России, показывают, что в стране далеко не все складывается так, как нам хотелось бы. Более того, тревожные, негативные процессы не уходят из нашей жизни, а где-то даже набирают силу.

Трудно смириться с тем фактом, что страна, твердо занимавшая совсем недавно как минимум вторую позицию в мире по наиболее суще-

ственным показателям развития (в науке, образовании, медицине, промышленности), в настоящее время, по сути, стоит на пороге деиндустриализации.

Приходится констатировать, что в менталитете, сознании многих россиян моральные ценности девальвировались, произошла концентрация сознания на таком понятии, как сила денег. В России трансформировалось, исказилось само понятие ценностей. Как подчеркивает Сергей Кортунов, в настоящее время материальное у нас доминирует, занимает чрезмерно большое место в жизни.

Надо констатировать, что в течение последних 20 лет мы слышим в основном пустые разговоры и пожелания. Мало реально осуществленных реформ, которые были провозглашены еще в начале 1990-х годов. Общество наше переживает период нестабильности в общественных отношениях. Социальное неравенство зашкаливает по многим показателям. Такая Россия в настоящее время представляет угрозу для мира. Хотел бы отметить, что такой позиции придерживался и Сергей Кортунов. Именно это обстоятельство во многом объясняет враждебность по отношению к России со стороны ряда европейских стран. Такая Россия вызывает обеспокоенность международного сообщества, она не может устраивать и самих граждан Российской Федерации.

Центральная идея С.В. Кортунова заключается в том, что в течение XX столетия весь мир, по сути, пользовался плодами опыта, который накопила Россия. Он имеет в виду революцию 1917 года, плодами которой воспользовалось не столько население бывшей Российской империи, сколько другие страны, которые пересмотрели многие сложившиеся подходы в модели капитализма в начале 1920-х годов. Это относится к Соединенным Штатам, например. Влияние Октябрьской революции, того, что происходило на территории огромной Российской империи, трансформировало капиталистическую систему как модель развития общества. В ходе большого по времени периода параллельного развития социализма и капитализма капитализм вступил в стадию посткапиталистического развития. На это делается упор в монографии С.В. Кортунова. В России все, что делается, доводится до крайности. Мы не умеем, к сожалению, разумно ограничить размах тех или иных собственных начинаний.

Победа над фашизмом во Второй мировой войне была достигнута в первую очередь благодаря вкладу, который внесли в нее Советский Союз, советский народ.

Исторический опыт, полученный страной в ходе Октябрьской революции 1917 года, Великой Отечественной войны, в более ранние време-

на — опыт борьбы с татаро-монгольским игом, когда Россия заслонила собою Запад от нашествия орд кочевников, — все это было принесено Россией на общий алтарь развития мировой цивилизации.

В наше время цели инновационного развития, модернизации страны не могут быть достигнуты, если не будет изменен подход со стороны руководящей элиты к духовному развитию общества. Нет в стране примеров для морального подражания! За прошедшие годы на общественной арене появилась некая "попса", а не интеллектуальная элита, которая обладала бы потенциалом сплочения общества, вела бы его к позитивным преобразованиям.

Хотел бы сказать о том, что наше обсуждение посвящено не только идеям, которые изложены в монографии Сергея Кортунова, но и в целом ситуации, которая складывается в стране и неизбежно отражается на внешней политике, которую сегодня проводит Россия.

А.А. Аслаханов. Кто еще желает принять участие в дискуссии? Пожалуйста.

С.К. Ознобищев. Сергей Вадимович Кортунов был необыкновенно ярким человеком. Он был одним из инициаторов создания нашего Экспертного совета. Это был глубоко эрудированный человек, патриот своей Родины, знавший политику изнутри, реалист и в то же время романтик. Ему порой Россия казалась лучше, чем она есть, он сам это понимал.

То, что он написал, его идеи опередили свое время. Созданный им документ по политике национальной безопасности (это первый президентский документ по национальной безопасности) настолько опередил свое время, что когда в прошлом году мы с ним провели как бы перелицовку этого документа, то он оказался гораздо более актуален, чем был в 1996 году. Там в самом начале документа говорится, что основные угрозы безопасности России идут не снаружи, а изнутри, и самой главной угрозой является недостроенность (так корректно было сказано) демократических институтов. Вот эта, мягко говоря, недостроенность — самая большая угроза, которая остается и сегодня.

Книга, которую мы обсуждаем, написана как учебное пособие. А до этого был выпущен более фундаментальный труд — "Идентичность России".

Кортунов говорит, что в культурно-цивилизационном плане Россия ничем не отличается от других стран Европы или отличается так же, как Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. Но совсем иначе дело обстоит, если мы говорим о геополитическом плане, и здесь, утверждает он, России никуда не уйти от своей евразийской миссии. Мы

имеем дело с идеей своеобразного моста между Азией и Европой. Эта идея его очень заботила, и он написал в книге, что необходимо ее активное включение в экономические, интеграционные, глобализационные процессы. Вот в этом роль России.

Если вы на днях смотрели передачу на Пятом канале, которую вел Сванидзе, то могли увидеть там многих из тех людей которые выступали в качестве его оппонентов. И эти их выступления, которые мы сейчас часто слышим, свидетельствуют о том, что наша так называемая политическая элита, которую Кортунов называл квазиэлитой, никого и никуда повести не может.

Она завела страну в тупик. Вместо того чтобы готовиться к глобализационным процессам, готовить к этому Россию, они выдумывают какие-то псевдотеории о том, что Россия может что-то возглавить, объединить и восстановить нечто вроде бывшей империи. К сожалению или к счастью (как для кого), мы видим, что даже на пространстве СНГ интеграционные процессы, попросту говоря, не пошли.

И Таможенный союз, который возник, крайне странное образование. Потому что вчера еще лили помои на батьку Лукашенко, а сегодня с ним заключено политическое перемирие, основы которого мы не знаем. Но политика Белоруссии от этого не изменилась, и от своей политики Лукашенко не отойдет, мы должны это хорошо понимать.

Поэтому я опасаюсь, что прекрасная идея Таможенного союза в силу субъективных обстоятельств не приведет к тому результату, которого мы хотели бы достичь.

Россия, и об этом Сергей Вадимович Кортунов много говорил, должна быть притягательным примером для других стран. Сегодня до этого далеко, в том числе в силу тех обстоятельств, о которых говорил Владимир Михайлович Соловьев.

Сергей Кортунов пишет в своей книге, что вот уже полтораста лет Западная Европа боится России. Почему это происходит? Вот вопрос, который должен нас заботить. Наверное, потому, что мы не стали притягательным примером, что для нас стали обыденностью такие случаи, как избиение журналиста Олега Кашина, дело Политковской, а информация о подобных фактах мгновенно выплескивается за границы нашего огромного государства.

После случая с Кашиным лидер республиканского большинства в Конгрессе США сказал, что с Россией надо проводить в корне иную политику, Россию надо сдерживать именно потому, что там возможны такие случаи.

И мы с этим ничего не можем сделать по той простой причине, что господин Колокольцев нами не выбирается, а появляется неизвестно откуда. В Америке шериф выбирается, за него голосуют граждане. Мы не можем ни голосовать за господина Колокольцева, ни отозвать его. А такие дела — это те искры, из которых может возникнуть небывалый по масштабам конфликт.

Эти вопросы беспокоили Сергея Кортунова, и он написал по этому поводу, что Россия исторически всегда находила свою национальную идентичность в поле наднациональной и метаисторической парадигмы. Вот как вернуться к этой наднациональности, которая была свойственна России, что для этого сделать? Но для этого надо проводить продуманную национальную политику, которой у нас, к сожалению, нет.

Состояние элиты — это тоже тот вопрос, который глубоко затрагивается в работах Сергея Кортунова. Он пришел к выводу, что наша квазиэлита не может являться субъектом модернизации, а развитие России видится только на рельсах модернизационных процессов. Кстати, очень многое было сделано Сергеем Кортуновым для того, чтобы в концепции внешней политики появилось положение о том, что одной из приоритетных целей российской внешней политики является поддержка инновационных преобразований и поддержка конкурентоспособности страны. Это крайне важно. Но из этого должна следовать практическая политика, и он об этом тоже писал. А практическая политика предполагает, что мы должны проводить ее таким образом, чтобы выходить на рельсы партнерства с лидерами инновационного прогресса.

И здесь мы сталкиваемся с необходимостью налаживать отношения с такими странами, как США, Япония, развитые страны Европы и Южная Корея. Сергей Вадимович всегда стоял на позиции необходимости сглаживания противоречий и налаживания стратегического партнерства с США, развития широкого сотрудничества с европейскими странами.

Очень важной была его инициатива, касающаяся механизма принятия и реализации внешнеполитических решений. В этом зале обсуждался законопроект на эту тему, но, по-видимому, время его не настало. Это идея о коллегии по внешней политике и международным делам. Очень интересный ход, который мог бы организовать нашу внешнюю политику, в которой, по мнению Сергея Вадимовича, отсутствует стратегическое планирование. Это тоже одна из наших бед.

Но его дело живет, потому что есть студенты, которые у него учились, есть его учебники, книги, статьи.

И еще один интересный факт — идея евразийской роли России, этого моста между Европой и Азией, сейчас реализуется вице-президен-

том Международного союза автотранспортников с привлечением серьезных средств, организационных возможностей. И я надеюсь, что мы дождемся каких-нибудь результатов реализации той самой идеи, которую выдвигал Сергей Вадимович Кортунов.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста, Вам слово.

В.З. Дворкин. Книга Сергея Кортунова издана как учебное пособие для студентов вузов. Это не учебное пособие для студентов вузов. По этой книжке должна учиться наша квазиэлита. Мне кажется, что для студентов вузов она несколько сложна.

Я много работал с Сергеем Кортуновым — в Совете по внешней и оборонной политике, в Совете Безопасности, вообще много у меня с ним было контактов. Я писал развернутую рецензию на его монографию, которая по существу является докторской диссертацией.

Меня привлекает в его книгах то, что о хорошо известных обстоятельствах, фактах, он говорит очень ярко и выразительно. Разве мы не знаем, что Октябрьская революция (или переворот) внесла колоссальный вклад в развитие мировой истории, что капитализм стал другим, потому что испугался, увидев то, что произошло в России, и понял, что совершенно иначе надо работать с профсоюзами, с работниками. Это все хорошо известно.

Но форма глубокого анализа этого явления впечатляет.

Провал внешней политики России начиная с конца прошлого века и в начале этого века очевиден для всех. Мы рассорились со всеми республиками бывшего Советского Союза, с Западом, с Японией не можем урегулировать вопросы. Но это же надо было показать, показать дифференциацию между стратегическими целями и стратегическим планированием.

Цели есть, а как их достигать? Цели иногда лежат на поверхности. Понятно, что не нужно сбиваться, поэтому он очень объективно анализирует бредовые, на мой взгляд, идеи Дугина с евроазиатским креном. Он практически занимался вопросом стратегического планирования, пытался вывести его в русло реальности. Это тоже очень понятная проблема, которую нужно решать на основе аппарата стратегического планирования, чего, к сожалению, до сих пор добиться не удалось.

Я высоко ценю труды Сергея Вадимовича Кортунова. Его книги должны получить распространение не только среди студентов.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.А. Рубанов. Сегодняшнее мероприятие, посвященное памяти Сергея Кортунова, вещь знаменательная, а для нас печальная. И я бы сейчас заострил внимание не столько на научном качестве его книги,

сколько на его гражданском пафосе, на личных качествах, которые нашли в этой книге выражение.

Конечно, среди многих вещей, которые Сергей проговаривал, есть не только те, что он сам придумал. Просто он был организатором той самой альтернативной элиты, которая может составить интеллектуальную конкуренцию политическому слою, который сегодня занимает доминирующее положение.

Поэтому многие идеи, им проговариваемые, были концентратом тех настроений, тех идей, которые рождались в этом сообществе, а он их хорошо выражал. И надо отметить его научную честность. То, о чем "на кухне" говорят все, он один говорил открыто. Это главный момент его человеческой и научной позиции.

Если говорить о национальной идее, то не стоит для нее химеры придумывать. Национальная идея — это выражение потребности людей в какой-то духовной жизни, основанной на тех принципах, которые народом выстраданы. Правда — это одна из составляющих национальной идеи России. Те люди, что живут по правде, они и есть часть национальной элиты.

Каким образом это соотносится с политическими механизмами? Понятно, что если люди лгут сами себе, если решения принимаются на основе лжи, если нет обратной связи... Стендаль говорил, что опираться можно только на то, что сопротивляется. Это к вопросу о роли оппозиции.

Поэтому правда — это одна из главных идей нашего народа. Принятие решений "по правде" — это одно из условий реализации, воплощения национальной идеи, а с другой стороны, это принцип управления.

О качестве национальной элиты. Вы знаете, в тот период времени, 1989 год, я тоже был одним из тех, кто участвовал в подготовке закона о безопасности, на эти темы писал.

Я в 1989 году опубликовал статью на тему безопасности, в которой я пытался философски осмыслить то, что происходит в стране, и понять, куда нам двигаться. Эпиграфом я взял слова древнегреческого философа Антисфена: "Государство погибает тогда, когда оно перестает отличать своих хороших граждан от дурных". Вот, мне кажется, ответ на все вопросы по поводу национальной идеи, причин того состояния России, в котором она сегодня находится.

Я считаю, что люди, которые приходят во власть, должны быть прежде всего нравственными. Это требование относится и к экспертам. Если эксперт говорит: "Я все понимаю, но, ты же знаешь, от меня требуют...", то это не эксперт. Эксперт должен иметь мужество сказать

"нет", когда от него требуют "да". Вот Сергей Кортунов это делать умел. А если эксперт говорит "да", когда нужно сказать "нет", то это уже другая профессия.

Во многих вещах, которые сегодня происходят, мы виним политическую элиту, но в значительной мере ответственность за то, что то или иное решение было принято, лежит на ученых, экспертах, которые подкрепляли эти решения своими именами, учеными степенями, книгами.

Что касается внешнеполитических принципов. Здесь говорилось о том, что Россия склонна к универсальной миссии. Вот многие химерические идеи относительно России у меня вызывают возмущение, но идея универсализма — это не хорошо и не плохо, это факт.

Так уж получилось в силу разных обстоятельств, что универсальное мышление, открытие универсальных идей в значительной мере сосредоточено в России. Например, закон сохранения вещества — Ломоносов, периодическая таблица элементов — Менделеев. Дальше — сегодняшние математические разработки.

Это говорит о том, что у нас мозги немножко по-другому повернуты, это не хорошо и не плохо, это факт. Просто, каждая нация имеет какие-то свои особенности. Наверное, громадность территории играет свою роль в том, что у нас сформировалась широта мышления.

Вот мы говорим о реализации национальной идеи, о том, что и как делать. Так это наша особенность и наше преимущество. Другое дело, что это не осознается, не используется. Сегодня мы смотрим на Запад. Да, безусловно, там есть и свои достоинства, но мы должны видеть, что на Западе масса проблем, в том числе политических, научных. Нет в мире большей концентрации интеллекта, чем у россиян. Но дальше возникает проблема. Скажем, Перельман доказал теорему Пуанкаре, и у нас он становится предметом анекдотов, а DARPA (Агентство передовых оборонных исследовательских проектов Министерства обороны США) открывает отдел по изучению использования результатов доказательства теоремы Пуанкаре.

Таким образом, у нас есть достаточно мощный потенциал для того, чтобы дать интеллектуальный ответ миру, и Россия в состоянии быть лидером в этом плане. В этом суть нашей национальной идеи, нашего позиционирования в мире. Но чтобы народом с такими способностями управлять, чтобы его потенциал использовать, нужен другой уровень людей, принимающих властные решения.

Люди пришли управлять страной как бы на антилиберальной волне. Я не говорю, что либерализм — идея хорошая, но дело в том, что мы имели дело не с либерализмом, мы имели дело с оголтелым антикомму-

низмом. А мы теперь называем антилиберализмом то, что на самом деле им не является.

Заканчивая, хочу сказать, что в народе, в менталитете народа есть целый ряд позитивных черт, которые могут быть использованы для того, чтобы национальную идею воплотить. Эту идею народ, если уверится в ее справедливости и истинности, поддержит, и он сможет раскрыть свой потенциал. А интеллектуальная элита должна помочь народу осознать его возможности, его достоинства. И, конечно, должны быть созданы инструменты, чтобы эти идеи национального достоинства и возможности достойного развития сделать политическим фактом.

А.Г. Коваленко. Должен сказать, что уже в 1990-е годы Сергей Кортунов начал занимать определенное место в сообществе экспертов.

Мы с коллегами всегда обсуждали какие-то идеи, которые появлялись в его работах, статьях. Очень жаль, что ушел такой человек. Это был действительно патриот, который болел за страну, который переживал по поводу того, что в ней творилось. Но тяжелее всего он переживал то, что ничего не делается или делается мало, чтобы ситуацию изменить, повернуть ход вещей в другую сторону.

Эта книга действительно станет очень хорошим источником идей, а может быть, и основой для действий в дальнейшем.

Я хотел бы обратить ваше внимание на название: "Становление национальной идентичности: какая Россия нужна миру?". Вопрос, какая Россия нужна миру, кому задан? Может сложиться впечатление, что это как бы такое подобострастие, мол, давайте подумаем, какой нам сделать Россию, чтобы Запад или весь мир признали, что именно такая Россия миру нужна. Но автор в своей книге пишет, что в первую очередь мы сами должны понять, какая Россия нужна миру, а за этим стоит вопрос: какая Россия нужна нам?

Скажите, почему подобный вопрос не задается в Китае, в китайском обществе: а какой Китай нужен миру? Я уж не говорю о Соединенных Штатах, Великобритании, Франции. С другой стороны, ответ на этот вопрос кому нужен? Он нужен политическим элитам Запада или народам, которые проживают в этих странах. Получилось так, что я 11 лет прожил в Новой Зеландии

Меня поразило, что люди об СССР высказывались очень уважительно и выражали определенное недоумение: как же так у вас получилось?

Вот была такая крепкая страна. Да, было коммунистическое общество. Но это же была страна и пусть была коммунистическая идеология, но в глубине-то ее была все-таки духовность. А где она сейчас?

Мы все знаем, что произошло в 1990-е годы. Все это было начисто вымыто. Кем?

И это вечное самобичевание России... Понимаете, во всем мире только у Германии этот комплекс остался, и то его ей навязали. Почему у китайцев нет самобичевания по поводу времен китайской революции, времен Мао Цзэдуна? Они через это перешагнули, поставили новые задачи и пошли вперед.

Посмотрите: в России в 1990-е годы была вымыта духовность, на первое место вышли материальные ценности, идеалы общества потребления. И это стало причиной многих бед, даже предательства интересов Родины. Сотрудников службы безопасности можно было просто купить, потому что были вымыты основы нравственности, духовности. Мы должны это возрождать. Конечно, это важно, потому что без понятия Родины, без нравственной основы мы не построим то общество, которое хотим иметь. А сейчас многие ли способны отдать свою жизнь за Родину?

А.А. Аслаханов. Спасибо.

Пожалуйста, говорите.

Из зала. Я хочу подхватить мысль, которая была высказана в "Становлении национальной идентичности" и которая сегодня прозвучала. Это мысль о том, что наша отечественная идентичность формировалась в наднациональном поле. Вот это очень интересная вещь, это макроуровень. Ведь макроуровень не может быть реализован, если у него нет базы, подкладки. А микроуровень — это уровень личности.

Вопрос в том, где формировать ту духовность, те нравственные ценности, о которых Владимир Михайлович говорил. Вы говорите: материалистические ценности.... В Америке уже говорят: постматериалистические. Элиту американскую это уже не интересует.

Конечно у нас есть если не элита, то те истоки в молодой генерации, на которые можно опереться.

Но если говорить о массе, то где им искать питательную почву для своего становления как личности? В СМИ? В книгах? Не секрет, что они вообще ничего не читают, не смотрят телевизор. Они питаются в основном интернет-информацией, но вы же понимаете, что она очень хаотична и тенденциозна, хотя иногда только там можно получить какую-то информацию, которая противостоит официозу.

Я считаю, что ключевым звеном является система образования.

Где формировалась та элита, о которой вы говорите, бандиты эти? У них что, вообще нет образования? Откуда они взялись на нашу голову? Это же люди, которые где-то учились. Вот мне нравится понятие

"альтернативная элита", но где эту альтернативную элиту можно формировать? В какие годы обретается самоидентичность понимания смысла жизни? В студенческие годы.

То, что происходит в системе образования сегодня, лишает напрочь даже опытных преподавателей, работающих в высшей школе (я 40 с лишним лет отработала в высшей школе), возможностей как-то влиять на молодежь и формировать у нее те качества, которые хотелось бы видеть в нашем обществе в дальнейшем. И все это "благодаря" той реформе, которая навязана нам. Я понимаю, что наш Экспертный совет занимается международными делами, но образование — это ключевая вещь для формирования даже не имиджа России (имидж можно как-то слепать), а образа России, который создается глубинными средствами, в том числе через систему нашего образования.

А.А. Аслаханов. Спасибо.

Пожалуйста, Вам слово.

А.Б. Подцероб. Уход Сергея Вадимовича Кортунова из жизни — это тяжелая утрата. Я его знал только по работе в нашем Экспертном совете, и он произвел на меня очень сильное впечатление — своей преданностью России, своей честностью в оценках, суждениях.

Очень интересная у него эта книга, жаль, что она издана мизерным тиражом в 2 тысячи экземпляров.

Автор выдвигает очень правильные, хорошие идеи, особенно это касается наших отношений с Украиной, Белоруссией и, может быть, с Казахстаном. Будь у России притягательная модель развития, то совершенно по-другому складывались бы отношения с Киевом, Минском и Астаной.

Очень интересна его трактовка идеи евроазиатского моста. Это та роль, которую Россия может и должна сыграть в формировании общемировой, общечеловеческой цивилизации. Но это опять же другие проблемы, другие темы.

Мне хотелось бы вернуться к теме нашего обсуждения: какая Россия нужна миру. Я согласен с тем, что хаос, в который мы можем скатиться, ситуация развала, политической нестабильности, экономических неудач — это серьезная угроза для всего мира. Россия есть Россия. Мы сейчас, по-моему, десятое место в мире занимаем по ВНП, плюс наша территория. Но вот вопрос: осознают ли другие страны эту угрозу или радуются тому, что Россия ослабевает? Видимо, есть и те, и другие. Но мне кажется, что преобладает все же чувство недоброй радости.

Да, есть враждебность по отношению к нам. И эта враждебность объясняется, видимо, двумя объективными причинами. Первая — это

наше геополитическое положение. Понимаете, даже в урезанном виде по сравнению с тем, что было в XIX и XX веках, Россия, которая расположена на территории от Норвегии до Соединенных Штатов (я имею в виду Аляску), благодаря своему географическому положению может оказывать влияние на огромный регион. И вторая причина: мы — другие, мы — иные, мы отличаемся от Запада, у нас собственная цивилизация. Это не я выдумал, про это и Тойнби писал, и другие авторы. Понимаете, мы чужие для них, и это нужно учитывать.

И смотрите, какое к нам было отношение все время. Сначала мы — это варварская, азиатская страна, которая нависает над Европой. Затем империя зла. Сейчас мы тоже империя зла, и от нас исходит угроза хаоса для всего мира, плюс наша якобы агрессивная политика и так далее. Так, может быть, вообще не ставить вопрос так: какая Россия нужна миру? Думаю, есть достаточно влиятельные силы, которым Россия вообще не нужна. Хорошо, рассуждают они, пусть останется от России что-то вроде Владимиро-Суздальского княжества, причем пусть будет оно чьим-нибудь вассалом — не Золотой Орды, конечно, а какого-нибудь столь же мощного в современном мире государства. Наверное, такой вариант кого-то вполне устроит.

Понимаете, я не призываю к тому, чтобы опять стать осажденной крепостью, не призываю к изоляции страны. В современном мире это и невозможно. Но надо учитывать и этот аспект, он вполне реален.

И еще один момент, который затрагивал в своих работах Сергей Кортунов. Это идея коллегиальности в определении курса внешней политики. Много говорят о недостатках нашей внешней политики, которые действительно есть. Хотя в той ситуации, в которой оказалась Россия, наша дипломатия сделала все возможное, чтобы что-то сохранить из наших внешних позиций, когда экономика развалилась, армия разваливалась, рухнули все наши союзные блоки. Но это другой вопрос.

Возвращаясь к коллегиальности, следует отметить, что в советские времена такая коллегиальность существовала. Это было Политбюро, куда входили наиболее влиятельные члены ЦК КПСС. Насколько это было эффективно, другой вопрос. Но когда рухнула эта система, от коллегиальности отказались. Потом попытались устранить этот недостаток. При Ельцине был принят указ о руководящей и направляющей роли МИД России в вопросах внешней политики. Министерство пыталось как-то координировать позиции других ведомств, но ничего из этого не получалось — механизма воздействия на другие ведомства не было создано.

А вот у американцев такой орган есть — это Совет национальной безопасности США. Он не очень хорошо справляется со стратегическим планированием внешней политики, но на тактическом уровне действует достаточно эффективно. И поэтому, с моей точки зрения, возврат к коллегиальности в какой-то новой форме в решении вопросов внешнеполитического планирования, особенно планирования стратегического, просто необходим.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста, Вам слово.

М.В. Фомин. У Сергея Вадимовича Кортунова в его книге рефреном идет вопрос, какая Россия нужна миру. Я вспомнил доклад, подготовленный Центром развития концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании под редакцией генерал-майора Пола Ньютона. Доклад называется "Глобальные и стратегические тенденции до 2040 года". До 2025 года идет период стратегических шоков. Дальше ресурсы и экономика идут в альтернативный вариант, а общество, политика и технологические вопросы — в вероятностный. То есть они не дают никаких четких концепций того, что будет дальше.

Но они пришли к выводу, что общество ведущих стран мира должно прийти к самоограничению, чтобы эти страны оставались ведущими. Что касается России, то в прогнозе говорится: если Россия вернется на ведущие технологические позиции, которые занимала когда-то, то экономика России имеет возможность стать к 2040 году ведущей экономикой стран Европы. Это говорят британцы в своем докладе.

Поэтому, возможно, в следующем году имеет смысл сделать агрегацию докладов, подготовленных в разных странах мира, и сделать какие-то выводы о том, какая Россия нужна миру, в ретроспективном и прогностическом варианте.

А.А. Аслаханов. Хорошее предложение, интересная информация. При подготовке плана работы Экспертного совета на будущий год надо учесть это.

Мы сейчас с болью и одновременно с гордостью говорили о высоком профессионализме и эрудиции С.В. Кортунова, который болел за ситуацию в стране, хорошо знал проблемы, которыми по своему профилю занимался, давал аргументированные, глубоко проработанные, конкретные предложения. И мы в дальнейшем можем опираться на его работы.

Пожалуйста, Вам слово.

М.Г. Денисов. Хочу тоже сказать, что уход Сергея Вадимовича Кортунова был для нас большим ударом, шоком.

Хотел поделиться вот какими впечатлениями. В конце лета, когда горели леса, мы с товарищем ехали на машине от Москвы до Киева. Проезжаем Калужскую область, там дельный губернатор Анатолий Артамонов.

Вокруг Калуги и в самом городе оживление, видно, что строятся предприятия, жизнь идет. Но стоит оказаться в Брянской области, а это по трассе где-то порядка 700 километров до границы с Украиной, такое впечатление, что нейтронная война прошла. Нет ни людей, ни воробьев, ни кошек, ни строений, ни остановок, все перевернуто. Дорога разбита так, что кажется, ее только что разбомбили самолеты... Это центральная трасса, которая связывает Москву с Киевом.

Переезжаешь на украинскую территорию — все поля засеяны, цветет подсолнечник. Местные жители говорили, что если поля не будут засеяны, у арендаторов земли будут изъяты. Шикарный автобан идет от границы до Киева. Поместья бывших местных князей восстановлены, работают придорожные кафе, рестораны. В селах свет, музыка играет, люди гуляют, причем не пьяные, много молодежи. И эту республику мы называем не очень благополучной... На Украине тоже, конечно, по-разному бывает, но наше представление о том, что они живут плохо, поскольку обделены природными ресурсами, газом и прочим... Вот в России огромные территории подвергаются просто депопуляции. Страшное впечатление. Даже милиции нет на протяжении нескольких сот километров, потому что людей нет. Редкая машина попадается на центральной трассе, которая связывает столицы двух государств и по которой транспортный поток должен идти.

Вчера во время интервью такие вопросы задавались премьеру, это были просто вопли отчаяния. Из шахтерского поселка задавали такой вопрос, говорили, что у них вторая Чечня — в том плане, что все разбито или ликвидировано, люди брошены.

Понимаете, не может быть в стране территорий, причем огромных, до которых никому дела нет. Там ведь люди живут. И когда мы спрашиваем, откуда берутся экстремисты... Вы просто представьте, что живете на такой территории, где жить невозможно. В любой момент с вами может случиться все что угодно: вы окажетесь без отопления, без медицинской помощи... Это всё происходит в XXI веке, в огромной стране, которая добыла в прошлом году более 400 млн. тонн нефти, из них больше половины экспортировала. Мы экспортируем нефти, наверное, больше, чем Саудовская Аравия, и с учетом этих условий диагноз может быть поставлен один — это потеря управляемости страной. При этом огульное осуждение всего того, что было достигнуто за предыдущие сто-

летия — и при царе, и при большевиках, в годы советской власти. Плохие ли были политические условия, хорошие ли, народ жил, работал, и были колоссальные достижения, нельзя их сбрасывать со счетов, отвергать их и предлагать такие варианты, которые полностью отрицают предыдущие этапы исторического развития страны.

Вот взять вопрос стратегического планирования, управляемости страны, о чем много говорил и писал Сергей Кортунов. "Единая Россия" называет себя правящей партией, влияет на выработку политического курса страны и, в общем-то, не отрицает, что несет политическую ответственность за то, что происходит в стране. Но где же на деле руководящая и направляющая роль партии?

В передаче "Судите сами", посвященной событиям на Манежной площади, выступал господин Воробьев от "Единой России". Кроме того, что надо всех поймать и жестко наказать, человек ничего предложить не смог. Хотя другие представители "Единой России", помоложе и не такие, видимо, подготовленные, как господин Воробьев, говорили, что это явление — результат той социально-экономической ситуации, которая сложилась в стране. Того страшного, продолжающегося из года в год процесса вырождения народа.

Мы говорим, что основными причинами роста национализма и экстремизма на Северном Кавказе является невыносимая социальная обстановка, что у людей, у молодежи нет работы. Они все идут в криминальный бизнес, а чем еще они могут заниматься? Они занимаются и наркотрафиком, это всем известно.

Но главное в том, что из года в год ситуация не меняется, и перспектив, что положение улучшится, не видно. И не видно руководящей и направляющей роли партии. Вот в послевоенные годы, когда ситуация, думаю, была не намного легче и лучше, и нефти не столько добывалось, и разруха колоссальная, и столько людей погибло, но все-таки партия смогла поднять людей на восстановление страны, даже при том режиме со всеми его ужасными и отвратительными чертами.

А почему смогли это сделать? Потому, что при этом ужасном режиме были такие понятия, как стратегическое планирование, определенные цели и установки, что государство уделяло внимание и промышленности, и сельскому хозяйству и не снимало с себя за это ответственность. И не говорили: давайте отдадим все рынку, частному собственнику и посмотрим, что из этого выйдет. Ведь частного собственника надо выращивать, ему надо создавать благоприятные условия, заботиться о нем.

Если мы говорим о капитализме, то надо же изучать, как он строился. У нас в начале 1990-х годов решили: отдадим все в рынок, а рынок сам рассудит. Но не создали абсолютно никаких условий для этого рынка. И тут же появился криминал. А как же ему не появиться, если государство с себя сняло всю ответственность за развитие страны и прекратило что-либо регулировать.

Поэтому я абсолютно согласен с тем, что крайности, непродуманность определенных решений могут быть чрезвычайно губительны.

И последнее, что я хотел сказать. Вот 1914 год — подъем в стране — экономический и моральный — в связи с началом войны с Германией. Казалось, что Россия сейчас захватит проливы (и она уже к этому готовилась) и будет сверхдержавой. А потом раз за разом поражения на фронте, и к 1916 году — развал страны, разброд и шатания. Хотя экономически Россия была не истощена, и голод, в общем-то, ей не грозил, были правда, перебои в поставках хлеба. Но ситуацию довели до того, что царь вынужден был отречься. Но не только это было причиной. Почему все-таки Николай II отрекся от престола и почему высшее общество поддержало это отречение? А было все очень просто. Сами члены царской фамилии говорили о том, что Романовы смертельно надоели обществу, народу, что они не могли руководить страной. В результате это и произошло.

А вспомните времена Михаила Сергеевича Горбачева. Ну ничего не было такого уж страшного, не было изнурительной войны. Да, были конфликты, были неприятности, но вот суметь за недолгий срок (особенно за два последних года — 1989 и 1990 годы) довести страну до голода и до полной разрухи...

Я это называю синдромом потери управления, синдромом Николая II. И очень страшно, что после 20 лет существования новой России у нас периодически происходят такие вещи, которые сильно напоминают тенденции, имевшие место в прошлом. А вот насчет правды... Думаю, Советский Союз развалился еще и потому, что сама партия, сами люди уже привыкли говорить то, что не соответствовало действительности, жить по двойной морали, жить "не по правде", восхвалять человека, который был абсолютно не способен к руководству страной.

А.А. Аслаханов. Спасибо. На этом заканчиваем обсуждение первого вопроса.

9.2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2010 ГОДА

(Из стенограммы заседания от 17 декабря 2010 года)

А.А. Аслаханов. Переходим ко второму вопросу. Пожалуйста, Алексей Георгиевич.

А.Г. Коваленко. Я постараюсь коротко рассказать о внешнеполитических итогах этого года.

Знаменитая утечка через сайт WikiLeaks привнесла новое не только в какие-то технологические вещи и подходы в дипломатии, в международных отношениях, но и в понимание того, как эта дипломатия делалась, кем она делалась, какими руками и с какими целями.

В связи с этим и наш Президент, и Председатель Правительства высказались по поводу циничности и лицемерия западной дипломатии, когда они говорят одно, делают другое, а имеют в виду третье. Но здесь можно посмотреть и на техническую сторону. В США с их высоким технологическим развитием, развитием информационных технологий, секретностью, закрытостью, доведенными, казалось бы, до высшей степени отлаженности, вдруг такое... Какие-то программисты смогли вскрыть систему высокой степени защищенности. Но там мало опубликовано материалов о России, взятых из российских дипломатических источников.

Но вот проблема, которая встанет в будущем, над ней нужно задуматься. Подходы дипломатии западного мира к решению вопросов ставят перед нашей дипломатией задачу, как воспринимать те или иные действия Запада.

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

Из зала. Что можно сказать о внешнеполитических итогах года. Есть позитивные результаты, чему мы рады. Подписан договор по СНВ. Прошел саммит по ядерной безопасности, в котором активное участие принимала Россия. Прошла в мае конференция по договору о нераспространении ядерного оружия, на которой ядерная угроза со стороны терроризма признана приоритетной.

Из зала. Я два слова скажу. Мне кажется, основным итогом внешней политики этого года является то, что наша политика отличалась противоречивостью и двойственностью. С одной стороны, она доходила до степени угодничества, с другой стороны — до высшей степени хамства. И такая ситуация, конечно, ставит наших партнеров в тупик. Полная непредсказуемость. Конечно, встает вопрос о том, что, возможно, два лидера страны не могут договориться...

На самом деле здесь проблемы гораздо крупнее. Мы говорили о квазиэлите. Мне кажется, что квазиэлита и есть настоящий правящий класс в стране. Они, конечно, классифицируются по определенным категориям. Одна группа ассоциирует себя с Западом и продвигает свои интересы в этом направлении.

Вторая группа делает ставку на автаркию, на решение внутренних проблем этим способом, которым она до сих пор их решает, то есть зарплату в кризисной ситуации повышать не учителям, а ОМОНу. Мне кажется, этот раскол элиты становится на сегодняшний день очевидным для всего мира. Действительно, внешняя политика начинается дома, а из дома конфликт, который зреет в верхних слоях с разными интересами, уже вываливается наружу. Это главный неприятный итог.

Далее. Вот мы здесь говорим о национальной идее. Знаете, все начинается с мелочей. Я в какой-то мере посвящен в проект "Сколково". Никто не отрицает, что сама идея модернизации, связей с Западом чрезвычайно важна. У нас есть что взять и что реализовать.

Но вот такая "мелочь". Иностранный участник проекта подает заявку на английском языке, на русском не обязательно. Но русский участник не может не подать заявку на английском языке. Вот это и есть суверенитет по-нашему. Для России, внутри России — все равно пиши на английском языке.

Понимаете, мы не можем избежать крайностей. Ключевский в свое время говорил, что у нас роль социальности слаба, мы то в духовность, то в материальность впадаем. И во внешней политике это тоже проявляется — мы все время балансируем между святостью и свинством. Как мне кажется, это результат отсутствия институтов сдержек и противовесов во власти... Она либо пугается реакции народа и одну линию гнет, либо, наоборот, охамеет и другую линию гнет. А вот отсутствие механизма, который интересы большинства учитывал бы, и приводит к тому, что наверху разные кланы дерутся, и все это вываливается наружу, а в таких условиях у власти никакого авторитета, конечно, не будет.

Поэтому, мне кажется, главная задача состоит в том, чтобы навести порядок внутри страны, чтобы достичь консолидации, более или менее понять, кто уважает национальные интересы и кто не уважает национальные интересы. Без этого не будет нормальной внешней политики.

А.А. Аслаханов. Владимир Михайлович, пожалуйста.

В.М. Соловьев. Тезисы, с которыми мои коллеги выступили, касаются и ситуации внутри страны. В этом контексте мне хотелось бы напомнить выступление посла Швейцарии, обратить внимание на главные моменты его сообщения. Он начал выступление с цитирования раз-

делов Конституции Швейцарской Конфедерации, где четко определены пять основных принципов поведения швейцарской элиты, определены национальные интересы, защита суверенитета страны провозглашена высшей целью международной деятельности. Для обеспечения этого, сказал швейцарский посол, нужна сильная дипломатия, сильная внешняя политика. И мы, с гордостью подчеркнул он, имеем такую дипломатию и такую внешнюю политику.

Я согласен с Владимиром Зиновьевичем Дворкиным, который оценил внешнюю политику России после развала Советского Союза как провал.

Прекрасно понимаю моего друга Алексея Подцероба, который не мог не защитить честь мундира и сказал, что не так уж все было плохо...

Мне пришлось, и неоднократно, участвовать в разного рода внешнеполитических акциях, конкретных политических операциях, которые проводились в последние десятилетия на международной арене новым руководством страны. С одной стороны, констатируем провал курса, с другой стороны, говорим, что провал не до конца...

И тот и другой тезисы имеют право на существование, поскольку в стратегическом плане, конечно же, это провал, здесь даже и спорить не о чем. А в оперативном, тактическом плане есть определенные не то что достижения... Просто хорошо уже то, что мы не оказались в еще более худшем положении — отброшенными на задний план, среди стран, не входящих в число ведущих международных игроков.

Это показали ход урегулирования конфликтов вокруг Ирана и Ирака и особенно балканский кризис. Если бы не участие нашей военной бригады в операции, которая вообще-то проходила под эгидой НАТО, ситуация на Балканах была бы неуправляемой. И Сербия не сохранилась бы в том виде, в каком она пока существует. Хотелось бы напомнить, что это единственная балканская страна, которая остается вне рамок НАТО и проводит стратегически дружественный курс в отношении России. Другое дело, что Россия использует эти возможности не полностью.

Ситуация там в целом намного сложнее, чем те однозначные определения, которые ей даются. Но благодаря тому, что в тот период в составе российских делегаций оказались такие люди, как Сергей Вадимович Кортунов и другие, что целая команда сложилась в годы балканского кризиса вокруг Секретаря Совета Безопасности Олега Ивановича Лобова и Юрия Михайловича Батурина, занимавшего посты в Администрации Президента, мы смогли удержать наши позиции.

Другая группа из окружения российского Президента (не буду называть фамилии) добилась заключения неоднозначного Дейтонского соглашения по урегулированию балканского кризиса. Ситуация на Балканах могла бы быть более сбалансированной, нежели та, какой она сложилась в результате этого соглашения.

Возвращаясь к 2010 году, его внешнеполитическим итогам, хотелось бы назвать основные вехи этого года для России. Это провозглашенная перезагрузка в российско-американских отношениях. Состоялась ли она, однозначного ответа дать нельзя. Но и говорить о том, что "все плохо", тоже нельзя.

В настоящее время происходит процесс ратификации СНВ в американском Сенате. Это говорит о том, что в целом выбрана правильная линия в отношениях между президентами Обамой и Медведевым. Собственно, это единственный путь, по которому мы должны идти, чтобы достигать тех целей, которые провозглашаем на международной арене. И это одна из главных составляющих нашего курса в международной политике.

В этом контексте нельзя только об американцах говорить. А где наши, российские дискуссии по этому жизненно важному для национальных интересов России вопросу — в прессе, на телевидении, в экспертном сообществе? Почему мы не даем позитивные сигналы и козыри для сторонников ратификации договора в Америке? Мы замолкли и ждем, что произойдет в Америке, а потом — отмашка, и проголосуем большинством в Госдуме.

Это, на мой взгляд, показатель незрелости не только нашего общества. Это во многом отражает ситуацию внутри страны. Швейцарский посол говорил о неразрывности внутренней и внешней политики государства. Невозможно быть успешным во внешней политике, особенно в дипломатии, без поддержки внутри страны. А дипломатия — сфера настолько специфическая и необычная, что там не может быть честных и нечестных, это — игра! Дипломатия — это особая материя, и говорить о том, что, например, WikiLeaks что-то плохое вскрыл, совершенно неверно.

Далее — саммит НАТО в Лиссабоне, Португалия. Здесь мы больше упираем на то, что договорились на уровне руководства. На самом деле в доктрине НАТО Россия провозглашена как страна, продолжающая представлять угрозу. И мы снова начинаем нагнетать обстановку неверия, говорить о том, что нас обманывают... Это настолько нелепые, "детские" разговоры, что каждый раз вспоминаешь известные слова Александра III, что у России только два союзника — Армия и Флот. Всё

остальное — в зависимости от ситуации! Иван Грозный говорил, что "будут нас и уважать и признают, если будем сильными!" Поэтому в первую очередь надо делать упор на то, что перед всем международным сообществом руководство НАТО заявило: "Россия — стратегический партнер!", "Россия не представляет угрозы!" И это надо брать на вооружение. А то, что они в своих закрытых документах записали не совсем нравящееся нам положение... Если мы будем постоянно делать оговорки, то вообще в международных делах не продвинемся "в позитив" ни на йоту.

Далее. Состоялся саммит ОБСЕ в Астане. С сожалением приходится констатировать, что, по сути, ничего конкретного, обязывающего не было достигнуто, одна политическая декларация, снова только "бумага".

Вместе с тем нельзя делать упор на негатив. Призываю перестроиться и делать упор на позитив. Но не надо быть идеалистами, надо смотреть в глаза реалиям. А если не будем делать упор на позитив, не будет нормального развития ни во внешней политике, ни внутри страны.

Да, надо говорить открыто о негативе, о том, что мы пока слабые, многое не можем делать, как нам хотелось бы, но у нас немало и хорошего.

И надо позитивный опыт распространять, закреплять, информировать о нем общество.

Далее. Создание Таможенного союза тремя странами СНГ — это успех!

Готовятся переговоры с рядом европейских стран о подписании соглашения в 2011 году о бестаможенной торговле между членами Таможенного союза — Россией, Белоруссией, Казахстаном — и Швейцарией, Люксембургом, Лихтенштейном и Норвегией, это четыре страны, входящие в Европейскую ассоциацию свободной торговли.

Вы можете сказать, что это небольшие страны. Я не соглашусь с такой точкой зрения. Одна Швейцария вносит в научно-технический прогресс огромный вклад, не говорю уже про финансовую сферу, где она играет огромную роль.

Далее. Нераспространение ядерного оружия. В настоящее время это одна из самых кризисных тем в мире.

А как Россия участвовала в решении региональных конфликтов на пространстве бывшего Советского Союза? Любой региональный конфликт — это открытая дверь для незаконного распространения ядерного оружия. И это имеет место на пространстве бывшего Союза. Это потенциальные источники распространения средств массового поражения. И необязательно это ядерное оружие.

Мы себя часто критикуем и пессимистически смотрим на итоги работы Экспертного совета. А между прочим, работу нашего Экспертного совета в этом году мы начали с рассмотрения темы национальной элиты. Посмотрите, насколько актуальна эта тема. С великолепным докладом по этой теме выступил профессор Ашин из МГИМО, наш эксперт.

Нам нужно также обсудить тематику либеральной модели развития общества в международном измерении. Использовать прежнюю, либеральную модель развития государства, тем более такого огромного и специфического, каким является Россия, это по меньшей мере показатель необразованности.

Хотелось бы, однако, закончить заседание на оптимистической ноте. Благодарю всех за активное участие в работе Экспертного совета. Спасибо вам за ваш вклад в общую работу!

А.А. Аслаханов. Пожалуйста.

В.Ф. Сычев. Я хочу сказать, что в советское время я читал лекции в Индии, Непале, Малайзии, Сингапуре, на Цейлоне, в Индонезии. И теперь меня зовут выступить в этих странах. А после выступлений мне говорят: "Мы очень надеемся, что твоя страна восстановится, потому что для нас Советский Союз был самым лучшим гарантом и образцом для развития".

А.А. Аслаханов. Спасибо за информацию.

Коллеги, будем заканчивать работу. Хотел бы подвести итоги. Должен отметить, что в Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам входят ученые высокого уровня, обладающие энциклопедическими знаниями, готовые работать в интересах Совета Федерации и Российской Федерации в целом.

В прошлом вы справедливо поднимали вопрос об участии в законотворческой деятельности. Я дал поручение размножить для раздачи вам план законопроектных работ, чтобы каждый из Вас мог высказать свои предложения.

А теперь, уважаемые коллеги, позвольте всех вас поздравить с наступающим Новым годом и пожелать, чтобы мы в новом году больше говорили о достижениях, а не о недостатках и упущениях. Всего самого хорошего! До встречи в 2011 году.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ
заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам

Болотникова О.Р.	—	аспирантка Государственного университета — Высшей школы экономики
Васильев А.В.	—	Посол по особым поручениям МИД России
Вершинин С.В.	—	директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России
Воронков В.И.	—	директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России
Галузин М.Ю.	—	директор Третьего департамента Азии МИД России
Гатилов Г.М.	—	директор Департамента международных организаций МИД России
Горелик А.С.	—	директор Информационного центра ООН в Москве
Даниэлов М.Г.	—	директор дагестанского филиала Геофизической службы РАН
Дульян А.Г.	—	заместитель директора Историко-документального департамента МИД России
Евстигнеев В.Р.	—	заведующий кафедрой международных отношений Государственного университета — Высшей школы экономики
Захаров В.	—	Центр кавказских исследований МГИМО (У) МИД России
Кравченко В.Ю.	—	советник отдела национальной безопасности Аналитического управления Аппарата Совета Федерации
Лихачев В.Н.	—	заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам
Мирский Г.И.	—	профессор кафедры мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор исторических наук
Нефляшева Н.А.	—	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Олейник Г.Д.	—	председатель Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов
Попов В.В.	—	директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД России
Симоньян Р.Х.	—	руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН
Шувалов К.В.	—	Посол по особым поручениям, специальный представитель МИД России по взаимодействию с "Альянсом цивилизаций"
Язькова А.А.	—	главный научный сотрудник Центра институтов взаимодействия государства и экономики, доктор исторических наук, профессор
Ярошенко Л.А.	—	аспирантка кафедры мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики

Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Сборник материалов
заседаний Экспертного совета
Комитета совета Федерации
по международным делам
2010 год

Материалы представлены
Комитетом Совета Федерации по международным делам

Редактор *Н.В. Ильина*

Корректоры: *И.Н. Егорова*
Л.Г. Станкевич
И.В. Шумская

Компьютерная верстка: *В.А. Тимофеева*

Оригинал-макет подготовлен Издательским отделом
Управления информационного и документационного обеспечения
Аппарата Совета Федерации

Подписано в печать 24.08.2011. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 29,08. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в отделе подготовки и тиражирования документов
Управления информационного и документационного обеспечения
Аппарата Совета Федерации